QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

The Russian Word of the Year: 2015

Chekhov's Sakhalin Island

De Gaulle's Visit to the USSR

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 4

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА
2015

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 4

Уральский федеральный университет

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 4

http://qr.urfu.ru

Ural Federal University

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь, сентябрь, декабрь)

•

Учредитель – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

•

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

•

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: http://qr.urfu.ru

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June, September, December)

•

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia

•

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

•

"Quaestio Rossica" is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia's culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal's website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's website: http://qr.urfu.ru

Журнал индексируется в *Web of Science, Scopus.*

INDEXED IN EMERGING SOURCES CITATION INDEX THOMSON REUTERS

The journal is indexed in *Web of Science, Scopus.*

•

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

•

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

•

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 4

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); PhD **James M. White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Reviews Section Editor: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Lead Translator: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Secretary Associate: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station,Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 4

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); п*о культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); редактор перевода: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сиэтл, Университет Восточного Вашингтона); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Vox redactoris

Larisa Soboleva, James White. Russian Philology and History in the Context of Dialogue [in English, in Russian] 7

Scientia et Vita

Sergei Zhuk. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2) [in English, in Russian] 19

Problema Voluminis

Остров Сахалин Антона Чехова

Руслан Ахметшин. К истокам замысла сахалинского путешествия А. П. Чехова 49

Елена Созина. «Жесткий арестантский халат» в «беллетристическом гардеробе» А. П. Чехова: «Остров Сахалин» 64

Фульвио Франчи. Сахалинский опыт в творчестве Чехова 84

Русский филологический мир в интерконтексте

Райхан Туксаитова. Русский язык в мультикультурном пространстве Казахстана: государственная политика и общественные настроения 94

Борис Норман, Анна Плотникова. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке 107

Арто Мустайоки, Гарри Вальтер, Ирина Вепрева. Феномен актуального слова 2015 года 121

Alexander Shunkov, Irina Yurtaeva. Dostoevsky and Tokarzewski: Two Sides of the Same Plot Model 134

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva, James White. Russian Philology and History in the Context of Dialogue [in English, in Russian] 7

Scientia et Vita

Sergei Zhuk. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2) [in English, in Russian] 19

Problema Voluminis

Anton Chekhov's Sakhalin Island

Ruslan Akhmetshin. On the Sources of Chekhov's Journey to Sakhalin 49

Elena Sozina. Prison Uniforms in A. P. Chekhov's "Fictional Wardrobe": *Sakhalin Island* 64

Fulvio Franchi. The Experience of Sakhalin in Chekhov's Works . . .84

The Russian Philological World in International Context

Raikhan Tuksaitova. The Russian Language in the Multicultural Space of Kazakhstan: State Policy and Public Mood 94

Boris Norman, Anna Plotnikova. Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures 107

Arto Mustajoki, Harry Walter, Irina Vepreva. Word of the Year 2015 121

Alexander Shunkov, Irina Yurtaeva. Dostoevsky and Tokarzewski: Two Sides of the Same Plot Model 134

СОДЕРЖАНИЕ

Oleg Donskikh. Waves of Infinity in the Goblet of Imagination. . . . 148

Asuta Yamaji. Russian Poets on Death and the Dead 162

Христианство: диссидентство и конформизм

Джеймс М. Уайт. Единоверие и концепция конфессионализации: дискурсивные замечания 177

Елена Главацкая, Надежда Попова. Российский религиозный нонконформизм в конце XIX – первой четверти XX в.: баптисты и евангельские христиане Урала 190

Gunnar Thorvaldsen. Religiosity from Russia to Norway: the Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries 207

CONTENTS

Oleg Donskikh. Waves of Infinity in the Goblet of Imagination. . . . 148

Asuta Yamaji. Russian Poets on Death and the Dead 162

Christianity: Dissent and Conformity

James M. White. Edinoverie and the Concept of Confessionalisation: Discursive Remarks 177

Elena Glavatskaya, Nadezhda Popova. Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals 190

Gunnar Thorvaldsen. Religiosity from Russia to Norway: the Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries 207

Disputatio

Владимир Земцов. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога (часть 2). 223

Татьяна Яковлева. Пространство торговли в Красноярске во второй половине XIX – начале XX в.: диалог торговцев и власти. 243

Михаил Липкин. Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 гг. . . . 261

Vladimir Zemtsov. Moscow under Napoleon: Social Experience of Cross-Cultural Dialogue (Part 2) 223

Tatiana Yakovleva. Trade Space in Krasnoyarsk in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Dialogue between the Authorities and Traders. . . . 243

Mikhail Lipkin. Charles de Gaulle's Visit to the Soviet Union and Moscow's International Policy Strategy between 1966 and 1969 261

Recensiones

Леонид Быков. Взгляд с Востока . . . 277

Константин Бугров, Михаил Киселев. Есть ли место демократии из России?. 286

Об авторах 298

Сокращения 304

Leonid Bykov. A View from the East. . 277

Konstantin Bugrov, Mikhail Kiselev. Is There a Place for Democracy from Russia? 286

On the Authors. 298

Abbreviations 304

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2016.4.188

RUSSIAN PHILOLOGY AND HISTORY IN THE CONTEXT OF DIALGUE

At the heart of many of the articles in this fourth issue of *Quaestio Rossica* is dialogue, such as that between cultures, authors, oeuvres, and different social institutions. Despite the fact that unequal power relations affect the forms and results of dialogue, it is always necessary to remember that it offers not only an opportunity for different groups to express their interests, but also to achieve mutual agreement.

We open with the section *Scientia et Vitae*, where we continue to publish *Sergei Zhuk's* (Muncie, USA) essay on the remarkable Russian Americanist N. Bolkhovitinov. The latter's first visit to America in 1968 revealed to him not only an alien country, but also his own identity, thus strengthening his connections with those closest to him and giving him the courage to continue his scholarly work. The first part of this essay, based on documents from the personal archives of both Zhuk and Bolkhovitinov, was published in the second issue of *QR* earlier this year.

We have dedicated the *Problema Voluminis* section to Sakhalin Island, one of the most distant parts of Russia's territory. It has always attracted the attention of writers not only because it is a border territory marking the end of the Russian state, but also because it is a land where people have been subjected to moral tests that reveal the essence of their humanity. The visit of Anton Chekhov, a writer whose absolute moral compass acted as a guide to Russian society at the end of the 19th century, was a kind of crescendo in descriptions of the suffering of the people on Sakhalin.

The article by *Ruslan Akhmetshin* (Moscow) about the preparation that Chekhov took before his trip to Sakhalin uses information from a bibliographical list that the author composed prior to his departure. It is demonstrated that the list is connected to the choices the writer made when it came to designing the artistic style of his future work. For *Elena Sozina* (Yekaterinburg), the 'prison uniform' worn by Sakhalin inmates functions as a metaphor, much like Gogol's overcoat. It leads the reader to the main themes of Chekhov's description: the part played by prisoners in the process of colonisation and the sources of the problems they encountered. Chekhov's multisided position, which is demonstrated by how the involuntary 'imperialist' context of his narrative is combined with severe criticism of the justice system and the echoes of serfdom on the island, opens up new perspectives for research. *Fulvio Franchi* (Buenos Aires, Argentina), meanwhile, looks at how Chekhov's Sakhlin experience defined the atmosphere of his later works and how his pathos was reflected in Russian literature.

The essays in *The Russian Philological World in International Context* compare literary artefacts and linguistic phenomena that, while 'genetically' distinct, are functionally and aesthetically similar. The problem of the place of Russian language and culture in the territories of the former Soviet Union, today a zone of conflict between the interests of the population and the ambitions of politicians, remains relevant: here, the multidimensional experiences and lessons of historical developments are important.

Professor *Raikhan Tuksaitova* (Astana, Kazakhstan) thus looks at the Russian language in Kazakhstan. While not ignoring contradictions, he analyses the policy of the state authorities optimistically and connects them with popular sentiment. *Boris Norman* (Minsk, Belarus) and *Anna Plotnikova* (Yekaterinburg, Russia) then consider the embodiment in the Russian language of models of social self-identification and self-presentation, which are connected with strategies of spoken behaviour. The authors examine metaphorical expressions and statements containing positive representations of social status, reviewing those spoken forms and genres that force the speaker to form their own personal 'I'.

The community of specialists formed by *Arto Mustajoki* (Helsinki, Finland), *Harry Walter* (Greifswald, Germany), and *Irina Vepreva* (Yekaterinburg) offers some observations on the 'word of the year' from 2015. Expressed as vivid and easily recognisable nominative units and thematic series that model semantic dominants, the 'word of the year' is a kind of brand identity for a particular *annum*. Such allows us to more palpably understand painful points in national consciousness and the important vectors of development in the present and future.

According to *Aleksandr Shunkov* and *Irinia Jurtaeva* (Kemerovo), the fact that both Fyodor Dostoyevsky and Szymon Tokarzewski turned to the same plot model to describe the Siberian *katorga* can be explained by their biographical circumstances. The poetics of these texts are connected with 'archetypical projections' of mythologisation or demythologisation: this was defined not only the artistic particularities of these writers, but also the national specificities of their relationships with the sacred world.

In an article metaphorically entitled 'Waves of Infinity in the Goblet of Imagination', *Oleg Donskikh* (Novosibirsk) looks at the similarities and differences in the understanding of infinity in the works of Fedor Tiutchev and William Blake. This is essential for understanding global movements in literature and the metaphorical conceptualisation of philosophical categories. The treatment of the phenomenon of death in Russian poetry is considered by the philologist *Asuta Yamaji* (Nagoya, Japan). He examines the symbolic details and stages in the evolution of the image of death in the Russian literary tradition.

On the theme of *Christianity: Dissent and Conformity*, we offer three articles. Religious confession was one of the major bases for organising

the governance of the Russian Empire (the other was social estate). By the mid-nineteenth century, the empire had become an extremely diverse polity in confessional terms. Its expansion during the 18th and early 19th centuries had brought large numbers of Catholics, Lutherans, Muslims, Jews, Buddhists, and polytheists under the aegis of the tsar. The religion to which a community belonged determined the number and type of privileges and limitations that were imposed upon it: equally, the state sought to assert administrative control over religious authorities and institutions to guarantee loyalty, maximise tax revenue, and obtain conscripts. Nonetheless, the Russian Empire was an officially Orthodox state which supported the Church and its missionary endeavours. As such, the state was caught in a paradox: should it tolerate religious heterogeneity or push for confessional homogeneity? The articles in this section show that small confessional groups often subjected the policy of the empire to a real test.

The British historian *James White* (Yekaterinburg) examines *edinoverie*, a state-backed attempt to draw the Old Believers back to the Orthodox Church by allowing them to maintain their pre-reform liturgy after conversion. In order to better understand the reforms of this movement undertaken in the early 20th century, White suggests utilising the concept of confessionalisation as developed by German historians. He concludes that understanding edinoverie reform in terms of confessionalisation can open up valuable grounds for examining the effects of religious plurality on both the official Church and more marginal groups.

In their article, *Elena Glavatskaya* and *Nadezhda Popova* (Yekaterinburg) note that although Evangelical Christianity arrived later in the Urals than elsewhere in the Russian Empire, it arose for largely the same reasons: it offered an alternative form of worship focused on lay voluntarism and leadership, which was especially attractive to those with a relatively high level of literacy. Nonetheless, the demographic sketch that Glavatskaya and Popova provide demonstrates that this form of nonconformity had only a marginal presence in the region. Ultimately, it also proved short lived: with the rise of militant atheism, Evangelical Christianity was driven to the brink of the extinction.

Anti-semitic violence started to become a serious problem in the late 19th century: these pogroms, combined with a policy of encouraging Jewish emigration, led to the emergence of a global diaspora. *Gunnar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway) considers how, after the repeal of the prohibition against Jewish settlement in Norway in 1851, Jewish groups emerged in the south of the country, especially in Oslo, where they mostly occupied themselves with trade. There was also an Orthodox diaspora in 19th-century Norway, predominantly in the form of Sami converts. While the author ultimately concludes that neither Orthodoxy nor Judaism proved attractive to native Norwegians, the demographic dynamics of these diasporic groups provide an interesting narrative of cross-border religious and ethnic diversity.

The works in the *Disputatio* section deal with a wide range of historical topics spread over a considerable chronological period. Traditionally, historiography on Russia neglects dialogue, instead presenting arbitrary authorities, be they imperial or Soviet, making unilateral demands on a mostly passive population which either submissively accedes or violently rebels. The focus on dialogue in various contexts offered in the following pieces is an invaluable remedy to this general picture, demonstrating both that dialogue existed and that it conditioned relationships in surprising ways that had enduring historical legacies.

We open the section with the continuation of *Vladimir Zemtsov's* (Yekaterinburg) *Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cultural Dialogue*. Beginning with the great fire that laid waste to much of Russia's ancient capital in 1812, Zemtsov considers how this terrible tragedy altered the trajectory of sociocultural relations between Moscow's remaining Russian residents and the occupying French army. It is shown that dialogue with the occupiers following the fire was very much dependent on one's position within the Russian Empire's social structure. However, regardless of the forms it took, this inter-social and inter-cultural experience had a long-lasting impact on both the Russians and French, continuing to shape expectations and narratives deep into the future.

Tatiana Yakovleva (Moscow) examines urban development in the large Siberian city of Krasnoiarsk at the end of the imperial era. The state hoped to control this space in order to improve its administrative control over local denizens and create a 'civilised' city, while merchants, traders, and artisans sought openness in order to facilitate their commercial activities. The strategies that the latter adopted were flexible: it was not a matter of ignoring or submitting to the law, but also of creatively interacting with conditions imposed from above. Given that she deals with social policing and power relations, the author applies theories proposed by Foucault and de Certeau to provide an interesting conceptualisation of competition over space in this city.

Mikhail Lipkin (Moscow) discusses the diplomatic dialogue that occurred between the Soviet Union and the French Republic in the international arena. Negotiations were undertaken to have the world-famous President de Gaulle visit the Soviet Union. Noteworthy was the fact that the new opportunity for external dialogue provided the grounds for internal dialogue within the Soviet diplomatic and political apparatus, offering bureaucrats and politicians the chance to exchange views and reshape the way in which they looked at geopolitics and the West.

Finally, in the *Recensiones* section, we present two articles. In the first, Professor *Leonid Bykov* (Yekaterinburg) offers his opinion on anthologies produced by two international symposiums (Tokyo in 2014 and Seoul in 2015) dedicated to Russian literature. He remarks that Slavists in Japan and South Korea focus not only on the creative *oeuvres* of writers, but also on the theoretical legacy of the humanities

in Russia. In the second review, *Konstantin Bugrov* and *Mikhail Kiselev* (Yekaterinburg) give some critical reflections on A. Magun's book *Demokratiia, ili Demon i gegemon* (St Petersburg, 2016). The contents of the review correspond to the much-debated problem of democracy in Russian society, and will be of interest not only to philosophers and social historians, but also to all readers speculating about the fate of democracy both in Russia and elsewhere.

Larisa Soboleva,
James White
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Основу многих статей четвертого номера *Quaestio Rossica* составляет стремление к диалогу. Это диалог культур, авторов и произведений, а также диалог различных социальных институтов. Несмотря не то, что неравенство сил, как правило, сказывается и на форме, и на результате диалога, всегда следует помнить о том, что он предлагает всем, кто оказался в невыгодном положении, возможность не только выражать свои интересы, но и достигать взаимного согласия, тем самым решая проблемы, хотя бы частично.

Открывается журнал рубрикой *Scientia et Vitae,* где продолжается публикация очерка о замечательном русском американисте Н. Болховитинове, для которого первое посещение Америки в 1968 г. оказалась открытием не только чужой страны, но и собственной идентичности, укрепило его связи с близкими людьми, добавило мужества и стремления к глубокой научной деятельности. Это вторая часть статьи *Сергея Жука* (Манси, США). Первая, основанная на документах из личных архивов автора и героя, была представлена во втором номере журнала за этот год.

Рубрика *Problema Voluminis* открывается темой, посвященной далекой территории России – острову Сахалину. Его образ в русской литературе всегда привлекает внимание не только как пограничная территория, где заканчивается русское государство, но и как земля, испытывающая человека нравственно, проверяющая его человеческую сущность. Посещение Сахалина Антоном Чеховым – писателем с абсолютным нравственным слухом, ставшим камертоном конца XIX в., – своего рода крещендо в описании страданий народа и состояния отечества. В разделе щедро представлены новые направления исследования чеховского очерка. Так, в статье *Руслана Ахметшина* (Москва) о подготовке писателя к путешествию использованы данные библиографического списка, составленного Чеховым до поездки. Изучение контекста списка связывает замысел писателя с выбором художественной манеры изложения. *Елена Созина* (Екатеринбург) метафорой «арестант-

ского халата», подобного гоголевской шинели, подводит читателя к главной теме чеховского изложения – теме использования труда заключенных в процессе колонизации и истоков жизненных проблем островитян. Неоднозначность позиции писателя – невольный «имперский» контекст его нарратива в сочетании с жесткой критикой судебной системы и отголосков крепостничества – открывает перед исследовательским дискурсом новые перспективы. *Фульвио Франчи* (Буэнос-Айрес, Аргентина) видит, как определяет сахалинский опыт Чехова настроение в его последующих текстах и насколько существенно пафос имплицитного страдания автора отражается в русской литературе.

Статьи, опубликованные в разделе *Русский лингволитературный мир в интерконтексте*, демонстрируют обращение к сопоставлению генетически различных, но функционально и эстетически близких литературных артефактов и языковых явлений. Проблема места русского языка и культуры на территории бывшего Советского Союза, входящая в конфликтную зону интересов населения и амбиций политиков, не перестает быть актуальной. Здесь важен разносторонний опыт и уроки исторического развития. В таком ключе обращается к теме функционирования русского языка в Казахстане профессор *Райхан Туксаитова* (Астана, Казахстан). Не проходя мимо противоречий, она анализирует языковую политику власти в оптимистической перспективе, связывая с этим настроения людей. Воплощение в русском языке моделей социальной самоидентификации и самопрезентации, связанных со стратегиями речевого поведения, рассматривается в статье *Бориса Нормана* (Минск) *и Анны Плотниковой* (Екатеринбург). Авторы обращаются к метафорическим выражениям, а также высказываниям с оппозитивным представлением социального статуса, и дают обзор тех речевых форм и жанров, которые вынуждают говорящего к конструированию собственного «я».

Содружеством специалистов *Арно Мустайоки* (Хельсинки, Финляндия), *Хельмута Вальтера* (Грайфсвальд, Германия) и *Ирины Вепревой* (Екатеринбург) представлены наблюдения относительно актуального слова 2015 года. Это своеобразная брендовая идентичность года, выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах – тематических рядах, моделирующих смысловые доминанты года: «предчувствие войны» и «границы допустимого и недопустимого». Такого рода информация позволяет более осязаемо понять болевые точки национального самосознания, важные для многих векторов жизненного развития в настоящем и будущем.

Обращение Федора Достоевского и Шимона Токаржевского к одной сюжетной модели о сибирской каторге, по мнению *Александра Шункова* и *Ирины Юртаевой* (Кемерово), вызвано биографическими обстоятельствами. Поэтика текстов связывается

с «архитепическими проекциями» каждого текста на мифологизацию или демифологизацию и определяется не только творческими особенностями писателей, но и национальными особенностями культуры в ее отношении к сакральному миру. *Олег Донских* (Новосибирск) в статье, метафорически озаглавленной «Waves of Infinity in the Goblet of Imagination» («Волны бесконечности в кубке воображения»), уловил сходство и различие двух великих поэтов – Федора Тютчева и Уильяма Блейка – в их понимании бесконечности. Сравнение их поэтических опытов существенно для понимания мирового движения литературы, образно осмысляющей философские категории.

Поэтическая трактовка феномена смерти в русской поэзии привлекла внимание японского филолога *Асута Ямадзи (*Нагоя, Япония). Взгляд исследователя на русскоязычную традицию разнится от привычных национальных характеристик, дает свою точку отсчета, его внимание обращено на символические детали, этапы эволюции образов.

Проблема «Христианство: диссидентство и конформизм» представлена тремя статьями. Вероисповедание, наряду с сословной принадлежностью, являлось основополагающим принципом управления империей. Принадлежность к конфессии определяла количество привилегий и ограничений той или иной группы населения. В то же время государство стремилось установить административный контроль над религиозными лидерами и институтами, чтобы гарантировать преданность населения, максимально увеличить государственные доходы от сбора налогов и, наконец, пополнить ряды армии за счет представителей этих конфессий. Тем не менее, Российская империя официально считалась православным государством, которое поддерживало церковь и ее миссионерские стремления. В связи с этим возникал вопрос: должно ли государство допускать религиозное многообразие, или же оно должно вести политику единоверия? Представленные в этом разделе статьи показывают, что малые конфессиональные группы часто подвергали настоящему испытанию политику империи. Демографические, теологические и социальные характеристики подобных общин и их историографическая оценка представляют немалый интерес при обсуждении религиозного конформизма и нонконформизма в истории России.

В первой статье этого раздела *Джеймс Уайт* (Екатеринбург) рассматривает единоверие как попытку государства вернуть старообрядцев к православной церкви при помощи сохранения дореформенной литургии после принятия новых обрядов. Для корректного понимания церковной реформы исследователь предлагает использовать понятие конфессионализации, введенное немецкими историками во время работы над постреформационной историей Римской империи. Он приходит к выводу, что понимание единоверия

с этой точки зрения дает полезный опыт, что может оказаться ценным при анализе влияния религиозного многообразия.

Уже к середине XIX в. Российская империя de facto стала многоконфессиональным государством. Расширение территорий в период с XVIII до начала XX в. повлекло появление католиков, лютеран, мусульман, евреев, буддистов и политеистов, которые оказались под защитой царя. В статье *Елены Главацкой* и *Надежды Поповой* (Екатеринбург) используется региональный подход к изучению этой проблемы. Обращаясь к большому корпусу источников, они отмечают, что хотя евангельское христианство появилось на Урале позже, чем на остальных территориях Российской империи, причины его возникновения были те же: оно предлагало альтернативное вероисповедание, которое во многом фокусировалось на волюнтаризме и лидерстве, что было особенно привлекательно для представителей населения, обладавших относительно высоким уровнем образования. Однако приведенные авторами демографические сведения наглядно показывают, что такая форма нонконформизма носила спорадический характер. Существование этой конфессии было недолгим: с возникновением воинствующего безбожия евангельское христианство оказалось на грани исчезновения.

К концу XIX в. антисемитские настроения стали серьезной проблемой. Политика, направленная на изгнание евреев, и многочисленные погромы привели к появлению еврейских диаспор по всему миру. В статье *Гуннара Торвальдсена* (Тромсё, Норвегия) диаспора русских евреев изучается в рамках норвежского контекста. После отмены запрета на еврейские поселения на территории Норвегии в 1851 г. на юге страны, особенно в Осло, постепенно начали появляться первые еврейские общины, по большей части занимавшиеся торговлей. Православная диаспора существовала в Норвегии с XIX в. и преимущественно состояла из саамских новообращенных. Автор приходит к выводу, что ни православие, ни иудаизм не привлекли в свои ряды жителей Норвегии, однако демографическая динамика этих диаспор подтверждает наличие религиозного и этнического разнообразия.

Исследования, опубликованные в разделе *Disputatio*, охватывают широкие хронологические рамки. Историография России традиционно пренебрегает темой социального диалога, изображая различные власти, будь то во времена империи или Советского Союза, единолично принимающими решения за народ, который либо покорно соглашается с политикой государства, либо поднимает восстание. Нижеприведенные статьи исправляют ситуацию, фокусируясь на реальном диалоге в историческом контексте и таким образом демонстрируя, что он играл важную роль в истории и имел длительные последствия.

Раздел открывается продолжением статьи *Владимира Земцова* (Екатеринбург), в которой дается анализ социальных аспектов межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы (начало см. в № 3 за 2016 г.). Начиная с описания пожара, который уничтожил большую часть столицы в 1812 г., эта трагедия изменила траекторию социокультурных отношений между жителями Москвы, оставшимися в городе во время оккупации, и французской армией. Автор представляет новый взгляд на историю пребывания наполеоновской армии в Москве, анализируя многообразие стратегий поведения жителей столицы по отношению к оккупантам.

Исследовательский интерес *Татьяны Яковлевой* (Москва) обращен к процессу урбанизации в России в свете теорий, разработанных М. Фуко и М. де Серто, для концептуализации идеи конкуренции. По наблюдениям автора, именно открытое городское пространство Красноярска было главным предметом диалога и переговоров в большом сибирском городе в конце существования империи. Государство стремилось контролировать эти территории с целью облегчения процессов управления населением и создания «цивилизованного» города. Купцы, торговцы и ремесленники стремились к открытой торговле, приняв стратегию, которая заключалась не просто в игнорировании или подчинении закону, но в умелом взаимодействии с правилами, установленными государством.

Наконец, в статье *М. А. Липкина* (Москва) рассмотрен важный этап отношений между Советским Союзом и Французской Республикой, одним из определяющих событий которого стал визит в СССР Шарля де Голля в 1966 г. Возможность внешнего диалога дала немало поводов советскому дипломатическому и политическому аппарату для диалога внутреннего, тем самым предоставляя чиновникам и политикам шанс для обмена мнениями и формирования новых принципов геополитики. Диалог в конкретной ситуации помог вывести отношения между СССР и Францией на новый уровень. Это служит неким противовесом многочисленным утверждениям о взаимной изоляции и враждебности как об основных характеристиках холодной войны.

Рубрика *Recensiones* представлена двумя статьями. В первой свое мнение о сборнике материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015), посвященных русской словесности, выражает профессор *Леонид Быков* (Екатеринбург). В рецензии отмечается, что в центре внимания славистов Японии и Южной Кореи находится не только творчество писателей, но и теоретическое наследие гуманитариев России. Рецензия *К. Бугрова* и *М. Киселева* (Екатеринбург) посвящена критическому осмыслению книги А. Магуна «Демократия, или Демон и гегемон» (СПб., 2016). Полемичность рецензии соответствует дискуссионности

проблемы демократии в российском обществе и вызовет интерес не только специалистов философского и социоисторического направлений, но и всех читателей, размышляющих о судьбах демократии в России и мире.

Лариса Соболева,
Джеймс Уайт
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Перевод с английского Татьяны Кузнецовой и Анастасии Кудриной

© Kuznetsova T., Kudrina A., translation, 2016

Scientia
et vita

Nikolay Bolkhovitinov. 1968

Scientia et vita

DOI 10.15826/qr.2016.4.189
УДК 930(470)"4968"+327.54+327.8(73:470)

1968: ONE YEAR IN THE LIFE OF A SOVIET AMERICANIST, OR AMERICAN INFLUENCE AT HOME AND ABROAD DURING THE COLD WAR*
(Part 2)**

Sergei Zhuk
Ball State University,
Muncie, Indiana, USA

This essay is based on the author's recent research about American studies in the Soviet Union during the Cold War. Using various archival documents, personal papers, diaries, memoirs, contemporary periodicals, and more than 70 interviews, this essay explores how one year, 1968, changed the life of Nikolay N. Bolkhovitinov (1930–2008), a Soviet historian and the author of pioneering studies on Russo-American relations. During this year, Bolkhovitinov used funding from the American Council of Learned Societies (ACLS) to support his first research trip to the USA, where he intended not only to discover 'the real America' through various forms of cultural consumption, but also to build his international reputation as a historian of early America and an expert in Russo-American relations.

Keywords: American studies; knowledge production; US-Soviet relations; Cold War.

Очерк основан на материалах нового исследования автора по истории советской американистики времен холодной войны. С использованием различных архивных документов, личной переписки, дневников, мемуаров, современных периодических изданий и более 70 интервью в очерке исследуется, как события 1968 г. изменили течение жизни Николая Болховитинова (1930–2008), советского историка, автора оригинальных исследований начала истории российско-американских отношений. В указанный год Болховитинов благодаря финансированию Американского совета ученых обществ совершил научную поездку в США, за время которой он не только открыл для себя реальную Америку через

* *Citation*: Zhuk, S. (2016). 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 19–46. DOI 10.15826/qr.2016.4.189.

Цитирование: Zhuk S. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2) // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 19–46. DOI 10.15826/qr.2016.4.189.

** The first part of the article is available in: Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. N 2. P. 15–44.

© Zhuk S., 2016

различные формы культурного потребления, но и начал создавать себе международную репутацию историка ранней Америки и эксперта по истории российско-американских отношений.

Ключевые слова: советская американистика; производство знания; советско-американские отношения; холодная война.

Discovering Academic and Everyday America

The Bolkhovitinov's first day in New York City in February 1968 caused a real cultural shock. As he recalled later:

> Everything here in America smelled, sounded, and looked different… I still remember the fresh smell of flowers in a public toilet in the airport. And this smell was very attractive compared to the stinking restrooms in Sheremetievo [airport]. All the American people looked so friendly and ready to help that I fell in love with the American nation from this first contact with them at New York Airport.'[1]

Nikolai Bolkhovitinov made serious preparations for his trip. As early as May 1967, he had already composed a detailed plan for his research expedition to America. Moreover, Bolkhovitinov prepared in advance a special lecture about the 'historical developments in Soviet studies of US history' for a presentation and discussed this text with his colleagues from the Institute of History. By December 1967, his research plan and lecture were approved by Sevostianov and the international department [Болховитинов, б. г., с 49, 50]. Bolkhovitinov hoped that he would be able to find interesting material in the US on the country's contemporary history, and not only the ones mentioned in his official research plan. Later on, he wrote:

> …To look for rare and unknown archival documents and rare old publications exclusively on the history of the Russo-American relations during the first half of the 19th century.[2]

As Bolkhovitinov explained later to his American colleagues, his dearest wish was to get access to the US National Archives and look through the documents covering various problems in modern American history. However, because he was afraid of the KGB's control over his travel plans, Bolkhovitinov emphasised that he would only be examining 'the history of the diplomatic relations for a very narrow chronological period' in his research proposal. According to some of his American friends, like David Goldfrank and Richard Stites from Georgetown University, Bolkhovitinov used his 'diplomatic' research topic as a pretext to gain access to archival files on contem-

[1] Interview with Nikolai Bolkhovitinov, 10 July 2004, Moscow (here and further on in the article, unless indicated otherwise, all the interviews of N. Bolkhovitinov and his colleagues are cited from recordings kept in the author's private collection). Interviews and letters translated by me. – *S. Zh.*

[2] Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

porary history as well, especially in the National Archives.[3] To some extent, Bolkhovitinov succeeded in fulfilling his research plans. He visited the collections of the New York Public Library, the New York Historical Society, the libraries of Columbia University, the Massachusetts Historical Society, the Boston Athenæum, Harvard University's Widener and Houghton Libraries, the Essex Institute and Peabody Essex Museum in Salem, Cornell University's library, the American Philosophical Society and the Historical Society of Pennsylvania in Philadelphia, the National Archives, the Library of Congress and Smithsonian Institute in Washington, D. C., the Newberry Library in Chicago, the Bancroft Library at the University of California, Berkeley, and the Hoover Institution Library [Болховитинов, 1971, с. 329–330].

This to the United States completely changed not only Bolkhovitinov's sceptical perception of the 'country which killed its best politicians like Kennedy', but also his understanding of the nature of the 'historian's craft' and 'the methodology of collecting and analysing historical sources.'[4] First of all, Bolkhovitinov discovered very different and very democratic relations among his American colleagues. As he recalled later, he was especially impressed by the easy accessibility and simple democratic attitudes of the prominent American historians who had already become academic celebrities in his imagination. In contrast to the snobbish Soviet representatives of the academic hierarchy, these famous American scholars were not only easy to approach, but also were ready to share and discuss their research, resources, and archival findings with him. Among many US historians who became good friends of Bolkhovitinov during his first trip, there were scholars like Richard Morris from Columbia (an expert on the colonial period of US history), Richard Hofstadter from Columbia (an intellectual and political historian), Oscar Handlin from Harvard (a specialist on the history of migration and US cultural history), Bernard Bailyn from Harvard (a historian specialising in US colonial- and revolutionary-era history), Dexter Perkins from the University of Rochester (an expert on US diplomatic history, especially the Monroe Doctrine), William Langer from Harvard (another authority on 19th-century diplomacy), and David Brion Davis from Cornell (a US cultural historian and an expert on the history of slavery). Bolkhovitinov discussed with them the major problems which interested him in US modern history: the genesis of US capitalism in the 18th and 19th centuries, the American War of Independence, the Anglo-American War of 1812, the Monroe Doctrine, Jacksonian Democracy, and the role of the western 'frontier' in US history [Болховитинов, 1971, с. 329–330, 337].

Bolkhovitinov witnessed the beginning of the epistemological revolution in American historiography and the birth of new fields of historical knowledge [Novick]. He was especially impressed by the flourishing of

[3] As David Goldfrank noted, 'regarding Bolkhovitinov's choosing to research the earliest US-Russian relations (1763–1815, pre Monroe Doctrine), he told me in the 90's that he did this to have an excuse to get to the US, ostensibly to use the National Archives, but for much broader reasons.' Quoted from David Goldfrank's letter to me, August 23, 2013.

[4] Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

the so-called 'new economic history'. He began collecting facts about these developments and tried to bring this information to the Soviet Union. He discovered that Soviet historiography was not only lagging behind the new developments theoretically, given its sole focus on orthodox Marxist approaches, but also technologically and methodologically, since it was ignoring new systems for the dissemination of historical information (Xerox etc.). In his academic reports after his trip, Bolkhovitinov strongly recommended that Soviet research libraries organise a system for acquiring microfilm copies of American dissertations and buying various reference publications such as *Dissertation Abstracts* and *The Bobbs-Merrill Reprint Series in American History*. Bolkhovitinov was surprised to see that every American history professor had his or her own office equipped with reference literature, catalogues, and machines for reading microfilms: they also had free access not only to printers, but also to copy machines. He explained to his Soviet colleagues after his visit:

> I was shocked, to discover that major American libraries have free access to their book collections and provide copy machines for everybody, therefore you do not need to write notes by hand from a book or document because you can copy/XEROX anything you need, save your time, and avoid the mistakes which sometimes occur during hand writing [Болховитинов, 1971, с. 336–338].

Bolkhovitinov came to America with an established reputation as a serious historian: he visited the major research centres and archival collections on both the East and West coasts, gave public lectures, and met American colleagues, impressing them with his erudition and knowledge of the historical material. As Professor Jack P. Greene from Johns Hopkins University noted, 'I think the only serious Soviet scholar of modern US history who visited the United States during the détente was Bolkhovitinov.'[5] Many American historians who knew Bolkhovitinov's research on the early history of Russo-American relations noted that the real 'academic détente' between Soviet and American societies began as a result of Bolkhovitinov's 'decent and honest' work. In 1975, Lyman Henry Butterfield used the following terms to describe Bolkhovitinov's contribution to the politics of détente when presenting an American edition of a book by the Soviet historian from 1966:

> When shall we achieve a veritable détente, running unobstructedly in both directions, in archival and historical activities which will parallel that which has now at least begun in space science? The benefits to knowledge on both sides are manifest everywhere in the pages of this book. The product of indefatigable labor, fine organizational skill, and acute scholarly judgments, it throws beams of light on obscure chapters in the history of two nations still struggling to understand each other [Butterfield, p. 18].

[5] My conversation with Jack P. Greene, 15 September 1998, Baltimore. During my conversations with other prominent American historians like Bernard Bailyn, Walter LaFeber, John L. Gaddis, and Norman Saul, I heard similar evaluations of Bolkhovitinov.

On 28 March 1968, the administration of the Massachusetts Historical Society and the editors of the Harvard University Press organised a special reception to honour the young Soviet historian during his visit to Boston. As Bolkhovitinov noted in his memoirs, 'this reception would be impressed on [his] memory forever' [Болховитинов, б. г., с. 50]. Butterfield, Thomas Boylston Adams, a descendent of the Adams family, and Mark Carroll, director of Harvard University Press, opened this reception by praising Bolkhovitinov's research on the early history of Russo-American relations and his findings in the Soviet archives about Russia and the Adams family described in his 1966 book. After this warm and friendly introduction, Bolkhovitinov delivered his long and detailed lecture about the history of American studies in the USSR. At the end of his presentation, Bolkhovitinov especially emphasised the major idea of his book:

> I do not intend to present an idealized picture and create an impression that no disagreement or antagonism existed between Russia and America… The lesson of Russian-American relations consists not in the absence of differences and conflicts, but in the fact that history testifies to the possibility of overcoming them – not with the help of weapons, but peacefully, by means of negotiation [op. cit.: Butterfield, p. 16].[6]

The historians from Harvard University decided to translate his book into English and publish it in the United States: Robert Webb, the editor-in-chief of the prestigious *American Historical Review*, proposed to publish his lecture in the journal.

Bolkhovitinov clearly understood that the official version of his lecture was 'very formal, colourless and ideologically biased.' He had always been afraid of the KGB agents observing him in America, and that is why he tried to avoid any criticism of Soviet historiography. As such, Bolkhovitinov agreed to publish his lecture without any changes, thereby trying to avoid conflict with the Soviet authorities. When Webb offered to pay him for the publication of this lecture, Bolkhovitinov suggested that he send recently published books about US history to Moscow instead. Eventually, in 1969, Bolkhovitinov received the first big package with recent publications by American scholars. As Bolkhovitinov joked later, this 'my first trip to America led to the foundation' of a unique personal book collection devoted to American history [Болховитинов, б. г., с. 47–48, 49–50].

During his two visits to New York, one in February and the other in August 1968, Bolkhovitinov was approached by the administration of the International Arts and Science Press, including its publisher Myron Sharpe, the administrative editor Fred Ablin, and Paul Aron, an editor of *Soviet Studies in History* who arranged the special meetings with the Soviet visitor.

[6] His book *Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii, 1775–1815* (Moscow: Nauka, 1966), was translated and published only in 1975 [Bolkhovitinov, 1975]. The article mentioned was [Bolkhovitinov, 1969]. The information about Bolkhovitinov's presentation also appeared in *Boston Herald Traveler*, April 22, 1968.

After long conversations with the representatives of the International Arts and Science Press, Bolkhovitinov realised that these people sympathised with 'the communist cause' of the Soviet Union and that all of them had very radical 'leftist' ideas. Despite preconceived Soviet notions of 'reactionary bourgeois historiography' in the United States, Bolkhovitinov saw a 'more varied and more sophisticated picture of history writing among American historians', all of whom had very different historical concepts and philosophical interpretations.[7]

As it turned out, Paul Aron had been a victim of the persecution initiated by the US House of Representatives' Committee on Un-American Activities during the 1950s, and had had to quit his academic career. William Mandel, an interpreter for the International Arts and Science Press and one of Aron's colleagues, shared a similar fate and lost his position as a research fellow at Stanford University's Hoover Institution. Despite all these punishments and persecutions, neither Aron nor Mandel changed their views: they openly supported the politics of the Soviet Union by publishing pro-Soviet materials in the American press and expressing criticism of US diplomacy on American radio and television. A month before Bolkhovitinov's arrival in the United States, Mandel signed the 'Writers and Editors War Tax Protest' pledge, vowing to refuse to pay tax in protest against the Vietnam War [Writers and Editors War Tax Protest].

As Bolkhovitinov noted later in his official academic report:

> I was pleasantly surprised by the wide spread of radical notions among American intellectuals, especially among college students, professors, and other university instructors. It was impressively revealed on the campuses of Cornell University (Ithaca) and the University of California at Berkeley. Thus, [young] Professor Walter LaFeber, a former student of Professor William Appleman Williams and the author of [the revisionist] book [critical of US imperialism] *The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898*, became a chair of the history department at Cornell in 1968. Even during the very first meeting upon my arrival at Cornell campus on 11 March 1968, it became obvious that the majority of those who met me (W. LaFeber, T. McCormick, Joel Silbey, and others) were of 'the New Left', and all the students in the university dormitory, where I lived, were decisive opponents of Vietnam War and supporters of Senator Eugene McCarthy. Regarding Berkeley, at the beginning of the summer of 1968 there was a real *war between the students and police on the streets of this town.* Overall, this unusual political activity of the American youth, especially among college students, made the most lasting and unforgettable impression on my memory from the entire trip in the United States [Болховитинов, 1971, с. 340–341].

Bolkhovitinov recalled how he was affected by the personal contacts with American colleagues during this trip. He was very impressed upon reading materials by the Columbia historian Richard Hofstadter, especially his thesis

[7] Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

on 'Conflict and Consensus in American History.' Another lasting influence came from the contacts with L. H. Butterfield, which had started in 1965 in Moscow and developed strongly during Bolkhovitinov's visit to Boston. Butterfield, a legendary editor of the *Adams Papers*, was the son-in-law of the famous American investment banker, businessman, and philanthropist Cyrus S. Eaton, who funded and helped to organise the Pugwash Conferences on World Peace in 1955. Bolkhovitinov stayed at Butterfield's house, the large personal library and rare book collections of which 'could be compared only with the collection of the Massachusetts Historical Society itself.'[8]

Many Soviet Americanists noted how important personal contacts with Americans were for their own 'personal discovery' of America and the construction of mental images of American society and culture. Americanists like Bolkhovitinov and Fursenko acknowledged that living with Americans in both their homes and the student dorms did more than just establish academic relations with American colleagues. Bolkhovitinov recalled how, in 1968, when staying in the dorm of Cornell University, he spent the nights talking with local students, discussing political and cultural problems such as Vietnam War, music etc. [Болховитинов, 1971, с. 338; Он же, 1997, с. 73–74]. He saw 'how talented these young members of American society were' and 'how they were capable of critical self-analysis and self-government.' 'They were more self-efficient and self-reliant than our Soviet youth,' recalled Bolkhovitinov after witnessing American college students, 'organising their own meetings, dancing parties and keeping order and respect for human dignity for everyone without any of the hierarchical distinctions which were typical for Soviet society' in those days [Болховитинов, б. г., с. 50–51].[9]

As Bolkhovitinov recalled in 2005,

> …An unforgettable impression [on me] was produced by the two weeks of my life which I spent together with a representative of the American youth, sharing a dorm room with one student from the Telluride Association at Cornell University. We had long conversations with him, lasting long after midnight. Personal contacts with this student made me revise my first impression about the weakness of American society and convinced me that this society, despite some indications of its inner disintegration and decline, at its foundation was still very firm, full of strength and moral health… [Там же, с. 50].

Another important discovery for Bolkhovitinov was the accessibility of information in America. A Soviet visitor could not only find and use any scholarly book or magazine article published in any language for his own research in the university libraries and special collections, but could also read 'forbidden (in the USSR) literature,' including Solzhenitsyn's publications and Khrushchev's 'secret speech' at the 20th CPSU Congress in 1956. Bolkhovitinov recalled in 1991:

---

[8] Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow. See also: [Rotblat; Brown].

[9] Compare with my interview with N. Bolkhovitinov, 2 June 2001, Moscow.

> I remember how I was devouring various pieces of Solzhenitsyn's novel in American journals such as the *New Yorker*, forgetting completely about the documents and the piles of old books that were brought by librarians for my research. I never read the entire novel in 1968. Only later in August, a few days before my departure for Moscow, I realised finally that this novel was published in English (in its shortened version) as a book. I tried to find this edition but I failed. Paradoxically, only after my return to Moscow was I able to listen to the entire text of Solzhenitsyn's masterpiece, which was broadcast by the Voice of America on the radio.[10]

Discovering His Own Identity in America

During his first visit, Bolkhovitinov also had the opportunity to closely follow developments in the Soviet bloc, especially in Czechoslovakia, via television and other media. He recalled later:

> Before leaving Moscow for the United States, I had already followed the events in Prague, listening to the foreign radio stations but now in America I appreciated easy access to visual information about the 'Prague Spring' on American television. Through March to August 1968, I had my first 'anti-socialist therapy' via images of anti-Soviet demonstrations. Suddenly, I realised that the Soviet army again, as in 1956 in Hungary, could be an aggressor trying to suppress a free socialist nation and stop its democratic reforms… At the same time, I felt bad and, to some extent, offended by the torrent of anti-Soviet information on American TV screens, with misrepresentation of historical facts and the complete ignorance of the Russian historical past demonstrated by both American journalists and American audiences.[11]

Bolkhovitinov's negative reaction to the massive anti-Soviet coverage of the situation in Eastern Europe was mixed with awakened feelings of Russian patriotism. Bolkhovitinov noticed a discovery of his own Russian (rather than Soviet) identity through communication with Russian emigrants who had fled the Revolution of 1917. However, to him they still represented the pre-revolutionary intellectual traditions of imperial Russia. During various official receptions in Boston, New York, and Washington D. C., the Soviet visitor was approached by these Americans of Russian ethnic origin: they impressed him as 'very intellectual and well-educated cultured people' who looked like his teacher Aleksei Efimov. These rare contacts with a few representatives of the Russian emigration in America created another long-lasting impression on Bolkhovitinov. Bolkhovitinov described his reaction as 'the sudden restoration of an ethnic memory in alien surroundings.' According to his interpretation, living without his family and communicating with foreign people for six months accentuated his feelings of 'cultural loneliness' and prepared him

[10] Interview with N. Bolkhovitinov, 14 March 1991, Moscow.
[11] Interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

'to welcome any personal contacts (even those forbidden by the KGB) with the American Russians in America.'[12]

Another important component in this 're-awakening' was related to Bolkhovitinov's discovery of Greek Orthodox Christianity as a foundation of his 'being a Russian.' Bolkhovitinov stated:

> Orthodox Christianity as a part of our national Russian identity was never emphasised in my family. My parents did not practise religion, but they respected Orthodoxy as a part of their old cultural family tradition, which was never denied by any of them, and they always demonstrated this, supporting their dear friends, such as the pianist Maria Yudina, who was an active Christian believer [Там же, с. 1].[13]

Meeting them reminded Bolkhovitinov of people he felt spiritually close to:

> Some of these contacts with Russian Americans were arranged by our colleagues, American historians of Russia, who tried to help Soviet guests in their adjustment to the realities of life in America. Many Soviet visitors tried to avoid these contacts with Russian emigrants; I did the same at the beginning of my visit. But eventually, through rare meetings in New York in 1968, I became attracted to the people who reminded me both of Efimov and Yudina from Moscow and who served as living proof of a Russian Orthodox Christian identity which had survived various ideological limitations and still existed in my Soviet Russian home in Moscow.[14]

Discovering America by Means of the Cinema and Television

As with many Soviet Americanists who had no English-language training in specialised schools, Bolkhovitinov always 'struggled' with his spoken 'colloquial' English. As early as the spring of 1965, during his first conversation with Professor Butterfield in Moscow, Bolkhovitinov realised that his English-language skills were not sufficient for communication with this American guest. When he complained about his problems with spoken English to Professor Butterfield, the latter explained to the young Soviet historian that his English was 'fine' and 'more than enough' for their professional communications in the Soviet archive. However, at the same time, he suggested that Bolkhovitinov look for a 'native English-speaking milieu in Moscow like the international hotels', where American and British tourists or journalists could talk with him in English only. Bolkhovitinov, who was afraid of the KGB punishing him rejected the idea immediately. In response, the American visitor offered another solution to Bolkhovitinov – to go to the United States as a visiting scholar, but do not shut yourself

[12] Citation from Bolkhovitinov's letter, 21 January 1992, Moscow, p. 2.
[13] See literature about M. Yudina: [Вспоминая Юдину; Пламенеющее сердце].
[14] Interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

away completely in the archives and libraries, communicate with people in various possible ways, and', he added jokingly, 'watch at least one hour of sitcoms on television every evening.[15]

So when Bolkhovitinov finally arrived to America, he reminded Professor Butterfield reminded him of this advice again in March 1968, when Bolkhovitinov realised that, after a month of living in US, he still had problems with understanding spoken American English. He was surprised to find that Professor Oscar Handlin also insisted that watching sitcoms and, occasionally, American movies would allow the visiting Soviet scholar 'to better handle various language situations in everyday life in America'.[16] As a result, Bolkhovitinov took this advice seriously and began watching American television wherever he happened to stay during his travels. From March to August 1968, during his free time after his research, he tried to watch episodes of different television series, including soap operas and sitcoms. According to Bolkhovitinov's notes, his favourite television shows included *The Saint* (the British spy thriller about the adventures of a fictional detective and thief who behaved like a contemporary Robin Hood), *The Virginian* (an American Western), *Peyton Place* (a primetime soap opera), and *Bewitched* (an American comedy about a witch who marries an ordinary man). He preferred *The Virginian* the most, but, as he noted, the latter two were more useful, since they portrayed normal conversational situations, the language of which Bolkhovitinov could implement in his talks with ordinary Americans. Bolkhovitinov also recalled the feature films which were broadcast on American television while he was travelling, especially the 1966 British film *Dracula: Prince of Darkness* and the two James Bond movies *From Russia with Love* (1963) and *You Only Live Twice* (1967). As Bolkhovitinov confessed later, he decided to watch these films though they were 'forbidden for Soviet viewers' by censors and brutally criticised by the Soviet media:

> Moreover, I had never read the Dracula story or seen any Bond movie, so I still remember the thrill of breaking the ideological rules and watching the forbidden films by myself in my hotel room somewhere in Washington D. C. during my American trip of 1968.[17]

For the entire duration of his visit, Bolkhovitinov attended American movie theatres only three times. On two occasions, his American colleagues invited him to watch Stanley Kubrick's *2001: A Space Odyssey* and *The Green Berets,* an anti-communist Vietnam war film starring John Wayne. In June 1968, Bolkhovitinov went to the theatre on his own to watch *Rosemary's Baby*, a horror film by Roman Polanski. As he later recalled, he thought the most impressive was 'Kubrick's science-fiction masterpiece.' Bolkhovitinov did not like the jingoistic and anti-Soviet 'pathos' of John Wayne's movie, which

[15] Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 1.
[16] Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 2. He referred to a phrase by Oscar Handlin.
[17] See Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 2–3; and Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997.

portrayed 'the US Army as the liberators of Vietnamese people', and he 'was glad that many American viewers criticised this film as "a cinematographic falsification" and "US Department of Defense Propaganda."' Bolkhovitinov explained that he was also frustrated with Polanski's film. He went to see this film after reading positive reviews in the American press and watching television shows praising this movie. However, Bolkhovitinov could not understand the 'mysticism and the story of Satan' in the film, and, as he confessed later, he could not follow the dialogue: he realised that he was still 'struggling with his "not very perfect colloquial" spoken English.'[18]

Bolkhovitinov recalled even the smallest details of this first (and longest) visit to America for the rest of his life. This trip became the 'measuring stick' for all other trips to the United States.[19] For the first time in his life, Bolkhovitinov became aware of his Russian Orthodox, rather than Soviet, identity. Using American mass media, especially television, Bolkhovitinov could see 'a very different dimension of Soviet foreign policy, especially regarding the tragic developments of events in Prague.' This visit also provided the most important and interesting research material from the US archives and libraries that he was to use in his future studies. Bolkhovitinov brought back important personal contacts from America which would influence his entire academic career. He carried with him his cultural experience of America, 'his satisfied feelings' about the 'openness and easy accessibility of any information in America,' and his impressions from what he saw, heard, ate and bought in the United States. Bolkhovitinov also began to form his first personal library of American books, bringing copies to his Moscow house back from America. And, as an enthusiastic tennis player, he brought back a tennis racket and balls. As early as April 1968, Bolkhovitinov began to play tennis in the US, using the comfortable tennis courts on the various university campuses which he visited during his trip.[20]

Strategies of Survival after 1968

Bolkhovitinov's first trip to America resulted in a long confrontation with the KGB. After the obligatory submission of travel reports no longer than two weeks after their return, Soviet scholars were normally invited by KGB officers for a 'special conversation' [Dash, p. 11—12; Черкасов, с. 216, 315]. As some participants of these conversations recalled, Soviet Americanists

[18] Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997; and my interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

[19] Bolkhovitinov's experience during his American visit was similar to the reaction of a fellow Americanist from Moscow: 'By the 1960s we'd come a long way, but there was still far to go. We still didn't know the world. I remember my first trip to the US, and how quickly I realized that 90, maybe 99 percent of all that I had written was wrong. I'd read everything, we had facts and information, but we didn't yet *understand*.' This is a quotation from Viktor Kremenyuk, ISKAN deputy director interviewed by Robert English on 19 December 1989 in Moscow [English, p. 266].

[20] I quote my interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow. David Goldfrank also recalled how Bolkhovitinov loved playing tennis in the US.

had to play 'various mind games' and follow 'strategies of survival' during these conversations by accepting some KGB offers and rejecting others. The major goal of these games was to maintain good connections with the KGB and thus guarantee future trips to America. Not everybody could follow the rules of such games, and their violation could influence the scholar's entire academic career, especially the future trips abroad.[21] The most important of these 'strategies of survival' was to follow all ideological requirements when writing the travel report. This report had to reflect the major research and teaching goals of the sojourn and describe the major research centres visited, the personal and scholarly contacts made, and the main activities conducted. The KGB reports also required a description of the political, economic, ideological, and, from the 1970s, cultural situation in American society.[22]The A typical case of a 'deviation' from such 'strategies of survival' is presented by the story of Nikolai Bolkhovitinov. Before Bolkhovitinov's first travel to US in January 1968, a KGB officer had suggested to Bolkhovitinov the possibility of future collaboration. Bolkhovitinov pretended not to understand the nature of this offer. However, in September 1968, after his return to Moscow, Bolkhovitinov again had an additional meeting with the same KGB officer. This officer asked Bolkhovitinov about rewriting the academic report describing his visit to US because the text did not contain 'useful, strategically important information'; instead, it was only 'a survey of the libraries and archives' which Bolkhovitinov had visited. In addition, the officer reminded Bolkhovitinov of his old offer to serve 'as a KGB informer and help the KGB to fight various ideological provocations at the Institute of World History.' Moreover, he promised additional payment and various privileges, including trips abroad, if Bolkhovitinov agreed. Bolkhovitinov found a pretext for declining this offer. As he said later:

> I explained to this officer that I was very busy at that moment, writing my new book, therefore I had no time to help him. But I promised to think over this KGB proposal again. After this I shook hands with him and left this secret apartment and I never called him again [Болховитинов, б. г., с. 47–48].

As a result of this strategic mistake, the KGB denied Bolkhovitinov access to any research grants funded by the US government. Grigorii Sevostianov, Bolkhovitinov's supervisor and representative of the KGB at the Institute of World History, tried to prevent him from staying in America for any period longer than one month per visit during the 1970s.[23]

---

[21] I use phrases from my interview with Marina Vlasova and Aleksandr Fursenko, 19 March 1991, Moscow. See also Nekrich's memoirs about Soviet Americanists from his Institute of History travelling abroad and, especially, the case of Lev Slezkine, who was denied permission by the KGB: [Nekrich, p. 135, 201]. Even those close to the KGB, like Arbatov, had problematic relations with this organisation and experienced real persecution from KGB officers [Arbatov, p. 269, 272–274].

[22] See a typical academic travel report by O. S. Soroko-Tsiupa, a MGU professor of Canadian history, in: [Arkhiv MGU. F. 9. Op. 8. D. 1011. L. 11—12], about his travel to Toronto, Canada, between September 1966 and June 1967.

[23] Both Robert Ivanov and Sergei Burin confirmed this information, 21 March 1991, Moscow.

But However, despite all of these problems, by the 1970s Nikolai Bolkhovitinov had become the most prominent figure among Soviet Americanists, a true pioneer in the history of Russo-American relations.[24] For American historians in the United States, Bolkhovitinov, together with Nikolai Sivachev and Aleksandr Fursenko, symbolised the new openness of the Soviet academic community and the serious research potential of American studies in the Soviet Union, both of which were revealed to the outside world as a result of Khrushchev's thaw and the de-Stalinisation of Soviet society after 1956. To Western scholars, Bolkhovitinov became known as a very decent and honest Soviet historian. He also acquired the reputation of being a serious researcher who tried to avoid the propaganda clichés so indicative of a considerable number of his Soviet colleagues, who were always engaged in various propaganda activities organised by the Soviet state.[25] For this reason, the figure of Bolkhovitinov attracted the attention of Western scholars, who asked him to write not only a history of US historical studies in the USSR for a Western audience, but also a story about his own life, which he eventually published in 1980 in English in the *British Journal of American* Studies [Bolkhovitinov, 1980]. For many Soviet and post-Soviet scholars, Bolkhovitinov assumed the role of an 'ideal type' – a Soviet Americanist who espoused the quintessential characteristics of Soviet experts on US history, politics, and culture, behaved like a decent and honest researcher, and acted as 'a cultural mediator' between Soviet and American civilisations.

Академическое и бытовое открытие Америки

Первый же день прибытия в Нью-Йорк в феврале 1968 г. произвел на Болховитинова эффект культурного шока:

> Все в Америке пахло, звучало и выглядело иначе... Я еще припоминаю запах свежих цветов в общественном туалете аэропорта. И этот запах сильно запомнился, особенно по сравнению с вонючими туалетами Шереметьево. Все американцы для меня выглядели настолько дружелюбными и готовыми помочь, что я сразу же полюбил этот американский народ с первого же моего контакта с ним в нью-йоркском аэропорту[26].

Николай Болховитинов серьезно приготовился к своему путешествию в Америку. В мае 1967 г. он составил подробный план

[24] All Soviet (and post-Soviet) historians of Russo-American relations followed Bolkhovitinov's tradition in the Soviet historiography of international relations. See: [Ганелин; Куропятник].

[25] For how American historians praised Bolkhovitinov, see: [Rediker; Adventures in Russian Historical Research, p. 54, 56, 58, P. 145; Engerman, p. 178–179]. Compare with an essay written by the Russian students of N. Bolkhovitinov [Журавлева; Курилла].

[26] Интервью с Николаем Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г. Здесь и далее, если не указано иначе, все интервью с Н. Болховитиновым и его коллегами цитируются по аудиозаписям из личного архива автора статьи.

путешествия в США, им была подготовлена лекция о «советских исторических исследованиях американской истории» для американской аудитории, и ее текст обсудили в секторе Института истории. К декабрю 1967 г. его исследовательский план и лекция были одобрены Севостьяновым и международным отделом [Болховитинов, б. г., с. 49–50]. При этом Болховитинов надеялся, что он сможет найти интересные документы и по современной истории США, а не только материалы, заявленные в научном плане. Как он вспоминал позднее:

> Я прекрасно понимал, что мне нужно будет обходить строгие правила работы только с неизвестными архивными документами и редкими публикациями о русско-американских отношениях первой половины 19-го века[27].

Впоследствии Болховитинов объяснял своим американским коллегам, что его заветной мечтой было добраться до Национального архива США и посмотреть документы по различным проблемам современной истории США. Но поскольку он опасался контроля со стороны КГБ, в заявке на поездку он акцентировал внимание на очень узкой теме «истории дипломатических отношений очень ограниченного хронологического периода». Согласно свидетельству его американских друзей Дэвида Гольдфранка и Ричарда Стайтса из Джорджтаунского университета, Болховитинов использовал свою «дипломатическую» тему исследования в качестве предлога, чтобы получить доступ к архивным материалам по современной истории, особенно в Национальном архиве и других архивных собраниях США[28]. В определенном смысле ему удалось осуществить многие свои научные планы: посетить и исследовать архивные и книжные собрания Нью-Йоркской публичной библиотеки, Нью-Йоркского исторического общества, библиотек Колумбийского университета; Массачусетского исторического общества, Бостонского Этенеума, библиотек Гарвардского и Корнелльского университетов; Американского философского общества и Исторического общества Пенсильвании в Филадельфии; Национального архива, Библиотеки Конгресса в Вашингтоне и многих других исследовательских центров [Болховитинов, 1971, с. 329–330].

Это первое путешествие Болховитинова в США не только полностью изменило его скептическое впечатление от «страны, убивающей своих лучших политиков, таких как Кеннеди», но также повлияло на его понимание природы исторических исследований и «методологии отбора и анализа исторических источников»[29]. Болховитинов обнаружил очень демократичные отношения среди аме-

[27] Письмо Н. Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва.

[28] Как заметил Дэвид Гольдфранк, «сам Болховитинов в 90-е гг. признавался, что выбор темы исследования российско-американских отношений 18 века использовался им как предлог для доступа к документам Национального архива США». Цитата из письма Гольдфранка от 23 августа 2013 г.

[29] Письмо Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва.

риканских коллег. Его особенно поразили доступность и простота в общении выдающихся американских историков, которые уже являлись своеобразными академическими знаменитостями. Эти ученые были не только доступны и просты в общении, но и готовы поделиться своими открытиями, архивными находками и документами с молодым советским исследователем. Среди многих американских историков, ставших его хорошими друзьями, были такие ученые как Ричард Моррис (эксперт по колониальному периоду истории США), Ричард Хофстедтер (исследователь интеллектуальной и политической истории из Колумбийского университета), Оскар Хендлин из Гарварда (специалист по миграционной истории и истории культуры США), Бернард Бейлин из того же университета (специалист по американской колониальной и ранней истории), Декстер Перкинс из Университета Рочестера (эксперт по дипломатической истории США), Уильям Лангер из Гарварда (история дипломатии XIX в.), Дэвид Брайан Дэвис из Корнелльского университета (история американской культуры и рабства). Болховитинов обсуждал с ними основные проблемы, которые его интересовали в новой истории США: генезис американского капитализма в XVIII–XIX вв., войну за независимость США, англо-американскую войну 1812 г., Доктрину Монро, «джексоновскую» демократию и роль западной границы в истории США [Болховитинов, 1971, с. 329–330, 337].

Болховитинов стал свидетелем начала эпистемологической революции в американской историографии и зарождения новых отраслей исторического знания [Novick]. Его особенно впечатлил расцвет так называемой «новой экономической истории». Советская историография в определенном смысле отставала, находясь в теоретической зависимости от марксисткой методологии. В академических докладах, сделанных им после поездки, Болховитинов настоятельно рекомендовал советским академическим библиотекам организовать систему приобретения микрофильмов американских диссертаций и различных реферативных публикаций, таких как «Диссертационные абстракты» и «Репринтные серии Боббс-Мерилла» по американской истории. Болховитинов также находился под впечатлением от системы организации преподавания и исследовательской работы американских историков. Болховитинов был поражен тем, что каждый американский профессор имел свой кабинет, оснащенный реферативной литературой, каталогами, оборудованием для чтения микрофильмов со свободным доступом к принтерам и копировальным аппаратам. Он рассказывал своим коллегам:

> Я был шокирован, выяснив, что все основные американские библиотеки не только предоставляют свободный доступ к своим фондам, но и обеспечивают копировальными машинами всех желающих, следовательно, не требовалось делать выписки из документов вручную, поскольку можно было ксерокопировать любой документ, экономить свое время и избегать ошибок, обязательных при копировании вручную [Болховитинов, 1971, с. 336–338].

Болховитинов прибыл в Америку уже с установившейся репутацией серьезного историка. Посещая основные исследовательские центры и архивные собрания на Восточном и Западном побережье, выступая с публичными лекциями, встречаясь со своими американскими коллегами, он поражал их эрудицией и знанием исторического материала. Как заметил профессор Джек Грин (Университет Джонса Гопкинса): «Я думаю, что единственным серьезным советским историком, специалистом по истории нового времени, посетившим Соединенные Штаты в период разрядки, был Болховитинов»[30]. Многие американские историки, знавшие исследования Болховитинова по ранней истории российско-американских отношений, подчеркивали, что настоящая «академическая разрядка» между американским и советским обществом началась во многом как результат его правдивых и честных исторических исследований. В 1975 г. Лаймон Генри Баттерфилд, представляя американское издание книги советского историка, написанной еще в 1966 г., так описывал вклад Болховитинова в политику разрядки:

> Когда уже мы достигнем реальной разрядки, развивающейся в обоих направлениях в архивных и исторических исследованиях, которую можно было бы сравнивать с тем, что уже началось в науке о космосе? Польза от знания обеих сторон очевидна на каждой странице этой книги. Результат неустанного труда, приличного организационного мастерства и трезвых суждений исследователя, эта книга раскрывает забытые страницы из истории взаимоотношений двух народов, которые все еще стараются понять друг друга [op. cit.: Butterfield, p. 18].

28 марта 1968 г. администрация Массачусетского исторического общества и редакторы издательства Гарвардского университета организовали специальный прием в честь молодого советского историка во время его посещения Бостона. Потомок семьи Адамсов Томас Бойлстон Адамс, старинный американский знакомый Болховитинова профессор Лайман Генри Баттерфилд, редактор «Бумаг Адамсов» и директор Института ранней американской истории, и Марк Керролл, директор издательства Гарвардского университета, открыли этот прием с похвалы в адрес болховитиновского исследования ранней истории российско-американских отношений и его находок в советских архивах о семье Адамсов, сделанных в его книге 1966 г. После этого теплого и дружественного представления Болховитинов прочел детальную лекцию об истории изучения Америки в СССР. Заканчивая свою лекцию, Болховитинов особенно подчеркнул главную идею книги:

---

[30] Я ссылаюсь на свой разговор с Джеком Грином 15 сентября 1998 г. в г. Балтиморе (Мэриленд). Во время моих разговоров с выдающимися американскими историками, такими как Бернард Бейлин, Уолтер ЛаФибер, Джон Геддис и Норман Сол, я тоже слышал подобные оценки.

> Я не намерен представлять идеализированную картину и создавать впечатление, что разногласия или антагонизм никогда не существовали между Россией и Америкой… Урок российско-американских отношений состоит не в отсутствии различий и конфликтов, а в том, что история свидетельствует о возможности преодоления их – не с помощью оружия, а миром, путем переговоров [Ibid., p. 16].

Историки Гарвардского университета решили перевести его книгу на английский язык и опубликовать ее в США, а Роберт Уэбб, главный редактор престижного журнала «Американское историческое обозрение», попросил разрешения опубликовать лекцию в журнале[31].

Болховитинов понимал, что официальная версия лекции, которая впечатлила американцев, была «очень формальной, бесцветной и идеально субъективной». Он всегда боялся агентов КГБ, наблюдавших за ним в Америке, поэтому старался всячески воздерживаться от любой критики советской историографии или негативных оценок официальной советской марксистской методологии. В итоге Болховитинов согласился на публикацию своей официальной лекции без каких-то изменений. Когда Роберт Уэбб предложил ему приличный гонорар за публикацию, Болховитинов вместо денег попросил посылать ему в Москву новые книги по американской истории. В 1969 г. Болховитинов получил первую из таких посылок. Как он говорил впоследствии, эта его первая поездка в Америку способствовала созданию уникальной частной книжной коллекции, посвященной американской истории [Болховитинов, б. г., с. 47–48, 49–50].

Во время двух посещений Нью-Йорка (в феврале и августе 1968 г.) к Болховитинову неоднократно подходили представители Издательства международных искусств и науки, включая его руководителя Майрона Шарпа, главного редактора Фреда Эблина и Пола Арона, редактора «Советских исторических исследований», журнала переводов с русского, которые и организовали специальные публичные встречи с советским гостем. После разговоров с ними Болховитинов понял, что эти люди симпатизируют «коммунистическому делу» Советского Союза, и все они имеют радикальные «левые» идеи. Это было настоящим откровением для него. Несмотря на предвзятые советские идеи о «реакционной буржуазной историографии» в Соединенных Штатах, Болховитинов увидел в среде американских историков сложную историографическую систему с очень разными историческими концепциями и философскими интерпретациями[32].

---

[31] Его книга «Становление русско-американских отношений, 1775–1815» была переведена на английский и издана в 1975 г. См.: [Bolkhovitinov, 1975]. Информация о презентации Н. Болховитинова появилась также в *Boston Herald Traveler* за 22 апреля 1968 г.

[32] Как он писал в своем письме: «В отличие от идеологических клише о реакционной буржуазной историографии, я столкнулся с гораздо более разнообразной и привлекательной интеллектуальной картиной исторических интерпретаций среди американских историков» (письмо Н. Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва).

Как выяснилось, в течение 1950-х гг. редактор «Советских исторических исследований» Пол Арон был жертвой преследований со стороны Комитета по антиамериканской деятельности и был вынужден прекратить академическую карьеру. Другой коллега Арона, переводчик Издательства международных искусств и науки Уильям Мендел, имея подобную же судьбу, потерял должность научного сотрудника Гуверовского института Стэнфордского университета. Несмотря на это, Арон и Мендел по-прежнему открыто поддерживали политику Советского Союза, публикуя просоветские материалы в американской прессе и выражая публично критику американской дипломатии по радио и телевидению. За месяц до поездки Болховитинова в США Уильям Мендел подписал «Протест писателей и редакторов против налогов, взимаемых в поддержку вьетнамской войны» [Writers and Editors War Tax Protest]. Впоследствии Болховитинов писал в своем официальном отчете:

> Я был приятно удивлен широкому распространению радикальных идей среди американской интеллигенции, особенно среди университетских студентов, профессоров и многих преподавателей. Это особенно проявилось на кампусах Корнельского университета в Итаке и Университета Калифорнии в Беркли. Так, в недавнем прошлом студент профессора Уильяма Эпплмана Уильямса, автор ревизионисткой книги с критикой американского империализма «Новая империя: интерпретация американской экспансии, 1860–1898 гг.» молодой профессор Уольтер ЛаФибер, был избран деканом исторического факультета Корнельского университета в 1968 г. Даже во время первой моей встречи, когда я приехал на кампус этого университета 11 марта 1968 г., мне стало очевидно, что большинство встречавших меня (У. ЛаФибер, Т. МкКормик, Джоел Силби и др.) были «новыми левыми», и все студенты университетского общежития, где я жил, были решительными противниками вьетнамской войны и сторонниками сенатора Юджина МакКарти. В Беркли же в начале лета 1968 г. развернулась настоящая война между студентами и полицией на улицах этого городка. В общем, эта необычная политическая активность американской молодежи, особенно университетских студентов, произвела на меня самое незабываемое и неизгладимое впечатление за все пребывание мое в США [Болховитинов, 1971, с. 340–341].

Болховитинов вспоминал и свои впечатления от личных встреч с американскими коллегами, специалистами по истории США, особенно свое восхищение от чтения исследования историка Колумбийского университета Ричарда Хофстедтера «Конфликт и консенсус в американской истории». Следующим запоминающимся событием стали его контакты с Л. Баттерфилдом, которые начались в еще 1965 г. в Москве и укрепились во время визита в Бостон. Баттерфилд, легендарный редактор «Бумаг Адамса», был

зятем известного американского банкира, бизнесмена и филантропа Сайруса С. Итона, который основал и помог организовать Пагуошскую конференцию в поддержку мира в 1955 г. (*Pugwash Conferences on Science and World Affairs*), ставшую впоследствии одноименным движением. Болховитинов даже останавливался в доме Баттерфилда и имел возможность ознакомиться с его огромной библиотекой, с коллекцией редких книг, «которую можно было бы сравнить только с коллекцией самого Массачусетского исторического общества»[33].

Многие советские американисты отмечали, как важны были личные контакты с американцами для их «личного открытия» Америки. Болховитинов и Фурсенко признавали, что проживание с американцами в их домах, в студенческих общежитиях влияло на них больше, чем установление формальных академических отношений с американскими коллегами. Болховитинов часто вспоминал, как в 1968 г., проживая в общежитии Корнелльского университета, он обсуждал со студентами разные политические и культурные проблемы, включая войну во Вьетнаме [Болховитинов, 1971, с. 338; Болховитинов, 1997, с. 73–74]. Болховитинов прибыл Америку, по его собственному признанию, «с предвзятыми понятиями о внутреннем кризисе американского капиталистического общества», а в результате общения с американцами увидел, «насколько талантливы были эти юные представители американского общества» и «насколько они способны были к критическому самоанализу и самоуправлению». «Они были более самостоятельны и само-достаточны, чем советская молодежь», – вспоминал Болховитинов. [Болховитинов, б. г., с. 50–51][34]. В 2005 г. он писал в своих мемуарах:

> Большое впечатление произвели на меня две недели жизни вместе со студентом ассоциации Тюлорайд в Корнелле, беседы, которые часто продолжались далеко за полночь. Общение со студентом заставило меня пересмотреть первое впечатление о слабости американского общества и убедило меня, что это общество, несмотря на признаки внешнего разложения и упадка, в своей основе очень крепко, полно силы и здоровья… [Там же, с. 50].

Важным открытием для Болховитинова было осознание сравнительной легкости получение любой информации в Америке. Советский гость мог найти любую нужную ему книгу, журнальную статью, опубликованные в любой стране мира для его собственного исследования в университетской библиотеке, или документ в архивных собраниях, или же мог читать запрещенную в СССР литературу, включая книги Солженицына или засекреченную речь Хрущёва на XX съезде КПСС.

---

[33] Письмо Болховитинова, 12 мая 1996 г. Москва. См. также: [Rotblat; Brown].
[34] Ср. с моим интервью с Н. Болховитиновым от 2 июня 2001 г., Москва.

В 1991 г. Николай Николаевич вспоминал:

> Я до сих пор помню, как я поглощал страницу за страницей, читая различные фрагменты из романа Солженицына в таких американских журналах, как «Нью-Йоркер», забывая полностью о кипах документов и стопках старых книг, приносимых библиотекарями для моего собственного научного исследования. Я тогда так и не прочитал полного издания этого романа в 1968 г. Только в конце августа, за несколько дней до моего отъезда в Москву, я обнаружил, что этот роман был опубликован полностью на английском языке (в сокращенном варианте) отдельной книгой. Я старался найти это издание, но так и не смог этого сделать. Парадокс заключался в том, что после моего возвращения в Москву я смог прослушать весь текст этого шедевра Солженицына, который транслировал «Голос Америки» по радио[35].

Открытие собственной идентичности в Америке

Во время поездки в Америку Болховитинов имел также возможность внимательно следить по американскому телевидению за развитием событий в Чехословакии. Потом он вспоминал:

> Даже перед тем, как я покинул Москву для поездки в США, я уже следил за событиями в Праге по сообщениям зарубежного радио. Но только теперь в Америке я по-настоящему оценил доступность визуальной информации о «Пражской весне» на американском телевидении. С марта по август 1968 года я получил моя первую «антисоциалистическую терапию» через образы антисоветских демонстраций в Праге. Неожиданно для себя я осознал, что советская армия опять, как в 1956 году в Венгрии, может быть агрессором, подавляющим свободную социалистическую страну, чтобы остановить демократические реформы. <…> В то же время мне становилось плохо, и я чувствовал себя оскорбленным массовым наплывом антисоветской информации на американских телеэкранах, с порой некомпетентным объяснением исторических фактов и полнейшим игнорированием исторического прошлого России, которое демонстрировали как американские журналисты, так и американская публика[36].

Эта отрицательная реакция на массовую антисоветскую кампанию оказалась связана с чувством патриотизма. Болховитинов открыл для себя российскую (более чем советскую) идентичность через общение с бывшими русскими эмигрантами, которые бежали от российской революции 1917 г. Для него они по-прежнему представляли дореволюционные интеллектуальные традиции имперской России. Во время официальных приемов в Бостоне, Нью-Йорке и Вашингтоне к советскому гостю подходили американцы русского происхождения,

[35] Интервью с Н. Болховитиновым, 14 марта 1991 г., Москва.
[36] Интервью с Н. Болховитиновым, 21 мая 2001 г., Москва.

которые произвели на Болховитинова впечатление «очень интеллигентных и хорошо образованных культурных людей». Он описывал свою первую реакцию как «внезапное восстановление этнической памяти в чужеродном окружении». Как он объяснял позже:

> Проживание на чужбине усилило мое чувство культурного одиночества и подготовило меня к поиску (несмотря на запреты КГБ) личных контактов с русскими американцами в Америке[37].

Важная составляющая этого процесса была связана с открытием православного христианства как основы его существования как русского человека. Болховитинов отмечал:

> Православное христианство как часть нашей национальной идентичности никогда не подчеркивалось в моей семье. Мои родители никогда не были активными верующими, но они всегда уважали православие как часть нашей семейной традиции, которую они никогда не отрицали, и они всегда это демонстрировали, поддерживая наших друзей, таких, как пианистка Мария Юдина, которая всегда была активной православной христианкой[38].

Встречи с ними напомнили Болховитинову о людях, близких его душе:

> Некоторые из этих контактов с русскими американцами были организованы нашими коллегами, американскими историками-русистами, которые старались помочь советским гостям, таким, как я, в их адаптации к реалиям жизни в Америке. Большинство советских гостей стремились избегать этих контактов с русскими эмигрантами; я делал то же самое в начале своей поездки. Но постепенно в результате немногих встреч в Нью-Йорке в 1968 году меня стало тянуть к этим людям, которые напоминали мне моих знакомых москвичей Ефимова и Юдину и которые служили мне живым доказательством реально существующей русской православной христианской идентичности, которая пережила всевозможные идеологические ограничения и которая все еще существует в моем советском русском доме в Москве[39].

Кино- и телеоткрытие Америки

Как и многие советские американисты, Болховитинов испытывал серьезные проблемы с разговорным английским языком при общении. Еще весной 1965 г. во время своего первого разговора

---

[37] Письмо Н. Болховитинова от 21 января 1992 г.

[38] Письмо Н. Болховитинова от 21 января 1992 г. См. так же: [Вспоминая Юдину; Пламенеющее сердце].

[39] Интервью с Н. Болховитиновым, 21 мая 2001 г., Москва.

с профессором Баттерфилдом в Москве Болховитинов понял, что его знание языка не позволяет ему на равных общаться с американским гостем. Когда он пожаловался на свой плохой разговорный английский, Баттерфилд объяснил молодому советскому историку, что его английский язык «более чем достаточен» для их профессионального общения, и посоветовал Болховитинову найти «окружение англоговорящих людей в Москве, и прежде всего в международных гостиницах», где американские и британские туристы и журналисты говорили бы с ним только по-английски. Естественно, Болховитинов, опасавшийся преследования со стороны КГБ, немедленно отказался от этой идеи. Тогда американский гость предложил другое решение проблемы – «ехать в США в качестве приглашенного ученого, но не изолировать себя полностью в архивах и библиотеках, а общаться с людьми самым различным образом и – добавил в шутку – смотреть каждый вечер по крайней мере по часу трансляцию комедии по телевизору»[40]. Когда Болховитинов попал в Америку, он напомнил этот совет профессору Баттерфилду. К его удивлению, не только Баттерфилд, но и профессор Оскар Хендлин настаивали на практике просмотра комедий и другого американского кино, чтобы лучше овладеть разговорным языком[41]. Болховитинов воспринял этот совет серьезно и начал смотреть американское телевидение при всяком удобном случае. С марта по август 1968 г. вечерами он старался просматривать телевизионные сериалы, включая «мыльные оперы». У него даже появились любимые, такие как «Святой» (изначально это был британский шпионский детектив-триллер о приключениях персонажа, который был и сыщиком, и одновременно вором, исполнявшим роль современного Робин Гуда), «Вирджинец» (американский ковбойский сериал-вестерн), «Пейтон Плейс» (мыльная опера) и «Околдованный» (американская фантастическая комедия о ведьме). Среди других кинофильмов, которые он вспоминал, были такие, как британская картина 1966 г. «Дракула: князь тьмы» и два фильма о Джеймсе Бонде с участием Шона Коннери – «Из России с любовью» (1963) и «Ты живешь только дважды» (1967). И хотя все эти фильмы были запрещены советской цензурой и жестко критиковались советской прессой, он все-таки решил их посмотреть:

> …Более того, я никогда не читал историю Дракулы и не видел какой-либо фильм о Бонде, поэтому я все еще помню свое возбуждение от нарушения идеологических правил и просмотра запрещенного кино в моем гостиничном номере где-то в Вашингтоне во время моей американской поездки 1968 года[42].

---

[40] Письмо Н. Болховитинова, 25 марта 1993 г., с. 1.

[41] Письмо Н. Болховитинова, 25 марта 1993 г., с. 2. Он сослался на фразу Оскара Хендлина.

[42] Письма Н. Болховитинова от 25 марта 1993 г. (с. 2—3) и от 29 января 1997 г.

За все время своей поездки Болховитинов посещал американские кинотеатры только три раза. Дважды коллеги приглашали его для просмотра кинолегенды научной фантастики «Космическая одиссея 2001 года» Стенли Кубрика и антикоммунистического фильма о войне во Вьетнаме «Зеленые береты» с участием Джона Уэйна. А в июне 1968 г. Болховитинов по собственной инициативе посетил кинотеатр, чтобы посмотреть фильм ужасов Романа Полански «Ребенок Розмари». Как он впоследствии вспоминал, после просмотра и сравнения всех этих кинокартин наиболее впечатляющим и талантливым ему показался «шедевр научной фантастики Кубрика». Болховитинову совершенно не понравился джингоистский антисоветский пафос фильма Джона Уэйна, «представляющий американскую армию как освободителей вьетнамского народа», и он «был рад, что многие американские зрители критиковали этот фильм как “кинематографическую фальсификацию” и “пропаганду американского департамента обороны”». Болховитинов объяснил, почему он разочаровался и в картине Поланского. Он решил посмотреть этот фильм после того, как столкнулся со многими положительными рецензиями на него, но не смог понять «мистицизм фильма и всю эту историю о Сатане», и, как он признался, ему было трудно следить за диалогами, поскольку он осознавал, что «теряет нить разговора (героев фильма)», так как он «все еще не владел в совершенстве повседневным разговорным английским языком»[43]. Эта поездка служила для него моделью и своеобразной точкой отсчета для оценки всех его последующих командировок в США[44]. Именно тогда Николай Николаевич осознал свою русскую православную идентичность, превалирующую над советской. Под влиянием американских средств массовой информации, особенно телевидения, он смог увидеть «совершенно иное объяснение советской международной политики, особенно в том, что касается трагического развития событий в Праге». Одним из важных результатов этой его поездки был сбор интересных исследовательских материалов из американских архивов и библиотек, которые он теперь мог использовать в своих публикациях. У него завязались важные личные контакты, которые повлияли на всю его последующую академическую карьеру. Болховитинов обрел и уникальный опыт «культурного диалога с Америкой», испытал чувства «удовлетворения от открытости американского общества и доступности любой инфор-

[43] Интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве.

[44] Опыт Н. Болховитинова во время его первой американской поездки можно сравнить с реакцией его коллеги-американиста из Москвы: «К 1960-м годам мы прошли длинный путь, но все еще требовалось время дла понимания Америки. Мы все еще не знали окружающего нас мира. Я вспоминаю свою первую поездку в США, и, как быстро я понял, что 90, может быть, 99 % всего написанного мною было неправильным. Конечно, я читал все, у нас было достаточно фактов и информации, но мы все еще не понимали [как живет Америка]». Я цитирую Виктора Кременюка, замдиректора ИСКАН (интервью Роберта Инглиша от 19 декабря 1989 г. в Москве [English]).

мации в Америке». Он начал собирать свою первую собственную библиотеку научной литературы по истории США. И как большой энтузиаст игры в теннис он привез с собой отличную теннисную ракетку, ведь уже в апреле 1968 г. Болховитинов начал играть в теннис на кортах различных университетских кампусов, которые ему довелось посетить[45].

Вместо заключения: стратегия выживания после 1968 г.

Первая поездка Болховитинова в США привела к его длительной конфронтации с КГБ. Как правило, советские ученые после первой поездки за рубеж в капиталистические страны и обязательного предоставления доклада об этой поездке в Первый отдел по месту работы приглашались офицерами КГБ для «специальной беседы» [Dash, p. 11–12; Черкасов, с. 216, 315]. Участники подобных бесед вспоминали, что им приходилось «играть в особые хитроумные игры» и следовать определенным «стратегиям выживания», то принимая некоторые предложения офицеров КГБ, то отказываясь от них. Главной целью было поддержание хороших отношений с КГБ, гарантирующее будущие поездки в Америку. Нарушение правил могло повлиять на всю академическую карьеру, и особенно на планы будущих поездок за рубеж[46]. Главной частью этих «стратегий выживания» было составление «правильного» отчета о зарубежной поездке. В нем должны были быть отражены основные научные и учебные цели поездки, описаны исследовательские центры, личные и научные контакты и т. п. Доклады КГБ также требовали описания конкретной политической, экономической и идеологической (а с 1970-х гг. и культурной) ситуации в американском обществе. Любая попытка игнорировать эти правила считались «преступным отклонением» от нормы[47]. Типичным случаем подобного «отклонения» была история Николая Болховитинова. Перед первой поездкой Болховитинова в США во время «специальной беседы» в январе 1968 г. офицер КГБ уже предлагал ему возможность будущего сотрудничества. Болховитинов же сделал вид, что он

[45] Здесь я вольно перефразировал интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве. Ричард Стайтс и Дэвид Гольдфранк, оба профессора истории Джорджтаунского университета, вспоминали, как Болховитинов любил играть в теннис и просил их помочь ему с покупкой теннисных ракеток и мячиков.

[46] Я использую фразы из интервью с Мариной Власовой и Александром Фурсенко от 19 марта 1991 г., Москва. Ср. с мемуарами А. Некрича о поездках советских американистов Института истории и особенно случай со Львом Слезкиным, которому в КГБ запретили поездки за рубеж: [Nekrich, p. 135, 201]. Даже такие близкие к КГБ ученые, как Г. Арбатов, тоже имели весьма непростые отношения с этой организацией и испытывали иногда реальные преследования со стороны офицеров КГБ [Arbatov, p. 269, 272–274].

[47] См. типичный академический отчет О. С. Сороко-Цюпа, профессора канадской истории в МГУ, о его поездке в Торонто в сентябре 1966 – июне 1967 г. [Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 1011. Л. 11—12].

не понял существа этого предложения. Но уже в сентябре 1968 г. после его возвращения из Америки Николай Николаевич опять имел встречу с тем же офицером, который просил его переписать его академический отчет, поскольку тот не содержал «какой-либо ценной стратегической информации», а скорее был «научным описанием всех библиотек и архивов», в которых работал историк. К тому же офицер напомнил Болховитинову свое прежнее предложение «служить информатором КГБ и помогать КГБ в борьбе с различными идеологическими провокациями в Институте всеобщей истории». Он обещал дополнительную оплату за эти услуги и различные привилегии, включая «неограниченное количество поездок» за рубеж, если тот согласится. Болховитинову удалось-таки придумать предлог, чтобы избежать прямого ответа на это предложение. Как он рассказывал впоследствии:

> Я объяснил этому офицеру, что я очень занят после приезда из Америки, пишу текст книги для своего руководства, поэтому не могу ему ответить сразу. Но я обещал обязательно подумать опять о предложении КГБ. После того, как мы обменялись с ним рукопожатием, я покинул эту злосчастную квартиру и никогда ему больше не звонил[48].

Результатом стали препятствия со стороны КГБ в получении длительных исследовательских грантов, спонсируемых американским правительством, а Григорий Севостьянов, являвшийся непосредственным начальником Болховитинова в 1970-е гг. старался всячески препятствовать ему в получении официального разрешения на командировки в США, которые бы длились больше месяца[49].

Несмотря на все эти проблемы, к 1970-м гг. Николай Болховитинов стал самой заметной фигурой среди советских историков-американистов[50]. Для американских историков он вместе с Николаем Сивачевым и Александром Фурсенко символизировал новую открытость советского академического сообщества и серьезный исследовательский потенциал советской американистики, который стал очевиден всему миру как результат хрущёвской оттепели, десталинизации и либерализации общества после 1956 г. В глазах зарубежных коллег Болховитинов был известен как порядочный и честный советский историк, который в исследованиях старался преодолеть пропагандистские клише[51]. Фигура Болховитинова всегда привлекала внимание западных

---

[48] Интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве.

[49] Роберт Иванов и Сергей Бурин подтвердили эту информацию в разговоре со мной 21 марта 1991 г. в Москве [Zhuk, 2013, p. 308–309].

[50] Все советские и постсоветские историки российско-американских отношений следуют болховитиновским традициям советской историографии. См., например: [Ганелин; Куропятник; Курилла].

[51] Американские исследователи высоко оценивали работы и личность Н. Н. Болховитинова: [Rediker; Adventures in Russian Historical Research, p. 54, 56, 58, P. 145; Engerman, p. 178–179]. Ср. с очерком, написанным его российскими последователями: [Журавлева; Курилла].

ученых, по просьбе которых он написал не только историю изучения в СССР американской истории, но и историю собственной жизни. Это сочинение было опубликовано в 1980 г. в британском журнале американских исследований [Bolkhovitinov, 1980]. Для многих исследователей личность Н. Н. Болховитинова приобрела статус своеобразного «идеального типа» советского американиста, который вмещает все важнейшие характеристики советских экспертов по истории, политике и культуре США и является примером честного историка, и культурного посредника между российской и американской сторонами.

Список литературы

Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 1011.

Болховитинов Н. Личная переписка: 1987–1997 гг. (Письма, адресованные автору, находятся в его личном архиве).

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М. : Наука, 1966. 638 с.

Болховитинов Н. Н. В архивах и библиотеках США: находки, встречи, впечатления // Америк. ежег. 1971. М. : Наука, 1971. С. 329—341.

Болховитинов Н. Н. О времени и о себе: заметки историка // Историки России. Вып. 1. М. : Наука, 1997. С. 70—79.

Болховитинов Н. Н. Воспоминания [М., б. г.]. [Рукопись, машинопись, 62 л. Нач. «Счастливая пора детства…»].

Вспоминая Юдину / под ред. А. М. Кузнецова. М. : Классика-XXI, 2008. 310 с.

Ганелин Р. С. Россия и США, 1914—1917 : Очерки истории русско-американских отношений. Л. : Наука, 1969. 417 с.

Гуревич А. История историка. М. : РОССПЭН, 2004. 284 с.

Гутнова Е. В. Пережитое. М. : РОССПЭН, 2001. 462 с.

Журавлева В., Курилла И. «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами» : Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой, И. И. Куриллы. Волгоград : Изд-во ВГУ, 2009. С. 370–400.

Комиссаров Б. Н. Ас отечественной американистики (к 70-летию Н. Н. Болховитинова) // Русское открытие Америки : сб. ст., посв. 70-летию акад. Николая Николаевича Болховитинова / под ред. А. О. Чубарьяна. М. : РОССПЭН, 2002. С. 5—36.

Куропятник Г. П. Россия и США – экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881. М. : Наука, 1981. 373 с.

Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы // отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2005. 487 с.

Пламенеющее сердце : Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников / под ред. А. М. Кузнецова. М. : Автокнига, 2009. 679 с.

Черкасов П. П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений : Портрет на фоне эпохи. М. : Весь мир, 2004. 572 с.

Adventures in Russian Historical Research : Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present / ed. by S. H. Baron, C. A. Frierson. Armonk ; N. Y. : M. E. Sharpe, 2003. 272 p.

Arbatov G. The System : An Insider's Life in Soviet Politics. N. Y. : Random House, 1992. 380 p.

Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historian // J. of Am. Studies. 1980. Vol. 14, No. 1. P. 103–114.

Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775—1815 / transl. by E. Levin. Cambridge ; Mass. : Harvard Univ. Press, 1975. 484 p.

Brown D. S. Richard Hofstadter : An Intellectual Biography. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2007. 216 p.

Dash B. L. A Defector Reports : The Institute of the USA and Canada. Falls Church, VA : Delphic Ass., 1982. 229 c.

Engerman D. C. Know Your Enemy : The Rise and Fall of America's Soviet Experts. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2009. 459 p.

English R. Russia and Idea of the West : Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2000. 401 p.

LaFeber W. The New Empire : An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, N. Y. : Cornell Univ. Press, 1963. 444 p.

Markwick R. D. Rewriting History in Soviet Russia : The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974 / Raleigh D. J. (Foreword). N. Y. : Palgrave, 2001. 327 p.

Nekrich A. Forsake Fear : Memoirs of an Historian / transl. by D. Lineburgh. Boston : Unwin Hyman, 1991. 293 p.

Novick P. That Noble Dream : The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1988. 648 p.

Rediker M. The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates : New Approaches to the Study of American History in the USSR // William and Mary Quarterly. 3rd Ser. 1991. Oct. Vol. 48. P. 580—597.

Rotblat J. Scientists in the Quest for Peace : A History of the Pugwash Conferences. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1972. 399 p.

Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia : Mutual Representations in Academic Projects / ed. by I. Kurilla and V. I. Zhuravleva. Lanham, MD and Boulder, CO : Rowman and Littlefield's Lexington Press, 2015.

Writers and Editors War Tax Protest // New York Post. 1968. Jan. 30.

Zhuk S. I. 'Academic Détente': IREX Files, Academic Reports, and 'American' Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era // Cahiers du monde russe. Jan.-juin 2013. Vol. 54, No. 1–2. P. 297—328.

References

ACLS: American Council of Learned Societies, Library of Congress, Manuscript Collection.

Arbatov, G. (1992). *The System: An Insider's Life in Soviet Politics.* 380 p. N. Y., Random House.

Arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Moscow State University Archive]. Stock 8 (Kafedra novoy i noveyshey istorii, mezhdunarodnye svyazi). L. 11–12. Dos. 1011.

Arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Moscow State University Archive]. Stock 9. L. 8. Dos. 1011.

Bolkhovitinov, N. (n. d.). *Lichnaya perepiska: 1987–1997 gg.* [Personal Correspondence: 1987–1997]. (Letters addressed to the author in his personal archive).

Bolkhovitinov, N. N. (1980). How I Became a Historian, In. *J. of Am. Studies*, Vol. 14, No. 1, pp. 103–114.

Bolkhovitinov, N. N. (1966). *Stanovlenie russko-amerikanskikh otnosheny, 1775–1815* [The Establishment of Russo-American Relations, 1775–1815]. 638 p. Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (1969). "The Study of United States History in the Soviet Union". In *American Historical Review, Vol. 74, No. 4,* pp. 1221–1242.

Bolkhovitinov, N. N. (1971). *V arkhivakh i bibliotekakh SShA: nakhodki, vstrechi, vpechatleniya* [In US Archives and Libraries: Findings, Meetings, Impressions]. In *Amerikansky ezhegodnik. 1971* (pp. 329–341). Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. (1975). On the Present State of American Studies in the Soviet Union. In Walker, Robert H. (Ed.). *American Studies Abroad* (pp. 101–108). Westport, Conn., Greenwood Press.

Bolkhovitinov, N. (1980. How I Became a Historian. In *Journal of American Studies, Vol. 14, No. 1,* pp. 103–114.

Bolkhovitinov, N. N. (1997). O vremeni i o sebe: zametki istorika [About Time and Myself: Notes of a Historian]. In *Istoriki Rossii, Iss. 1,* pp. 70–79. Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (2005). *Vospominaniya* [Memoirs]. 62 p. Moscow [Manuscript, typescript, 62 pages] (the original is in the keeping of Lyudmila Antonovna Bolkhovitinova, widow of N. N. Bolkhovitinov). The author used his copy.

Butterfield, L. H. & Levin E. (Transl.). (1975). Introduction. In Bolkhovitinov, N. N. *The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815* (pp. 10–18). Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press.

Cherkasov, P. (2004). *IMEMO. Institut Mirovoy Ekonomiki i Mezhdunarodnykh Otnosheniy. Portret na fone epokhi* [IMEMO. The Institute of World Economy and International Relations. A Portrait on the Background of the Epoch]. 572 p. Moscow, Ves′mir.

Dash, B. L. (1982). *A Defector Reports: The Institute of the USA and Canada.* Falls Church, VA, Delphic Associates.

English, R. (2000). *Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War.* 401 p. N. Y., Columbia Univ. Press.

Gurevich, A. (2004). *Istoriya istorika* [The History of a Historian]. 284 p. Moscow, ROSSPEN.

Gutnova, E. V. (2001). *Perezhitoe* [A Life Lived]. 462 p. Moscow, ROSSPEN.

Komissarov, B. N. (2002). *As otechestvennoy amerikanistiki (k 70-letiyu N. N. Bolkhovitinova)* [An Ace among Russian Americanists (For the 70th Anniversary of N. N. Bolkhovitinov]. In Chubar′yan, A. O. (Ed.). *Russkoe otkrytie Ameriki. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu akademika Nikolaya Nikolaevicha Bolkhovitinova* (pp. 5–36). Moscow, ROSSPEN.

Kurilla, I. & Zhuravleva, V. I. (Eds.). (2015). *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects.* 306 p. Lanham, MD and Boulder, CO, Rowman and Littlefield's Lexington Press.

Kuznetsov, A. M. (Ed.). (2009). *Plameneiushcheie serdtse: Mariia Veniaminovna Yudina v vospominaniiakh sovremennikov* [Burning Heart: Maria Venianimovna Yudina in Memoirs of Contemporaries]. 679 p. Moscow, Avtokniga.

Kuznetsov, A. M. (Ed.). (2008). *Vspominaia Yudinu* [Remembering Yudina]. 310 p. Moscow: Klassika-XXI.

Markwick, R. D. (Raleigh, D. J. (Foreword)). (2001). *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974.* 327 p. N. Y., Palgrave.

Zhuk, S. I. (2013). "'Academic Détente': IREX Files, Academic Reports, and 'American' Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era." In *Cahiers du monde russe, Jan. – juin, Vol. 54, No. 1–2,* pp. 297–328.

Zhuravleva, V. & Kurilla, I. (Eds.). (2009). *"'Ne razzhigat' vrazhdu, a sposobstvovat' vzaimoponimaniiu mezhdu narodami,' Pamiati Nikolaia Nikolaevicha Bolkhovotonova, cheloveka i uchenogo"* ['Not to Foment Enmity, but to Promote a Better Understanding Between Peoples': In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolkhovitinov, a Man and a Scholar]. In *Rossiia i SSHA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezantatsii* (pp. 370–400). Volgograd, Izd-vo VGU.

The article was submitted on 05.08.2016

Problema Voluminis

Anton Chekhov's Sakhalin Island

The Russian Philological World in International Context

Christianity: Dissent and Conformity

Перед отъездом на Сахалин. Весна 1890 г. А. П. Чехов – в центре

Before leaving for Sakhalin. Spring, 1890. A. P. Chekhov in the middle

Сахалин. Каторжники на работах. Фото 1890-х гг.

Sakhalin. State convicts at work. Picture taken in the 1890s

Problema Voluminis

Остров Сахалин Антона Чехова

Русский филологический мир в интерконтексте

Христианство: диссидентство и конформизм

ANTON CHEKHOV'S SAKHALIN ISLAND

DOI 10.15826/qr.2016.4.190
УДК 821.161.1-94Чехов+908(571.642)+94(571.642)

К ИСТОКАМ ЗАМЫСЛА САХАЛИНСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕХОВА*

Руслан Ахметшин
Московский государственный университет,
Москва, Россия

ON THE SOURCES OF CHEKHOV'S JOURNEY TO SAKHALIN

Ruslan Akhmetshin
Lomonosov State University,
Moscow, Russia

Chekhov's awareness of Sakhalin's problems, as well as his "stylistic misunderstandings" with those writers who had touched upon this topic before, already existed before his 1890 trip. However, both this circumstance and his preparation for the trip have not been examined in detail. It is possible to understand the idea and the structure of *Sakhalin Island* with the analysis of the *Bibliographical List* that Chekhov compiled before the trip. The analysis of the list connects the writer's life and his choice of artistic style. According to the author, the list is a unique bibliographical model in terms of biography and aesthetics. The chronological length it covers is much more significant than the short period of time the writer spent designing it. It enables the researcher to interpret Chekhov's Sakhalin experience more deeply and can change the connections between the items of the list and the plot of *Sakhalin Island*. Having studied the *Report on Russian Mental Hospitals* by Dr Pavel Arkhangelsky (1887), Chekhov came up with the idea of performing a similar examination of Russian prisons. This book helps us to understand the nature of *Sakhalin Island* and the writer's late prosaic works better. The works studied before the trip pushed the writer to develop a new style. The author suggests

* *Citation*: Akhmetshin, R. (2016). On the Sources of Chekhov's Journey to Sakhalin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 49–63. DOI 10.15826/qr.2016.4.190.

Цитирование: *Akhmetshin R.* On the Sources of Chekhov's Journey to Sakhalin // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 49–63. DOI 10.15826/qr.2016.4.190 / *Ахметшин Р.* К истокам замысла сахалинского путешествия Чехова // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 19–63. DOI 10.15826/qr.2016.4.190.

© Ахметшин Р., 2016

that the "negative" side of Chekhov's style might be linked with the limitations of official documentation. It is argued that Chekhov is followed his predecessors (those who wrote about hard labour and Sakhalin) in many ways. However, the author argues that Chekhov dared to disagree with them, having rejected existing stylistic forms. Analysis of the versatile and complicated style of *Sakhalin Island* can lead to more fruitful results if one takes into account the *Report*,.

Keywords: 19th-century Russian literature; A. P. Chekhov; style; biography; source; *Sakhalin Island*; P. A. Arkhangelsky.

Рассмотрены особенности понимания Чеховым проблемы Сахалина, а также его «стилистические разногласия» с авторами, высказавшимися на эту тему, сложившиеся еще до поездки 1890 г. Это обстоятельство, как и контекст подготовки к путешествию, разработано в чеховедении неполно. Такова традиция, коренящаяся в отношении к Чехову прижизненной критики. Автор ставит своей задачей понять смысл, идейную структуру «Острова Сахалина» на основе анализа «Библиографического списка», составленного Чеховым до поездки. Изучение контекста списка связывает проблемы жизненного замысла и выбора художественной манеры писателя. Чеховский список, по мнению автора, уникальная в биографическом и эстетическом отношении библиографическая модель. Хронологическое понимание его рамок гораздо шире короткого промежутка, когда он был задуман. Оно позволяет глубже интерпретировать сахалинский опыт Чехова и меняет смысл связей между пунктами списка и сюжетными моментами «Острова Сахалина». Показано также, что знакомство с «Отчетом по осмотру русских психиатрических заведений» П. А. Архангельского (1887) подтолкнуло Чехова к мысли об аналогичном исследовании тюрем. «Отчет…» углубляет понимание «Острова Сахалина» и поздней прозы Чехова: изучение таких работ привело писателя к необходимости построения нового стиля. Высказывается предположение о том, что «отрицательное» начало чеховского стиля связано с пониманием ограниченности официальной документалистики, не способной на реальный протест. Считается, что Чехов во многом наследует своим предшественникам – авторам работ о каторге и Сахалине. Однако, по мысли автора, Чехов решился на полемику с ними, отказавшись от воспроизведения существовавших стилистических форм. Описание сложного стиля «Острова Сахалина» становится более плодотворным благодаря введению в контекст «Отчета…», хронологически предшествующего всем работам чеховского списка, закрепленным в академическом чеховедении.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А. П. Чехов; стиль; биография; «Остров Сахалин»; П. А. Архангельский.

Путешествие А. П. Чехова на Сахалин не могло быть типичным для общественного сознания конца XIX в. (см. об этом: [Гитович, с. 54]). Даже если принять во внимание гигантский всплеск «горизонтальной социальной мобильности» после 1860-х гг. [Ермолаев], что в 1890-е гг. ощущалось в полной мере, уникальность такого решения

уловили все. Чехов был одним из первых писателей, отправившихся в сибирские края по своей воле, но современники этому не очень и удивились: то ли не поверили в осуществимость плана, то ли масса очевидного превращала исследовательские намерения писателя в пустую затею. А ведь они могли отвечать общим надеждам на улучшение положения заключенных: в России почти независимо от степени привилегированности гражданина господствовало отношение к ссыльным и каторжным как к «несчастным». Этот топос был общепринятым, здесь проявлялась надсословная тотальность коллективного сознания. Чехов не только прошел намеченный путь, но и внес серьезный вклад в понимание очевидного.

О познавательной ценности жизненного пути сказано много. Среди записей Даниила Хармса в «Голубой тетради» найдем хитроумный совет: «…путешествуя, не заезжай слишком далеко, а не то увидишь этакое, что потом и забыть будет невозможно». Это вполне напоминает чеховские опыты с осмотрительностью. Но прежде забывания-вытеснения, выразительную модель которого дал в своих мемуарах приятель Чехова Фингал[1], подумаем, допустим ли вопрос: что Чехов хотел узнать на Сахалине? Вот мнение, сложившееся у Чехова к марту 1889 г.:

> Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше. <…> Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентименталeн, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь (П., т. 4, с. 31, 32)[2].

Всякое знание преемственно. И для осознания пустоты в представлениях оно тоже необходимо. Именно по этой причине замысел, его зарождение и хронология представляют особый интерес для исследователей. Этот резон заставляет всматриваться в каждый мель-

---

[1] Псевдоним писателя и критика Игнатия Николаевича Потапенко (1856–1929), писавшего: «Результатом этого удивительного путешествия была книга [“Остров Сахалин”], которая, несомненно, стояла ниже всего остального, написанного им [Чеховым], и едва ли вплела лавры в его венок, в материальном же отношении тоже едва ли прибавила что-нибудь к его благополучию. А впечатления? Где в произведениях его, написанных после поездки на Сахалин, встречаются отголоски тех впечатлений? Кой-где намеки, не имеющие существенного значения. И не видно было, чтобы он любил вспоминать об этом путешествии. По крайней мере, я… ни разу не слышал от него ни единого рассказа из того мира. Все, что он получил там, он как будто сдал в свою книгу и забыл. Так чиновник, вернувшись из неприятной подневольной командировки, доставившей ему много хлопот и лишений, дает о ней отчет начальству и торопится поскорее забыть о ней» [Потапенко, с. 324].

[2] Здесь и далее цитаты из чеховских текстов приводятся с указанием в круглых скобках номера тома сочинений (С.) или писем (П.) и страницы по изданию: [Чехов]. При цитировании комментариев номер страницы дается курсивом.

чайший момент досахалинского пути Чехова, выясняя, что он знал заранее, как складывалась концепция книги, которую он фактически начал еще до путешествия, насколько эта концепция была априорной, особенно если сравнивать признания до и после поездки:

> …Я сделал полную и подробную перепись… и видел все, кроме смертной казни… Сахалин представляется мне целым адом… скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния… (П., т. 4, с. 139).

Однако интерес к сахалинскому периоду в биографии Чехова трудно считать устойчивым и последовательным. Наметим несколько необходимых соображений в этой области.

Во-первых, как критики, так и биографы в большинстве своем пренебрегают этой темой, предпочитая ограничивать пространство чеховской прозы художественными текстами. Даже и те, кто считает книгу «Остров Сахалин» образцовой, могут быть отнесены к этой группе. И рост числа документов и свидетельств не прибавляет обстоятельности сахалинским сюжетам в современных исследованиях и биографических сочинениях. Расчет, казалось бы, простой: Сахалин – это большая самостоятельная тема, заниматься ею приходится особо, и лучше не писать ничего, чем повторять старое или ограничиваться отписками. Это и по сей день порождает серьезное внутреннее противоречие в чеховедении, несмотря на значительный вклад историков и филологов М. С. Высокова, М. В. Гридяевой, Г. И. Дударец, М. И. Ищенко, А. И. Костанова, В. М. Латышева, Е. И. Савельевой, М. Л. Семановой, М. В. Теплинского и др. И филологический аспект проблемы Сахалина оказывается в тени по традиции, истоки которой можно было бы проследить[3].

Во-вторых, критики, пусть далеко не все, по обыкновению становятся первыми биографами своих персонажей (Ф. Г. Мускатблит, А. А. Измайлов), независимо от успеха своего предприятия и полноты биографического текста, которая в данном случае не может считаться критерием познавательного качества. С того момента, как известный писатель начинает меняться, критики активнее пользуются возможностями биографического очерка или так или иначе используют биографическую канву для своих оценок и классификаций. Случаи обращения критиков к «сахалинским» подробностям жизни Чехова или умолчания о них как раз и представляют, как кажется, интерес, в том числе и потому, что современники писателя «не заметили» ни его пу-

[3] Доктор Н. С. Лобас в книге «Каторга и поселение на о-ве Сахалине», назвав возглавляемый Чеховым ряд самых значительных авторов, пишет, что, «кроме перечисленных работ об острове, в русской прессе разновременно появлялось много статей, посвященных тому или иному вопросу сахалинской жизни. Таким образом, мы видим, что в сравнительно короткий период времени появилось достаточное количество работ о Сахалине, и все же этот остров представляется во многих отношениях землей неизвестной, до такой степени неизвестной, что один из наших видных юристов на Парижском тюремном конгрессе не смог дать удовлетворительного ответа на вопрос французского юриста, что такое Сахалин» [Лобас, с. 9–10].

тешествия, ни книги. Начиная с редких откликов в прессе о предполагаемой поездке Чехова на каторжный остров, его сахалинские тексты (глава «Беглые на Сахалине» в сборнике «Помощь голодающим» (М., 1892), 19 глав в «Русской мысли» с октября 1893-го по июль 1894-го, выход книги «Остров Сахалин», дополненной четырьмя главами, в 1895 г.) – пустой звук для большинства писавших о Чехове. Это легко проверить по доступным исследованиям и антологиям критических работ от И. П. Лыскова и В. И. Покровского до «Pro et Contra»[4].

В-третьих, первые известные нам случаи периодизации творчества Чехова были предприняты критиками еще до 1904 г.[5] Разделение творческого пути на этапы необходимо, но применительно к Чехову периодизация часто оказывается отвлеченной, поскольку она строится на нерелевантных основаниях, а значимые подробности не фиксирует. Возьмем для примера характерную своим поверхностным отношением к предмету статью П. Н. Краснова (1866–1924), довольно известного критика, переводчика, автора, по совпадению тоже писавшего о Сибири. Заслуга его в глазах чеховедов заключается в том, что он предпринял «едва ли не первую» попытку «определить некоторые положительные стороны той “школы”, которую Чехов прошел в малой прессе» (С., т. 4, с. *463*). Немудрено это было сделать после нескольких переизданий сборника «В сумерках». В комментариях к девятому тому чеховского собрания сочинений и писем красновская периодизация характеризуется вполне позитивно: контекст указывает на то, что, по мнению автора примечаний, критик правильно понимает Чехова (С., т. 9, с. *446–447*).

Статья Краснова «Осенние беллетристы», точнее, вторая ее часть, любопытна как раз тем, насколько незначимым в ней оказался «Остров Сахалин». Приступая к периодизации творчества Чехова и разбирая самые свежие его произведения, написанные по 1894 г. включительно, Краснов пропускает сахалинский этап (как и книгу «Остров Сахалин»). Выходит так, что новые темы для критика имеют старое значение и в интерпретации выглядят как отработанное топливо. «Палата № 6», например, трактуется в духе теории непротивления злу насилием. И хотя П. Краснов видит, что эта идея «выражена настолько смутно, что в конце концов неясно…», другой он и не ищет. Более того, он считает, что, «в сущности», даже и перешедший в третий период «Чехов вполне однороден» [Краснов, с. 202]. Здесь, безусловно, сказалось пренебрежение к писателю и его литературному дарованию.

---

[4] Вот некоторые из них: [Чехов в понимании критики; Антон Павлович Чехов : Его жизнь и сочинения; Соболев, 1916; Соболев, 1930; Муриня; Кузичева, 1999; А. П. Чехов : Pro et Contra, 2002; Pro et Contra, 2010; Господа критики и господин Чехов].

[5] Лечивший Чехова в Ялте доктор И. Н. Альтшуллер в своих мемуарах писал: «Как-то я застал Чехова за чтением критической о нем статьи, и он встретил меня словами:

– Вот, батенька, мы с вами и не знали, а я, оказывается, уже в третьем периоде.

И затем, сбросив привычным жестом пенсне и лукаво блеснув глазами, он комически развел руками и прибавил:

– Да, то совсем не было периодов, а теперь вот три» [Альтшуллер, с. 470].

Размышление о том, как складывалось решение Чехова ехать на Сахалин, является одной из сторон проблемы создания книги «Остров Сахалин». Далеко не все вопросы в истории работы писателя над нею ясны. Возможность разобраться в том, как организована идейная структура книги, каков ее идейный потенциал, как складывался ее замысел, возникает благодаря анализу списка литературы, начатому Чеховым за несколько месяцев до путешествия. Завершен он был в общих чертах профессором М. Л. Семановой, автором солиднейшего исследования и комментариев к «Острову Сахалину» в 14–15-м томах полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова.

Созданный Чеховым в процессе подготовки к сибирскому путешествию «Список книг, статей, газетных корреспонденций…» – уникальная библиографическая модель (С., т. 14–15, с. *887–897*). Содержание его следует изучать в отдельной большой работе; данная статья посвящена лишь вопросу о нижней границе чеховского списка. Каждый его пункт, представляя собой интереснейший материал для изучения, становится для нас источником, поскольку может раскрыть неосвещенные стороны чеховской работы над текстом «Острова Сахалина». Связать вопросы биографии и источниковедения не новая мысль, но, кажется, выбранный аспект еще недостаточно освещен в литературе о Чехове[6]. В основе его лежит отношение к прочитанному писателем тексту как к источнику. Возможность исследовать список, сложившийся в своих пределах еще до путешествия, а затем менявшийся и сопровождавший долгий процесс создания книги, важна и в биографическом, и в эстетическом отношении.

Работу над списком следует вести в нескольких плоскостях: внутренней, учитывающей корреляцию его элементов, и внешней, выстроенной на соотношении списка и текста книги. Это несколько меняет сложившееся представление о книге «Остров Сахалин». Границы списка можно понимать по-разному. Принципиальное значение имеет возможность анализировать его не в пространстве (библиография как часть книгохранилища), но во времени. Хронологическое понимание рамок списка гораздо шире короткого промежутка, в течение которого он был задуман и завершен. Оно заставляет задавать новые вопросы, меняющие смысл звеньев между пунктами списка и сюжетными моментами книги. В целом данный подход позволяет глубже понять значение *момента* в сахалинском промежутке биографии Чехова. Так, если мы согласны с тем, что у каждого замысла своя история, то анализ чеховского списка трансформирует хронологию замысла. Вне всякого сомнения, это влияет на понимание идейной структуры и стилистической природы книги «Остров Сахалин».

Ответы на вопрос о причинах того или иного поступка писателя читатель обычно ищет в биографиях или, если время для них не пришло, в критических работах. Биографии Чехова сахалинский ма-

[6] Эта идея может быть включена в контекст традиции, заданной работами Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1970, с. 62–65; Гинзбург, 1971, с. 5–134].

териал подают крайне лаконично. Биография не просто популярный жанр, она представляет специальный интерес в силу относительно свободной обусловленности в построении и мотивировке сюжета и события (общего или частного). Это обеспечивает широкий диапазон маневра в отборе фактов жизни.

Изучение того, как подан сахалинский этап в чеховской биографике, дает понять, что связать поступок писателя и его художественную манеру не всегда удается, не говоря уже о реконструкции общей хронологии этапа. Повышение уровня детализации в последних книгах не дает ощущения результативности, выхода к новому (более точному, сложному) представлению о личности писателя [Рейфилд; Кузичева]. Представляется, что источник, указывая на контекст, позволяет поместить в единой плоскости события в жизни писателя, обусловленные его личным выбором: его поступки и свойства его художественной манеры. Собственно, художественный замысел – это и есть узел, в котором проявляется вся личность писателя от маршрута (проложенного через Сибирь) до выбора манеры изображения.

Мы привыкли отсчитывать историю чеховской идеи о Сахалине с момента смерти Николая Чехова[7] и разговоров с К. А. Каратыгиной летом 1889 г. (С., т. 14–15, с. 743). Чуть раньше, в апреле, Чехов проговорился о желании служить «врачом на пароходе Добровольного флота» (П., т. 3, с. 194). Но гораздо ранее этих событий следует поместить датируемые второй половиной лета 1887 г. диалоги с доктором П. А. Архангельским (1852–1913), заведующим Воскресенской земской больницей, на четыре года ставшей для Чехова-студента местом практики. Архангельский предложил молодому коллеге свой «Отчет по осмотру русских психиатрических заведений...» [Архангельский][8], вызвавший интерес у Чехова, просмотревшего корректурные листы: «А ведь хорошо бы описать так же тюрьмы?..» – так записал Архангельский прозвучавший затем вопрос Чехова[9].

В обратной хронологической последовательности эта реакция почти не кажется неожиданной. Вряд ли сознание молодого писателя в этот момент увлекла традиционная метафора болезни как заточения (слова «арестантский», «каземат» и т. п. частотны в «Отчете…»). Хотя с этой точки зрения открывается несколько любопытных эпизодов, которые можно рассмотреть в дальнейшем («Гусев», «Палата № 6»), важно другое. Чехов вновь (свидетельств тому немало в его переписке) испытывает искушение к обобщающей масштабной работе не художественного, а скорее публицистического характера.

---

[7] «Летом 1889 г. была ликвидирована жизнь брата Николая Чехова. Летом 1890 г. нога Чехова уже ступила на Сахалин» [Измайлов, с. 246].

[8] В этой книге собраны подробные сведения по десяти земским округам (Новгородскому, Саратовскому, Тамбовскому, Тверскому, Харьковскому и т. д.) и лечебницам в Казани, Москве и Санкт-Петербурге. Издание снабжено колоссальным справочным аппаратом – таблицами и библиографическим списком.

[9] Впервые это факт упомянут Ю. В. Соболевым [Соболев, 1916, с. 138–139].

Теперь его увлекает роль доктора, гигиениста, просветителя. Не потому ли, что мысль эта уже давно его беспокоит и именно сейчас находит возможность воплощения? По структуре высказывания эта ситуация похожа на выраженное в письме к А. С. Суворину желание отправиться служить на пароходе Добровольного флота.

Все это трудно считать результатом совпадения, и каждый из моментов потребует особых источниковых разысканий. В связи с апрельским (1889 г.) письмом к Суворину мы вынуждены если не расширять чеховский список, то, по крайней мере, дополнять представление о нем публикациями, в которых шла речь о Добровольном флоте. Вопрос, когда Чехов мог узнать о рейсах «добровольцев» и под влиянием каких сведений формировались его мысли о морском пути на Сахалин, заставит обратиться к статьям об отправке на Сахалин 600 каторжных на пароходе Добровольного флота 16 марта 1889 г. в «Московском листке», «Русских ведомостях» (24 марта), «Новостях дня» (2 апреля) и пр. [Летопись жизни и творчества А. П. Чехова, т. 2, с. 90–91]. Кроме сообщений в центральных газетах, Чехов мог прочесть об этом в книге К. А. Скальковского «Русская торговля в Тихом океане», изданной в 1883 г.[10], а еще раньше – обратить внимание на первые материалы о Доброфлоте и его рейсах на Дальний Восток в 1880 г.

Возвращаясь к «Отчету…» доктора Архангельского, мы должны решить, каково значение его в сахалинском и в дальнейшем, более широком контексте чеховского творчества. Оно предопределено внутренними связями, композицией этой уникальной книги, выстраивающей важную страницу в истории отечественной психиатрии. Неизвестно, какой эффект дал «просмотр» Чеховым корректурных листов: просмотр не чтение, рассуждение на эту тему может иметь в лучшем случае коррелятивное значение.

Подробнейшие описания палат, корпусов и усадеб, в которых устраивались лечебницы для призрения душевнобольных, малопригодны для сопоставления. Чехов не имел возможности запомнить все детали строительства зданий, организации лечения и, конечно же, впоследствии, когда Сахалин предстал его взорам, не мог рассчитывать на аналогичную открытость и доступность материалов медицинской и хозяйственно-административной истории по каждому округу острова. Но именно просмотр позволяет уловить наиболее сильные места, эпизоды в тексте отчета. Здесь рецепция может быть результативной и без вдумчивого чтения, отпечаток в памяти возникает моментально и дает затем пищу для размышления. Рассмотрим, например, данные о «движении больных» в главе о Херсонской лечебнице [Архангельский, с. 204] (табл. 1).

[10] Весьма информативная глава «Срочные пароходные сообщения в русских владениях на Тихом океане» содержит не только сведения о тарифах на проезд и провоз багажа на пароходах Добровольного флота от Одессы до Шанхая, Нагасаки и Владивостока, но и калькуляцию сухопутного способа, который Чехову пришлось предпочесть, когда растаяла надежда на место на пароходе Добровольного флота [Скальковский, с. 466–492, 474] .

Таблица 1

Движение больных в Херсонской лечебнице

К 1 января	Состояло			Поступило			Выбыло			Умерло		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
1870	–	–	69	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1871	–	–	73	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1872	–	–	85	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1873	–	–	102	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1874	–	–	101	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1875	–	–	102	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1876	–	–	116	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1877	–	–	118	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1878	–	–	134	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1879	–	–	125	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1880	–	–	111	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1881	–	–	114	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1882	–	–	124	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1883	86	44	130	63	36	99	36	18	54	21	3	24
1884	95	59	154	104	61	165	57	35	92	24	11	35
1885	118	74	192	114	75	189	57	45	102	19	17	36

Ее не нужно «читать», чтобы увидеть, что элементарные сведения стали собирать лишь пять лет назад (с 1883 г.), и еще раз убедиться, насколько распространено, в какой мере властно было безразличие к положению больных («…лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета…» – рассказ «Студент» (С., т. 8, с. *306*)). Чехов, надо полагать, хорошо понимал состояние статистики, державшейся в условиях 1880-х на личном энтузиазме одиночек (см. рассказ «Верочка»): и годы студенчества еще не пережиты, и собственные занятия заставляют возвращаться к этой проблематике.

Но одно дело мелкие подробности, скрупулезно собранные в отчете, другое – неожиданные, на первый взгляд, эпизоды:

> Если идти от главного подъезда с восточной стороны и принять за центр здание общей больницы, то на запад от него в 40–60 саженей будут находиться здания, составляющие в настоящее время помещение для неизлечимых душевнобольных, а на север, на расстоянии около 100 саженей от больницы, новое здание; между упомянутыми зданиями находятся… [Архангельский, с. 103–104].

Спокойный тон таких описаний чем-то схож с экспозицией повести «Палата № 6», дающей далеко не благополучную картину, но это следует рассмотреть ниже. Их можно обнаружить в каждом разделе, потому что Архангельский всегда говорит о целесообразности общего плана больницы и размещения лечебницы на ее территории.

Описания в сухих отчетах могут сделать не меньше, чем цифирь. У Чехова информация о «благосостоянии» возникает часто в самых неожиданных местах: в достоверности сословного состава пациентов шестой палаты[11], в размышлениях Якова Бронзы об убытках (около 200 нерабочих дней в календаре, 1040 рублей, река обмелела, «срубили березняк и сосновый бор» – «скверные» дела («Скрипка Ротшильда»)), в пафосе Чимши-Гималайского («протестует одна только немая статистика»: количество душевнобольных, алкоголизм, детская смертность (рассказ «Крыжовник»))… Протест статистики неочевиден, ибо все рукотворное приобретает двоякий смысл: отчет, долженствующий сообщить о бедах в деле призрения больных, вопреки воле автора создает относительно благополучное впечатление. Любопытно, уловил ли это Чехов? (Малые формы чувствительны к тонкостям композиции.) Стиль «Острова Сахалина» по структуре очень сложен и описывается в последнее время как «межстилевая контаминация» [Маевский, с. 84]. По сути, получается простая сумма n-ного количества стилевых установок. Таким способом выбор художника понять крайне трудно, тем более что в книге Чехова отразилась «вся Россия». Вернуть чеховскому стилю динамику исторической конкретности можно, в частности, восходя к контексту усвоенных им работ. Поэтому в дополнение к одной из характеристик стиля книги [Ахметшин, с. 310–315] хотелось бы отметить, что Чехов находился под влиянием прочитанного им о Сибири и Сахалине и мог уловить любопытную тенденцию в медицинской и каторжно-пенитенциарной прозе. Интересно, что чем суше и деловитее был тон статьи, тем ощутимее сказывалась эта черта стиля.

Описать ее непросто, потому что между сухостью Архангельского и повествовательной интонацией Чехова трудно найти точки сближения. При всем том, что «Отчет…» накопил колоссальный негативный материал, в каждом его разделе неизменно действует контрапункт, сдвигающий интенции автора к позитивному, достигнутому, состоявшемуся.

Приведем два примера:

> …Полтавское земство строило заведение, имея в виду удовлетворить нужду тех больных, которые находились в данный момент в психиатрическом отделении, но не остановило оно внимания на том обстоятельстве, что заведение неудержимо растет и что в то время, как оно окончит постройку, больных будет больше, чем может удовлетворить заведение.

[11] Недостоверно здесь лишь число пациентов психиатрического отделения, но это, кажется, имеет отношение не совсем к комментарию, а к поэтике.

> И действительно, не успели выстроить заведение maxim. на 200 человек, больных оказалось 266, и теперь для земства вопрос – куда девать больных – остается неразрешенным… Вот разве последнее постановление земского собрания о взыскании платы с общества за содержание психопатов в богадельне поможет более живому обмену призреваемых. <…> Психиатрическая лечебница вместе с общей больницей находится в южной части города, вблизи ярмарочных лавок и театра. Въезд в усадьбу с двух улиц – Новополтавской и Сретенской… [Архангельский, с. 173].

> В настоящее время заведение [в Херсонском земстве] совершенно неузнаваемо, если судить о нем по описанию 3–4 года тому назад. Правда, еще есть много в нем крупных недостатков, как, напр., подвальный этаж приходится еще до сих пор занимать больными; для многих больных, непривычных к разного рода ремеслам, не устроено работ и занятий; но, вероятно, в скором времени земство устранит и этот недостаток [Там же, с. 191].

Несмотря на плачевность ситуации, отчет не может сгустить краски до статуса «протеста», инвективы, потому что, отвечая требованиям последовательности, этот жанр настроен для воспроизведения поступательности социального движения. А это само по себе позитивно. Ведь даже перевод дескриптивной точки зрения из плана прошлого в план настоящего обладает не просто качеством – огромным потенциалом событийности (хотя бы автор вовсе о событиях не писал) и полноценно отражается в структуре публицистического стиля, модулируя ложноположительную тональность.

Чехов понимал, что «такая же», как о земских лечебницах для душевнобольных, книга о тюрьмах нужна, но не мог не осознавать, что традиционный способ построения материала, свидетельствующего о несоблюдении нравственных и политических законов в государстве, убьет в замысле «Острова Сахалина» гражданский пафос автора, а значит, дестабилизирует общую идею. Художественные «неудачи» Чехова, как и несостоявшиеся замыслы историко-медицинских и публицистических работ, толкали его на путь поиска.

Замысел стягивает факт биографии и художественную манеру в один узел. Поэтому нас в равной мере интересуют момент возникновения и процесс оформления идеи произведения. В пределах замысла происходит относительно синхронное овеществление жизненной программы и эстетики текста, тех законов, которые дадут ему завершение. Именно поэтому Чехов начал свою книгу еще до путешествия. Можно предположить, что он осознал цель своего труда задолго до своего возвращения. Поиск сути в пути – традиционное ожидание. Но если к нему добавляется страдание, личное и общее, и ощущение неисповедимости жизни, ее замкнутой непостижимости, движение заставляет испытывать незабываемое разочарование и апатию.

По моему убеждению, Чехову не пришлось биться над разрешением проблемы целесообразности сахалинской колонии: ответ был ему известен еще до приезда на остров и знакомства с его устройством. Его интересовала медицинская сторона пенитенциарной системы, но, создавая ее картину и высказывая мнение о ней, Чехов решился на полемику со своими предшественниками, авторами статей и отчетов. Поэтому даже при обширном и частом цитировании их писатель не воспроизводил буквально формы, заданные ими. Эта «полупублицистическая» стилистическая модель (выражение С. Н. Булгакова из его статьи «Чехов как мыслитель» [А. П. Чехов : Pro et Contra, 2002, с. 560]) нуждается в подробном описании и анализе.

Мы приблизительно знаем, когда Чехов начал собирать материалы о Сахалине, и точно знаем, когда писатель отправился в свой нелегкий путь. Нет ясности с тем, когда зародилась мысль о Сахалине как русской тюремно-каторжной модели, как Чехов становился заложником своей задачи. Вопрос этот не метафорический, не абстрактный и может решаться путем комментирования источников. Комментарий не может бороться с мифами и стереотипами, этому служат другие жанры и методы литературы, но он не должен порождать миф в сознании своего читателя. Для чего один из разделов комментария к «Острову Сахалину» в академическом собрании был посвящен чеховскому списку? Не из формального тяготения к полноте, которое, хотя и несомненно важно, создает риск отказа от дальнейшей рефлексии.

Список в первую очередь свидетельствует об этапе *подготовки* к путешествию, отделяя его от времени путешествия. Дополнявшийся М. Л. Семановой, он по-прежнему не может считаться окончательным, но получается, что в нем, с одной стороны, погребена масса полезной информации. С другой стороны, если он был продолжен (в продуктивности этого метода сомневаться невозможно), то необходимо не только комментированное описание каждого пункта[12] и движение хронологически вверх, но и исследование потенциала нижней границы. Однако при почти трехкратном расширении со стороны верхней границы первым пунктом списка так и остаются воспоминания В. А. Римского-Корсакова «Случаи и заметки на винтовой шкуне “Восток”» (1858) – статья, долженствующая, видимо, датировать начало работы Чехова над книгой.

Однако в любой работе этап созревания идеи все же предшествует моменту появления первой страницы текста. Если не учесть предложенные в настоящей работе детали и мотивировки, устоявшаяся перспектива будет некоторым образом стирать историю. Тогда смысловые грани и аспекты стиля книги утратят свой генезис. Смысл этой работы не в том, чтобы непременно включить книгу Архангельского в чеховский список под номером один. Поскольку Чехова трудно

[12] Что не состоялось в последнем по времени комментарии «Острова Сахалина» [Высоков]. В его работе дан лишь сканированный со страниц 15-го тома текст чеховской тетради.

упрекнуть в равнодушии к идее соответствия мысли и формальной организации поэтического текста, поскольку его эпоха по-прежнему считала, что для идеи нужна поэзия[13], – выстраивание стиля в творчестве писателя было этапным, проходило долгий процесс. Все его звенья крайне важны. Когда в чеховский список довносятся работы, изданные после 1895 г.[14], но при этом сохраняется неизменным его первый пункт, это делает нижнюю границу списка догматически целостной и словно защищает его от анализа. Введение в контекст книги «Остров Сахалин» «Отчета…» Архангельского позволяет обогатить и существенно усложнить историю подготовки Чехова к сахалинской поездке, дает возможность уточнить хронологические рамки чеховской художественной модели.

Список литературы

Альтшуллер И. Н. О Чехове (Из воспоминаний) // Современные записки. Париж. 1930. № 41. С. 470–485.

Архангельский П. А. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским. М. : Тип. В. В. Исленьева, 1887. 326 с.

Ахметшин Р. Б. Сахалинское путешествие А. П. Чехова: к реконструкции замысла // Russian Studies : Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National Univ., Korea. Vol. 25, № 2. P. 291–320.

Высоков М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.

Гинзбург Л. Я. О документальной прозе и принципах построения характера // Вопр. лит. 1970. № 7. С. 62–91.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Совет. писатель, 1971. 463 с.

Гитович И. Е. «Остров Сахалин»: текст и автор (к постановке вопроса) // А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (21–30 сент. 2005 г., Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 2006. С. 54–59.

Ермолаев С. Лжеисторик № … // Скепсис : науч.-просветит. журн. URL: http://scepsis.net/library/id_3264.html (дата обращения: 15.02.2016).

Измайлов А. А. Чехов : Биографический набросок : (Жизнь. Личность. Творчество). М. : Захаров, 2003. 480 с.

Краснов П. Н. Осенние беллетристы : II. А. П. Чехов // Труд. 1895. № 1. С. 201–210.

Кузичева А. П. А. П. Чехов в русской театральной критике : антология : в 2 т. / сост., коммент. А. П. Кузичева. М. : ЧПК, 1999. 542 с.

Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М. : Молодая гвардия, 2010. 847 с. (ЖЗЛ. Серия биогр. Вып. 1223).

Господа критики и господин Чехов : антология / сост. С. Ле Флемминг. СПб. ; М. : Летний сад, 2006. 672 с.

Летопись жизни и творчества А. П. Чехова : в 5 т. / сост. И. Ю. Твердохлебов / Рос. акад. наук ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 2. 1889 – апрель 1891. М. : ИМЛИ РАН, 2004. 592 с.

---

[13] У этой парадигмы огромный тираж: «…для роли учителя жизни у г-на Чехова не хватает лиризма, не хватает веры и силы чувства. Он слишком много художник и недостаточно поэт, а потому несколько безразлично смотрит на жизнь» [Краснов, с. 203].

[14] Предполагается, что они использовались Чеховым в дальнейшей работе над книгой и при переиздании ее. И каждый элемент в этом ряду нуждается в комментарии (воссоздании ее репутации), иным способом понять место той или иной статьи (книги) в структуре чеховского замысла невозможно.

Лобас Н. С. Каторга и поселение на о-ве Сахалине : (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии) : Со многими рисунками / изд. В. С. Лобас. Павлоград : Тип. В. Н. Шимковича в г. Павлограде Екатеринослав. губ., 1903. 160 с.

Чехов в понимании критики / сост. И. П. Лысков. М. : Тип. В. А. Гатцука, 1905. 260 с.

Маевский Н. Н. Стилевой полифонизм произведения А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Изв. ЮФУ. Сер. Филологические науки. 2009. № 4. С. 84–105.

Муриня М. А. А. П. Чехов в русской критике и культурном сознании начала XX века: (1900–1917 годы) : дис. … канд. филол. наук. СПб.: Б. и., 1991. 365 с.

Антон Павлович Чехов : Его жизнь и сочинения / сост. В. И. Покровский. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. 1062 с.

Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / вступит. ст. А. М. Туркова ; сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. М. : Худож. лит., 1986. С. 295–349.

Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / пер. с англ. О. Макаровой. М. : Независимая газета, 2005. 864 с.

Скальковский К. А. Русская торговля в Тихом океане : Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1983. 515 с.

Соболев Ю. В. Антон Чехов – неизданные страницы. М. : Северные дни, 1916. 152 с.

Соболев Ю. В. Чехов : Статьи, материалы, библиография. М. : Федерация, 1930. 347 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол. Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М. : Наука, 1974–1983.

А. П. Чехов : Pro et Contra / сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. Т. 1. СПб. : РХГИ, 2002. 1072 с. Т. 2. СПб. : РХГА, 2010. 1094 с.

References

Al′tshuller, I. N. (1930). *O Chekhove (Iz vospominany)* [On Chekhov (from Memoirs)]. In *Sovremennye zapiski*, 41, pp. 470–485. Paris.

Akhmetshin, R. B. (2015). *Sakhalinskoe puteshestvie A. P. Chekhova: k rekonstruktsii zamysla* [A. P. Chekhov's Trip to Sakhalin: On the Reconstruction of the Concept]. In *Russian Studies*, Vol. 25/2, pp. 291–320. Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National Univ., Korea.

Arkhangel′sky, P. A. (1887). *Otchet po osmotru russkikh psikhiatricheskikh zavedeny, proizvedennomu po porucheniyu Moskovskogo gubernskogo zemskogo sanitarnogo soveta vrachom Voskresenskoy zemskoy lechebnitsy P. A. Arkhangel'skim* [Report on the Inspection of the Russian Mental Hospitals Made by P. A. Arkhangelsky, Doctor of the Voskresensk Territorial Hospital at the Order of the Moscow Governorate Territorial Sanitary Council]. 326 p. Moscow, Tipografiya V. V. Islen′eva.

Chekhov, A. P. & Bel′chikov, N. F. (Ed.). (1974–1983). *Polnoe sobranie sochineny i pisem : v 30 t.* [Complete Works and Letters: 30 Vols.]. / AN SSSR. Institut mirovoy literatury imeni A. M. Gor′kogo. Moscow, Nauka.

Ermolaev, S. (n. d.). *Lzheistorik № ...* [False Historian #...]. In *Skepsis : nauchno-prosvetitel'sky zhurnal.* URL: http://scepsis.net/library/id_3264.html (mode of access: 15.02.2016).

Ginzburg, L. Ya. (1970). *O dokumental'noy proze i printsipakh postroeniya kharaktera* [On Documentary Prose and Character Depiction Principles]. In *Voprosy literatury*, 7, pp. 62–91.

Ginzburg, L. Ya. (1971). *O psikhologicheskoy proze* [On Psychological Prose]. 463 p. Leningrad, Sovetsky pisatel′.

Gitovich, I. E. (2006). *"Ostrov Sakhalin": tekst i avtor (k postanovke voprosa)* [Sakhalin Island: Text and Author (the Statement of the Issue)]. In *A. P. Chekhov v istoriko-kul'turnom prostranstve Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (21–30 sentyabrya 2005 g., Yuzhno-Sakhalinsk)* (pp. 54–59). Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor′e.

Izmaylov, A. A. (2003). *Chekhov : Biograficheskiy nabrosok : (Zhizn'. Lichnost'. Tvorchestvo)* [Chekhov: A Biographic Sketch: (Life. Personality. Creative Work)]. 480 p. Moscow, Zakharov.

Krasnov, P. N. (1895). *Osennie belletristy : II. A. P. Chekhov* [Autumn Fiction Writers: II. A. P. Chekhov]. In Trud, 1, pp. 201–210.

Kuzicheva, A. P. (1999). *A. P. Chekhov v russkoy teatral'noy kritike : antologiya : v 2 t.* [A. P. Chekhov in Russian Theatre Criticism: An Anthology: 2 Vols.]. 542 p. Moscow, ChPK.

Kuzicheva, A. P. (2010). *Chekhov : Zhizn' "otdel'nogo cheloveka"* [Chekhov: The Life of a "Certain Person"]. (ZhZL. Iss. 1223). 847 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Le Flemming, S. (Comp.). (2006). *Gospoda kritiki i gospodin Chekhov : antologiya* [Misters Critics and Mr Chekhov]. 672 p. Saint Petersburg, Moscow, Letny sad.

Lobas, N. S. & Lobas, V. S. (Publ.). (1903). *Katorga i poselenie na o-ve Sakhaline : (Neskol'ko shtrikhov iz zhizni russkoy shtrafnoy kolonii) : So mnogimi risunkami* [Exile and Colony in Sakhalin: (Some Details from the Life of the Russian Penal Colony)]. 160 p. Pavlograd, Tipografiya V. N. Shimkovicha v g. Pavlograde Ekaterinoslavskoy gubernii.

Lyskov, I. P. (Comp.). (1905). *Chekhov v ponimanii kritiki* [Chekhov as Understood by Critics]. 260 p. Moscow, Tipografiya V. A. Gattsuka.

Maevsky, N. N. (2009). *Stilevoy polifonizm proizvedeniya A. P. Chekhova "Ostrov Sakhalin"* [The Polyphony of Style in A. P. Chekhov's Sakhalin Island]. In *Izvestiya YuFU. Ser. Filologicheskie nauki, 4,* pp. 84–105.

Murinya, M. A. (1991). *A. P. Chekhov v russkoy kritike i kul'turnom soznanii nachala XX veka: (1900–1917 gody)* [A. P. Chekhov in the Russian Criticism and Cultural Consciousness of the 20th Century (1900–1917)]. (Dissertation). 365 p. Saint Petersburg.

Pokrovsky, V. I. (Comp.). (1907). *Anton Pavlovich Chekhov : Ego zhizn' i sochineniya* [Anton Pavlovich Chekhov: His Life and Works]. 1062 p. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sovko.

Potapenko, I. N., (1986). *Neskol'ko let s A. P. Chekhovym (K 10-letiyu so dnya ego konchiny)* [Some Years with A. P. Chekhov (For the 10th Anniversary of His Death)]. In Turkov, A. M. (Foreword) & Gitovich, N. I. (Comp.). A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov (pp. 295–349). Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Rayfield, D. & Makarova, O. (Transl.). (2005). *Zhizn' Antona Chekhova* [Anton Chekhov. A Life]. 864 p. Moscow, Nezavisimaya gazeta.

Skal′kovsky, K. A. (1983). *Russkaya torgovlya v Tikhom okeane : Ekonomicheskoe issledovanie russkoy torgovli i morekhodstva v Primorskoy oblasti Vostochnoy Sibiri, Koree, Kitae, Yaponii i Kalifornii* [Russian Trade in the Pacific Ocean: An Economic Study of the Russian Trade and Seafaring in Primorye Region of Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California]. 515 p. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina.

Sobolev, Yu. V. (1916). *Anton Chekhov – neizdannye stranitsy* [Anton Chekhov – Unpublished Pages]. 152 p. Moscow, Severnye dni.

Sobolev, Yu. V. (1930). *Chekhov : Stat'i, materialy, bibliografiya* [Chekhov: Articles, Materials, Bibliography]. 347 p. Moscow, Federatsiya.

Sukhikh, I. N. (Comp., Ed., Foreword). (2002, 2010). *A. P. Chekhov : Pro et Contra* [A. P. Chekhov: Pro et Contra]. Vol. 1. 1072 p. Vol. 2. 1094 p. Saint Petersburg, RKhGI, RKhGA.

Tverdokhlebov, I. Yu. (Comp.). (2004). *Letopis' zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova: v 5 t.* [A Chronicle of A. P. Chekhov's Life and Creative Work, 5 Vols.]. Vol. 2. 1889 – aprel′ 1891. 592 p. / Rossyskaya akademiya nauk ; Institut mirovoy literatury imeni A. M. Gor′kogo. Moscow, IMLI RAN.

Vysokov, M. S. (2010). *Kommentary k knige A. P. Chekhova "Ostrov Sakhalin"* [A Commentary for A. P. Chekhov's Sakhalin Island]. 848 p.Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh.

The article was submitted on 20.06.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.191
УДК 821.161.1Чехов+81'38+94(571.642)+325.3(571.642)

«ЖЕСТКИЙ АРЕСТАНТСКИЙ ХАЛАТ» В «БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМ ГАРДЕРОБЕ» А. П. ЧЕХОВА: «ОСТРОВ САХАЛИН»*

Елена Созина
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE PRISON UNIFORM IN A. P. CHEKHOV'S "FICTIONAL WARDROBE": *SAKHALIN ISLAND*

Elena Sozina
Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The author regards A. P. Chekhov's *Sakhalin Island* through the lens of contemporary post-colonial criticism. She focuses on the colonisation of the island, which Chekhov analysed from a variety of angles (the economic development of Sakhalin and its colonisation by means of prisoner labour). Chekhov unites a number of points of view in the text, but it is also important that Chekhov himself quite often employs the language of a supporter of the imperial idea, although his account testifies to the failure of colonisation and the inability to modernise the Russian legal system. According to Chekhov, this resulted from the problems inherent in the reforms and the fact that serfdom had not been entirely wiped out. Chekhov stops using the indirect narration he had previously employed and directly expresses his opinion on

* *Citation*: Sozina, E. (2016). The Prison Uniform in A. P. Chekhov's "Fictional Wardrobe": *Sakhalin Island*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 64–83. DOI 10.15826/qr.2016.4.191.

Цитирование: *Sozina E.* The Prison Uniform in A. P. Chekhov's "Fictional Wardrobe": *Sakhalin Island* // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 64–83. DOI 10.15826/qr.2016.4.191 / *Созина Е.* «Жесткий арестантский халат» в «беллетристическом гардеробе» А. П. Чехова: «Остров Сахалин» // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 64–83. DOI 10.15826/qr.2016.4.191.

© Созина Е., 2016

the things he witnesses, quite often omitting his own evaluations. The author emphasises the continuity between the literary tradition of the 1860s and 1870s (G. Uspensky, N. Pomyalovsky, F. Reshetnikov, etc.) and Chekhov's works. *Sakhalin Island* is part of a super textual entity, since it should be read alongside Chekhov's letters on the continuation of his journey around Southeast Asia, which give a wider perspective of the colonisation of the island. Chekhov changed his manner of narration a number of times and reconsidered his approach: the text reflects those changes. Apparently, this was connected with Chekhov's ambiguous impression of his journey to Sakhalin, with what he saw on the island, and how he perceived what was going on there and his own role. It is impossible to describe or interpret the colonisation of the island of Sakhalin in an unambiguous way, and it was one of the writer's tasks to learn about its results.

Keywords: 19th-century Russian literature; *Sakhalin Island*; colonisation; narrative; multi-genre and super textual entity; author's position.

Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» рассматривается через призму современных работ в русле постколониальной критики. Выделяется одна из ее ведущих тем – колонизации острова, которую Чехов анализировал с разных сторон: и как хозяйственное освоение Сахалина, и как колонизацию посредством труда заключенных. В позиции автора, воплощенной в тексте, сочетаются разные ипостаси, но немаловажно, что Чехов сам подчас переходит на язык носителя имперской идеи, хотя опыт его наблюдений над жизнью острова свидетельствует о неудаче колонизации, а также модернизации судебного дела в России. Причины этого автор видит в характере производимых реформ и неизжитом крепостном прошлом страны, определяющем ее настоящее. Чехов отказывается от выработанной им манеры косвенного повествования и дает прямые оценки увиденному, зачастую его оценки и авторские ремарки опущены, поскольку сам автор уподобляется некоей «машине» письма. Отмечена преемственная связь с традицией русской прозы 1860–1870-х гг. (Г. Успенского, Н. Помяловского, Ф. Решетникова и др.), от которой в определенной степени зависят особенности чеховского нарратива. «Остров Сахалин» включается в рамку сверхтекстового единства – писем Чехова о продолжении его путешествия по Юго-Восточной Азии, позволяющего увидеть проблему колонизации в более широком ракурсе. Чехов неоднократно менял саму манеру своего письма, отказывался от начатого, и следы этих изменений хранит текст. По-видимому, это было связано с принципиально неоднозначными впечатлениями Чехова от своего путешествия на Сахалин, от того, что он увидел на острове и как оценивал происходящее и свою роль в нем. Тема колонизации острова Сахалин не может быть подана и решена односложно, раз и навсегда, ознакомление с ее результатами тоже входило в задачи писателя, который поневоле выступал здесь не только и не столько как писатель-беллетрист.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А. П. Чехов; «Остров Сахалин»; тема колонизации; художественный язык; нарратив; полижанровое и сверхтекстовое единство; позиция автора.

В прошедшем 2015 г. исполнилось 125 лет сахалинскому путешествию Чехова и 120 лет выходу его книги «Остров Сахалин». Повод достаточный для того, чтобы попытаться еще раз и, возможно, в чем-то заново посмотреть на опыт не столько даже путешествия Чехова, сколько его осмысляющего впечатления этого опыта, выраженного в книге. Судя по редким замечаниям о работе над ее текстом, рассыпанным в письмах Чехова, этот опыт давался ему нелегко.

Как известно, перед поездкой на Сахалин Чехов очень основательно изучал имеющуюся на тот момент литературу об острове. Вопрос о «нашем Востоке», по крайней мере о Сахалине (ибо Амур он оценивал иначе), о возможности его стать «страной довольства, богатства и счастья»,[1] – с самого начала решался им отрицательно:

> Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... <…> В места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь,

– пишет он Суворину перед поездкой (П., т. 4, с. 32)[2]. То есть этот остров для него не только место страданий, но и место русской славы, героизма, а также возможного только в России обессмысливания самого героического подвига. Сахалин оценивается писателем как место исключительное, равноценное Севастополю, а его поездка туда мотивируется одновременно и гражданскими, и нравственными, и чисто профессиональными (исходящими от лица врача) соображениями.

Далее Чехов выдвигает еще один довод:

> После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? [Там же].

Иначе говоря, в своем виртуальном, предварительном приближении к Сахалину он вставляет его в контекст других знаменитых мест отселения преступников, настаивает на его изучении

[1] Н. М. Ядринцев в известном сочинении «Сибирь как колония» свою задачу видел в том, чтобы «рассеять предубеждение и ложное понятие о нашем Востоке… и показать, что этот край мог бы при лучших условиях быть страной довольства, богатства и счастья» [Ядринцев, с. 9]. Чехов знал эту книгу.

[2] Здесь и далее все цитаты из чеховских текстов приводятся с указанием в круглых скобках номера тома сочинений (С.) или писем (П.) и страницы по изданию: [Чехов].

и вводит термин «колонизация», причем употребляет его в специальном значении[3]. Можно констатировать, что в этом письме Чехов подступает к Сахалину с двоякой позиции: как русский человек и писатель-классик («место страданий», которому нужно «поклоняться», – едва ли не цитация из Достоевского) и как человек западной цивилизации, для которой, по М. Фуко, центральной практикой Нового времени выступал *осмотр-дознание* или *обследование* – «средство фиксировать или восстанавливать норму, правило» в целях селекции индивидов и групп и составления из них «нормального социального тела» [Визгин, с. 121] (см. также: [Фуко]). Хотя, повторяю, «нормального социального тела» Чехов от Сахалина не ждал изначально, и, как мы помним, ожидания его вполне оправдались. Но это сочетание нравственной вины и ответственности за «проклятый остров» и «невыносимые страдания», которые испытывают его обитатели, наряду с позицией наблюдателя-исследователя, чье «знание» дает ему также и определенную власть, пусть чисто моральную, характеризует сознание русской интеллигенции всей второй половины XIX в., и несмотря на ироническое отношение Чехова к еще живой в его время традиции, он, как показывает анализ, внутренне разделял его.

На самом острове, если судить чисто по тексту книги, Чехов занимал преимущественно вторую позицию – наблюдателя и исследователя, собирающего статистические данные, иногда врача. Если к этому добавить комментарии, раскрывающие его реальные действия, но не описанные в книге (помощь заключенным и ссыльным) и изредка упоминаемые в письмах (его личные переживания во время и после телесных наказаний заключенных и т. д.), а также более внимательно отнестись к скрытому эмоциональному пафосу автора, то окажется, что и первая позиция – русского писателя, движимого главным образом нравственными, гражданскими порывами, в поведении и письме Чехова вполне прослеживается[4]. Но на первый план он выдвигает

---

[3] По «Большому толковому словарю современного русского языка» Д. Н. Ушакова (1938–1940), колония в одном из значений слова – «поселение, общежитие лиц, поселяемых там властью с исправительными и трудовыми целями. Колония малолетних преступников. Трудовая колония беспризорных» [Ушаков]. В словаре В. И. Даля подобного значения слова нет, колония – это «население иноземцев, поселок выходцев, переселенцы из другой земли» [Даль]. Само сопоставление Сахалина с Австралией и др. показывает, что Чехов был в курсе процесса международной судебной реформы, захватившей всю вторую половину века. Остров переходит в собственность России по договору с Японией 1875 г. и сразу становится местом каторги и ссылки. По словам исследователя, «Предложение колонизовать Сахалин заключенными было частью более масштабного процесса тюремной реформы и рассматривалось международными специалистами как многообещающая и гуманная инициатива. Рассматривая негативную репутацию Сахалина в общем контексте модерности, мы видим, что такая репутация сложилась у острова отчасти из-за того, что эти планы так и не были осуществлены (по причинам, не зависевшим от специалистов)» [Коррадо, с. 34].

[4] Текст Чехова не исчерпывается реализацией указанных позиций автора, в нем есть мощный мифопоэтический (архетипический) слой. См. об этом: [Габдуллина].

вторую и делает это сознательно («Мой “Сахалин” – труд академический. И я получу за него премию митрополита Макария» (П., т. 5, с. 258)). А для того, чтобы уж совсем не запугать читателя «педантством» и отдать минимальную дань «беллетристическому гардеробу» (Там же), а также, подозреваю, из скромности, он формирует определенное лицо своего рассказчика – лицо «чудака», впервые попавшего в чужие и странные для него обстоятельства; об этом он также сообщал в письме к Суворину:

> Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудаком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко, и работа моя закипела, хотя и вышла немного юмористической [Там же, с. 217].

Поэтому не случайно очерки Чехова открываются темой и проблемой идентичности, то есть возможности для самого автора-рассказчика прижиться к новым местам и почувствовать их как в чем-то свои, не абсолютно чужие. Переживание это дается рассказчику с немалым трудом и наполняет первые главы книги, а в семантическом поле идентичности и возникает тема колонизации.

О нерусскости, чуждости ему как выходцу из России восточных пределов страны, куда он наконец приехал, пройдя через весь материк, рассказчик говорит в прямом слове:

> Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, нерусское (С., т. 14–15, с. 42).

И сразу возникает сравнение, содержащее колониальный маркер:

> Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уж об оригинальной, нерусской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами (Там же).

Чеховский рассказчик (а по сути, сам автор) воспринимает «русский Восток» как совершенно иную землю, иную страну, подвергающуюся со стороны России внешней прямой колонизации. Во время своего долгого путешествия Чехов неоднократно пересекал воображаемые границы: это чувство он испытывал на Урале (на Каме и в Екатеринбурге), в Сибири – настолько там все было иным, отличным

от России, наконец, еще одна граница, отделяющая его от родины, приходится на Амур. Исследователи же проблемы колонизации замечают: «...колонизация, как правило, означает путешествие за границу» [Эткинд, Уффельман, Кукулин, с. 18]. Отсюда, в дискурсе Чехова возникает сравнение с американскими штатами, «узаконенное» в русской общественной и литературной мысли: не только Ф. Тёрнер, но и Н. Ядринцев, А. Щапов и многие другие достаточно часто сравнивали процессы освоения новых земель в России и Америке (об их отличии, пожалуй, писать стали больше уже в XX в.), и в «Петербургских записках 1836 года» Н. В. Гоголь замечал: «Трудно схватить общее выражение Петербурга. Есть что-то похожее на *европейско-американскую колонию*; так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения, еще не слившегося в плотную массу» [Гоголь, с. 483]. В силу обилия черт «нерусскости» в окружающем мире чеховский рассказчик позиционирует себя как именно и сугубо русского человека: он русский вообще, что-то читавший о здешних местах, но каждый раз поражающийся увиденному – настолько оно не похоже на оставленное дома. Поэтому и имя Гоголя, прозвучавшее в его нарративе, можно рассматривать как симптоматичную проговорку: в «Мертвых душах» критиков поражало обилие слова «русский» – это в центре-то России – гиперболизация русскости России, ее нарочитое педалирование, доходящее до гротеска. У Чехова из антитезы «русский, русское – нерусский, нерусское» в дальнейшем повествовании вырастет кардинальная оппозиция России и Сахалина, а пока на пароходе, плывя на остров, он отмечает оксюморонное столкновение этнонимов:

> Прислуга тут – китайцы с длинными косами, их называют по-английски – бой. Повар тоже китаец, но кухня у него русская, хотя все кушанья бывают горьки от пряного кери и пахнут какими-то духами вроде корилопсиса (С., т. 14–15, с. 44).

Столкновение противоположного в одном, рождающее парадокс, оксюморон, антитетичность, проходит через всю книгу Чехова.

Непохожесть на свое родное, русское проявляется во многом: другая еда, другие разговоры («говорят о золоте, о понтах, о фокуснике, приезжавшем в Николаевск, о каком-то японце, дергающем зубы не щипцами, а просто пальцами» (Там же, с. 42)), другая нравственность – «какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращение с женщиной возводится в культ, и в то же время не считается предосудительным уступить за деньги приятелю свою жену» (Там же, с. 43), равнодушие к искусству, религии, политике. Чехова лично задевает отсутствие элементарных удобств – того, что зовется цивилизацией («Гостиницы в городе нет»), хотя, попав наконец на пароход, он удивляется интеллигентности команды и пассажиров и предупреждает об этом читателей:

> По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент, и ее здесь относительно больше, чем в любой русской губернии (С., т. 14–15, с. 44).

Позднее, уже на Сахалине, он остро ощущает чуждость здешней природы тому, к чему привык в России:

> Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной болотистой почвы и сурового климата (Там же, с. 56–57).

Привязанность рассказчика к «русскости», состояние чужого и чуждости окружающего мира актуализирует поиск идентичности – отсюда сравнение амурского края с американскими штатами, а своих чувств – с ощущениями другого путешественника:

> Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плыл по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами (Там же, с. 45).

И то, и другое носит чисто книжный характер. Но далее идентификация идет через личные впечатления автора Чехова: в бухте Де-Кастри, где пароход долго выгружался, рассказчик с механиком удят рыбу:

> …и нам попадались очень крупные толстоголовые бычки, каких мне не приходилось ловить ни в Черном, ни в Азовском море (Там же, с. 37).

Чужое обживается через отождествляющее сравнение с привычным, хотя бы знакомым: так работает ассоциативный механизм нашего сознания.

Сравнения с Россией и русским, буквально преследующие рассказчика, чаще всего получаются в пользу Сахалина. Но, по Чехову, в оппозиции Сахалина и России живут и мыслят большинство тех, кто прибыли на остров не по своей воле, да что там – не большинство, а абсолютно все. Хозяйка квартиры, на которую в Александровске извозчик привез Чехова, вздыхает:

> Заехали в эту пропасть! <…> Теперь у нас в Тамбовской губернии, чай, жнут… а тут глаза бы мои не глядели (Там же, с. 57).

> Скучно здесь, ваше высокоблагородие, – говорит кучер-каторжный. – У нас в России лучше (Там же, с. 66).

Бинарность языка и мышления, отчетливое противопоставление «своего» и «чужого» – признак как мифологического, так и обыденного сознания, она же, согласно классической схеме Э. Саида, лежит в основе ориентализма как способа мышления, основанного на онтологическом различении Запада и Востока [Саид]. Как мы уже убедились, различие России и Востока (в данном случае по отношению к центру России – буквального, географического Востока, или, как принято говорить, Дальнего) для Чехова разительно и безусловно, причем в дальнейшем его нарративе сахалинский Восток будет обладать всеми хрестоматийными признаками Востока по Саиду, то есть отсталостью, несвободой, инертностью, развращенностью и «верхов», и «низов» и т. д. Но в дискурсе Чехова ситуация оказывается сложнее, ибо его стремление видеть *всё* (см. далее) не позволяет остановиться на точке зрения, укладывающейся в рамки примитивной идеологемы.

Впоследствии, когда жизнь Сахалина предстает перед рассказчиком во всех своих однообразных подробностях и безобразиях, обнаруживается ее вполне даже русскость, то есть типичность для страны в целом. Причем национальный стереотип побеждает инаковость и исключительность сахалинских примет чаще всего в негативе, ср.:

> Как известно, это удобство у громадного большинства русских людей находится в полном презрении. <…> Презрение к отхожему месту русский человек приносит с собой и в Сибирь (С., т. 14–15, с. 90).

> На этом туннеле (из Александровска в Дуэ. – *Е. С.*) превосходно сказалась склонность русского человека тратить последние средства на всякого рода выкрутасы, когда не удовлетворены самые насущные потребности» (Там же, с. 127).

Начав свою перепись и обходя дома в Александровске, рассказчик выделяет настроение скуки как некое всеобщее состояние:

> А из сеней или с печки, как бы в насмешку над всеми этими надеждами и догадками, доносился голос, в котором слышались усталость, скука и досада на беспокойство… (Там же, с. 75).

Скука – привычное состояние русского человека и русской жизни, зафиксированное в русской литературе неоднократно – от Гоголя до Чехова и дальше к Горькому, Бунину, Набокову… Скука – некий экзистенциал русской жизни, можно говорить о метафизике скуки в России. Скука на Сахалине тоже своя, особенная, связанная с отсутствием многого привычного и необходимого для нормальной жизни, в том числе надежды на нормальную жизнь. В очерках «В Сибири» скуку испытывает сам Чехов-рассказчик. На Сахалине начальник острова генерал В. О. Кононович предупреждает писателя, что «жить здесь тяжело и скучно» (Там же, с. 60). Но в беспристрастный нарра-

тив чеховской «переписи» именно в связи с темой скуки вдруг врывается лирическая нота: «…нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка… а главное, нет родины» (С., т. 14–15, с. 73): вот какова истинная причина глубинной сахалинской скуки.

Постепенно вживаясь в сахалинскую среду, свыкаясь с ней – хотя само по себе это «свыкание», как убеждает нас автор, по сути невозможно, ибо противоестественно для нормальной человеческой психики, Чехов в личном опыте наблюдений и анализа проверяет те знания и представления об острове, что он получил из книг, а наряду с этим как бы опробует классические модели колонизации на возможность их применения на острове. Это основное значение слова «колонизация» – не тюремная, а хозяйственная эксплуатация острова – теперь становится важно для писателя: только она и позволила бы этой земле состояться как земле для людей, то есть иметь будущее. На это в целом и рассчитывало правительство, надеясь посредством ссыльнокаторжных заселить и колонизовать остров. Как писал начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Враскин, «сахалинская тюрьма призвана служить не только исполнению присужденного наказания, но также развитию и упрочению поселений» (цит. по: [Троицкая, с. 29]). Понятно, что Чехов мыслит не в русле позднейшей постколониальной критики – он рассматривает колонизацию в позитивном смысле и плане, использует существовавшую на тот момент в употреблении в российском сознании (и правительственном, и интеллигентском) модель колонизации как стратегии, предполагающей «массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства»[5], за которой обычно следует промышленное освоение заселяемого региона. Мало того – он проникается языком этой модели и подчас ведет описание своего опыта наблюдений над Сахалином на языке, вполне ей адекватном. Этот язык, в основе которого лежит тотальная оппозиционность Сахалина и России, начинает руководить его сознанием: язык российского интеллигента (как бы иронично, а порой и негативно он ни относился к российской интеллигенции), человека «центра», чья родина – далеко к западу от Сахалина, то есть выходца не просто из России, но из очень удаленного от острова ее региона, наконец, человека преимущественно городского сознания. Этот язык оказывает определяющее влияние на то, что он видит, воспринимает и, соответственно, описывает в книге. В одном из писем он так и говорит: «Я видел *всё*; стало быть, вопрос теперь не в том, *что* я видел, а *как* видел», и, сомневаясь в собственной способности реально увидеть *всё*, далее замечает: «…у меня такое чувство, как будто я видел всё, но слона-то и не приметил» (П., т. 4, с. 133).

[5] Таково значение колонизации в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Брокгауз, Ефрон].

Колониальное сознание, замечает это его носитель или нет, всегда «сверху» и «вне», пространство, которое колонизуется, для него всегда «иное», «другое», чуждое. Достаточно ярко указанная позиция, отмеченная нами в отношении не только Чехова, но и многих сахалинских обитателей[6], проявляется в описании в книге сахалинских «инородцев». Проблему коренных жителей писатель не то чтобы игнорирует – он не очень актуализирует ее как проблему, точнее, положение гиляков (нивхов), айнов, теснимых каторгой, затушевывается самой каторгой, ее общей гибельностью для кого бы то ни было, так что гиляки здесь не исключение, они лишь скорей поддаются порче в силу большей естественности их натуры. Загадкой остаются айно, и Чехов останавливается на них больше, чем на других народах. Он отмечает их антропологические особенности, их отличия не только от русских, но и от гиляков, их загадочное происхождение. При этом он остается на позиции «европейца», даже подчеркивает ее («Над огнем висит на крюке большой черный котел; в нем кипит уха, серая, пенистая, которую, я думаю, европеец не стал бы есть ни за какие деньги. Около костра сидят чудовища» (С., т. 14–15, с. 220); ср. также описание женщин, наружность которых «называют безобразной и даже отвратительной»), но с ней сочетается чисто человеческий интерес автора к таинственному племени. Самое, пожалуй, поразительное и важное для Чехова в айно – это их внутренняя «интеллигентность», «культурность» и человечность, то есть качества, вполне универсальные для любого народа. «Всякое насилие вызывает в них отвращение и ужас» (Там же, с. 221). Рассказу о насильственной колонизации айно русскими казаками, состоявшейся еще в XVIII в., сопутствует чисто чеховская зарисовка настоящего дня этого народа:

> В настоящее время айно, обыкновенно без шапки, босой и в портах, подсученных выше колен, встречается с вами по дороге, делает вам реверанс и при этом взглядывает ласково, но грустно и болезненно, как неудачник, и как будто хочет извиниться, что борода у него выросла большая, а он еще не сделал себе карьеры (Там же, с. 218–219).

Как показывает современный анализ проблемы этого ныне почти вымершего народа, айно оказались «в положении безвыходном» (Там же, с. 218), будучи «распяты» между Россией и Японией, в конце концов это и привело их к грани полного исчезновения (об айнах см.: [Высоков, с. 485–486; Левковская]).

---

[6] Анализируя язык официальных документов, согласно которым Сахалин превращался в «колонию ссыльнокаторжных», Ш. Коррадо пишет: «Этот языковой сдвиг представляется мне первым признаком перехода Сахалина в категорию Другого, создания образа Сахалина как чего-то далекого и чуждого России, дальней колонии, которой Россия сознательно противопоставляла себя в процессе собственного самоопределения» [Коррадо, с. 38].

Как и многие современники, Чехов говорит о развращающем действии русской колонизации на «инородцев», в частности, о разлагающем влиянии тюрьмы на гиляков. Вопрос о «метизации» русского населения вследствие скрещивания с «инородцами», волновавший Н. Ядринцева, А. Щапова, К. Носилова, здесь не ставится: вероятно, сам характер колонизации, а также тип «колонизуемых», несмотря на хронический недостаток на острове женского элемента, не допускал его постановки.

Рассматривая пути колонизации, Н. М. Ядринцев выделял такие ее виды, как вольная, военная или казенная, промышленная или торговая. Наиболее благоприятной для развития края, конечно же, считалась вольная колонизация, которая, однако, в России обычно сочеталась, следовала за, а иногда и предшествовала колонизации казенной, а также монастырской, вызывая, в свою очередь, промышленную [Ядринцев, с. 132]. «Движущей силой российской колонизации, по Щапову, были не меч и ружье, но топор и следовавший за ним плуг» [Эткинд, с. 98]. Для Чехова также очевидно, что никакое государственное освоение края не может быть успешным без народной основы и поддержки, тем более что позади – огромные пространства Сибири, Амура, принимающие и поглощающие переселенцев. На Сахалине все иначе, люди не принимают остров, и остров отторгает пришельцев. Основной причиной этого писатель видит насильственный характер происходящей здесь колонизации, ее соседство с тюрьмой, подмену мотивов и целей: «Тюрьма – антагонист колонии, и интересы обеих находятся в обратном отношении», «стадная жизнь» заглушает «инстинкты оседлого человека, домовитого хозяина» (С., т. 14–15, с. 228). В свою очередь, служащие на острове чиновники, начальство сделали из каторги сугубо русский институт:

> Это не каторга, а крепостничество, так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей или до идеи равномерности наказания; он не ссыльнокаторжный, а раб, зависящий от воли барина и его семьи, угождающий их прихотям, участвующий в кухонных дрязгах (Там же, с. 98).

> …Русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к крепостному праву (Там же, с. 209).

Используя введенный в обиход А. Эткиндом термин, можно сказать, что Чехов вскрывает «внутренний» характер колонизации острова: редуцирование задач как внешней (хозяйственной) колонизации, так и исправительной (поскольку Сахалин был превращен в одну большую исправительную колонию) к главной беде России – крепостному праву, никак не уходящему в ее историческое прошлое,

и в этом плане аналитизм авторской позиции перекрывает наивно-колониальный язык рассказчика-«чудака», который никак не может освоиться в чужом пространстве[7].

Остров открывается герою-рассказчику постепенно, и своеобразным вступлением в островную жизнь, подготовкой к ней становятся все те впечатления, что он переживает еще на материке, затем на пароходе, затем в первом пункте своего прибытия – в Александровске. Так же поэтапно жизнь острова и его обитателей раскрывается перед читателями в чеховском нарративе. Рассказывая об административно-чиновничьей среде Александровска, с которой он знакомится по прибытии, автор как бы подготавливает читателя к погружению в жизнь совершенно иной среды, с которой он сам соприкасался, осуществляя перепись. Как неоднократно указывалось прежде, нарратив Чехова неоднороден, включает в себя разножанровые компоненты, авторские описания и комментарии чередуются с чисто миметическими сценками, с научными и публицистическими фрагментами, наконец, с добросовестным фактографическим анализом островных проблем, приправленным статистическими данными и ссылками на иные источники, известные автору[8].

В плане аналитического построения книги и опоры ее художественно-публицистического формата на язык цифр одним из предшественников Чехова может по праву считаться Г. Успенский, а наряду с ним и другие народнические писатели и публицисты. В плане сочетания объективного изложения наблюдаемой картины с личным отношением к ней автора книги можно поставить рядом с Ф. Достоевским – его «Дневником писателя». Характерен чисто повествовательный момент, сближающий нарративы этих художников. В «Дневнике писателя», ведя автодиегетическое повествование, Достоевский отказывается от той полифонической позиции, что выдержана в его романах, становится «монологистом», излагающим и отстаивающим личную точку зрения на события, сколь бы спорной она ни была

---

[7] Судя по оценкам результатов колонизации Сахалина посредством труда осужденных – как тогдашним, так и современным, оценки Чехова чаще всего были справедливы. Характерно название одной из статей об этом феномене: «Сахалинская каторга как неудачный экономический эксперимент». Ее автор заключает: «Экономическое развитие Сахалина было таким, каким и могло быть в данных условиях в составе Российской самодержавной государственности» [Троицкая, с. 32]. Другой участник дискуссии о колонизации Сахалина полагает, что к 1905 г., когда каторга на острове была отменена, свои задачи создания демографического ресурса для последующей сельскохозяйственной колонизации она выполнила: «…несмотря на экзотичность такого подхода к делу колонизации острова, он не противоречит самой имперской стратегии колонизации по вышеописанному алгоритму: сначала воин, потом – пахарь» [Щеглов, с. 90]. Однако проблема осмысления и оценки «каторжного прошлого» острова до сих пор не решена его жителями.

[8] См., например: [Сухих, 1985; Сухих, 2007, с. 135–157; Катаев, 1974]. Как пишет в своей последней статье на эту тему чешский ученый Иво Поспишил, чеховский «Остров Сахалин» – это «…сложная полиморфная гетерогенная структура, впитывающая разные типы прозы». Более того, исследователь считает книгу Чехова «не первым, но все-таки, пожалуй, самым выразительным признаком заката русского классического романа» [Pospíšil].

(а спорность ее подчас более чем очевидна). Публицист побеждает художника – так можно охарактеризовать этот случай. В книге Чехова мы видим аналогичное явление, но на ином, сугубо чеховском повествовательно-литературном материале. Это практически полное отсутствие так называемого «слитного повествования», феноменов несобственно-прямой речи персонажей, когда рассказчик-повествователь ведет свой рассказ «в духе» персонажа и его голосом, в характерной для него манере [Катаев, 2001, с. 221], чем Чехов так обновил русскую прозу рубежа веков и что ставят обычно ему в заслугу. В «Острове Сахалине» Чехов отступает от достижений собственной прозы – его повествование в речевом и стилевом плане носит везде одинаково ровный характер; используя выражение В. Б. Катаева, Чехов, подобно другим современным ему авторам, выстраивает повествование «по иным принципам: интеллигентный повествователь адресуется среднеинтеллигентному читателю, вниманию которого предложен достаточно экзотический материал, но изложенный на языке межинтеллигентского общения, чуждом описываемой среде» [Там же, с. 223]. Конечно, Чехов остается Чеховым, и его стиль не уподобляется стилю речи П. Боборыкина или А. Амфитеатрова, но «сливать» свое повествование с речью и рассказами сахалинцев, передоверять им свое слово, отступать в сторону и созерцать возникающие при этом в обрамляющем авторском нарративе «другие миры», используя при этом свое главное оружие – иронию, Чехов не стал[9]. Причины, по-видимому, в той самой чуждости и абсолютной инородности сахалинского материала – это с одной стороны, а с другой – в этической позиции писателя: ирония в отношении жизни, находящейся на пределе, а иногда и за границей человечности, невозможна, ибо безнравственна.

Однако Чехов остается мастером изобразительного рассказа в миметических картинках, разряжающих атмосферу скорбного сахалинского дискурса. Диалоги, которые введены на страницах главы, рассказывающей об Александровске и его чиновничье-интеллигентских слоях, напоминают диалоги персонажей из чеховских рассказов, записных книжек. С последними их сближает отсутствие авторского остраняющего комментария, хотя временами здесь (в отличие от всего последующего повествования о собственно Сахалине) проявляется особенная чеховская манера подмечать человеческие слабости и «играть» на них (так, главным объектом слабо выраженной чеховской иронии становится доктор, «похожий на Ибсена», пишущий жалобы и доносы «в защиту правды и из человеколюбия» (С., т. 14–15, с. 44)).

Интересно проследить за структурным различием внутри чеховского нарратива. Оно определяется жанровым характером того или

[9] Это не исключает введения фигуры дополнительного рассказчика и создания своеобразного «текста в тексте», но и «Рассказ Егора» (6-я глава) в составе книги Чехова единичен; сам же рассказчик Егор представлен как однозначно «другой», самостоятельный нарратор, в зону которого автор-повествователь не входит.

иного фрагмента повествования. Рассказ о своем путешествии и своих впечатлениях, открытиях, наблюдениях обычно ведется повествователем в традиционном простом прошедшем времени – простом повествовательном («Я ходил… Я зашел… Я согласился…»). Однако как только в его поле зрения вторгается «другой», его изобразительный «объект», время повествования меняется на настоящее, нарратив драматизируется, и тем самым возникает эффект большей достоверности описываемого мира, большей приближенности его к читателю:

> С первых же слов этот офицер произвел на меня впечатление очень доброго человека и большого патриота. Он кроток и добродушно рассудителен, но когда говорит о политике, то выходит из себя и с неподдельным пафосом начинает говорить о могуществе России и с презрением о немцах и англичанах, которых отродясь не видел. Про него рассказывают… (С., т. 14–15, с. 43).

Выход за пределы обычного повествовательного времени, раскрывающий нарратив навстречу воспринимающему сознанию, в контекст сейчас протекающий жизни характерен для финалов ряда зрелых произведений Чехова («Ионыч», «Невеста» и др.) и обычно претендует на некое обобщение, порой даже символизацию заключительной картинки как типической для русской жизни – так происходит *сейчас*, так происходит *всегда*, так происходит *до сих пор*. Однако этот же принцип сохраняется у Чехова и при описании им собственных наблюдений рассказчика за жизнью сахалинцев-каторжников. Здесь обычным является как раз настоящее время рассказа о том состоянии каторги и каторжных, которое характерно не только для настоящего момента времени, но и для жизни Сахалина «вообще», без какой-либо темпоральной локализации, например:

> Каторжные разряда испытуемых живут в избах и часто поэтому несут более слабое наказание… <…> Пахотной землей пользуются только 36 хозяев… <…> Вопрос, на какие средства существует население Александровска, до сих пор остается для меня не вполне решенным (Там же, с. 66–67).

Обычно этот «временной» язык используется в публицистических, научных и документальных нарративах, с которыми граничит и которые использует текст «путевых записок» Чехова. Но в формате его целостной книги – книги писателя, художника, беллетриста – рядом с уже отмеченными миметическими картинками использование настоящего времени повествования обретает особую функцию. Все, что фиксирует рассказчик, происходит всегда, постоянно – это *есть* безотносительно к поведению рассказчика, к его пребыванию на острове, это *длится*, а он сам, будучи погружен в процесс наблюдений и регистрации, превращается в некий инструмент этих действий,

в безличную машину, призванную лишь осуществлять опрос и запись, но не допускать себя до эмоций. Вот уж поистине – позиция и деятельность автора-рассказчика здесь являет собой процедуру осмотра-дознания, о которой в применении к новому времени, напоминаем, писал Фуко. Эта позиция «знания-власти», которую осознанно занял Чехов и на которую его вывел сам язык анализируемого материала, по-видимому, спасает его от поглощенности чувством вины – противоположным полюсом интеллигентски-ориенталистского сознания. В итоге в своего рода «проигрыше» оказывается чеховская художественность, что было отмечено его современниками и что, собственно, и порождает эффект «трудного» чтения текста Чехова, а наряду с тем его чрезвычайно сильное воздействие на читателя[10].

Однако бесстрастный анализ и сухое изложение сахалинских впечатлений даются автору непросто. Несмотря на свою чужеродность, эта жизнь затягивает как омут, и в тексте постоянно возникает внутренняя напряженность, с которой автор-рассказчик удерживает себя на занятой позиции, чтобы не соскользнуть в аффект, не уйти в истерию, в цинизм или безумие, как бы ни были неприменимы к Чехову все эти состояния. Показательно, например, изображение сахалинского моря: в окончательном тексте остались более скупые отредактированные автором строки (С., т. 14–15, с. 146), в черновике – апелляция к личным воспоминаниям и впечатлениям автора-рассказчика:

> Читатель видел во сне такое море, когда его давил кошмар. Когда ночью с меня падает одеяло, [и] я [мерзну], зябну, и меня начинает [давить] угнетать кошмар, тогда я во сне вижу такое море (Там же, с. 473).

Симптоматичен эпизод в рассказе о Воеводской тюрьме в Дуэ:

> Помнится, по дороге от старого рудника к новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежал на песке в глубоком обмороке; два земляка держали его за руки, беспомощно и растерянно поглядывали по сторонам. Старик был бледен, руки холодные, пульс слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подав ему медицинской помощи. Врач, который сопровождал меня, когда я заметил ему, что не мешало бы дать старику хоть валериановых капель, сказал, что у фельдшера в Воеводской тюрьме нет никаких лекарств (Там же, с. 142).

Эпизод тем более впечатляет, если вспомнить, что сам Чехов – врач. Комментарием к этой, казалось бы, невыносимой для сознания интеллигента индифферентности рассказчика может служить строка

[10] См. об этом и о самом процессе работы писателя над текстом очерков, когда он сознательно удалял следы авторской субъективности, в комментариях М. Л. Семановой к произведению Чехова: (С., т. 14–15, с. 786–800).

из стихотворения Некрасова: «Плачет старуха. А мне что за дело? / Что и жалеть, коли нечем помочь? / Слабо мое изнуренное тело…» («В деревне») [Некрасов, с. 28]. В дискурсе шестидесятников, предшествовавших поколению Чехова, была поставлена эта проблема вынужденной бесстрастности, безэмоциональности письма, наклонного вызывать не жалость – уже «пройденное», обжитое литературой чувство, а некие другие эмоции и переживания, может быть, более действенные, а может быть, и не эмоции вовсе, а непосредственные побуждения к действию. В чеховских очерках «Из Сибири» есть симптоматичный фрагмент:

> Я не люблю… когда он [интеллигентный ссыльный] разговаривает со мною о пустяках и при этом смотрит мне в лицо с таким выражением, как будто хочет сказать: «Ты вернешься домой, а я нет». Не люблю потому, что в это время мне бесконечно жаль его (С., т. 14–15, с. 24).

Он не может позволить себе жалость, поскольку «что и жалеть, если нечем помочь».

Письмо Чехова преимущественно безоценочно и строго. Оценки рисуемых автором картин если и даются, то прямые и достаточно безальтернативные – не в чеховском духе косвенного письма, или же не даются вовсе. Причина этого не столько в жанровой установке, сколько в самом материале, в той предметности, к которой обращен текст:

> …Сарайная жизнь, в полном смысле нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сон (Там же, с. 88).

> С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жестоких, безнадежных звуках… (Там же, с. 132).

> …Были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти (Там же, с. 152).

Чеховский «натурализм» и здесь мотивирован теми же посылками, что и сухая «плохопись» шестидесятников – Н. Помяловского, Ф. Решетникова: изображаемая ими жизнь находится за пределами литературы и вообще культуры, ее адекватное воссоздание средствами «изящной словесности» невозможно, ибо будет ложью, отсюда фактографическое натуралистическое бытописательское письмо, имитирующее отсутствие последнической сферы между реальностью и читателем, точнее, признающее только одну степень этой медиации – личное восприятие ее рассказчиком и личный рассказ о ней вне литературных канонов. Этому способу письма следует Чехов, повествуя о нравах, обычаях, людях каторги.

Документально-публицистическое письмо шестидесятников диктовалось сознательной установкой на воссоздание реальности, увиденной собственными глазами автора и не прошедшей через процедуру домысливания и литературной обработки. Оно выразило себя не только в беллетристических жанрах, но и в сочинениях рождающейся наново науки этнографии, в России заменяющей западную антропологию и всецело обращенной к исследованию жизни народа. Художественно-этнографические произведения С. Максимова, И. Железнова, Н. Лескова, А. Писемского, А. Мельникова-Печерского и мн. др. как раз и были нацелены на освоение просторов России и познание ее жителей; к концу века на этой основе сформировалось целое направление этнографической беллетристики (см.: [Созина]), ее авторы были современниками Чехова, а подчас и хорошими знакомыми. Колонизационный характер и «русский» (несравненно более мягкий, чем тот, что у Саида) вариант ориентализма в этой литературе несомненен, прослеживается в авторской установке, в интенциях рассказчиков, характере изображения и оценок и пр. Как мы стремились показать, на близких принципах письма построена книга Чехова «Остров Сахалин», образующая, однако, гораздо более сложное и интересное *художественное* единство, чем любое из сочинений писателей-этнографов. Обрамляющий «сверхтекст» «Острова Сахалина» продолжается комментариями и репликами автора в его письмах. Так, и тема колонизации острова имеет свое завершение в рассказе Чехова о посещении им островов Юго-Восточной Азии, когда он возвращался с Сахалина в Россию.

Посещение Гонконга оставило у Чехова самые приятные впечатления, и он пишет Суворину:

> Я думал: да, англичанин эксплоатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплоатируете, но что вы даете? (П., т. 4, с. 139).

Противопоставление автором российского и западного типов цивилизаций, колонизаций, культур очевидно:

> Цейлон – место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами (Там же, с. 140).

В том же самом письме Сахалин привычно именуется адом («Сахалин представляется мне целым адом» (Там же, с. 139)), в этом плане оценка Чехова, возникшая еще до посещения острова, не меняется. Происходит инверсия традиционной оппозиции: классический Восток – остров Цейлон – уподобляется раю, тогда как географически находящийся западнее и заселенный главным образом русскими, то есть белыми людьми остров Сахалин – это ад. Хотя при всем том Восток остается Востоком: легкодоступные бронзовые женщины, рикши, пальмы,

жара… Русский Восток и западный (преимущественно английский) Восток – вот суть оппозиции. А если учесть, что Сахалин доводит до предела многие отвратительные черты России, если пересечение границы начинается у Чехова вместе с пересечением Уральского хребта, и вся Сибирь, а до того Екатеринбург и Кама уже могут претендовать на мифопоэтику лиминального пространства, наконец, если вспомнить рассказ Чехова «Палата номер шесть», написанный после Сахалина и под его впечатлениями (а «палата номер шесть», как известно, представляет собой обобщающий символ России), и многое, многое другое, то тогда окажется, что «русский Восток» – это поистине вся страна, колонизированная «изнутри» самыми нецивилизованными методами, обрести идентичность в которой всю жизнь стремился сам Чехов и стремится его герой, российский интеллигент-разночинец, тщетно пытающийся примирить в себе чувства вины и жертвенности с критически-аналитической опорой на логос и позитивное знание, дающее хоть какую-то «власть» над окружающим неструктурированным миром.

Список литературы

Визгин В. П. Мишель Фуко – теоретик цивилизованного знания // Вопр. филос. 1995. № 4. С. 116–126.

Высоков М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.

Габдуллина В. И. Структура нарратива в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»: архетипический и культурный подтекст // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к новому времени : К юбилею члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск : Омега Принт, 2014. С. 201–205.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1994. Т. 7. 624 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-13379.htm (дата обращения: 10.02.2016).

Катаев В. Б. Автор в «Острове Сахалин» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М. : Наука, 1974. С. 232–252.

Катаев В. Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 191–258.

Коррадо Ш. Сахалинская каторга и международная тюремная реформа // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл. ; мин-во культуры Сахалин. обл. ; Сахалин.ский гос. ун-т. Южно-Сахалинск : Колорит, 2011. С. 33–40.

Левковская А. Ю. Айны в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» и их современное положение // XIII Чеховские чтения : Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX – век XXI / сост. И. А. Костанова ; Управление культуры администрации города Южно-Сахалинска. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 34–38.

Некрасов Н. А. Стихотворения : 1856 / изд. подгот. И. И. Подольская. М. : Наука, 1987. 526 с.

Pospišil I. Остров Сахалин А. П. Чехова как лебединая песня русского классического романа и пути к новому роману // Pospišil I. На форпостах теории и истории классической русской литературы / Colloquia Literaria Sedlcensia : XX. Siedlce : Instytut Neofilologii I Badan Inyerdyscyplinarnych Universytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2015. S. 177–182.

Савинков С. В. Зачем Чехов ездил на Сахалин // Литература путешествий: культурно-исторические и дискурсивные аспекты : сб. науч. работ / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : Гаудеамус, 2013. С. 373–385.

Саид Э. Ориентализм : Западные концепции Востока. СПб. : Рус. мир, 2006. 638 с.

Созина Е. К. Этнографическая беллетристика в русской литературе рубежа XIX–XX в. // Круги времен : В память Елены Константиновны Ромодановской / отв. ред. В. А. Ромодановская, И. В. Силантьев, Л. В. Титова ; Ин-т филологии СО РАН. М. : Индрик, 2015. С. 625–636.

Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве А. Чехова // Рус. лит. 1985. № 3. С. 72–84.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. 2-е изд., доп. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 497 с.

Троицкая Н. А. Сахалинская каторга как неудачный экономический эксперимент // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл. ; мин-во культуры Сахалин. обл. ; Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск : Колорит, 2011. С. 29–32.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-23943.htm (дата обращения: 10.02.2016)

Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.

Щеглов В. В. Имперский мотив российской колонизации Дальнего Востока // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл. ; мин-во культуры Сахалин. обл. ; Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск : Колорит, 2011. С. 88–90.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 10.02.2016)

Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин Д. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри : Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 6–50.

Эткинд А. Внутренняя колонизация : Имперский опыт России. 2-е изд. М. : Новое лит.обозрение, 2014. 448 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : К юбилею трехсотлетия. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

References

Chekhov, A. P. (1974–1983). *Polnoe sobranie sochineny i pisem : v 30 t. Pis'ma : v 12 t.* [Complete Works and Letters: 30 Vols.]. Moscow, Nauka.

Dal, V. I. (n. d.) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: 4 Vols.]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-13379.htm (mode of access: 10.02.2016)

Foucault, M., Naumov, V. (Transl.) & Borisova, I. (Ed.). (2015). *Nadzirat' i nakazyvat' : Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. 416 p. Moscow, Ad Marginem Press.

Entsiklopedichesky slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona : v 86 t. [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: 86 Vols.]. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (mode of access: 10.02.2016).

Etkind, A., Uffelmann D. & Kukulin, D. (2012). *Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdu praktikoy i voobrazheniem* [There within: Practices of Internal Colonisation in Russia's Cultural History]. In Etkind, A., Uffelmann, D. & Kukulin, I. (Eds.).*Tam vnutri : Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii : sb. st.* (pp. 6–50). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Etkind, A. (2014). *Vnutrennyaya kolonizatsiya : Impersky opyt Rossii* [Internal Colonisation. Russia's Imperial Experience]. 2nd ed. 448 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Gabdullina, V. I. (2014). *Struktura narrativa v knige A. P. Chekhova "Ostrov Sakhalin": arkhetipichesky i kul'turnyy podtekst* [The Structure of Narrative in A. P. Chekhov's *Sakhalin Island*: Archetypical and Cultural Subtext]. In *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot Srednevekov'ya k novomu vremeni. K yubileyu chlen-korrespondenta RAN E. K. Romodanovskoy : materialy Vseros. nauch. konf.* (pp. 201–205). Novosibirsk, Omega Print.

Gogol′, N. V. (1994). *Sobranie sochineny : v 9 t.* [A Collection of Works: 9 Vols.]. Vol. 7. 624 p. Moscow, Russkaya kniga.

Kataev, V. B. (1974). Avtor v “Ostrove Sakhalin” i v rasskaze “Gusev” [The Author in *Sakhalin Island* and in Short Story *Gusev*]. In *V tvorcheskoy laboratorii Chekhova* (pp. 232–252). Moscow, Nauka.

Kataev, V. B. (2001). *Realizm i naturalizm* [Realism and Naturalism]. In *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov) : v 2 kn.* (Book 1, pp. 191–258). Moscow, IMLI RAN, Nasledie.

Corrado, Sh. M. (2011). *Sakhalinskaya katorga i mezhdunarodnaya tyuremnaya reforma* [Sakhalin Hard Labour and the International Penal Reform]. In *A. P. Chekhov i Sakhalin: vzglyad iz XXI stoletiya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21–22 sent. 2010 g.* / Pravitel′stvo Sakhalinskoy oblasti ; ministerstvo kul′tury Sakhalinskoy oblasti ; Sakhalinsky gos. un-t. (pp. 33–40). Yuzhno-Sakhalinsk, Kolorit.

Levkovskaya, A. Yu. (2010). Ayny v knige A. P. Chekhova “Ostrov Sakhalin” i ikh sovremennoe polozhenie [The Ainu People in A. P. Chekhov’s *Sakhalin Island*]. In Kostanova, I. A. (Comp.). *XIII Chekhovskie chteniya : Anton Pavlovich Chekhov i kniga “Ostrov Sakhalin” v dvizhenii epokh: vek XIX – vek XXI* (pp. 34–38). / Upravlenie kul′tury administratsii goroda Yuzhno-Sakhalinska. Yuzhno-Sakhalinsk, SakhGU.

Nekrasov, N. A. & Podol′skaya, I. I. (Comp.). (1987). *Stikhotvoreniya : 1856* [Poems: 1856]. 526 p. Moscow, Nauka.

Pospišil, I. (2015). Ostrov Sakhalin A. P. Chekhova kak lebedinaya pesnya russkogo klassicheskogo romana i puti k novomu romanu [A. P. Chekhov’s *Sakhalin Island* as the Swan Song of the Russian Classical Novel on the Way to the New Novel]. In *Ivo Pospišil. Na forpostakh teorii i istorii klassicheskoy russkoy literatury / Colloquia Literaria Sedlcensia. XX* (pp. 177–182). Siedlce, Instytut Neofilologii I Badan Inyerdyscyplinarnych Universytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach.

Said, E. (2006). *Orientalizm : Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism]. 638 p. Saint Petersburg, Russky mir.

Savinkov, S. V. (2013). *Zachem Chekhov ezdil na Sakhalin* [Why Chekhov Travelled to Sakhalin]. In Pecherskaya, T. I. (Ed.). *Literatura puteshestvy: kul'turno-istoricheskie i diskursivnye aspekty : sb. nauch. rabot* (pp. 373–385). Novosibirsk, Gaudeamus.

Shcheglov, V. V. (2011). *Impersky motiv rossiyskoy kolonizatsii Dal'nego Vostoka* [The Imperial Motive for the Russian Colonisation of the Far East]. In *A. P. Chekhov i Sakhalin: vzglyad iz XXI stoletiya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21–22 sent. 2010 g.* / Pravitel′stvo Sakhalinskoy oblasti ; ministerstvo kul′tury Sakhalinskoy oblasti ; Sakhalinsky gos. un-t. (pp. 88–90). Yuzhno-Sakhalinsk, Kolorit.

Sozina, E. K. (2015). *Etnograficheskaya belletristika v russkoy literature rubezha XIX–XX v.* [Ethnographic Fiction in the Russian Literature of the Turn of the 20th Century]. In Romodanovskaya, V. A., Silant′ev, I. V. & Titova, L. V. (Eds.). *Krugi vremen : V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* (pp. 625–636). Moscow, Indrik.

Sukhikh, I. N. (1985). *“Ostrov Sakhalin” v tvorchestve A. Chekhova* [*Sakhalin Island* in A. Chekhov’s Creative Work]. In *Russkaya literature, 3,* pp. 72–84.

Sukhikh, I. N. (2007). *Problemy poetiki Chekhova* [Issues of Chekhov’s Poetics]. 2nd ed. 497 p. Saint Petersburg, Filologichesky fakul′tet SPbGU.

Troitskaya, N. A. (2011). *Sakhalinskaya katorga kak neudachnyy ekonomichesky eksperiment* [Sakhalin Hard Labour as a Failed Economic Experiment]. In *A. P. Chekhov i Sakhalin: vzglyad iz XXI stoletiya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21–22 sent. 2010 g.* / Pravitel′stvo Sakhalinskoy oblasti ; ministerstvo kul′tury Sakhalinskoy oblasti ; Sakhalinsky gos. un-t. (pp. 29–32). Yuzhno-Sakhalinsk, Kolorit.

Ushakov, D. N. (n.d.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Contemporary Russian Language]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-23943.htm (mode of access: 10.02.2016).

Vizgin, V. P. (1995). *Mishel' Fuko – teoretik tsivilizovannogo znaniya* [Michel Foucault – Theoretician of Civilized Knowledge]. In *Voprosy filosofii, 4,* pp. 116–126.

Vysokov, M. S. (2010). *Kommentary k knige A. P. Chekhova “Ostrov Sakhalin”* [A Commentary for A. P. Chekhov’s *Sakhalin Island*]. 848 p. Vladivostok – Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh.

Yadrintsev, N. M. (1882). *Sibir' kak koloniya : K yubileyu trekhsotletiya* [Siberia as a Colony: For Its 300th Anniversary]. 471 p. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha.

The article was submitted on 17.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.192
УДК 821.161.1Чехов+94(571.642)+343.26(576.642)+7.036.1

САХАЛИНСКИЙ ОПЫТ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА*

Фульвио Франчи
Университет Буэнос-Айреса,
Буэнос-Айрес, Аргентина

THE EXPERIENCE OF SAKHLIN IN CHEKHOV'S WORKS

Fulvio Franchi
Universidad de Buenos Aires,
Buenos Aires, Argentina

The author maintains that his journey to Sakhalin provided Chekhov with a new perspective on a harsh reality that was little known to the public. This problem concerned Chekhov a lot, and after his trip he wrote a scholarly and statistical work about his experience, thinking he would awaken society's conscience. In *Sakhalin Island*, he offers his testimony as a humanist of what he saw, heard and lived through on the island. Even though Chekhov's trip to Sakhalin Island was an important event in the author's life, he did not often write about his experiences there in his works of fiction. Except for works where Chekhov mentions Sakhalin directly (*The Murder*), the author analyses many works that reflect Chekhov's Sakhalin experience in the representation of the characters, in their way of thinking (*The Murder*, *In Exile*), or in their personal understanding of confinement (*Ward N° 6*). The author argues that Chekhov accentuates many "sore points" of the 20th century. Finally, the author concludes that Chekhov's writing has a general spirit known as "dead silence", which can be found in the creative works of many 20th-century artists.

Keywords: 19th-century Russian literature; A. P. Chekhov; Sakhalin Island; prison; realism; humanism.

---

* *Citation*: Franchi, F. (2016). The Experience of Sakhlin in Chekhov's Works. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192.

Цитирование: *Franchi F.* The Experience of Sakhlin in Chekhov's Works // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192 / *Франчи Ф.* Сахалинский опыт в творчестве Чехова // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192.

© Франчи Ф., 2016

Проводится мысль о том, что путешествие Чехова на остров Сахалин через Сибирь открыло ему глаза на суровую реальность, плохо известную русской публике, – жизнь ссыльных и заключенных на каторге. Эта проблема очень волновала Чехова, после путешествия он написал о своем опыте научное и статистическое сочинение, думая, что таким образом он разбудит совесть общества. В книге «Остров Сахалин» он как гуманист свидетельствует о том, что сам видел, слышал и пережил. Хотя чеховское путешествие на Сахалин было важным эпизодом в жизни автора, в художественных произведениях он не часто пишет о своих впечатлениях от пребывания на этом острове, на котором он посетил тюремные лагеря и узнал о жизненных трудностях заключенных, поселенцев, чиновников и других жителей. Рассмотрены не только те произведения Чехова, в которых обнаруживаются буквальные упоминания об острове («Убийство»), но и те, в которых сахалинский опыт отразился либо в изображении действующих лиц, либо в изложении их образа мыслей («Убийство», «В ссылке»), либо в важности темы заключения для них в общественном и личном смысле («Палата № 6»). Отмечено, что в творчестве Чехова акцентируются «больные точки» сознания людей XX в. Делается вывод об общем колорите произведений писателя, который определяется как «мертвая тишина» и близость к которому обнаруживается в творчестве ряда художников XX столетия.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А. П. Чехов; «Остров Сахалин»; тюрьма; реализм; гуманизм.

О важности путешествия на остров Сахалин в жизни Антона Павловича Чехова написано много. Но какое значение имело это путешествие для его творчества, для изменения характера его повествования? Какое влияние оказало на выбор тем, на создание образов героев, на взгляды на человека и окружающий его мир, изложенные в произведениях?

На первый взгляд, прямое влияние невелико, так как в произведениях, написанных Чеховым после 1890 г., то есть после его возвращения с острова, само слово «Сахалин» встречается крайне редко, хотя он посвятил работе над сахалинской книгой почти пять лет (она вышла из печати отдельным изданием в 1895 г.). Вопросы, связанные с темой жизни в тюрьме и с изображением заключенных, в творчестве Чехова достаточно редки, их можно найти лишь в нескольких рассказах, о которых и пойдет речь в этой статье. Согласимся с А. И. Роскиным: «О поездке на Сахалин напоминают только немногие произведения Чехова. Рассказы “Гусев”, “В ссылке”, отчасти “Убийство”, некоторые подробности “В овраге” – вот и все, что почерпнул Чехов из “целого сундука всякой каторжной всячины”, который он привез с Сахалина. Но впечатления и мысли, которыми жил Чехов в дни своего путешествия, глубоко отразились на всем мировоззрении писателя» [Роскин, с. 42].

Тогда возникает резонный вопрос: почему в художественных произведениях Чехова почти нет упоминаний об этом «спуске в ад», как он сам определил свое путешествие на Сахалин в письме к А. С. Суворину (П., т. 4, с. 138), в котором любой другой художник нашел бы множество тем, сюжетов, лиц и т. д. и которыми пользовался бы в своих художественных произведениях[1]. Так, например, сделал Ф. Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома», где художественно изображено то, что писатель пережил на каторге. Конечно, нельзя забывать о том, что Достоевский был жертвой тюремного заключения, он сам долго находился на каторге, но Чехов тоже имел возможность наблюдать жизнь каторги, разговаривать с заключенными, присутствовать при многих сценах этого «унижения человека», которое он видел везде на Сахалине (С., т. 14–15, с. 152). Чехов говорил, что на Сахалине он «видел всё» (П., т. 4, с. 133). Это правда, но, как ни странно, именно там, за тысячи километров от родины, он впервые столкнулся столь близко «с подлинной российской действительностью» [Роскин, с. 41]. Путешествие было полно не меньших трудностей, и рассказ об этих трудностях поражает сегодняшнего читателя, как поражал он современников Чехова.

О трудностях своего путешествия он поведал в путевых записках, позже названных «Из Сибири», а также в переписке, особенно подробно – в письмах к А. С. Суворину, своему другу и редактору журнала «Новое время», где и были опубликованы эти записки. Это было путешествие, которое длилось почти восемь месяцев, частью по Сибирскому тракту, то есть по «самой большой и, кажется, самой безобразной дороге во всем свете» (С., т. 14–15, с. 28), и в конце его Чехов написал в письме Суворину 9 декабря 1890 г.:

> Ура! Ну вот, наконец, я опять сижу у себя за столом. <...> У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дому. Здоров и благополучен до мозга костей. <...> Пробыл я на Сахалине... 3 месяца плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная. <...> Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, *Сахалин представляется мне целым адом* (здесь и далее выделено нами. – *Ф. Ф.*) (П., т. 4, с. 139).

Действительно, судя по тому, что Антон Павлович написал в своей книге «Остров Сахалин», легко понять эти ощущения: горечь пребывания на острове передана во многих эпизодах книги, например, когда Чехов присутствовал при наказании бродяги Прохорова в Дуэ (гл. 21) или в главе о сахалинских детях (гл. 17).

Итак, Сахалин представился писателю «целым адом», он стал свидетелем реальной действительности в ее самых жестоких проявле-

[1] Здесь и далее все цитаты из чеховских текстов приводятся с указанием в круглых скобках номера тома сочинений (С.) или писем (П.) и страницы по изданию: [Чехов].

ниях. Чехов был настоящим гуманистом, и человеческое страдание глубоко волновало его. Вероятно, выражать в художественной форме такие тяжелые впечатления он считал пустячным, как считал пустячными те рассказы, которые опубликовал до своей сахалинской поездки. Об этом писал И. Эренбург: «"Я не уважаю того, что пишу", – говорил он; называл свои рассказы и повести "пустяками"; добавлял: "Меня будут читать лет семь, ну, семь с половиной, а потом забудут"» [Эренбург, с. 8].

Согласно Илье Эренбургу, «поездка на Сахалин не расходится с жизнью Антона Павловича, она входит в его биографию, в его творчество. Может быть, и "Остров Сахалин", и то, чего не написал о своей поездке, лучше многого другого объясняют нам как душевную природу Антона Павловича, так и его отношение к искусству. <…> Его книга "Остров Сахалин" скорее труд медика, нежели очерки художника. Он выбросил из нее все, что казалось ему занимательным, театральным, исключительным... В его книге есть глава "Рассказ Егора", которая могла бы стать новеллой, но и здесь Чехов сознательно ограничивал себя, боялся художественным раскрытием героя поставить под сомнение документальный характер "Острова Сахалина"» [Там же, с. 41–42, 44].

В девятой главе «Острова Сахалина» Чехов пишет:

> …В Дербинском в это дождливое грязное утро были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти (С., т. 14–15, с. 152).

Здесь мы отчетливо понимаем, что для него это такой опыт впечатлений и переживаний, о котором нельзя написать лишь «художественно». Это компромисс, миссия не только писателя-художника, но и честного человека, которому надо выбирать, что писать: повести, романы или же «свидетельства». Книга «Остров Сахалин» является таким «свидетельством» честного человека, тронутого реальностью, в которой повседневная жизнь представляла собой непрерывное унижение человеческого достоинства, и не только в случае каторжников, но и в случае переселенцев, чиновников, солдат, надзирателей, врачей и т. д. Все люди на острове были «приговорены» к скуке, тоске по родине, грубости и варварству. Поэтому главой, которая, быть может, более всего волнует читателя, является семнадцатая – та, в которой рассказано о сахалинских детях: для них, еще совсем невинных, драма заключается в том, что их жизнь уже безнадежна.

Пример того, что Чехов прежде всего (в особенности, прежде художника) гуманист, можно найти в его записках «Из Сибири». Он писал и немедленно посылал их для публикации в газете «Новое время». В частности, в записи, датированной 18 мая 1890 г., писатель подробно и глубоко размышляет о лживости того, что «смертная казнь практикуется теперь только в исключительных случаях», так как ее заме-

нили высшими карательными мерами, у которых есть самая важная цель – «удаление преступника из нормальной человеческой среды *навсегда*» (С., т. 14–15, с. 25). Но такова же цель сумасшедшего дома в повести «Палата № 6».

Писатель говорит о равнодушии общества к судьбе преступников, как будто они не были частью его самого. В записи от 18 мая Чехов пишет:

> …Мы совершенно не знаем, что такое тюрьма и что такое ссылка. <...> Две-три статейки, два-три имени, а так хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги (Там же, с. 26).

Он настаивает на том, что надо искать причины бытовой жестокости в «чрезвычайной необразованности нашего русского юриста», и добавляет, говоря о последнем, что он

> …только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уже дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами! (Там же).

Это не речь писателя, а речь человека, глубоко не согласного со своим обществом и со своей человеческой природой. Поставленная им проблема равнодушия общества и конкретных его представителей остро звучит в книге «Остров Сахалин» и в гораздо меньшей степени – в его художественных произведениях.

Давно замечено, что после сахалинской поездки, столь важной в жизни Чехова, лишь малая часть всех полученных им впечатлений отразилась в его последующем творчестве. По крайней мере, я нашел прямое упоминание Сахалина только в чеховском рассказе «Убийство». Героев, чьими прототипами стали бы какие-то реальные лица, всего несколько, например, это старый бродяга по прозвищу Красивый (гл. 4). В рассказе «В ссылке» (1892) также есть герой, который определенно соотносится с ним.

Но кроме этих точных соответствий, есть нечто иное, более интересное и важное для понимания чеховского мира, в особенности для его мировоззрения этих лет. В частности, в одном из наиболее известных произведений писателя – повести «Палата № 6» (1892) – звучит одна из главных тем, отражающих влияние сахалинского опыта, – тема заключения и жестокого обращения с арестантами. Думаю, что эта тема воплотилась в чеховском творчестве именно после поездки на Сахалин и благодаря ей. Как отметил И. Н. Сухих: «Чехов не писал о Сахалине, но он “писал Сахалином”» [Сухих, с. 84].

Действительно, в «Палате № 6» можно найти ситуации и эпизоды, очень похожие на те, что были описаны в книге «Остров Сахалин». А. Роскин пишет, что «О “Палате № 6” можно говорить как о повести,

продиктованной Сахалином», что становится особенно заметно, когда оба произведения читаются параллельно [Роскин, с. 215].

Во-первых, в описаниях больницы (особенно палаты № 6) и сахалинских тюрем (на примере лазаретов) есть много общего. В «Палате № 6»: «Окна внутри обезображены железными решетками», что создает впечатление настоящей тюремной камеры (С., т. 8, с. 73). При первом описании палаты № 6 рассказчик намекает на запах, который там господствует: «...эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец» (Там же). В книге «Остров Сахалин» (например, гл. 5) Чехов подробно описывает тот воздух, которым вынуждены дышать заключенные в Александровской ссыльнокаторжной тюрьме:

> На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые бутылки из-под молока… под нарами сундучки, грязные мешки, узлы, инструменты и разная ветошь… <…> Всё это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым… <..> Надо или признать общие камеры уже отжившими и заменить их жилищами иного типа... или же мириться с нечистотой как с неизбежным, необходимым злом и измерения испорченного воздуха кубическими саженями предоставить тем, кто в гигиене видит одну только пустую формальность… (С., т. 14–15, с. 88, 92).

Описание безнадежных умалишенных палаты № 6 как заключенных сюда навсегда, фактически арестантов (самый умный и трезво мыслящий из них Громов), увеличивает сходство больницы с тюрьмой. Когда доктор Андрей Ефимыч Рагин посещает палату № 6 и знакомится с Громовым, последний восклицает: «За что вы меня здесь держите?» (С., т. 8, с. 95). Понятия психиатрической больницы и тюрьмы очень близки, так как главный принцип обоих – это принцип заключения, несвободы человека. Но для того чтобы заключение было действенным, совершенно необходимо выполнение еще одного главного требования тюремной жизни – наличие строгого надзирателя.

В «Палате № 6» эту роль играет сторож Никита, который убежден, что «*их* (курсив Чехова. – *Ф. Ф.*) надо бить… без этого не было бы здесь порядка» (Там же, с. 72). Он не менее жесток, чем сахалинские надзиратели и сторожа, и не сомневается в своем праве, когда в последней сцене повести ему «надо» сильно бить своего бывшего врача Андрея Ефимыча, ставшего теперь пациентом.

Сходство палаты № 6 с тюрьмой так очевидно, что оно прямо выражается Иваном Громовым:

> Допустим, что я предательски ловлю вас на слове, чтобы выдать полиции. Вас арестуют и потом судят. Но разве в суде и в тюрьме вам будет хуже, чем здесь? А если сошлют на поселение и даже на каторгу, то разве это хуже, чем сидеть в этом флигеле? Полагаю, не хуже... (Там же, с. 99).

По моему мнению, «Палата № 6» – одно из самых важных и характерных произведений А. П. Чехова, очевидно вдохновленное сахалинским опытом[2]. Рассмотрим еще два рассказа, в которых этот опыт проявляется в прямой форме.

Рассказ «Убийство» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1895 г. Несомненно, что сама его тема «привезена» Антоном Павловичем с Сахалина. Первая запись, имеющая отношение к рассказу, внесена в записную книжку еще во время пребывания писателя на острове (см.: (С., т. 9, с. 479–486)). В восьмой главе книги «Остров Сахалин» Чехов обратил внимание на преступника по фамилии Терехов (см. комментарий М. Л. Семановой: (С., т. 14–15, с. 828); см. также: [Высоков, с. 291]). У главного персонажа рассказа «Убийство» сходство с ним наблюдается не только в фамилии, но и в возрасте, и во внешности. Яков Иваныч был «очень красивый старик высокого роста с широкою седою бородой почти до пояса и с густыми бровями, придававшими ему лицу суровое, даже злое выражение» (С., т. 9, с. 144). О сахалинском Терехове Чехов рассказывает:

> …глядя на его мутные оловянные глаза и большой, наполовину бритый, угловатый, как булыжник, череп, я готов был верить всем этим рассказам (С., т. 14–15, с. 132).

Описания обоих Тереховых оставляют тяжелое впечатление. Содержание сотен рассказов, которые Чехов услышал от арестантов и от людей, близких к каторге, было неинтересным и ординарным, но этот Терехов с Сахалина, который произвел на Чехова «впечатление настоящего злодея», убил 60 человек: он высматривал арестантов-новичков, какие побогаче, сманивал их бежать с каторги вместе и потом в тайге убивал их, резал трупы и бросал в реку [Чехов, т. 14–15, с. 132]. Одним словом, он был настоящим зверем.

Яков Иваныч из рассказа «Убийство» убил двоюродного брата, судили также его жену, дочь и соседа за соучастие в преступлении. Все четверо были отправлены в ссылку, Яков Иваныч попал на Сахалин. Последняя глава начинается описанием, похожим на первые впечатления Чехова во время его прибытия на остров:

> На Дуэйском рейде на Сахалине поздно вечером остановился иностранный пароход и потребовал угля (С., т. 9, с. 158).

В рассказе повторяется много фактов и впечатлений, пережитых и полученных Чеховым во время его сахалинской поездки. Описания погоды и берегов Татарского пролива похожи на те, что были сделаны в книге «Остров Сахалин», таковы же картины работы в руднике, тоски по родине, попытки к бегству, наказания плетьми и т. д.

[2] Исследователь А. Д. Степанов вообще рассматривает образ тюрьмы как ведущий тип хронотопа во многих произведениях Чехова после Сахалина [Степанов]. См. также: [Катаев, с. 62–69].

Рассказ «В ссылке» тоже напоминает о сахалинском опыте Чехова, хотя и в другом смысле (см. о нем также: [Дуркин]). Один из его персонажей – бродяга Толковый, чьим прототипом был бродяга Красивый из «Острова Сахалина».

В беседах с заключенным по прозвищу Татарин Толковый проповедует свою философию жизни, благодаря которой он способен переносить ссылку, одиночество. Он ничего не желает и думает, что в отсутствии всякого желания нашел счастье, так что даже восклицает: «Дай Бог всякому такой жизни» (С., т. 8, с. 43). Он говорит о себе:

> Теперь довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет (Там же).

Барину, тоже сосланному сюда, он советует:

> Ежели желаете для себя счастья, то первее всего ничего не желайте (Там же, с. 44).

Как и Толковый из рассказа Чехова, бродяга по прозвищу Красивый, с которым писатель познакомился на берегу реки Дуйки, водит паром. Это старик, который живет бедно, «одет в лохмотья и бос» (С., т. 14–15, с. 80). Он говорит, что его преступление «было всего, что из военной службы ушел». Дальше в его истории все было, как у многих на Сахалине: побег, каторга, плети... Но пока он жил на Сахалине, никогда не был наказанным: он говорит, что

> …ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере. Потому что посылают лес пилить – иду, дают вот эту – беру, велят печи в канцелярии топить – топлю. Повиноваться надо. Жизнь – нечего Бога гневить, хорошая (Там же, с. 81).

Как и Толковый, Красивый обрел свою жизненную философию, которая помогает ему выжить в условиях каторги.

У другого героя рассказа, человека по прозвищу Татарин, тоже есть своя история вроде услышанной Чеховым на Сахалине и переданной в знаменитом «Рассказе Егора». Татарин и Егор – двое несправедливо осужденных. Миросозерцание Татарина и Егора похоже и в обоих случаях противоположно тому, что говорят и как мыслят Толковый и Красивый. Им присущ оптимизм, ожидание того, что их жизнь улучшится, тогда как у их антагонистов мы наблюдаем только отречение от жизни. Татарин очень надеется еще раз увидеть свою жену. Егор работает, делает все, что ему велят, ожидая закончить срок и выйти в поселенцы.

Сам Чехов признает, что история Егора неинтересна, как и большинство сахалинских историй:

> Преступления почти у всех ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мере со стороны внешней занимательности, и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге (С., т. 14–15, с. 131).

Чехов не находит на каторге того человеческого душевного богатства, которое нашел в сходных условиях Федор Достоевский. Достоевский открыл мир, в котором живут добрые люди и в котором существует возможность нравственного возрождения человека. Конечно, перед Достоевским стояла несколько иная задача – он реализовывал *художественный* замысел, воплотившийся в книге «Записки из Мертвого дома». Он создал образ героя-рассказчика Александра Петровича Горянчикова, не идентичный самому Достоевскому. Повествование Горянчикова надо воспринимать не как передачу действительного опыта Достоевского на каторге, а как изображение его внутреннего нравственного изменения, неважно, истинного или нет по отношению к реальности. Писатель не ставил перед собой задачу буквально передать то, что он видел и пережил.

Чехов же пытается свидетельствовать о том, что он сам реально видел на острове. Конечно, в его изложении появляются разные элементы повествования, например, истории разных людей, подчас напоминающие рассказы-анекдоты, с которых сам Чехов начинал свое творчество (таков, в частности, «Рассказ Егора»). Он передает личные впечатления от увиденного и услышанного, например:

> В Дуэ всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибоя и гуденью телеграфных проволок скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее (Там же, с. 132).

Прозой Чехова вообще владеет эта «мертвая тишина». В чеховских рассказах, повестях и даже в его пьесах нам, читателям, кажется, что в жизни действующих лиц ничего не происходит. Но когда мы заканчиваем читать, у нас остается ощущение, что там произошло *всё*. В чеховских произведениях всегда есть внутренняя трагедия – трагедия вселенской пустоты. Например, когда умирает герой «Палаты № 6», у читателя остается ощущение пустоты, и не столько от смерти конкретного человека, сколько от понимания безнадежности жизни. Все у Чехове ведет к безнадежности, так происходит во всех его рассказах и повестях. Поэтому можно определить основную проблему творчества Чехова как трагедию пустоты. Она отражается и в пейзаже. Вообще пейзажи чеховских рассказов не столько реальные, сколько экзистенциальные, метафизические. Чехов – предтеча

писателей XX в., таких как Франц Кафка, Дино Буццати и Хуан Рульфо. В душах героев (или антигероев) Кафки тоже обнаруживается та самая пустыня, что открывается в душе чеховских персонажей. Чехов является предвестником тех писателей, которые лучше всего выразили трагедию одиночества, отречения, отсутствия желаний, предрешенности судьбы человека XX в. Может быть, он был одним из первых, кто в полной мере увидел и осознал эту молчаливую, беззвучную безнадежность жизни.

Список литературы

Высоков М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.

Дуркин Э. Модели художественного слова в чеховских рассказах «В ссылке» и «Студент» // Философия А. П. Чехова : междунар. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А. С. Собенникова. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2008. С. 44–59.

Катаев В. Б. Чехов плюс… : Предшественники, современники, преемники. М. : Языки славян. культуры, 2004. 392 с.

Роскин А. И. А. П. Чехов : статьи и очерки. М. : Госиздат худож. лит., 1959. 432 с.

Степанов А. Д. «Сахалинский хронотоп» как основа поэтики позднего Чехова // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл. ; мин-во культуры Сахалин. обл. ; Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск : Колорит, 2011. С. 23–28.

Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Рус. лит. 1985. № 3. С. 72–84.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.

Эренбург И. Г. Перечитывая Чехова. М. : Госиздат худож. лит., 1960. 111 с.

References

Chekhov, A. P. (1974–1983). *Polnoe sobranie sochineny i pisem : v 30 t. Pis'ma : v 12 t.* [Complete Works and Letters: 30 Vols. Letters: 12 Vols.]. Moscow, Nauka.

Durkin, E. (2008). *Modeli khudozhestvennogo slova v chekhovskikh rasskazakh "V ssylke" i "Student"* [Models of Artistic Writing in Chekhov's Short Stories *In Exile* and *The Student*]. In Sobennikov, A. S. (Ed.). *Filosofiya A. P. Chekhova : mezhdunar. konf. (Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006 g.): materialy* (pp. 44–59). Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta.

Erenburg, I. G. (1960). *Perechityvaya Chekhova* [Rereading Chekhov]. 111 p. Moscow, Gosizdat khudozhestvennoy literatury.

Kataev, V. B. (2004). *Chekhov plyus… : Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus… Predecessors, Contemporaries, Successors]. 392 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul′tury.

Roskin, A. I. (1959). *A. P. Chekhov : stat'i i ocherki* [A. P. Chekhov: Articles and Essays]. 432 p. Moscow, Gosizdat khudozhestvennoy literatury.

Stepanov, A. D. (2011). *"Sakhalinsky khronotop" kak osnova poetiki pozdnego Chekhova* [The Sakhalin Chronotope as a Basis for Chekhov's Later Works]. In *A. P. Chekhov i Sakhalin: vzglyad iz XXI stoletiya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21–22 sent. 2010 g.* / Pravitel′stvo Sakhalinskoy oblasti ; ministerstvo kul′tury Sakhalinskoy oblasti ; Sakhalinsky gos. un-t. (pp. 23–28). Yuzhno-Sakhalinsk, Kolorit.

Sukhikh, I. N. (1985). *"Ostrov Sakhalin" v tvorchestve Chekhova* [*Sakhalin Island* in Chekhov's Creative Work]. In *Russkaya literature, 3,* pp. 72–84.

Vysokov, M. S. (2010). *Kommentary k knige A. P. Chekhova "Ostrov Sakhalin"* [A Commentary for A. P. Chekhov's *Sakhalin Island*]. 848 p. Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh.

The article was submitted on 27.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.193
УДК 811.161.1+811.512.122+81'246.2+316.772.4

РУССКИЙ ЯЗЫК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ*

Райхан Туксаитова
Казахский агротехнический университет,
Астана, Казахстан;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MULTICULTURAL SPACE OF KAZAKHSTAN: STATE POLICY AND PUBLIC MOOD**

Raikhan Tuksaitova
Agro-Technical University,
Astana, Kazakhstan;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article examines issues associated with the functioning of the Russian language in Kazakhstan. Considering the fact that this country is multinational, the issue of intercultural communication is always relevant. There is a need to address intercultural communication as part of the development of state language policy. It is noted that there are four stages in the development of language policy in Kazakhstan. Having analysed the stages of language policy formation, the author

* Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.A03.21.0006.

** *Citation*: Tuksaitova, R. (2016). The Russian Language in the Multicultural Space of Kazakhstan: State Policy and Public Mood. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 94–106. DOI 10.15826/qr.2016.4.193.

Цитирование: *Tuksaitova R.* The Russian Language in the Multicultural Space of Kazakhstan: State Policy and Public Mood // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 94–106. DOI 10.15826/qr.2016.4.193 / *Туксаитова Р.* Русский язык в мультикультурном пространстве Казахстана: государственная политика и общественные настроения // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 94–106. DOI 10.15826/qr.2016.4.193.

© Туксаитова Р., 2016

concludes that the Russian language in Kazakhstan has held a different position depending on the geopolitical, social, economic, migration and demographic conditions prevailing in Kazakhstan. The current linguistic and cultural situation is characterised by the development of Kazakh-Russian bilingualism, which manifests itself in various spheres of communication. The introduction of multilingual education in national schools makes it possible to draw certain conclusions and identify the positive and negative consequences of the project. The author argues that a language policy meant to protect the interests of speakers of different languages living in a multi-ethnic state may help solve linguistic contradictions.

Keywords: linguistic situation; language policy; bilingualism; multilingualism; intercultural communication.

Рассматриваются проблемы, связанные с функционированием русского языка в Казахстане. Поскольку республика является многонациональной, проблема межъязыковой и межкультурной коммуникации всегда остается актуальной, и возникает необходимость ее рассмотрения с учетом развития государственной языковой политики. Отмечается, что в развитии языковой политики на территории Казахстана выделяются четыре этапа. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что русский язык в Казахстане занимал разное положение в зависимости от геополитических, социально-экономических, миграционно-демографических условий, сложившихся в стране. Для лингвокультурной ситуации текущего времени естественно развитие казахско-русского билингвизма, который проявляется в различных сферах коммуникации. Опыт введения полиязычного обучения в национальных школах позволяет сделать определенные выводы, выявить положительные и отрицательные следствия данного проекта. В статье доказывается, что языковая политика, направленная на защиту интересов носителей разных языков, проживающих в полиэтническом государстве, может снять острые углы лингвистических противоречий.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковая политика; билингвизм; полилингвизм; межкультурная коммуникация.

Казахстан – полиэтническое государство, в котором проживают представители более 130 национальностей. Именно поэтому проблема межъязыковой и межкультурной коммуникации сохраняет здесь свою актуальность, и необходимость ее рассмотрения с учетом развития государственной языковой политики очевидна.

Язык – не просто важнейшее средство общения. Это основа культуры, инструмент диалога культур, предполагающего развитие адаптационных процессов. Языковая ситуация в любом многоязычном обществе представляет собой результат взаимодействия двух равно естественных, но противостоящих друг другу потребностей, которые можно назвать потребностью идентичности [Лебедева] и потребностью взаимопонимания. Первая связана со стремлением во всех ситуациях общения пользоваться родным языком, усвоенным в раннем

детстве. Чаще всего, хотя и не всегда, такой язык воспринимается также и как *свой* язык, язык *своего* этноса и *своей* культуры. Вторая потребность состоит в желании общаться с носителем «чужого» языка и «чужой» культуры без помех и осложняющих факторов вроде необходимости перевода. В процессе коммуникации «чужой» становится «другим».

Несомненно, что для успешного овладения каким-либо языком важную роль играет языковая среда. В начальный период жизни она воспринимается ребенком как данность. Включившись в ее систему, он познает мир, осваивает социально-культурный опыт человечества, усваивает знания, развивает их, совершенствуется сам. Поэтому языковая среда выполняет когнитивную функцию, то есть способствует интеллектуальному развитию индивида, формирует в его сознании наивную картину мира [Карасик; Попова, Стернин и др.].

В процессе жизнедеятельности люди организуются, объединяются в различные группы, коллективы, общности и используют при этом определенный язык, что позволяет говорить о социолингвистических образованиях, о внутригрупповом, внутрикультурном речевом взаимодействии [Беликов, Крысин]. В мультикультурном обществе коммуниканты, вступая в общение друг с другом, используют тот язык, который позволяет эффективно реализовать коммуникативные цели [Купина, с. 41–51]. В силу объективных условий на территории Казахстана сформировалась языковая среда, удовлетворяющая коммуникативные потребности этносов, населяющих республику. Несомненно, что действенным фактором, оказывающим заметное влияние на языковую жизнь общества, является языковая политика. Именно она, способствуя выдвижению одних языков, может ограничить функциональное пространство других и тем самым определять характер языковой среды. Языковая политика связана с внешним воздействием на язык [Алпатов, с. 120]. Она основывается на тех или иных социальных и политических принципах. Как отмечает А. С. Герд, «языковая политика (языковое планирование) представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной территории. Языковая политика осуществляется через систему конкретных государственных мероприятий. В конечном счете языковая политика всегда есть отражение политики государства» [Герд, с. 98].

В развитии языковой политики на территории Республики Казахстан (далее – РК) выделяются четыре этапа. Первый (1920–1938) характеризуется паритетным казахско-русским двуязычием; второй (1938–1987) отмечен доминированием русского языка и периферизацией казахского; третий (1987–1995) отличается форсированным повышением статуса казахского языка за счет административных мер; четвертый (с 1995 г. по настоящее время) характеризуется сбалансированной языковой политикой, основанной на государственном статусе казахского языка и фактическом признании доминирующей роли русского языка в социальной и общественной жизни [Базарбаева].

После установления советской власти новые государственные органы с целью идеологического влияния на местное население должны были найти возможности взаимодействия с окраинными народами бывшей Российской империи. Для достижения этой цели была избрана модель союза национальных государств, подчиненных новой политической системе. Одной из главных задач политики Советского государства в отношении народов Средней Азии вообще и Казахстана в частности стало устройство национальных административных центров, объединенных на основе территориальной и этнолингвистической общности. Именно в это время предпринимались конкретные действия государственных органов по укреплению статуса казахского языка, составлению и выпуску первых учебников, внедрению казахского языка в делопроизводство, подготовку национальных кадров. Сразу после образования Казахской АССР были предприняты шаги по обеспечению совместного функционирования русского и казахского языков в различных сферах общественной жизни. Установка на двуязычие на этапе становления советской власти объясняется необходимостью привлечения представителей коренной национальности к процессу создания советской государственности.

До конца 1930-х гг. наблюдалось равноправное функционирование языков – русского и казахского. Билингвизм обеспечил равновесие между языковым существованием и внешними условиями жизни. Взаимодействие двух языков способствовало созданию естественного бикультурализма. Впоследствии в республике сложилась несколько иная демографическая и лингвистическая ситуация. В 1938 г. был принят ряд постановлений, в том числе «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Постановления, касающиеся изучения русского языка, принимались также в 1948, 1967, 1978 и 1983 г. [см.: Базарбаева; Сборник документов]. Статус русского языка как государственного был закреплен законодательно. Его доминирование сузило репертуар функций казахского языка, хотя последний факт не получил прямого отражения в государственных актах.

В последующие годы ситуация усложнилась за счет фактора многоязычия, сложившегося в результате эвакуации, депортации, миграции этнически различных слоев населения Советского Союза в Казахстан, а также в результате жесткой государственной политики в отношении языков коренного населения [Разноязычие в мультикультурном обществе, с. 220–314]. Особо следует сказать о массовых репрессиях, следствием которых было уничтожение видных деятелей казахской национальной культуры.

В конце 1930-х гг. под влиянием централизованной языковой политики функции русского языка значительно расширяются, а сферы применения казахского языка сужаются. Увеличивается количество носителей русского языка и в результате приобщения местного населения к производственной деятельности, способствующей включе-

нию жителей республики в социальную и культурную среду интенсивно развивающегося индустриального общества. Степень владения казахским языком никак не отражается на продвижении человека по служебной лестнице, так как участие в управлении республиканскими структурами требует обязательного знания русского языка. Постепенно казахский язык, оставаясь титульным, утрачивает главенство на территории республики. Уменьшается потребность в его использовании, возникает тенденция пренебрежительного отношения к родному языку со стороны подрастающего поколения, части нигилистически настроенной казахской интеллигенции. В последние годы советской власти национальный казахский язык оказался под угрозой деградации и даже исчезновения.

В период становления новой казахской государственности ощутимой стала необходимость в разумной языковой политике. В 1989 г. был разработан и принят «Закон о языках» [Сборник документов]. Его принятие способствовало решению ряда насущных национальных проблем. «Закон о языках», определивший важный этап в развитии языковой политики, установил статус языков: казахский получил статус государственного языка, русский – языка межнационального общения. Казахский язык обладает определенным культурным потенциалом, позволяющим осуществлять функции языка государственного. Власти принимают меры, направленные на укрепление этого статуса, повышение роли казахского языка в общественной жизни. В то же время попытки административного однонаправленного решения языкового вопроса ожидаемого результата не принесли. В начале 1990-х гг. сложившаяся здесь социально-политическая и лингвистическая ситуация вызвала резкий отток русскоязычного населения. «Утечка мозгов» привела к дефициту квалифицированных кадров. Правительство во главе с президентом республики предпринимает решительные действия, направленные на изменение существующего положения.

С 1995 г. начинается отсчет четвертого периода развития языковой политики в государстве. В августе 1995 г. была принята новая Конституция РК, которая максимально сблизила статусы двух языков, провозгласив казахский язык государственным, русский – официальным [Конституция Республики Казахстан]. Новые конституционные положения, отражающие демократические методы решения вопросов, связанных с экономическими, политическими, социальными, этническими проблемами государства, в значительной мере стабилизировали социально-политическую обстановку в республике. В ноябре 1996 г. была одобрена Концепция языковой политики, стратегически направленная на сохранение паритета языков в переходный период и одновременное осуществление задач государства по созданию условий для развития казахского языка как государственного [Сборник документов].

В июле 1997 г. был принят новый «Закон о языках в Республике Казахстан». В нем был подтвержден статус казахского языка как государственного, углублены правовые основы функционирования языков, определены обязанности государства по созданию условий для их изучения и развития [Сборник документов; Казахстанская правда, 1997, 15 июля]. В законе было подчеркнуто, что одним из важнейших аспектов государственной идентичности является наличие государственного языка и следование языковой политики определенным приоритетам. В ст. 4 определен статус казахского языка: «Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Государственный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей территории государства». В ст. 5 определен статус русского языка: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [Сборник документов, с. 35].

Свободный выбор языка общения, обучения, воспитания закреплен в ст. 6 «Закона о языках». В ней отмечается, что «каждый гражданин Республики Казахстан имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков Казахстана» [Там же].

Знание казахского языка как государственного должно стать важнейшим фактором личной конкурентоспособности граждан, их карьерного роста и активного участия в общественно-политической жизни. Закрепленный в основных документах официальный статус русского языка объективно отражает его высокую востребованность в Казахстане как носителя значительного объема научной и культурной информации. Русскому языку, представляющему собой наиболее распространенный язык в социокультурном пространстве мультикультурного общества, отводится роль консолидирующего фактора, способного объединить все этносы. Для лингвокультурной ситуации текущего времени естественно развитие казахско-русского билингвизма, который проявляется в различных сферах коммуникации.

«Закон о языках» адекватно отражает языковую ситуацию, сложившуюся в Казахстане, защищает интересы всех народов, проживающих в республике, обладающей своим культурным и историческим наследием, многовековым опытом специфического лингвокультурного взаимодействия.

Русский язык в РК является обязательной частью единого государственного образовательного стандарта. Функционирование русского языка осуществляется в двух различных по целям, масштабам и структуре секторах:

– русский язык в образовательных учреждениях всех типов и уровней как язык обучения: в школах с русским языком обучения,

на «русских» отделениях средних специальных и высших учебных заведений, в магистратуре, докторантуре;

– русский язык в образовательных учреждениях всех типов как предмет изучения: второй (неродной) язык для школ с нерусским языком обучения; для казахских отделений средних специальных, высших учебных заведений; как иностранный для казахов-оралманов, живших длительное время в Монголии, Китае и прибывших на историческую родину, а также для граждан зарубежных стран.

Следует отметить, что ситуация в школьном образовании зависит от двух основных факторов – социального и регионального. В регионах компактного проживания коренного населения в Южном и Западном Казахстане процент обучающихся на казахском языке составляет 90–95 %. Иначе обстоит дело в Северном и Центральном Казахстане, где процент обучающихся на русском языке составляет 65–70 %. В школах с русским языком обучения во всех классах программой предусмотрены уроки казахского языка. Выпускники средней общеобразовательной школы сдают экзамен по государственному языку, предполагающий выявление определенных навыков чтения, говорения, письма на казахском языке. В школах с казахским языком обучения программой предусмотрены уроки русского языка, направленные на формирование комплекса знаний и умений по чтению, говорению и письму. В вузах Центрального, Восточного и северных регионов Казахстана отмечается та же закономерность, что и в школах: многие представители молодежи в качестве языка обучения выбирают русский, что во многом объясняется национальным составом этих районов [Алтынбекова, 2009, с. 127].

Если говорить о двуязычии в сфере СМИ, то следует заметить, что здесь обеспечен свободный доступ к получению информации на обоих языках. Для телезрителя, желающего быть в курсе российских событий, действуют российские каналы, передающие новости, различные информационно-аналитические, познавательные, развлекательные передачи из России. Есть каналы, рассчитанные на казахского зрителя-монолингва, транслирующие передачи на казахском языке. В телекоммуникационном пространстве стараются придерживаться узаконенной формы «50/50», позволяющей вести вещание на двух языках в равной степени, не ущемляя чьих-либо интересов. Выбор канала, программы, передачи обусловлен как языковыми компетенциями зрителя, так и его эстетическими, интеллектуальными, культурными предпочтениями. Радиопередачи также рассчитаны как на казахскую, так и на русскоязычную аудиторию. В данной ситуации теле- и радиоведущие воспринимаются зрителями и слушателями как авторитетные носители литературного языка.

А. З. Кожахметова отмечает, что, «по данным Комитета по языкам Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан, в республике свыше 70 % из почти 1700 печатных

изданий и более 80 % из 120 электронных СМИ выходят на русском языке, книжный рынок заполнен русскоязычной литературой. Только в 2008 г. в Казахстане на русском языке издавалось 485 газет и 206 журналов; на русском и казахском языках – 100 газет и 190 журналов; на электронных носителях – 50 на 50 %. На русском языке создаются новейшие художественные прозаические и поэтические произведения. Широко используется русский язык в сфере книгопечатания, издательской деятельности. Функционируют театры» [Кожахметова, с. 50].

В сфере делопроизводства, предполагающей ведение документооборота и переписку государственного, правового, хозяйственного и культурного характера, в настоящее время применяется русский язык. В Казахстане делопроизводство сегодня ведется на двух языках: казахском и русском. Русский язык используется в процессе экономических контактов с Россией и другими странами СНГ как наиболее приемлемый для обеих сторон.

Русский язык в течение длительного времени являлся доминирующим средством не только межэтнического, но и внутриэтнического общения в республике. Доминирование определялось не только советской языковой политикой, но и исторически сложившимся многообразным этническим составом населения. О. Б. Алтынбекова, исследуя речь казахстанцев разных национальностей, попыталась установить, как информанты владеют родным языком, русским и казахским языками. К примеру, информантка Т., уйгурка, 54 года. Родилась в Алматинской области в крупном селе Чилик, национальный состав которого был очень разнообразным. Языком общения среди жителей села преимущественно был русский.

О.: Кто вы по национальности?
Т.: По национальности я метиска. Мама у меня узбечка, отец – уйгур. Но пишусь уйгурка.
О.: А на каком языке говорили в вашей семье?
Т.: В нашей семье говорили в основном на русском и на уйгурском языках.
О.: А какой язык для вас был первым? На каком языке вы начали говорить с детства?
Т.: Ну, скорей всего, на русском... Население у нас было многонациональное, общение начиналось с улицы. И кругом разговаривали у нас на русском языке в основном [Алтынбекова, 2006, с. 383].

По наблюдениям О. Б. Алтынбековой, казахи, получившие в советское время образование на русском языке, в семье в основном говорят по-русски, реже – по-казахски. Например, информант А., казах, 51 год. Родился и вырос в г. Алматы. Публикует на русском языке статьи по своей второй специальности – юриспруденции. Приведем фрагмент из диалога с ним:

E: На каком языке говорили в вашей семье?
A.: Насколько я помню, это было в основном по-русски. Да и по-другому в то время и не могло быть. Я помню, что в нашем подъезде, кроме нашей семьи, казахов не было. Так что среда вокруг была русскоязычная. У нас был полный интернационализм. Мы так и не научились в детстве толком казахскому. Я помню, в школе у нас казахский язык вела очень милая женщина, и мне ставила она пятерку. Но тогда это были несистематические знания. Мало часов на это давалось… В старших классах уже не было казахского языка. В университете тоже нам не преподавали казахский. Хотя было казахское отделение на биофаке, где я учился. Все студенты казахского отделения спокойно могли разговаривать на русском языке, и у нас не было каких-то проблем с общением. И никто не упрекал меня, что я не владею казахским языком. Скорее они считали себя более ущемленными, что ли, что не так знают русский язык, как мы, городские [Алтынбекова, 2006, с. 390–391].

Можно с уверенностью сказать, что русский язык в Казахстане остается языком межэтнического и даже внутриэтнического общения. Понятно, что языковой выбор казахстанцев (в большей степени билингвов) меняется в зависимости от сферы коммуникации. Как показали специальные исследования, в последние годы наблюдается языковой сдвиг в пользу государственного языка в таких сферах, как политика, образование, наука. Вместе с тем, выбор в пользу русского (реже – английского) языка наблюдается в гостиничном бизнесе, риэлторской деятельности, сферах бытового обслуживания и межкультурного взаимодействия.

Таким образом, закрепленный в основных документах Республики Казахстан статус русского языка отражает его высокую востребованность как официального языка, который наравне с государственным казахским употребляется всеми группами населения в разных сферах общения.

Однако следует заметить, что представители творческой интеллигенции, обеспокоенные судьбой казахского языка, выступают за решительные действия по эффективному использованию государственного языка во всех сферах деятельности. Так, председатель общественного движения «Мемлекеттік тіл» («Государственный язык») известный казахский поэт и писатель Мухтар Шаханов ежегодно проводит акции, целью которых является привлечение внимания общественности к проблемам казахского языка. Актуальность темы не снижается с 2009 г., когда политический аспект в субординации языков был представлен на очередной акции в защиту государственного языка, состоявшейся 22 сентября. Председатель партии «Азат» Болат Абилов высказал тогда мнение о необходимости проведения политических реформ, которые должны были решить проблему государственного языка. Руководитель клуба «Рух пен тіл» Жанболат Мамай зачитал обращение к государственным органам, состоящее из десяти пунктов, основными из которых были принятие нового закона о го-

сударственном языке, противостояние термину «казахстанская нация», осуждение идеи трехъязычия.

Экономические стратегии государства, вызванные глобализацией и интеграцией в мировое сообщество, определили ряд задач, связанных с необходимостью реализации культурного проекта «Триединство языков», в котором сделан акцент на знание трех языков: казахского, русского и английского. В связи с этим в Казахстане с недавних пор развивается программа полиязычного высшего образования. Она дает студентам возможность включиться в мировое образовательное пространство. Реализация принципа академической мобильности позволяет им расширить образовательные возможности, получить дополнительное образование, улучшить практические навыки в избранной специальности, осуществить планы, связанные с продолжением обучения. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение русского и иностранных языков. В частности, в университете, в котором работает автор данной статьи, реализуются различные образовательные программы, направленные на реализацию принципа академической мобильности: установлены международные связи с вузами России и Беларуси, организовано прохождение студентами практики в вузах Германии, США, Канады, есть возможность участия в программах «Эразмус – Мунсус» и др. Студенты получают уникальную возможность приобщиться к культуре и традициям других народов, углубить специальные знания, освоить инновационные технологии. Все это возможно при условии заинтересованного изучения русского и иностранных языков, осознанного ценностного выбора, определения приоритетов. При успешной реализации данного проекта можно говорить о возможностях формирования и совершенствования полиязычной и поликультурной личности, нацеленной на успешное овладение языками и навыками, необходимыми в профессиональной деятельности.

В РК в настоящее время действуют нормативно-правовые документы, касающиеся развития языков, в том числе в области полиязычного образования:

– Государственная программа развития образования на 2011–2020 гг.;

– Государственная программа развития и функционирования языков на 2011–2020 гг.;

– Концепция развития полиязычного образования (разработана министерством образования и науки РК в 2012 г.).

Как отмечает М. А. Бурибаева, «в республике с 2003 г. при поддержке Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств и неправительственной организации “Диалог” в 19 школах с узбекским и таджикским языками обучения Южно-Казахстанской области запущен проект по внедрению адаптированной модели полиязычного образования. Позже подобные пилотные проекты начали реализовываться в школах Алматы и Алматинской области с уйгурским языком обучения. Данные проекты введены в целях успешной инте-

грации молодежи из числа малочисленных этносов в образовательное и социокультурное пространство Казахстана» [Бурибаева, с. 31].

Опыт введения полиязычного обучения в национальных школах позволяет сделать определенные выводы, выявить его положительные и отрицательные последствия. Так, в уйгурской школе-гимназии № 153 города Алматы в рамках государственной программы «Триединство языков» выдвигался проект, направленный на ее реализацию. Его содержание было следующим: такие предметы, как биология, физика, математика, должны преподаваться на английском языке; история, литература – на казахском; остальные дисциплины – на уйгурском языке. Однако в этом случае выпускники уйгурских школ могут набрать низкое количество баллов по ряду предметов на Едином национальном тестировании, проводящемся на казахском языке. В то же время параллельное использование трех языков позволит сформировать лингвистическую компетенцию у учащихся, при этом уйгурский язык останется основным средством обучения.

Необходимо отметить, что многие специалисты (методисты, учителя, ученые-лингвисты) говорят о противоречивости программы трехъязычного образования. Так, констатируется факт, что английский язык необходим в национальной школе для того, чтобы представители национальных меньшинств были конкурентоспособны среди учащихся русских и казахских школ. По мнению Р. Р. Бавдинова, «при функционировании программы трехъязычного образования уйгурский язык будет оттеснен с центральных позиций, а его место займет английский язык. Например, преподавание определенных программой дисциплин на английском языке не позволит развиваться уйгурской научной терминологии. Если учебные материалы будут передаваться на английском языке, отпадет необходимость в развитии уйгурского языка науки» [Бавдинов, с. 26]. В сложившейся ситуации понятны опасения учителей за судьбу основного языка преподавания в школах с национальным языком обучения (в данном случае – уйгурским).

Проблема полиязычного обучения в последнее время активно обсуждается в средствах массовой информации РК. Мнения широкой общественности по данному вопросу разделились. Активные сторонники данной системы утверждают, что многоязычное образование откроет для школьников доступ к большому количеству новой информации и технологиям. Так, старший преподаватель Республиканского института повышения квалификации руководящих и научно-педагогических работников системы образования РК Кульпаш Сариева отмечает, что научно-практический центр «Дарын» в 30 школах Казахстана уже несколько лет проводит эксперимент по переходу на трехъязычное образование, и он показывает весьма неплохие результаты. По мнению же директора языкового центра профессора Кимэп Жулдыз Смагуловой, эта идея является несколько преждевременной. Преподавание на разных языках, по ее словам, не может быть эффективным, если учителя не владеют ими на должном уровне, не знакомы с теорией и практикой

такого преподавания, а также не снабжены учебными материалами высокого качества. Думается, что углубленный анализ результатов пилотного проекта по внедрению полиязычного образования в конкретных школах позволит найти оптимальное решение проблемы. Можно предположить, что языковая политика, направленная на защиту интересов носителей разных языков, проживающих в полиэтническом государстве, поможет снять острые углы лингвистических противоречий.

Время показало, что в Казахстане найден необходимый лингвистический баланс, способствующий укреплению политической стабильности в обществе, созданы условия для развития казахско-русского билингвизма и полилингвизма.

Список литературы

Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917–2000 гг. : Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт+ ; Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.

Алтынбекова О. Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы : Экономика, 2006. 416 с.

Алтынбекова О. Б. Единое национальное тестирование в Казахстане: языковые новации // Русский язык как язык межкультурного делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии : материалы 2-го междунар. конгр. Астана : Сарыарка, 2009. С. 123–128.

Базарбаева Г. А. Становление и развитие языковой политики в Республике Казахстан : автореф. дис. … канд. филос. наук. Алматы : Б. и., 2002. 26 с.

Бавдинов Р. Р. Функционирование уйгурской школы в условиях полиязычия // Современное состояние образования и смена парадигм в условиях полиязычия : сб. материалов междунар. науч.-практ. семинара. Астана : Сарыарка, 2016. С. 25–26.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 436 с.

Бурибаева М. А. Образование и учитель сегодня: школа – вуз в условиях обновления содержания образования // Современное состояние образования и смена парадигм в условиях полиязычия : сб. материалов междунар. науч.-практ. семинара. Астана : Сарыарка, 2016. С. 30–32.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрест. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 487 с.

Закон о языках в Республике Казахстан // Казахстанская правда. 1997. 15 июля.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 250 с.

Кожахметова А. З. Современный русский язык: состояние и тенденции его развития // Современное состояние образования и смена парадигм в условиях полиязычия : сб. материалов междунар. науч-практ. семинара. Астана : Сарыарка, 2016. С. 49–51.

Конституция Республики Казахстан. Алматы : Юрист, 1995. 45 с.

Купина Н. А. Русский язык в мультикультурном обществе: теоретические вопросы и прикладные задачи // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве : [монография] / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 41–51.

Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М. : Наука, 2002. С. 10–34.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.

Разноязычие в мультикультурном обществе // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве : [монография] / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 220–314.

Сборник документов. Алматы : Раритет, 1997. 45 с.

References

Alpatov, V. M. (2000). *150 yazykov i politika 1917–2000 gg. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and the Politics of 1917–2000. Sociolinguistic Issues of the USSR and the Post-Soviet Space]. 224 p. Moscow, Kraft+; IV RAN.

Altynbekova, O. B. (2006). *Etnoyazykovye protsessy v Kazakhstane* [Ethnic and Linguistic Processes in Kazakhstan]. 416 p. Almaty, Ekonomika.

Altynbekova, O. B. (2009). *Edinoe natsional'noe testirovanie v Kazakhstane: yazykovye novatsii* [Unified National Testing in Kazakhstan: Linguistic Innovations]. In Shaymerdenova, N. Zh. (Ed.). *Russky yazyk kak yazyk mezhkul'turnogo delovogo sotrudnichestva v polilingval'nom kontekste Evrazii. Materialy 2–go mezhdunarodnogo kongressa 1–3 oktyabrya 2009 goda* (pp. 123–128). Astana, ID "Saryarka".

Bavdinov, R. R. (2016). *Funktsionirovanie uygurskoy shkoly v usloviyakh poliyazychiya* [Functioning of a Uighur School in Multilingual Space]. In *Sovremennoe sostoyanie obrazovaniya i smena paradigm v usloviyakh poliyazychiya. Sbornik materialov mezhdun. nauch-prakt. seminara* (pp. 25–26). Astana, Saryarka.

Bazarbaeva, G. A. (2002). *Stanovlenie i razvitie yazykovoy politiki v Respublike Kazakhstan: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Formation and Development of Language Policy in the Republic of Kazakhstan: Dissertation Abstract]. 26 p. Almaty.

Belikov, V. I. & Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. 436 p. Moscow, RGGU.

Buribaeva, M. A. (2016). *Obrazovanie i uchitel' segodnya: shkola – vuz v usloviyakh obnovleniya soderzhaniya obrazovaniya* [Education and the Teacher today: School – Higher School under Curriculum Upgradation]. In *Sovremennoe sostoyanie obrazovaniya i smena paradigm v usloviyakh poliyazychiya. Sbornik materialov mezhdun. nauch-prakt. seminara* (pp. 30–32). Astana, Saryarka.

Gerd, A. S. (2001). *Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs lektsy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Lectures and Reader]. 487 p. Saint Petersburg, Izd-vo SPb un-ta.

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 250 p. Volgograd, Peremena.

Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [The Constitution of the Republic of Kazakhstan] (1995). 45 p. Almaty, Yurist.

Kozhakhmetova, A. Z. (2016). *Sovremennyy russky yazyk: sostoyanie i tendentsii ego razvitiya* [The Modern Russian Language: State and Development Trends]. In *Sovremennoe sostoyanie obrazovaniya i smena paradigm v usloviyakh poliyazychiya. Sbornik materialov mezhdun. nauch-prakt. seminara* (pp. 49–51). Astana, Saryarka.

Kupina, N. A. (2014). *Russky yazyk v mul'tikul'turnom obshchestve: teoreticheskie voprosy i prikladnye zadachi* [The Russian Language in a Multicultural Society: Theoretical Issues and Practical Problems]. In Gasparov, B. M. & Kupina, N. A. (Eds.). *Russky yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve: [monografiya]* (pp. 41–51). Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta.

Lebedeva, N. M. (2002). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya etnicheskoy identichnosti i tolerantnosti v polikul'turnykh regionakh Rossii i SNG* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Ethnic Identity and Tolerance in Multicultural Regions of Russia and the CIS]. In *Identichnost' i tolerantnost'* (pp. 10–34). Moscow, Nauka.

Popova, Z. D. & Sternin, I. A. (2006). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. 226 p. Voronezh, Istoki.

Raznoyazychie v mul'tikul'turnom obshchestve [Multilingualism in a Multicultural Society]. (2014). In Gasparov, B. M. & Kupina, N. A. (Eds.). *Russky yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve: [monografiya]* (pp. 220–314). Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta.

Sbornik dokumentov [Collection of Documents]. (1997). 45 p. Almaty, Raritet.

Zakon o yazykakh v Respublike Kazakhstan [Law on Languages in the Republic of Kazakhstan]. (1997). In *Kazakhstanskaya Pravda,* July 15.

The article was submitted on 28.07.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.194
УДК 811.161.1'37+811.161.1'367+316.66

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Борис Норман
Белорусский государственный университет,
Минск, Белоруссия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Анна Плотникова
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

SEMANTICS OF SOCIAL SELF-IDENTIFICATION AND SELF-PRESENTATION IN RUSSIAN LANGUAGE STRUCTURES**

Boris Norman
Belarusian State University,
Minsk, Belarus;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Anna Plotnikova
Ural Federal University;
Yekaterinburg, Russia

Referring to Russian language materials, the authors discuss the linguistic aspects behind the construction of a social portrait of the speaker. The article provides a general overview of the speech forms and genres which prompt the

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

** *Citation*: Norman, B., Plotnikova, A. (2016). Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194.

Цитирование: *Norman B., Plotnikova A.* Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194 / *Норман Б., Плотникова А.* Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194.

© Норман Б., Плотникова А., 2016

speakers to construct their self-image by identifying their profession, age, and social status. The analysis thus focuses on syntactic structures with the meaning of taxonomic or evaluative characterisation which fit the model 'Я – N' ('*I am N*'), where N is a noun or a personal pronoun. The relevant linguistic units found in the utterances in question were selected on the basis of data provided by ideographic dictionaries. Special attention is paid to pragmatic limitations in the usage of certain structures such as *Я чиновник, Я гений, Я интеллигент, Я поэт* ('I am a public official', 'I am a man of genius', 'I am an intellectual', 'I am a poet'). The function of the predicate in the given model is performed not only by words denoting positive characteristics but also by words referring to negative characteristics used for self-criticism, self-deprecation, self-disclosure, or for other pragmatic purposes. Each of the six models of social self-identification and self-presentation described in this article is connected to the strategies of speech behaviour targeted at creating the speaker's self-portrait through various speech masks and metaphorical and other figurative images. The article also systematises idiomatic means used to express the speaker's social identity such as paroemiae or syntactic idiomatic units. Special emphasis is placed on the structures in which self-identification is used to create a speech mask or construct a figurative image. Another interesting linguistic aspect analysed in this article is the usage of metaphoric expressions and utterances with an oppositional presentation of the speaker's social status, which enable them to create unique characteristics of their identity. The authors maintain that self-presentation (meaning that the speaker addresses his or her utterance to other people) should be distinguished from self-identification, which implies that the speaker would like to communicate personally significant information about themselves, expressing their inner views and attitudes.

Keywords: semantics; pragmatics; evaluation; syntactic structures; identity; speaker's social status.

На материале русского языка рассматриваются языковые аспекты создания социального автопортрета говорящего. Дается обзор тех речевых форм и жанров, которые вынуждают говорящего к конструированию собственного «я» через характеристику профессиональной, возрастной, статусной принадлежности. Анализируются синтаксические конструкции с семантикой таксономической или оценочной характеризации, построенные по модели «Я – N», где N – существительное или местоимение-существительное. С опорой на данные идеографических словарей обобщены те единицы, которые могут использоваться в исследуемых высказываниях. Особое внимание уделяется прагматическим ограничениям на использование некоторых конструкций, например, таких как «Я чиновник», «Я гений», «Я интеллигент», «Я поэт». В качестве предикатов исследуемой модели могут выступать не только наименования положительно оцениваемых свойств, но и отрицательные характеристики, используемые для самоумаления, самоуничижениия, саморазоблачения говорящего и с другими прагматическими целями. Каждая из рассмотренных в статье шести моделей социальной самоидентификации и самопрезентации связана со

стратегиями речевого поведения, при которых автопортрет создается через различные речевые маски, метафорические и другие иносказательные образы собственного «я». Систематизируются некоторые идиоматические способы выражения социальной идентичности, закрепленные в пареми-ях или реализованные в ряде синтаксических фразеологизмов. Особое внимание уделяется таким конструкциям, в которых самоидентификация используется для создания речевой маски, конструирования особого художественного образа. Анализируются метафорические выражения, а также высказывания с оппозитивным представлением социального статуса, позволяющие создать уникальные характеристики собственной идентичности. Авторы разграничивают понятия самопрезентации и самоидентификации, предполагая, что в первом случае говорящий адресует высказывание о себе другим лицам, а во втором имеется в виду сообщение о себе личностно значимой информации, отображение личного самосознания, раскрытие внутреннего мира.

Ключевые слова: семантика; прагматика; оценка; синтаксические конструкции; идентичность; социальный статус говорящего.

Рефлексивные представления о себе и образ своего «я» возникают в сложном переплетении коллективного и индивидуального, реального и идеального, субъективного и объективного, формируя самосознание личности. Характеристики человеком самого себя многообразно воплощаются в коммуникации – от простых формул представления, с которых начинается изучение любого иностранного языка, до автобиографических текстов и воспоминаний, где история создается автором через ретроспективу своей жизни.

Тотальная интроспекция и эгоцентризм воплощены в языке в местоимении «я», предполагающем существование говорящего уже самим фактом речи без опоры на референцию и заключающем в своей семантике значение «высшей степени индивидуальности, которая может быть достигнута средствами языка» [Степанов, с. 165–166].

Человек склонен ставить себя в центр любого времени (*Это случилось, когда я еще не родилась; В то время я был ребенком*) и пространства (см. известные в теории семантики примеры, иллюстрирующие скрытую фигуру наблюдателя, который концентрирует вокруг себя все окружающее пространство: *Мимо мелькают деревья; На дороге показался всадник*).

Человек, произносящий «я», не только показывает точку отсчета, задает вектор восприятия мира (*Я вижу, я слышу, я чувствую вас* (А. Ахматова)), но и характеризует себя.

Это соображение афористично сформулировано Э. Бенвенистом: «”Я” обозначает того, кто говорит, и одновременно подразумевает высказывание о “я”: говоря “я”, нельзя не говорить о себе» [Бенвенист, с. 262]. Именно то, что местоимение «я» не ограничивается дейктической функцией, задает возможность рефлексии, когда местоимение

осмысляется как знак нескромности и даже хвастовства. В частности, свидетельства этому можно найти в небуквально понимаемой пословице «Я – последняя буква алфавита» или в более пространном метаязыковом рассуждении современной писательницы Гузели Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза»: *Даже язык татарский устроен так, что можно всю жизнь прожить и ни разу не сказать «я»: в каком бы времени ни говорил о себе, глагол встает в нужную форму, изменит окончание, сделав излишним использование этого маленького тщеславного слова. В русском языке – не так, здесь каждый только и норовит вставить «я», да «мне», да снова «я»* (Г. Яхина).

И в диалоговом, и в нарративном режиме существует спектр речевых жанров, связанных с коммуникативной ситуацией самопрезентации. К самым простым относится этикетный жанр знакомства. Представляясь, человек называет имя и, возможно, фамилию, сопровождая их указанием профессии, должности, статуса. Личное местоимение «я» в ответе или эксплицируется, или содержится имплицитно, ср.: *Я доктор Малышев.* (*С поклоном и протягивая руку.*) *Иван Петрович.* В некоторых ситуациях говорящий считает возможным, не называя имя, охарактеризовать себя через побочный признак: *Я супруг этой красавицы; Я сын Марии Ивановны; Ваш покорный слуга; Ваш давний почитатель; Я ваш сосед сверху.*

Добавим к этой довольно широкой гамме лингвоспецифических способов бэйджи на груди у участников конференций, бэйджи с именами обслуживающего персонала в ресторанах, таблички с фамилиями на столах участников переговоров и т. п. (см. об этом: [Норман, с. 143–145]). Следовательно, самопрезентация может охватывать различные стороны личности – не только имя, но и статус, должность, профессию, возраст, национальную принадлежность, временно исполняемую роль. Один и тот же человек в разных жизненных ситуациях может выступать в различных функциях: быть сыном, мужем, отцом, начальником, футболистом, водителем автомобиля. Поэтому он может использовать сразу несколько характеристик для самопрезентации, что в результате образует семантические кластеры, в которых заключена оценка внешности, интеллекта, социального положения и т. д., например: *Женихом я считался по тамошним местам очень видным: молод, здоров, не урод, интеллигентен, стою на линии инженера, танцую вальс в три темпа, мазурку, краковяк и падеспань и дирижирую кадрилью на приличном французском языке* (А. Куприн).

Любопытной (и весьма специфической) разновидностью таких «самопрезентационных» кластеров являются автохарактеристики в популярных сегодня брачных объявлениях типа: *Мужчина, 38, 175, 90, с двумя высшими образованиями, без материальных проблем, ищет подругу жизни*. Самопрезентация в блогах, на страницах социальных сетей также свидетельствует о том, что потребность в самовыражении и речевая свобода дают возможность приписать себе любые качества и сконструировать новый образ.

В рамках данной статьи остановимся лишь на тех способах самопрезентации, которые связаны с характеристикой социального статуса, и применим формальный критерий для ограничения текстовых фрагментов, рассматривая только те из них, которые содержат форму «я» и по своим логико-синтаксическим особенностям являются предложениями таксономической либо оценочной характеризации.

Обращение к данным идеографических словарей, в первую очередь к Толковому идеографическому словарю русских существительных под редакцией Л. Г. Бабенко, позволяет выявить круг лексических единиц, способных называть статус лица [Большой толковый словарь русских существительных] (рис. 1). Сколь разнообразен и обширен этот класс слов, можно судить по тому множеству социальных отношений, в которые вступает человек, являющийся членом различных макро- и микроструктур общества. Естественно, что самоидентификация лица может осуществляться с опорой на его представления о месте в социальной иерархии, членстве в различных социальных общностях, выделяемых по профессиональным, экономическим, религиозным, культурным, образовательным, политическим и другим признакам. В то же время человек включает себя в микроструктуры – малые группы, представляющие собой небольшие объединения людей, находящихся в прямых взаимоотношениях – родственных, соседских, приятельских. Даже в рамках одного контекста эти разные роли могут либо совмещаться (*Не признаете вы мое родство, а я ваш брат, я человек* (Ю. Цейтлин)), либо противопоставляться (*Я не друг, не невеста и не жених, я Президент Российской Федерации* (В. Путин)).

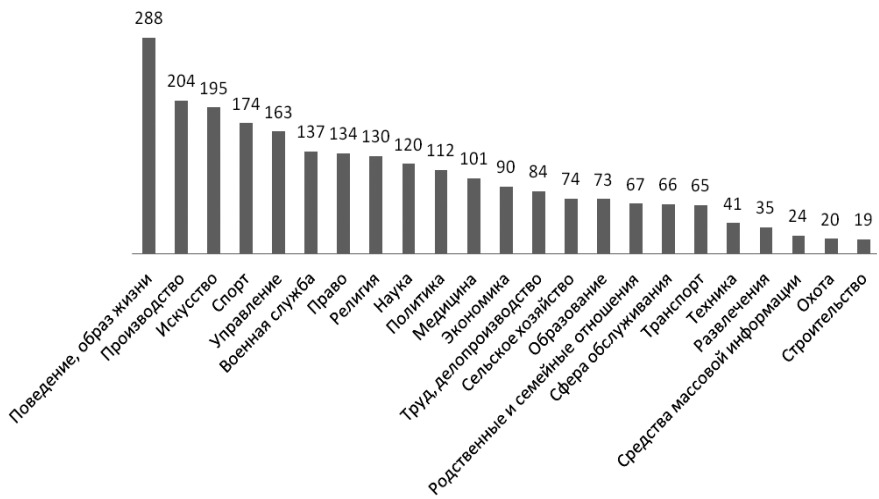


Рис. 1. Распределение имен лиц по семантическим сферам

Различия в количественном представлении семантических сфер в целом предсказуемы. Очевидно, что в силу разветвленности видов производственной деятельности, искусства и спорта эти сферы занимают лидирующие позиции по количеству номинаций лица. Вместе с тем преобладание номинаций лица по поведению и образу жизни над всеми другими профессиональными и статусными способами номинаций указывает на особую значимость раскрывающихся в поведении психологических свойств личности и отношений человека с другими людьми.

Ставя перед собой задачу «разработать критерии отбора лексики, используемой в описании идентичности носителями языка», М. А. Лаппо подробно рассматривает классы слов, приспособленные для характеристики этнической и возрастной идентичности, а также разграничивает самоидентификацию как отражение социальной идентичности и самохарактеристику как представление о личной идентичности [Лаппо]. Приводимые в монографии М. А. Лаппо многочисленные контексты, данные Национального корпуса русского языка, иные примеры из современной художественной литературы и разговорной речи, на первый взгляд, могут указывать на неограниченные возможности для самоидентификации и самохарактеристики лица.

Сосредоточившись только на бинарной конструкции «Я – N», где N – имя, характеризующее лицо по социальному статусу, сформулируем определенные закономерности, диктующие распределение конструкций со значением самоидентификации и самопрезентации по семантико-прагматическим и частным синтаксическим моделям.

N – слово, называющие социальный индекс (профессиональную, религиозную, политическую и др. принадлежность лица). Такие конструкции наиболее типичны для самопрезентации (*Я учитель русского языка*) и включают лексику всех семантических классов, характеризующих человека по роду деятельности.

Существуют прагматические ограничения на использование некоторых лексических единиц в таких конструкциях. Так, слово «чиновник», имеющее в современной коммуникации устойчивый негативный фон, обычно не употребляется для самоидентификации, так как обозначает некоего антигероя, действующего в ущерб интересам людей и затягивающего решение всех вопросов: *Чиновники почти никогда не называют себя чиновниками, предпочитая иные термины. Раньше достаточно распространенным было обозначение «ответственный работник». В наши дни они любят называть себя управленцами или менеджерами* (Н. Вересов).

В связи с этим стоит вспомнить о том аспекте статуса, который сформулирован И. Е. Кимом: «Имя статуса обозначает не реальный социальный объект, а его идеальную форму, инициирующую у других членов общества определенного рода ожидания по отношению к данной реалии. Так, статус лица *повар* формирует ожидание, что это лицо должно готовить пищу, в то время как индивид, которому при-

писан статус, может испытывать отвращение к кулинарии. <…> Язык представляет непосредственно протекающую социальную жизнь как воспроизводство, реализацию идеального мира, в котором все объекты, представляющие собой идеальные формы, уже существуют и описаны» [Ким, с. 197]. В этом идеальном мире предъявляются особые требования к поэту, писателю, художнику и вообще человеку творческих профессий, поэтому данные слова ограниченно применяются в формулах самоидентификации. В тех же случаях, когда такая конструкция возникает, она связана с особым торжественным, высоким восприятием себя, стратегией самопозиционирования: *Я поэт, этим и интересен* (Маяковский), *Я последний поэт деревни* (Н. Рубцов).

N – имя, характеризующее человека по характеру, поведению, образу жизни, например: *Я позитивист, романтик, где-то жизнелюб* (С. Довлатов); *Да, я амбициозный человек и к тому, что успех уйдет, не готов абсолютно* (А. Учитель).

Присубъектный оценочный определитель, являясь обязательным компонентом семантической модели таких высказываний, как *Я человек прямолинейный; Я человек ответственный,* семантически связан с отображением положительных эмоциональных и этических свойств.

Используя выделенные И. Н. Борисовой стратегии самопредъявления в диалоге, можно говорить о том, что если в первой модели мы имеем дело со стратегией самоподачи, когда информация предназначена для другого, то во втором случае реализуется стратегия самораскрытия, при которой говорящий сообщает личностно актуализированную информацию, значимую для него самого [Борисова, с. 23].

Прагматические ограничения данной модели касаются этических запретов на использование определенных номинаций, например, интеллигентный человек вряд ли скажет о себе: *Я интеллигент.* Хотя в определенных текстовых жанрах (например, резюме) говорящий вполне может использовать набор таких характеристик, как *трудолюбивый, исполнительный, ответственный,* для формирования положительного имиджа в глазах работодателя.

В качестве предикатов такой модели могут выступать не только наименования положительно оцениваемых свойств, но и отрицательные характеристики, которые, казалось бы, должны быть маркерами иллокутивного самоубийства (*я мерзавец, подлец, негодяй*), однако способны использоваться с коммуникативной целью самоумаления, самоуничижения, например, как в письме Бориса Пастернака отцу, художнику Л. О. Пастернаку: *Милый папа, это письмо пишет ничтожество.*

Есть еще один круг употреблений отрицательных самохарактеристик, который связан с особым композиционно-речевым типом, – это когда в структуре повествования происходит взаимопроникновение субъектно-речевого плана персонажа и автора: *Только несгибаемо верный первый заместитель всех префектов не спускал переполненных любовью выпученных карих глазищ с монстра и дружелюбно кивал: добро пожаловать, мне и слов никаких не надо, вижу – это твое*

место, сынок. Наконец-то! – ничего, освоишься, поможем, впряжемся всем миром, навалимся, вот я, опытный подлиза-старик… (А. Терехов). В приведенном контексте, где слово «подлиза» возникает во внутренней речи рассказчика, а не персонажа, обнаруживается соединение несобственно-прямой речи с авторским нарративом. Такая множественность «наблюдательных пунктов», когда внутренний мир персонажа показан через внешние проявления, оцениваемые рассказчиком, создает особую форму мнимого саморазоблачения.

Иную композиционно-речевую модель, связанную с меной «я – другой», образует начало повести А. П. Чехова «Скучная история»[1]. Повествование в ней начинается как будто бы от третьего лица (*Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом*), которое затем превращается в первое *(Все это и многое, что еще можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем. Это мое имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку, а за границею оно упоминается с кафедр с прибавкою «известный» и «почтенный»*). Начиная с положительной самопрезентации и называя себя *честным малым*, рассказчик по ходу изложения истории переходит к саморазоблачениям. Анализ такого типа повествования, когда рассказчик смотрит на себя как на другое лицо и когда происходит смещение точек зрения, представлен в ряде современных исследований [Кожевникова; Падучева]. Связанное с трансформациями лица в художественном тексте понятие «ненадежный рассказчик» применяется литературоведами для обозначения ситуации, когда задача выявления истинного смысла происходящего возложена на читателя, а рассказчик сообщает о себе ложную информацию. В связи с этим возникает и другая проблема, которая не поддается лингвистической формализации: самоидентификация лица может быть и ложной, при которой говорящий имитирует принадлежность к социальной группе и, высказываясь о себе, не делает никаких истинных признаний. Например, в фильме «Полосатый рейс» по сценарию В. Конецкого герой Евгения Леонова, будучи на самом деле поваром, представляется укротителем тигров и начинает лекцию со слов: *Товарищи, я, конечно, не лектор. Укротитель я.*

N, а не X (скорее N, чем X), где X – имя, в котором заключены ожидания адресата, а N – имя, используемое говорящим для самореабилитации. В таких конструкциях происходит противопоставление двух социальных индексов. Например, космонавт Г. Гречко, отвечая на вопрос журналиста, произносит: *…Для меня подобные рекорды не имеют особого значения, я все-таки немножко ученый. В 1978 году мы установили в общей сложности 16 мировых рекордов, один из них – по длительности полета, я хорошо запомнил, а остальные 15 так и не*

[1] А. П. Чехов в письмах формулировал тему этой повести как «Мое имя и я».

посмотрел. Я ученый, а не спортсмен. Показательно, что сначала говорящий минимизирует свой статус (*все-таки немножко ученый*), а в заключение формулирует его определенно, противопоставляя другой социальной роли.

Разновидностью данной модели является конструкция «Я не X», которая может использоваться с целью объяснения своего незнания, неумения, нежелания чем-либо заниматься (например, *я не политик, а ученый*) либо применяться для самоумаления говорящего: *Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет научных трудов по педагогике* (А. Макаренко); *Ему [Д. С. Лихачеву] не нравилось чрезмерное подчеркивание его учительства. «Я не Рабиндранат Тагор!» – сказал он однажды сердито* (Е. Водолазкин).

Неприятие похвал в свой адрес, отведение комплимента также может приводить к подобного рода конструкциям (например, *Я скорее читатель, чем писатель*). Их прагматический смысл иногда предполагает самоиронию говорящего: *Мне всегда хочется быть газелью, хотя на самом деле полагаю, что я скорее худая корова. <…> В действительности я – самая настоящая рабочая кляча* (Э. Савкина).

К этой же модели примыкают псевдовопросы, образуемые при помощи синтаксических фразеологизмов, образованных по таким схемам, как «Я что, N?», «Разве я N?», «Какой я N?», например: *«Что за мной смотреть? – пожала плечом Снежана. – Что я, ребенок?»* (В. Токарева); *«Какой я ученый?» – говорил он [Циолковский]* (Л. Чижевский). Во фразеосхеме «Я что, N?» позицию N способно заполнять прецедентное имя: конструкция *Я что, Пушкин?* используется как имплицитная форма того, что говорящий не обязан знать всего.

N – имя, называющее маску, образ, который используется для того, чтобы представить себя в виде кого-то, идентифицировать себя с кем-то. Несмотря на то, что интенциональная направленность таких конструкций чрезвычайно широка, можно наметить некоторые координаты в этом безбрежном море высказываний, в которых говорящий примеряет на себя чужую маску.

Во-первых, в качестве предиката способно использоваться прецедентное имя, неустойчивое равновесие между означающим и означаемым которого приводит к появлению системных коннотативных значений. Например, герой стихотворения В. Маяковского сравнивает себя с Наполеоном – символом смелого и честолюбивого полководца, разгромившего врага: *Идите, сумасшедшие, из России, Польши. / Сегодня я – Наполеон! / Я полководец и больше. / Сравните: / я и – он!* (В. Маяковский). Не случайно здесь обращение «сумасшедшие», поскольку имя «Наполеон» отсылает одновременно к военным победам и к ставшей прецедентной ситуации, когда психически больной человек представляется Наполеоном. В ситуации симуляции психического расстройства герой романа И. Ильфа и Е. Петрова произносит: *– Я вице-король Индии! – отрапортовал он, краснея. – Отдайте мне любимого слона.* Персонажи сумасшедшего дома также идентифициру-

ют себя с причудливо выбранными образами: *Иногда, впрочем, в его взбаламученной голове соскакивал какой-то рычажок, и он, путая, кричал: «Я Генрих Юлий Циммерман!»*; «*– Уйдите! Я голая! – зарычал третий. – Не смотрите на меня! Мне стыдно! Я голая женщина!» Между тем он был одет и был мужчиной с усами* (И. Ильф и Е. Петров).

Отождествление себя с известными личностями может преследовать самые разнообразные художественные цели. Например, А. Вознесенский в стихотворении «Я – Гойя», изображая ужасы войны, идентифицирует себя с испанским художником Гойей, а также с созвучными ему художественными образами: *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал ворог, слетая на поле нагое. / Я – горе. / Я – голос / Войны, городов головни на снегу сорок первого года. / Я – голод. / Я – горло / Повешенной бабы, чье тело, как колокол, било над площадью голой...*

Аналогичный модус эстетического освоения мира и способ саморефлексии обнаруживаем в стихотворении *Я Мэрилин, Мэрилин. / Я героиня / самоубийства и героина*. Поиски эстетических идеалов в прошлом определяют идентификацию лирического героя А. Вознесенского через аналогию с местом ссылки А. Пушкина: *Я сослан в себя, я – Михайловское. / Горят мои сосны, смыкаются…*

Возникшие в современной коммуникации выражения *Я Шарли Эбдо* или *Я СУ-24* отсылают к известным политическим событиям (убийству сотрудников редакции сатирического журнала в Париже и сбитому российскому самолету) и представляют собой формулу выражения солидарности через отождествление. Не случайна поэтому и возникшая в интернет-коммуникации на базе этих выражений формула растождествления: *Я не Шарли, я Су-24. <…> Я самолет с душой человека* (С. Ефимов); *Я не Шарли, я Ваня из Донбасса.*

Во-вторых, в качестве предиката может выступать животное, птица, растение, причем зооморфный или фитоморфный образ опирается на коннотативный потенциал имени. Источники таких примеров по своей стилистической принадлежности разнородны – от школьного сочинения по биологии (*Привет! Я пчелка, самое трудолюбивое насекомое*) до художественных текстов с их сложной символикой (*Я чайка* (А. Чехов); *А я хочу тянуться в небо. Не потому что я лучше других деревьев, нет. А просто я другое дерево. Я такое дерево* (Г. Поженян)). К этому же типу примыкают конструкции, в которых для создания автопортрета говорящий использует олицетворяемые предметные, соматические образы, например, С. Алексиевич в Нобелевской лекции в декабре 2015 г. говорит: *Флобер говорил о себе, что он человек-перо, я могу сказать о себе, что я человек-ухо. Когда я иду по улице, и ко мне прорываются какие-то слова, фразы, восклицания, всегда думаю: сколько же романов бесследно исчезают во времени…*

В-третьих, писатель или режиссер, рассказывая о прототипах своих героев, может указать на себя как на источник каких-либо черт того или иного образа, даже если такая аналогия по меньшей мере необычна, как признание Г. Флобера *Мадам Бовари – это я* или ут-

верждение современного режиссера А. Меликян, которая, отвечая на вопрос о том, на кого из героев своего фильма она похожа, произносит: *Я – все. И даже, не поверите, мальчик Костя – тоже я.*

N – я. Высказывание, в котором осуществляется автореференция и которое основано на повторе элементов. «Я – это я» имеет целью заявить о собственной индивидуальности. Несмотря на кажущуюся бессмысленность этой формулы, контексты из художественных текстов актуализируют скорее не иконическое означивание самого себя, а выражение идеи автономности личности, например: *Моя мысль имеет большую ценность, чем ваша, не потому, что я умнее, а потому, что я – это я* (Л. Юзефович); …*Старательное перечисление мельчайших событий прошлого заслонит, поставит под сомнение то, что было исходной посылкой всей этой затеи: уверенность в том, что я – это я, нечто единое и в основе своей неизменное* (Б. Хазанов). Отрицание такой конструкции возможно лишь в структуре пословиц, реализующих значение отстраненности, невмешательства: *Я – не я, и лошадь не моя; Я – не я, и хата не моя.*

Казалось бы, еще более абсурдной с точки зрения формального синтаксиса может быть конструкция «я – это ты». Однако и такой прагматический вектор, при котором любящие люди видят в себе отражение другого, возможен: *Я – это ты, ты – это я, / и никого не надо нам* (М. Насыров). Как показывает поиск контекстов, возможна еще более странная конструкция, при которой отрицается всякое тождество лица самому себе: *Я – не я, ты – не ты. / Не буди во мне зверя* (песня группы «Стрелки»). Все подобные конструкции основаны на попытке перевернуть законы логики и соорудить силлогизмы, смысл которых оказывается не всегда художественно оправданным. Но в основе их все же лежат рассмотренные выше основные логико-семантические и прагматические модели самопрезентации.

N – это ряд антонимически противопоставленных однородных членов. Классическим примером такой антонимии является ода Г. Державина «Бог», отражающая философское осмысление роли человека, совмещающего в себе разные ипостаси человеческого и Божественного, ничтожность и величие: *Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я Бог!*

Большое количество примеров оппозитивного противопоставления социального статуса рассматривается в посвященной корпусному анализу английских антонимов и расширительно интерпретирующей антонимию монографии С. Джонса, например: «Sometimes I feel more masculine than feminine and I don't like it» [Jones, p. 76]. Коррелирует с приведенным английским примером русская пословица *Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик*, реализующая значение: '*Прост. Шутл. Ирон.* О женщине, вынужденной исполнять все мужские работы и вести домашнее хозяйство' [Мокиенко, Никитина].

По существу, данные примеры можно трактовать в рамках художественного приема *катахрезы*, то есть соположения слов, находящихся «в отношении онтологической несовместимости. Такие слова не являются антонимами, они выражают понятия, референты которых не соотносятся в реальной действительности (лежат в разных “онтологических плоскостях”)» [Сковородников, с. 71].

Возможность идентифицировать себя с противоположными сущностями в разговорной речи связана с намерением уникального конструирования собственной идентичности, стремлением выделиться. Рассмотрим пример, приводимый Н. В. Павлович:

– *Ты смешно про себя сказал:* ***удачливый неудачник****. Боюсь, что я полная противоположность.*

– *В каком смысле?*

– *В прямом.* ***Неудачливый удачник*** [Павлович, с. 246].

С антонимическими оппозициями связана и ситуация трансформации идентичности, магического превращения, которое можно проиллюстрировать известной детской песней Чебурашки: *Я был когда-то странной игрушкой безымянной, / к которой в магазине никто не подойдет. / Теперь я Чебурашка…* (Э. Успенский). В связи с приведенным примером следует отметить, что в детской литературе система референтных сфер, от имени которых ведется повествование, практически ничем не ограничена. Любой предмет может выступать в роли говорящего лица, выполняющего набор социальных функций, например: *Я Великий Умывальник, Знаменитый Мойдодыр, / умывальников начальник и мочалок Командир* (К. Чуковский).

В социальной самоидентификации есть еще один аспект, связанный с распределением гендерных ролей. Колебания говорящего в выборе формы мужского рода либо соотносительной с ней формы женского рода показывают трудность социальной самоидентификации женщины в мире, в котором язык отображает традиционное доминирование мужского начала. Вспомним в связи с этим диалог героев кинофильма Э. Рязанова «Служебный роман»:

– *Перестаньте сейчас же! Перестаньте сейчас же командовать!*

– *Я пока что еще здесь директор! Я пока что еще хозяин!.. Хозяйка!..*

– *Хозяин...*

– *Ну, ну, ну все равно, как угодно!*

Самопрезентация по природе своей связана с моментом речи (*Я врач*), что отчасти сближает такие высказывания с перформативными и делает их направленными на другого – адресата речи. Сдвиг в иную временную плоскость меняет семантическую природу таких высказываний, привнося в них квалифицирующий, а не идентификационный смысл. Появление связочного глагола прошедшего или будущего времени в бинарных конструкциях ведет к возникновению рационально осмысляемого «я», не тождественного «я» настоящему. Поэтому если в настоящем времени возможны любые автохарактеристики личности, то в прошедшем времени некоторые либо вооб-

ще невозможны, либо кажутся странными (*Я был Ивановым; Я был тряпкой*).

Отождествляя себя с имеющимися объектами или приписывая себе определенные социальные характеристики, говорящий адресует высказывание о себе другим лицам, в этом случае речь идет о самопрезентации лица. Несмотря на большое функциональное разнообразие имен, участвующих в самопрезентации, именно в этой сфере все-таки действуют некие этические, физиологические, интеллектуальные запреты на применение некоторых форм, например, сообщая о себе другим, говорящий ограниченно использует имена лиц, указывающие на физиологическую, интеллектуальную, социальную неполноценность (*Я психопат; Я умственно отсталый; Я мародер*).

В формулах самоидентификации, когда сообщаемая информация использована для автохарактеристики, отображения личного самосознания, объективированного представления о себе самом, возможен более широкий репертуар средств выражения социальной рефлексии, вплоть до таких, какие использованы в известном монологе Сатина из пьесы М. Горького «На дне»: *Что такое человек? Это не ты, не я, не они… нет! это я, они, старик, Наполеон, Магомет в одном! <…> Хорошо это… чувствовать себя человеком!.. Я арестант, убийца, шулер… ну да!*

Фокус эмпатии в высказываниях со значением самоидентификации оказывается на самом говорящем, так как в них устанавливается референция к самому себе – автореференция. Однако они все же рассчитаны на воспринимающего, поэтому имеют очевидный вектор направленности на «не я».

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2002. 448 с.

Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание : Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс, 2005. 864 с.

Борисова И. Н. Речевая самопрезентация в диалоге: текстовый и коммуникативно-прагматический аспекты // Речевые жанры современного общения : тез. докл. межд. конф. «Одиннадцатые Шмелевские чтения» (23–25 февраля 2015 г.). М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2015. С. 22–25.

Ким И. Е. Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибир. филол. журн. 2011. № 1. С. 192–199.

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1994. 335 с.

Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок : Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.;

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М. : Флинта ; Наука, 2016. 216 с.

Павлович Н. В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1979. С. 238–247.

Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славян. культуры, 2010. 480 с.

Сковородников А. П. О катахрезе // Русская речь. 2005. № 3. С. 68–74.
Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения : (Семиологическая грамматика). М. : Наука, 1981. 360 с.
Jones S. Antonymy : A corpus-based perspective. N. Y. : Routledge, 2004. 193 p.

References

Benvenist, E. & Stepanov, Yu. S. (Ed.) (2002). *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. 2nd Ed. 448 p. Moscow, Editorial URSS.
Babenko, L. G. (Ed.) (2005). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh : Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographical Description. Synonyms. Antonyms]. 864 p. Moscow, AST-Press.
Borisova, I. N. (2015). *Rechevaya samoprezentatsiya v dialoge: tekstovyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty* [Speech Self-presentation in Dialogue: Communicative and Pragmatic Aspects]. In *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya : tez. dokl. mezhd. konf. Odinnadtsatye Shmelevskie chteniya (23–25 fevralya 2015 g.)* (pp. 22–25). Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova.
Jones, S. (2004). Antonymy: A Corpus-based Perspective. 193 p. N. Y., Routledge.
Kim, I. E. (2011). *Tri sposoba modelirovaniya sotsial'nykh realiy v sovremennom russkom yazyke* [Three Approaches to Social Realities Modeling in Contemporary Russian]. In *Sibirsky filologichesky zhurnal, 1,* pp. 192–199.
Kozhevnikova, N. A. (1994). *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv.* [Narrative Types in the Russian Literature of the 19th – 20th Centuries]. 335 p. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN.
Lappo, M. A. (2013). *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: Semantics, Pragmatics, Language Resources]. 180 p. Novosibirsk, Izd-vo NGPU.
Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok : Bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy* [Great Dictionary of Russian Sayings. Over 40 000 Expressions]. 784 p. Moscow, OLMA Media Grupp.
Norman, B. Yu. (2016). *Zhizn' slovoformy* [Life of the Word Form]. 216 p. Moscow, Flinta, Nauka.
Paducheva, E. V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic Research. Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative]. 2nd Ed. 480 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul′tury.
Pavlovich, N. V. (1979). *Semantika oksyumorona* [Semantics of the Oxymoron]. In Grigor′ev, V. P. (Ed.). *Lingvistika i poetika* (pp. 238–247). Moscow, Nauka.
Skovorodnikov, A. P. (2005). *O katakhreze* [On Catachresis]. In *Russkaya rech', 3,* pp. 68–74.
Stepanov, Yu. S. (1981). *Imena, predikaty, predlozheniya : (Semiologicheskaya grammatika)* [Nouns, Predicates, Sentences (Semiological Grammar)]. 360 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 17.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.195
УДК 81'373+81'38+81'42

ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО СЛОВА 2015 ГОДА*

Арто Мустайоки
Хельсинкский университет,
Хельсинки, Финляндия

Харри Вальтер
Университет имени Эрнста Морица Арндта,
Грайфсвальд, Германия

Ирина Вепрева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

WORD OF THE YEAR 2015**

A. Mustajoki
University of Helsinki,
Helsinki, Finland

Harry Walter
Ernst Moritz Arndt University,
Greifswald, Germany

Irina Vepreva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article analyses the Russian project "Word of the Year 2015" as compared to similar Finnish and German projects. The main parameters of the most important words in literature are compared with the characteristics of the words included in the rating list of the year. The authors demonstrate that words of the year correlate with the parameters of the most popular words, but are

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239, и программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.A03.21.0006. Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz (DFG WA 1689/5-1).

** *Citation*: Mustajoki, A., Walter, H., Vepreva, I. (2016). Word of the Year 2015. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195.

Цитирование: *Mustajoki A., Walter H., Vepreva I.* Word of the Year 2015 // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195 / *Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И.* Феномен актуального слова 2015 года // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195.

© Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И., 2016

not identical. The research defines the principles behind the formation of the Russian word list. The selection is based on expert evaluation of the frequent units of this year: this makes the resulting word list a diverse phenomenon. First, a number of lexical units of the year are united in open thematic groups which reflect those that were semantically dominant in the course of the year. Units naming the most significant events of the year also enter the list. Words of the year are a kind of trademark identity for the year, systematically reflected in vivid and recognizable units of nomination. Such markers are mainly neologisms and set expressions that have appeared as part of real situations. A special group is made up of common lexical units which get foregrounded and as a result acquire semantic increments owing to the frequency of their use and expansion of their lexical compatibility. There are two thematic groups on the 2015 list that describe the semantic dominants of the year: 1) "the foreboding of war" and 2) "the limits of the acceptable and the unacceptable".

Keywords: most important words; lexicology; semantic dominant; frequency; neologism; semantic increment.

Анализируется российский проект «Слово года – 2015» на фоне общей характеристики финских и немецких списков года. Выявленные в литературе основные параметры актуального слова сопоставляются с характеристиками слов, входящих в рейтинговый список года. Показано, что по своим характеристикам слова года коррелируют с параметрами актуального слова, но не тождественны им. В ходе исследования определены принципы формирования словника российского проекта. В основе отбора лежит экспертная оценка частотных единиц текущего года, в результате которой полученный словник определяется как разноплановый феномен. Прежде всего ряд актуальных единиц года объединяется в тематические ряды открытого типа, отражающие смысловые доминанты года. Список дополняют единицы, номинирующие знаковые для года события. Слова года – это своеобразная брендовая идентичность года, системно выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах. К ярким языковым маркерам относятся в первую очередь неологизмы и устойчивые сочетания, которые «родились» в контексте реальной ситуации. Особую группу составляют актуализированные узуальные единицы, которые в силу частотности употребления и расширения лексической сочетаемости приобретают семантические приращения. В списке слов 2015 года выделены два тематических ряда, которые моделируют смысловые доминанты года: 1) «предчувствие войны»; 2) «границы допустимого и недопустимого».

Ключевые слова: актуальная лексика; лексикология; смысловая доминанта; частотность; неологизм; семантические приращения.

В лингвистике проблема активного пополнения «словаря времени» – одна из самых обсуждаемых [Земская; Иссерс, 2014; Костомаров; Толковый словарь русского языка начала XXI века; Стернин; Харламова; Черникова; Шапошников; Шмелева, 2009; Von „aufmüpfig“ bis „Teu-

ro"; Wörter, die Geschichte machen; Niehr; Schiewe]. Слово, соотносимое со своим временем, становящееся особенно важным благодаря своей семантике, получило в литературе статус актуального слова, «ключевого слова текущего момента» [Шмелева, 1993], «слова-хронофакта» [Фомина]. Слова, которые находятся «в фокусе социального внимания», Е. А. Земская назвала «ключевыми словами эпохи» [Земская, с. 138]. В основе актуальности слова лежат причины внеязыковые. Актуализация слова – следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности. С точки зрения этого существенного признака актуальные слова являются своеобразной хроникой общества, сигналами социального времени, источником информации о его политической, экономической и культурной жизни.

Исследовательский интерес к актуальному слову позволил сформулировать его основные параметры. Следом за Т. В. Шмелевой в качестве определяющих признаков актуального слова назовем следующие: 1) резкое возрастание частотности употребления; 2) появление актуальных слов в качестве заголовков газетного текста и хэштегов; 3) реализация грамматического и словообразовательного потенциала; 4) расширение сочетаемости; 5) формирование новых синонимических и антонимических связей; 6) онимическое употребление; 7) языковая рефлексия по поводу актуального слова (в том числе его дефиниция); 8) языковая игра с актуальным словом [Шмелева, 1993, с. 33–39].

Статус актуального слова, хронологически маркирующего время, соотносим с понятием «слово года», которым в разных странах отмечают слова, оказавшиеся в центре общественного внимания в течение текущего года. По инициативе Михаила Эпштейна в России с 2007 г. экспертным советом при Центре творческого развития русского языка составляются годовые вербальные портреты русского языка по модели словесных рейтингов в США, Европе и Азии. Специалисты и любители русского языка с энтузиазмом подключились к такой программе, оценивая языковые доминанты годового цикла.

При первом взгляде на полученные ежегодные списки актуальных слов (таких в российском проекте уже девять) видна, с одной стороны, социокультурная детерминированность представленных единиц, с другой, субъективность процедуры их отбора. Последняя требует углубленного исследования актуальных слов, входящих в эти списки. Задача предпринятого исследования – с опорой на материалы корпусного ресурса (в данном случае 3 488 источников центральных и региональных СМИ, входящих в базу Integrum.ru) выявить специфические особенности актуальных слов, осмысляющих текущий год, и тем самым охарактеризовать феномен проекта «Слово года». В качестве материала исследования в первую очередь анализируются слова 2015 г. Для выявления типологических черт слова года привлекаются материалы немецкого и финского списка актуальных слов, а также российские списки предыдущих лет. В российский список 2015 г. вошли следующие единицы: 1) *беженцы*; 2) *санкции, антисанк-*

ции, санкционка; 3) *война*; 4) *Карл* (обращение-мем); 5) *терроризм*; 6–7) *дальнобойщики*; 6–7) *стартап*; 8) *запрещенка* (запрещенная еда); 9*) гибридный*; 10) *селфи*; 11–12) *Левиафан*; 11–12) *милитаризм*.

Проблема выбора актуальной номинации года

Принципы отбора актуальных слов текущего года в разных странах различны. Так, к примеру, Центр отечественных языков Финляндии постоянно собирает новые слова и обновляет на этой основе электронные словари. Естественно, в словари попадают только неологизмы, которые являются не случайными выдумками отдельных носителей языка, а словами, вошедшими в устную и письменную речь разных авторов. Центр ежегодно публикует списки новых слов. Такой набор за 2015 г. состоит из 75 слов [Kotimaisten kielten keskuksen]. Большая часть единиц – сложные, образованные на основе узуальных финских слов субстантивные новообразования, которые номинируют не только новые политико-административные понятия, но и понятия других сфер жизни. Половина слов представляет официальную лексику, но есть неофициальные словечки, придуманные редакторами и журналистами, поэтому дальнейшую их закрепленность в языке трудно прогнозировать. Россия вслед за Германией выделяет в качестве слов года не только неологизмы, но и узуальные единицы, актуализированные в текущем социальном контексте. В проекте выделяются рубрики «Слово года», «Выражения и фразы года», «Антислово года» (рубрика включает критически оцениваемые единицы, объективно нарушающие уместность употребления). Российский проект также включает рубрику «Авторские неологизмы», а немецкий – «Молодежное слово года».

При обращении к российской словописи года выявляется складывающаяся закономерность: актуальные слова, проявляясь в их адекватности конкретным социальным обстоятельствам, объединяются в четкие лексико-семантические группировки, с опорой на которые можно выделить тематическую доминанту года. Лейтмотив года обычно сфокусирован в границах политического сознания, за границами списка часто остаются важные события из областей науки, техники, общественной жизни.

Анализ списка слов 2015 г. позволяет выделить две доминирующие смысловые группы, вокруг которых группируются актуальные единицы: первое лексико-семантическое объединение с темой «Предчувствие войны» – лексемы *война, беженцы, терроризм, гибридная* (война), *милитаризм*; второе – с темой «Границы допустимого и недопустимого» – лексемы *санкции, антисанкции, санкционка, запрещенка* (запрещенная еда). Абстрактные имена, с помощью которых сформулированы тематические доминанты года, «являются достаточно пустыми контейнерами» [Чернейко, с. 121],

их информационная недостаточность задает необходимость заполнения семантического ряда, которая определяет отбор актуальных слов внутри тематической группы. Доминирующую политическую и морально-нравственную тематику дополняют языковые единицы культурного (*селфи, Карл*) и экономического (*стартап*) плана, отражающие типичные для 2015 г. явления, но носящие периферийный характер.

Кроме слов, передающих общую референтную ситуацию года, в список включаются лексемы, отражающие эффект «событийного шока»: они номинируют события года, которые носитель языка, находясь внутри текущего года, осознает как знаковые. Так, в списке года к единицам этого ряда можно отнести лексемы *дальнобойщики, Левиафан.* Чаще всего подобные единицы относят к словам-однодневкам (точнее, словам-«одногодкам»), поскольку впоследствии трудно вспомнить, какие события скрываются за ними. Судьбу таких единиц невозможно прогнозировать ввиду того, что на употребление слова влияет степень значимости в будущем самого явления или предмета (референции), для обозначения которого это слово существует.

Слово года – это своеобразная брендовая идентичность года, системно выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах. Всегда существует коммуникативная востребованность формы выражения имени ситуации, возникающей в реальной действительности. Яркость номинации – та объективная случайность, которая обусловлена номинативным вакуумом ненареченной жизненной ситуации. В этом случае выросший из языковой среды неологизм является наиболее ярким представителем класса актуальных слов [Мустайоки, Вепрева, с. 447–448]. Иногда нишу номинативной единицы заполняет устойчивое словосочетание, которое, наряду с лексемой, способно номинировать событие, особенно если это словосочетание родилось в ходе осмысления произошедшего события. Поэтому список слов года поддерживает и расширяет список выражений года. Выделенные группы лексем 2015 г. дополняют выражения: первую смысловую доминанту – *Минские договоренности, атмосфера ненависти, гибридная война, ИГИЛ* (запрещенная в России организация); вторую – *Шарли Эбдо, Я Шарли;* знаковые события – *Немцов мост, Бессмертный полк.* Актуальной номинацией может стать «старая» узуальная единица. Но в силу признаков актуального слова эта единица всегда имеет определенные смысловые приращения за счет актуализации ряда дифференциальных признаков при расширении лексической сочетаемости и возросшей частотности.

Неологизмы года

Если мы обратимся к актуальным лексемам из списка 2015 г., то увидим, что «урожай» входящих в него неологизмов не слишком

велик. Удачным в плане свежих номинаций был 2014 г. Его список возглавила новая окказиональная единица *Крымнаш*, интерес к анализу которой обусловлен, помимо полной реализации всех параметров актуального слова, уникальностью номинализации синтаксической структуры с пропозитивной семантикой, позволяющей осуществить полноценную смысловую свертку ситуации [Вепрева; Иссерс, 2015; Цонева]. Лидирование «украинской» темы года, плотность событий в политической сфере объясняют парадоксальную субъективность отбора слов. В словник 2014 г. не вошла лексема *Олимпиада*, хотя значимость события не вызывает сомнений и актуальность единицы прослеживается по всем указанным выше характеристикам.

К неологизмам 2015 г. можно отнести универбы *санкционка* и *запрещенка*. Выбор этих единиц, безусловно, определяется свежестью новообразований, разговорная окраска которых создает эмоционально-экспрессивную тональность, снижает официальность словосочетаний прилагательного с существительным: санкционные меры → *санкционка*, запрещенная еда → *запрещенка* [Русская грамматика, т. 1, с. 171]. Стилистическая маркированность и новизна единиц способствуют отбору не только этих единиц в список года, но и слов *санкции, антисанкции*, хотя пик частотности в 2015 г. внутри этого класса единиц принадлежит лексеме *импортозамещение*, которая не вошла в данный список. Проиллюстрируем соотношение единиц *санкции, антисанкции* и *импортозамещение* по степени употребительности (рис. 1).

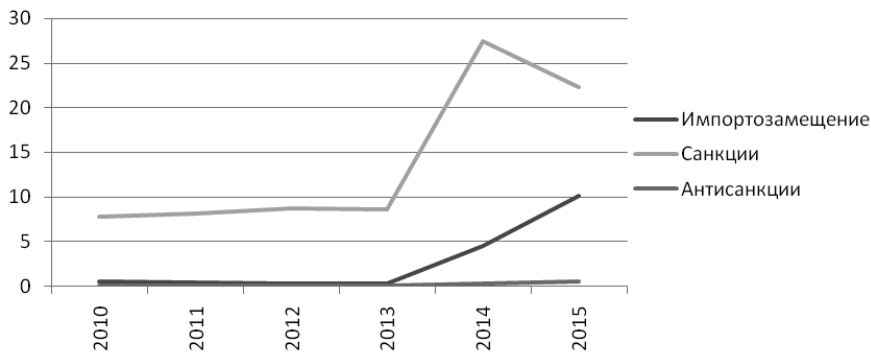


Рис. 1. Число публикаций по запросу относительно общего числа публикаций, % (Интегрум)

Обоснуем безусловную уместность включения лексемы *импортозамещение* в список слов года. Во-первых, отметим неуклонный рост частотности лексемы *импортозамещение* (в 2014 г. она увеличилась в 13 раз по сравнению с 2013 г., в 2015 г. – в два раза

по сравнению с 2014 г.). Во-вторых, актуальность подтверждается текстогенностью слова, его регулярным использованием в газетных заголовках. Импортозамещение мыслится как стратегически важный для России процесс, неотложность которого вызвана антироссийскими экономическими санкциями. Вырабатывается формула: ***импортозамещение*** *позволит/обеспечит* (что именно)*: государственную независимость; национальную безопасность, оживление экономики; конкурентное преимущество отечественных товаров*. В-третьих, есть основания говорить о формировании куста сложных слов с первой частью *импорт-*, см.: *импортозаместить/импортозамещать, импортозамещаться, импортозаместитель*, *импортозаместительный*, *импортозаместительно, импортозависимость, импортонезависимость, импортовытеснение* и др. В-четвертых, ощущение актуальности слова поддерживают метаязыковые указатели: *модное сейчас слово*, *новомодное слово, актуальное сегодня слово*, иногда в ироническом ключе: *великое слово, патриотичный термин.*

Приведенные аргументы подтверждают высокую степень субъективности выбора актуальных единиц года. Относительный характер носит также выбор единиц по степени абстрактности/конкретности семантики. Так, родовое слово *запрещенка* (запрещенная еда), несущее концептуальную информацию, вполне может быть конкретизировано актуальными видовыми лексемами. К примеру, в ряду запрещенных продуктов на статус актуального слова претендуют лексемы, которые вместе с возросшей частотностью (например, частотность лексемы *хамон* в анализируемый период возросла в 4,4 раза, лексемы *пармезан* – в 3 раза) начинают активно вовлекаться в языковую игру: в 2015 г. фиксируются окказионализмы *сыроцид, хамондировка, пармезанская война, пармезанщина.*

Частотность слова

Ярким формальным показателем актуального слова, проверяемым с помощью корпусных материалов, является повышение частотности употребления слова по сравнению с предшествующим периодом. Проверка данного параметра показала, что частотность слова не всегда определяет вербальный маркер года. Иногда выбор слова отстает от пика его частотности. Так, например, пик частотности лексемы *стартап* приходился на 2011–2014 гг. Ср. процентное увеличение словоупотреблений по годам: 2011 г. – на 94,6 %; 2012 г. – на 20 %; 2013 г. – на 71 %; 2014 г. – на 6,9 %; в 2015 г. наблюдался спад частотности слова по сравнению с предыдущим годом на 9 %.

В этом отношении интересен феномен лексемы *война* (рис. 2).

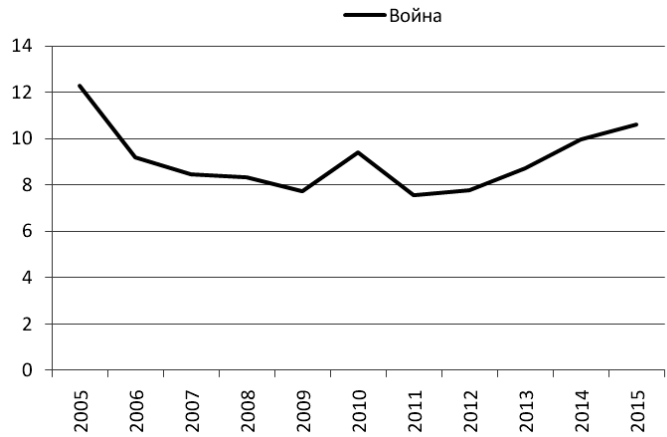


Рис. 2. Число публикаций по запросу относительно общего числа публикаций, % (Интегрум)

Языковое предчувствие войны передается набором лексем, в ряду которых есть прямая номинация *война*. Слово не является репрезентативным по показателям частотности в 2015 г. Война – один из постоянных страхов массового сознания в России. На протяжении последних десяти лет частотность слова колеблется от 12,70 % (от общего числа употреблений) в 2005 г. до 10,61 % в 2015 г. Если частотность явилась неприоритетным параметром для слова года, то анализ лексической сочетаемости позволяет выявить семантические приращения, которые моделируют смысловую доминанту года. Смысловое наполнение слова *война* как глобального символа современности подчас весьма существенно различается.

Проследим динамику смысла лексемы *война* с опорой на корпусный материал. Это слово часто используется по отношению к прошлому. Пики частотности словоупотребления приходятся на юбилейные для Великой Отечественной войны годы – 2005-й, 2010-й, 2015-й. В 2015 г. при общем количестве словоупотреблений лексемы *война* (246 665) на долю Великой Отечественной войны приходится свыше 66 % контекстов при учете следующей сочетаемости: *Великая Отечественная война* – 99 866 контекстов; *ВОВ* – 10 929; *Вторая мировая война* – 15 180; *война против СССР* – 308; *война против Советского Союза* – 113; *война с Германией* – 365; *война с немцами* – 71; *война с фашизмом* – 221; *война с фашистами* – 153; *ветераны войны* – 16 455. Употребляется слово также в связи с другими прошлыми войнами – с Первой мировой, финской, афганской, чеченской, войной на Кавказе и др.

Анализ сочетаемости лексемы *война* в 2015 г. позволил выявить новые актуализированные смыслы слова. Прежде всего реализуется идея идущей войны, которая спровоцирована событиями на Украине

(*война на Украине* – 1 936 употреблений, *война с Украиной* – 240). Война на Украине квалифицируется часто как война гражданская, братоубийственная. Конфликт между Украиной и Россией мыслится также в рамках войны гражданской, войны против России (*гражданская война* – 12 744, *война против России* – 597). Увеличивается частотность предложно-падежной формы *против России* (11 586 контекстов): *борьба, санкции, кампания, заговор, воевать, действовать, развернуть Украину* ***против России; против России идет война*** *– информационная, экономическая, моральная.* Далее актуализируется идея гражданской войны в самой России. И наконец, как следствие определенных политических событий и процессов мыслится мировая термоядерная война в неопределенном времени – и в будущем, и в ближайшем настоящем (*будет война* – 3 836, *ядерная война* – 1 624, *третья мировая война* – 315, *апокалипсис* – 7 346, *ядерный апокалипсис* – 47). Кроме того, в конце года усилился актуальный смысл войны в настоящем, связанный с войной в Сирии (*сирийская война* – 235; *война в Сирии* – 1 861), что породило номинацию *гибридная война* (787).

Совокупность внеязыковых факторов позволяет выделить в лексеме *война* смысл войны как реальной возможности, образ неопределенной будущей широкомасштабной войны на фоне реальных войн на Украине и в Сирии. Типичны тревожные контексты, передающие атмосферу 2015 г.: *Мы находимся* ***на пороге третьей мировой войны*** *и не отдаем себе в этом отчета*; *сплошной негатив: Россия окружена врагами, санкции, мир* ***на пороге третьей мировой войны****.* Озвучиваются прогнозы и причины начала войны: ***война начнётся уже в 2018–2019 гг.*** *из-за того, что везде исчерпан лимит договариваемости*; ***война начнется****, когда доллар будет 300 рублей; если не прекратить накачивание населения ненавистью, то гражданская* ***война начнется*** *повсеместно, перекинувшись с Донбасса на все регионы.* В период смуты усиливается доля пророчеств: *Сорос предрек* ***третью мировую войну***; *пророчества американского пастора Филиппа Барнета:* ***война начнется*** *с Украины. Россия оккупирует часть Украины, после чего образуется подобие СССР. В него войдут Россия, Белоруссия и Восточная Украина. Дальше — больше. Россия нападет на Израиль, в результате чего начнется третья мировая война.*

Предчувствие войны начинает трансформироваться в актуальное настоящее: (1) *Третья мировая война – это не мрачный прогноз и не страшилка для обывателя.* ***Третья мировая уже идет****. Среди ее жертв – наши соотечественники, возвращавшиеся с отдыха в Египте домой.* ***Третья мировая началась****?* [Третья мировая началась?]. (2) ***Война уже идет****. Боевые действия в Ираке, Афганистане, Сирии, на Украине – это лишь часть всего процесса. Наркотики, терроризм – это проявление войны мирового масштаба. И мы находимся в центре событий, как и многие другие страны. Возможно, военные действия будут происходить внутри нашей страны, как это происходит на Украине* [Третья мировая возможна?].

Слово-лидер 2015 г.

Первое место в рейтинге года занимает слово *беженцы*, хотя оно не соответствует многим параметрам актуального слова. Своего пика частотности лексема достигла в 2014 г., в 2015 г. показатель уменьшился почти на 40 %. Единица не получает в русской речи рефлексивной отмеченности и отражает скорее актуальность мировой, а не российской действительности. *Беженцы* (*Flüchtlinge*) – главное слово списка года в Германии, о чем сообщило Общество немецкого языка в Висбадене в начале января 2016 г. С августа по декабрь 2015 г. ситуация с беженцами была и остается ведущей темой немецких теле- и радионовостей. Лексема выбиралась из числа 2 500 слов политического, экономического и социального обихода, наиболее часто употреблявшихся в прошедшем году.

Если в русском языке слово *беженец* в принципе нейтрально, то в немецкой речевой среде оно «прирастает» дополнительными коннотациями, маркирующими отношение немцев к «годовой» реалии. Немецкому *Flüchtling* пассивный суффикс *-ling* придаёт несколько негативную окраску: для «чувствительных к языковым особенностям ушей» оно может звучать пренебрежительно. Правда, шкала негативной окрашенности этого суффикса различна: в таких словах, как *Eindringling* (нарушитель), *Winzling* (карлик, крошка) или *Schreiberling* (писака) присутствует лишь тенденция к негативности, в то время как в словах *Eindringling* (оккупант) или *Schreiberling* (журналюга) уже прослеживается явная негативная коннотация. Аналогичные образования слов с суффиксом *-ling* могут быть и стилистически нейтральными, обозначая пассивного адресата действия, например, *Prüfling* (экзаменуемый, тот, кто сдает экзамен) или *Schützling* (опекаемый, подопечный). Ср. также и уменьшительные формы слов, образуемые этим суффиксом, например, *Sperling* (воробышек), *Frischling* (годовалый кабанчик) или *Setzling* (саженец).

В свете этих языковых данных возникает вопрос: не перегибают ли хранители «политкорректного» слова палку? Время покажет, однако даже самый престижный нормативный словарь *Duden* приводит слово *Flüchtling* (беженец) без стилистических помет, признавая тем самым его нейтральным. Это слово широко распространено в Германии в нейтральном значении, особенно в политической терминологии, например, в названии Женевской конвенции о статусе беженцев (*Genfer Flüchtlingskonvention* – GFK) или названии Всемирного дня беженцев (*Weltflüchtlingstag*) в наименовании Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев (*Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* – BAMF), в названии Советов по делам беженцев (*Flüchtlingsräte*). Оберегая «чувствитель-

ные уши», тем не менее, многие политики и журналисты стремятся найти подходящие альтернативы, заменяя слово *Flüchtling* иными, кажущимися «смягчёнными», например, словом *Geflüchtete* (что можно перевести как «бежавшие»).

* * *

Соотнося «слова года» со сложившимися характеристиками *актуального слова*, мы отмечаем, что многие языковые единицы из рейтингового списка не отвечают полностью параметрам актуального слова. Номинативное портретирование времени в проекте «Слово года», безусловно, носит субъективный характер. С другой стороны, если в основу «слов года» положить не ручной (экспертный) метод отбора, а формальный (самый показательный критерий – частотность слова), то набор вербальных маркеров года может быть не столь репрезентативным для передачи состояния общественного сознания, как хотелось бы. Человеческий фактор, включенный в процедуру отбора «слов года», имеет преимущества: российский социально-лингвистический проект «Слово года», выделяя вербальные единицы, знаковые для годового цикла, моделирует смысловые доминанты года, демонстрируя особую чуткость к улавливанию общей референтной ситуации. Эффект смысловой доминанты года достигается объединением лексем, принадлежащих к актуальному для текущего момента тематическому ряду открытого типа и группируемых вокруг единиц, несущих концептуальную информацию, по принципу дополнения. Неологизмы, новые устойчивые словосочетания, актуализированные узуальные слова с семантическими приращениями, взаимодополняя друг друга, действительно передают смысловую идентичность годового цикла конкретного общества и конкретного языка.

Список литературы

Вепрева И. Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы 13 конгр. МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13—20 сент. 2015 г.) : в 2 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 31—35.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 90–141.

Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.

Иссерс О. С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 25–31.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи : Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. 247 с.

Мустайоки А., Вепрева И. Т. Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежег. междунар. конф. «Диалог» : в 2 т. Вып. 14. М. : Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 438–448.

Русская грамматика : в 2 т. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с. Т. 2. 710 с.

Стернин И. А. Основные изменения в русском языке конца XX – начала XXI века // Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания : избр. работы. Воронеж : Истоки, 2008. С. 200–209. 592 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века : Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М. : ЭКСМО, 2006. 1136 с.

Третья мировая началась? // Оренбургская правда. 2015. 18 нояб.

Третья мировая возможна? // Смоленские новости. 2015. 06 мая.

Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1995. С. 207–215.

Харламова Т. В. Ключевые слова текущего момента *сильное государство, сильная власть* на рубеже веков // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 138–144.

Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russico-Slovaca : Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok : Verbum, 2015. P. 30–38.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

Черникова Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. 2007. № 6. С. 71–80.

Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х : Современная Россия в языковом отображении. М. : МАЛП, 1998. 243 с.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 63–67.

Von “aufmüpfig” bis “Teuro” : die “Wörter der Jahre” 1971--2002 / hrsg. von J. A. Bär. Mannheim : Dudenverlag, 2003. 345 p.

Kotimaisten kielten keskuksen [site]. URL: http://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoiminnot/sanapoimintoja_2015 (mode of access: 15.06.2016).

Wörter, die Geschichte Machen : Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Sprache ; hrsg. von S. Krome. München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 224 p.

Niehr T. Schlagwörter im politisch-kulturellen Kontext : Zum öffentlichen Diskurs in der BRD von 1966 bis 1974. Wiesbaden : Deutscher Universitäts-Verlag, 1993. 456 p.

Schiewe J. Die Macht der Sprache : Eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zur Gegenwart. München : Beck, 1998. 328 p.

References

Bär, J. A. (Hrsg.). (2003). *Von “aufmüpfig” bis “Teuro” : die “Wörter der Jahre” 1971–2002*. 345 S. Mannheim, Dudenverlag.

Cherneyko, L. O. (1997). *Lingvofilosofsky analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-philosophical Analysis of the Abstract Name]. 320 p. Moscow, Izd-vo MGU.

Chernikova, N. V. (2007). *Aktual'nye kontsepty i ikh leksicheskie reprezentanty* [Relevant Concepts and Their Lexical Representations]. In *Filologicheskie nauki, 6,* pp. 71–80.

Fomina, Z. E. (1995). *Slova-khronofakty v yazyke politicheskikh tekstov* [Chrono-factual Words in the Language of Political Texts]. In *Yazyk i emotsii : sbornik nauchnykh trudov* (pp. 207–215). Volgograd, Peremena.

Issers, O. S. (2014). *V poiskakh obshchego slovarya: diskursivnye praktiki noveyshego vremeni cherez prizmu proektov “Slovo goda”* [In Search of a Common Vocabulary: Contemporary Discursive Practices through the Prism of “Word of the Year” Projects]. In *Politicheskaya lingvistika, 4 (50),* pp. 48–53.

Issers, O. S. (2015). *Ot ser'eznogo – do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiyskogo slova goda* [From Serious to Funny Things: Language Pun Potential of the Russian “Word of the Year”]. In *Politicheskaya lingvistika, 4 (54),* pp. 25–31.

Kharlamova, T. V. (2008). *Klyuchevye slova tekushchego momenta sil'noe gosudarstvo, sil'naya vlast' na rubezhe vekov* [Key Words of the Present: *Strong State, Strong Authorities* at the Turn of the Century]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii* (Iss. 8, pp. 138–144). Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta.

Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoy vkus epokhi : Iz nablyudeny nad rechevoy praktikoy mass-media* [The Linguistic Taste of the Epoch: Speech Practice of Mass Media Observations]. 247 p. Saint Petersburg, Zlatoust.

Kotimaisten kielten keskuksen [site]. URL: http://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoiminnot/sanapoimintoja_2015 (mode of access: 15.06.2016).

Krome, S. (Hrsg.). (2001). *Wörter, die Geschichte Machen : Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Sprache.* 224 S. München, Bertelsmann Lexikon Verlag.

Mustajoki, A. & Vepreva, I. T. (2015). *Metayazykovoy portret modnykh slov* [Metalinguistic Portrait of Fashionable Words]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" : v 2 t.* (Vol. 1, Iss. 14, pp. 438–448). Moscow, Izd-vo RGGU.

Niehr, T. (1993). *Schlagwörter im politisch-kulturellen Kontext : Zum öffentlichen Diskurs in der BRD von 1966 bis 1974.* 456 S. Wiesbaden, Deutscher Universitäts-Verlag.

Russkaya grammatika : v 2 t. [Russian Grammar, 2 Vols.]. (1980). Vol. 1. 789 p. Vol. 2. 710 p. Moscow, Nauka.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka : Aktual'naya leksika* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century. Current Vocabulary]. 1136 p. Moscow, EKSMO.

Sternin, I. A. (2008). *Osnovnye izmeneniya v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [The Main Changes in the Russian Language of the Late 20th – Early 21st Centuries]. In Sternin, I. A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya : Izbrannye raboty* (pp. 200–209). Voronezh, Istoki.

Tret'ya mirovaya nachalas'? [Has World War III Started?]. (2015). In *Orenburgskaya Pravda,* Nov.18.

Tret'ya mirovaya vozmozhna? [Is World War III Possible?]. (2015). In *Smolenskie novosti,* May 6.

Tsoneva, L. (2015). *Slovo goda "krymnash" v russkom mediadiskurse* [Word of the year *Krymnash* (*Crimea-is-ours*) in the Russian Media Discourse]. In *Studia Russico-Slovaca : Universitas Catholica Rosenbergensis* (pp. 30–38). Ruzomberok, Verbum.

Schiewe, J. (1998). *Die Macht der Sprache : Eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zur Gegenwart.* 328 S. München, Beck.

Shaposhnikov, V. N. (1998). *Russkaya rech' 1990-kh : Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii* [The Russian Speech of the 1990s. Modern Russia in Linguistic Reflection]. 243 p. Moscow, MAYaK.

Shmeleva, T. V. (1993). Klyuchevye slova tekushchego momenta [The Key Words of the Present Moment]. In *Collegium, 1,* pp. 33–41.

Shmeleva, T. V. (2009). *Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta* [*Krizis (Crisis)* as the Key Word of the Present Moment]. In *Politicheskaya lingvistika, Iss. 2 (28),* pp. 63–67.

Vepreva, I. T. (2015). *Ob aktual'noy lekseme Krymnash* [About the Modern Lexeme *Krymnash* (*Crimea-is-ours)*]. In *Russky yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury : materialy 13 kongressa MAPRYaL (Granada, Ispaniya, 13–20 sent. 2015 g.) : v 2 t.* (Vol. 2, pp. 31–35). Saint Petersburg, MAPRYaL.

Zemskaya, E. A. (1996). *Aktivnye protsessy sovremennogo slovoproizvodstva* [Processes Active in Modern Word Formation]. In Zemskaya, E. A. (Ed.). *Russky yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* (pp. 90–141). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

The article was submitted on 14.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.196
УДК 821.161.1-311.2Достоевский+821.162.1-311.2Токаржевский

DOSTOYEVSKY AND TOKARZEWSKI: TWO SIDES OF THE SAME PLOT MODEL* **

Alexander Shunkov
Kemerovo State University of Culture,
Kemerovo, Russia

Irina Yurtaeva
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

The paper considers the correlation between two literary works about Siberian hard labour: F. Dostoyevsky's *The House of the Dead* and S. Tokarzewski's memoirs *Seven Years of Hard Labour*. The authors use a comparative method to identify the archetypes present in each work. They establish that the difference in the archetypes is predetermined by contrasting attitudes to the same labour camp: their opposed perceptions of the same plot are based on the mythologisation and demythologisation of prison respectively. The Polish patriot's view of his imprisonment in Siberia as nothing but cruel punishment which he endured with great courage resulted in a projection of martyrdom in his memoirs. The Russian writer's exile in Siberia, however, had a sacral significance in line with the Russian national tradition. Gaining new knowledge by passing through death becomes the mythological basis for the so-called "image from a distance" found in *The House of the Dead*. Its analytical plot is the main factor for regarding this text as a novel on the one hand, and part of the hagiographic tradition on the other.

Keywords: F. Dostoyevsky; *The House of the Dead*; history of 19th century Russian literature; history of 19th century Polish literature; S. Tokarzewski.

---

* This more detailed version of the article brings forward new arguments to refute the statement erroneously made by a number of Polish and Russian critics about the direct dependence of Fyodor Dostoyevsky's *The House of the Dead* on Szymon Tokarzewski's memoirs. The first observations on this issue were presented at a conference and then published in 2012 in Szczecin (Poland) [Shunkov, p. 134–139].

** *Citation*: Shunkov, A., Yurtaeva, I. (2016). Dostoyevsky and Tokarzewski: Two Sides of the Same Plot Model. In *Quaestio Rossica*, vol. 4, № 4, p. 134–147. DOI 10.15826/qr.2016.4.196.

Цитирование: *Shunkov A., Yurtaeva I.* Dostoyevsky and Tokarzewski: Two Sides of the Same Plot Model // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 134–147. DOI 10.15826/qr.2016.4.196.

© Shunkov A., Yurtaeva I., 2016

Рассматривается дискуссионная проблема соотношения произведений о сибирской каторге Федора Достоевского («Записки из Мертвого дома») и польского писателя XIX в. Шимона Токаржевского, проведшего в Сибири долгих семь лет («Семь лет каторги»). Используя сравнительно-типологический метод, авторы исходят из установки об оригинальности каждого литератора, сходство между произведениями которых предопределено условиями ссылки. Сопоставление произведений позволило обрисовать архетипические проекции каждого из рассматриваемых текстов. Различие их архетипов, по мысли исследователей, объясняется разным отношением к каторге, определяющим два противоположных восприятия одного сюжета, в основе которых – ее мифологизация и демифологизация. Польский патриот видел в поездке на каторгу в Сибирь только жестокое наказание, которое он вынес с мужеством борца. Поэтому жанровой проекцией мемуаров Токаржевского становится мученичество. Для русского писателя в соответствии с национальной традицией поездка в Сибирь приобретает сакральное значение. Получение нового знания, связанного с прохождением через смерть, составляет мифологическую основу «далевого образа» «Записок из Мертвого дома» Ф. Достоевского, поэтому аналитический сюжет этого произведения становится основным фактором, определяющим, с одной стороны, возможность романизации данного текста и, с другой, ориентацию темы «ухода» на традиции жития.

Ключевые слова: Ф. Достоевский; «Записки из мертвого дома»; история русской литературы XIX в.; история польской литературы XIX в.; мемуары; Ш. Токаржевский.

The history of world literature has seen dozens of works with similar plots. Such similarities between specific features have sometimes provoked an extremely negative reaction from those authors who strive for originality. An example is the quarrel between Ivan Turgenev and Ivan Goncharov over some similarities in their stories.

In the Russian and Polish literature of the 19th century, two novels seem to be particularly close to one another: *The House of the Dead* by F. Dostoyevsky and *Seven Years of Hard Labour* by S. Tokarzewski. Both texts are based on the same plot, which is derived from the extra-textual reality: i. e., a certain degree of verisimilitude to the lives of the authors. Both suffered for their beliefs and were exiled to the same labour camp in Siberia: Tokarzewski for fighting for the independence of his motherland and sharing ideas of national revival and self-determination, and Dostoyevsky for his involvement in the Petrashevsky circle.

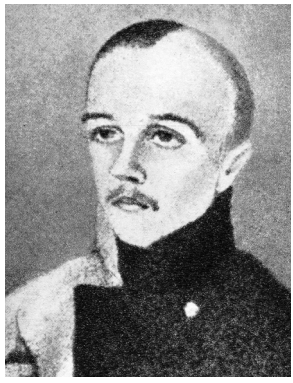
Fyodor Dostoyevsky (1821–1881, in prison from January 1850 to 1854) hardly needs an introduction. There has always been a great interest in his literary heritage in Poland. Its interpretation, however, has not been consistently unambiguous. Along with traditional works [Рудницкий] which acknowledge the writer's special philosophical and religious view of human nature, there are studies that make contradictory judgments in relation to both

the author and his work. Yet, despite this polarity in Polish literary criticism [Wedemann; Скалинская], interest in Dostoyevsky is not in decline.

The name of the Polish writer Szymon Tokarzewski (1821–189(9?)),[1] in prison from 31 December 1849) is only known to a narrow circle of readers because of its mention by Dostoyevsky in Part II of *The House of the Dead*, namely in Chapter VII, "Grievances", and Chapter VIII, "My Companions".

> В сенях в кухне мне встретился Т-вский, из дворян, твердый и великодушный молодой человек, без большого образования и любивший ужасно Б. (Иосифа Богуславского. – *А. Ш., И. Ю.*). <…> Его из всех других различали каторжные и даже отчасти любили. Он был храбр, мужественен и силен, и это как-то высказывалось в каждом жесте его [Достоевский, с. 446, 542–543].
>
> Т-ский был хоть и необразованный человек, но добрый, мужественный, славный молодой человек, одним словом [Достоевский, с. 453][2].

The above quotes suggest that Tokarzewski and Dostoyevsky were personally acquainted: they bravely endured all the trials and hardships of exile in the Siberian prison and, on their return to normal life, both committed their memories to paper. Both authors wrote about the same people and described similar situations, so it is not surprising that their stories bear some resemblance to each other. Despite this resemblance, however, which provoked an extremely negative reaction from the Polish writer and, later, some scholars and critics, these two works belong to fundamentally different typological models, which will be shown below via a comparative analysis.



Szymon Tokarzewski (1823–1890). Muzeum Niepodległości w Warszawie

It should be added that it was not until the beginning of the 20th century that Tokarzewski's works were published in Poland for the first and only time [Tokarzewski, 1907, 1912, 1918]. In Russia, the first printed edition of his works appeared relatively recently, in 2007, thanks to two Siberian scholars from Kemerovo, Mary Kushnikova and Vyacheslav Togulev, who translated eight of his stories into Russian and provided some commentary [Кушникова, Тогулев]. This work received positive reviews from both Russian and Polish critics [Карпинский; Корнильцева].

However, certain statements quoted by Kushnikova and Togulev in the preface to the 2007 edition of S. Tokarzewski's works cannot but cause con-

[1] The data available suggests two different periodisations for Tokarzewski's life: 1821–1890 and 1821–1899.

[2] In the ante-room I met T-vski, a young nobleman without much education, but of a firm, generous character; the convicts excluded him from the hatred they felt for the convicts of noble birth; they were almost fond of him; every one of his gestures denoted a brave and energetic man.

T-ski... though of little education, had an excellent heart; a worthy, very spiritual man.

troversy. For example, some Polish researchers [Ungureanu; Pogonowski et al.]. consider Tokarzewski's *Seven Years of Hard Labour* a primary text and Dostoyevsky's *The House of the Dead* a secondary one. Pogonowski in particular argues that Dostoyevsky simply borrowed Tokarzewski's material as the basis for his novel. Below is an extract from Pogonowski's article. "The question about whether Dostoyevsky was likely to have plagiarised Tokarzewski's work could be answered in a doctoral thesis based on a study of the Russian and Polish archives. <...> The style and composition of Tokarzewski's memoirs, written in 1857, are very similar to those of *The House of the Dead*, and it is obvious that it was written before the book by Dostoyevsky describing the same events. These facts should be carefully examined: a Polish doctoral student could do this for their thesis" [Pogonowski].

Continuing his reasoning, Pogonowski gives the following explanation of the act allegedly committed by Dostoyevsky: in view of the fact that Tokarzewski was twice sentenced to hard labour, his copyright could easily be neglected. Another reason why the authorities would not have intervened in this matter was their special attitude to the Polish question. As a result, it is concluded that Dostoyevsky successfully played on nationalist sentiments in the 1850s and 1860s to take advantage of the situation for his own purposes. We believe that such an argument is unacceptable and even dangerous because rather than leading to the truth, it gives rise to a huge number of erroneous statements propounded by those who seek to make a name for themselves by all means possible, including rather ignoble ones.

In this regard, one cannot but wonder why modern scholars have ignored the article by Z. Bobowicz-Potocka "Who was the author of the chapter on Dostoyevsky in S. Tokarzewski's book *Seven Years of Hard Labour*?" [Bobowicz-Potocka, p. 91–94], published as early as 1975 and included in the notes for volume 3 [Достоевский, p. 205–482, 531–574, 543] of Dostoyevsky's *Collected Works*. The Siberian publishers Kushnikova and Togulev are no exception, although they note that V. A. Dyakov disagreed with Bobowicz-Potocka's hypothesis about the influence that Polish works about hard labour by Boguslavski and Tokarzewski had on Dostoyevsky's *The House of the Dead* [Tokarzewski, 2007, p. 75].

Our aim, however, is not to ascertain whether one writer used the existing material of the other to write his novel. Clearly, we are dealing with two completely different texts that interpret the same event. Reading them leaves no doubt about this.

A typological study of the plot of a novel is quite a difficult task due to the genre's fluidity and openness to "an unprepared, emerging and developing reality" [Бахтин, p. 451]. Just as difficult is the task of identifying typological similarities when analysing works with a less flexible genre structure whose development does not presuppose the violation of traditional canons. Therefore, of particular interest is studying a typology of plots in those genres whose form is less susceptible to transformation, such as notes, reminiscences, and memoirs. So, when comparing the works by Dostoyevsky and

Tokarzewski, we should try to identify the difference between their views on the same world and the differences between their artistic techniques. "In this regard, the approach used by Kushnikova and Togulev does not seem entirely appropriate, as it focuses on drawing parallels between the texts and establishing points of apparent similarity. For instance, in the preface to *Sibirskoye Likholetye*, the publishers give numerous examples of coincidences in the content of Dostoyevsky's and Tokarzewski's texts, thus unwittingly supporting the accusation of plagiarism The above parallels between the texts seem to prove that Tokarzewski was familiar with Dostoyevsky's *The House of the Dead*. However, this conclusion did not seem obvious to all researchers" [Кушникова, Тогулев, с. 74]. A bit later, however, the publishers give another version of this apparent similarity between the two completely different texts:

> However, a detailed comparison of the texts above proves that Tokarzewski, describing similar conflicts, seems to provide extra material and correct Dostoyevsky rather than borrow from him [Токаржевский, 2007, с. 78][3].

Now arises a reasonable question: what could a convict see in his situation apart from his daily surroundings in prison? There is nothing unusual in the fact that both Dostoyevsky and Tokarzewski turned their attention to the same objects, people, and events. However, they emphasise different experiences. Witnessing the same events, their heroes exist on different artistic planes. So it would be misleading to mechanically take parts of one text and compare them with pieces from another which belongs to a different genre and then draw conclusions about similarities.

The genre of Dostoyevsky's *The House of the Dead* is characterised by a combination of "accurate descriptions of people and events and fiction", which was the reason why Dostoyevsky scholars regarded it as "bordering on an essay on the one hand, and memoirs on the other" [Чулков, с. 81]. We know that the writer was looking for a new form to express his views, which some critics describe as the features of a novel emerging from the traditional form of notes. For example, I. Mishin classifies *The House of the Dead* as a transition from "essays and notes to a socio-philosophical novel" [Мишин, с. 22].

The plot of *The House of the Dead* develops around comprehension of the world of the prison, gaining self-knowledge, and searching for the truth in general, which defines it as a novel. Yuri Lotman also considered it a novel [Лотман, с. 325–349].

Additionally, we could say that Tokarzewski's memoirs are comparable to the reminiscences of somebody who managed to survive in a Siberian prison and remain faithful to his beliefs. It therefore seems logical and understandable why the exiled Polish patriot is neither able nor willing to change his attitude to prison and other prisoners, seeing only their ugly side. Dostoyevsky regretted that the Poles only saw the convicts as brutes. For such a staunch fighter as Tokarzewski, changing his attitude towards

[3] Here in after the translation of quotes from scientific articles ours. – *A. Sh., I. Yu.*

exile could mean only one thing – a departure from, or even betrayal of, his life's cause. So, despite broadening his horizons and expanding his experience, his position remained unchanged, which is why we can define the plot archetype of his memoirs as "martyrdom".

Our next argument is as follows: the examples given in the preface to the 2007 edition, impressive though they may be, cannot be used as evidence in a textual analysis of the two works. Literary scholars attach more importance to looking for citations, reminiscences, and allusions as proof of one text influencing another. None of those can be found in *The House of the Dead*, as Dostoyevsky and Tokarzewski wrote their texts for different reasons. Dostoyevsky's poetic style in *The House of the Dead* has been given the most thorough and comprehensive analysis. Scholars commonly find a Christian view of the world in all his novels, including the first one, *Poor Folk* (1848). Siberian exile convinced Dostoyevsky about Christianity's role as the path to salvation and about the need to find a spiritual way to "resurrect from the dead" through reading and comprehending the Gospel. In *The House of the Dead*, Dostoyevsky described his impressions of a four-year sentence, when some new significant concepts began to shape his worldview. The writer himself noted that these years in prison made him revise many of his former beliefs. In a letter to his brother on 22 February 1854, Dostoyevsky wrote: "The time has not been wasted as far as I am concerned. Even if I have not got to know Russia, I have got to know the Russian people well, perhaps better than many other people do". Therefore, *The House of the Dead* is a text based, first and foremost, on the Gospel tradition (parables of the prodigal son and the resurrection of Lazarus): this fact cannot be overlooked.

At the same time, *The House of the Dead* is part of literary traditions from the 19th century, as it develops such themes as the people's role in history and the inconsistency, complexity, and duality of the soul of a Russian peasant ('muzhik'), which was common in the works of Dostoyevsky's predecessors and contemporaries such as Nikolai Gogol, Nikolai Nekrasov, Dmitry Grigorovich, Nikolai Uspensky, and Mikhail Saltykov-Shchedrin. In Russian culture, an exile to Siberia always carried some sacred meaning, which was predetermined by, firstly, the theme of trial (also present in Tokarzewski's memoirs), and, secondly, internal transformation through gaining self-knowledge and searching for truth. Furthermore, both texts deal with the subject of death, which explains a reference to Dante in both of them. Searching for the truth is the author's attempt to comprehend his new position. The gradual understanding of prison life determines the analytical development of the plot in *The House of the Dead,* resulting in the acquisition of new higher knowledge through the epistemological aspect of a myth – the discovery of truth through a descent into Hell and rebirth through illness and death.

Analysing plots of 'leaving' connected with Siberia, Yuri Lotman noted that "in a wide range of Russian stories, the plot sequence 'death – hell – resurrection' is replaced with 'crime – (real or imaginary) – an exile to Siberia –

resurrection'. Moreover, the stay in Siberia is symmetrical to the denial of escape – return to Europe" [Лотман, с. 338]. Studying mythological models in literature on Siberian prisons (which play the role of the mythological moment 'death – a descent into hell') in connection with Nikolai Gogol's *Dead Souls*, Yuri Lotman identifies another, perhaps the most significant, element in the ternary mythological projection, i. e. resurrection: "Siberia is an extremely important point on the heroes' way" [Там же, с. 339]. He continues:... it is this plot that will be frequently repeated in the Russian novels of the 19th century. Raskolnikov, Mitya Karamazov, Nekhlyudov, the characters of *The Forged Coupon* will commit a crime or realise the criminal nature of a 'normal' life, which will be viewed as the death of the soul. Then there will be an exile to Siberia (= death, hell) and subsequent resurrection. The mythological character of the 'Siberian episode' is made even more evident by the fact that the only novel where a hard labour camp is shown in a matter-of-fact light – *The House of the Dead* – does not have the element of resurrection, although the title equates Siberia with death [Там же].

However, it is the actualisation of a mythological model that makes it possible to consider this text a novel. Determined by the analytical development of the plot, this model is about searching for the truth and finding it.

The same connection of *The House of the Dead* with the Russian literary tradition was analysed by a famous literary critic Ilya Serman as early as the 1980s [Serman]. He noted that the 'dead house' was, nevertheless, inhabited by human beings with their 'souls and passions', and the narrator-memoirist (Aleksandr Petrovich Goryanchikov) seeks to understand their nature.

> «Везде есть люди дурные, а между дурными и хорошие, – спешил я подумать себе в утешение, – кто знает? Эти люди, может быть, вовсе не до такой степени хуже тех, *остальных*, которые *остались* там, за острогом». Я думал это и сам качал головою на свою мысль, а между тем – Боже мой! – если б я только знал тогда, до какой степени и эта мысль была правдой! [Достоевский, с. 267][4].

The above example of the hero's reflections is in tune with the evangelical worldview: "And the light shineth in darkness; and the darkness comprehended it not" (John 1 : 5). Literary critics have repeatedly noted that Dostoyevsky nowhere else sought to create such a broad picture of the people's lives as in this novel. During his exile in Siberia, the writer also revised some of the ideas discussed in the Petrashevsky Circle, for which he had been sent to prison. His beliefs were now tested by the people, which led him to realise Russia's special way and create the theory of *pochvennichestvo*.

The memoirist Tokarzewski, however, never set himself such a goal. For the hero of *Seven Years of Hard Labour*, the world where he found himself

[4] Bad people are to be found everywhere, but even among the worst there may be something good, I began to think, by way of consolation. Who knows? These persons are perhaps no worse than others who are free. While making these reflections I felt some doubts, and, nevertheless, how much I was in the right!

is primarily an 'infernal abode' full of robbers, brigands, and villains who had lost their humanity. This perception of the world remains prevalent throughout the narrative.

> Ani jednego z tych 2555 dni, spędzonych w Gehennie omskiej, nie można było nazwać «dniem dobrym!» [Tokarzewski, s. 150–151][5].

It seems as if there is always a border between the hero and the rest of the world, one which he is unwilling to overcome throughout the entirety of his term in prison. The hero and the world around him remain hostile to each other. Admittedly, his attitude to the world can be objectively justified because he is a victim suffering for his beliefs. Several episodes even create an impression of a degree of messianic exclusivity and the highly romantic nature of the hero.

> Stanęliśmy przed tym krucyfixem:
> – Przysięgnij chłopcze! – w uniesieniu mówił dziekan, – przysięgnij! Że tym szlakiem pójdziesz, jak owi «katorźnicy», których nazwiska czytałem przed chwilą. Podniosłem w górę prawicę i kładąc ją na nogach Chrystusowysh zawołałem:
> – Na rany Ukrzyżowanego Zbawiciela przysięgam! [Tokarzewski, s. 10].

> Aby odwiłżyć spiekłe usta, zerwałem garść trawy i gryzłem ją. Przykry smak goryczy wydał się mnie wróżbą, że również gorzkiem będzie całe moje życie [Tokarzewski, s. 62].

> Tworzyliśmy przeto Apostolską liczbę. Prócz nas zbieraniny różnej, czyli tak zwanych «brygandów» było około siedemdziesięciu [Tokarzewski, s. 92–93].

> Przyprowadzono nas do wrót tej piekielnej czeluści, gdzie lat siedem ze swego życia strawił... gdziem nieraz cierpiał ponad miarę sił ludzkich, a zkąd wyszedłszy mogłem z poetą zawołać: «Jak Dant za życia, przeszedłem przez piekło!» [Tokarzewski, s. 147][6].

---

[5] None of those 2,555 days lived in the Omsk Gehenna could be called a 'good day'!

[6] We stood in front of the crucifix.

– Swear to me, boy! – the dean said excitedly. – Swear that you will go the same way as those convicts whose names I read from the pulpit.

I put my right hand on Christ's feet and said:

– I swear by the wounds of the crucified Saviour!

To refresh my parched lips, I pinched some grass and began to chew it. The nasty taste of bitterness seemed to prophesy that my whole life would be just as bitter.

We were twelve in total – exactly as many as the apostles. Besides us were some rabble, so-called 'bandits' or brigands, numbering about seventy.

So, they led us to the gates of the infernal abode that swallowed seven years of my life... where I had to endure suffering beyond human power, so I could just as well exclaim like the poet: "Like Dante I walked through hell while still alive."

Only the Siberian landscape can evoke some lyrical feelings and sheer delight in the hero.

> Widzałem część naszych Karpat, lecz tak grożnie-pięknego, tak olbrzymio-wspaniałego położenia nie spotkałem nigdze. W tych górach jest coś, co człowieka wzrost przeraża i zadziwiał te wyniosłości sterczące, niby piramidy, wysokie, nagie, różnych form, różnych dziwacznych kształtów i postaci. Tutaj niby pochylona kolumna, zdaje się że lada chwila runie i odłamami swoimi pokryje wszystko, co się u stóp jej ściele.. dalej sterczy wyniosłość ogromna, niby głowa cukru spiczasta, u wierzchołka w olbrzymią ścięta płaszczyznę, podobną do półmiska, z którego parę tysięcy osób nakarmićby można do syta... [Tokarzewski, s. 108][7].

This description is probably one of very few examples that show the memoirist's favourable disposition towards the world around him. Siberian customs and traditions do not evoke any positive emotions, which is understandable considering how strange this world seems to him.

Yet, the hero of *The House of the Dead* has a different attitude to the surrounding world.

> Вообще это было время моего первого столкновения с народом. Я сам вдруг сделался таким же простонародьем, таким же каторжным, как и они. Их привычки, понятия, мнения, обыкновения стали как будто тоже моими, по крайне мере по форме, по закону, хотя я и не разделял их, в сущности [Достоевский, с. 277][8].

Tokarzewski does not understand, and therefore does not accept, the truly Russian custom of giving alms to anyone in need or suffering. The chapter "The Disease" describes a case like this.

> W głębokiej Rosji i w Syberyi skazańcom i katorżnikom lud okazuje wiele współczucia i obdarowywa ich jałmużną, przyjmowaną chętnie. «Nieszczastnyj!» oto miano, którem lud rosyjski nazywa katorżnika, a wciskając mu w rękę bądź bułkę pszenna, bądź kopiejkę, czy pół kopiejki mówi:
> – Przyim mój podarek i niechaj Christus opiekuje się tobą, nieszczęśliwy!
> Mnie to pozdrowienie wydało się miłości chrześciańskiej pełnem...
> Możeby to lepszy był taki ustój społeczeństwa, kiedyby na zbrodniarza patrzo-

[7] I have seen some of our Carpathians, but I could never imagine such an awesomely beautiful, magnificent spectacle. There is something in these mountains that attracts and simply bewitches a human. These heights, landslides, pyramids, tall, bare, of different shapes and peculiar appearance; a tilted column looking like it is about to fall, its fragments covering all around it, then a sort of a sugarloaf with a pointed top, and also something like a basin, big enough to feed thousands of people to the full. <...> Looking at the mountains, one can't help wondering what almighty hand created this heap in such a deserted place, and yet in such a perfect harmony.

[8] I was very much astonished by all this, above all at the outset, during my first relations with this world. I became as low as my companions, as much a convict as they. Their customs, their habits, their ideas influenced me thoroughly, and externally became my own, without affecting my inner self.

no, jak na człowieka, każdą inną niedołą dotkniętego? Ilekroć do mnie ktoś zbliżał się z jałmużną wołałem zdaleka.
– Dziękuję! Ja nie jestem «nieszczastnyj, no politiczeskij priestupnik».
Powtarzałem to wielokrotnie przez siedem lat, mniemam więc, że w końcu mieszkańcy Omska nauczyli się odróżniać zbrodniarzy od więźniów stanu [Tokarzewski, s. 197–198][9].

The House of the Dead also has an episode about giving alms.

На, «несчастный», возьми Христа ради копеечку! – кричала она [девочка], забегая вперед меня и суя мне в руки монетку. Я взял ее копеечку, и девочка возвратилась к матери совершенно довольная. Эту копеечку я долго берег у себя [Достоевский, с. 222][10].

The above examples show the different reactions of the heroes to a gesture of human compassion: in the same situation, the first hero refuses it while the second accepts it. Their understanding of their place in this world also varies. Belonging to a different paradigm of spiritual and cultural values, Tokarzewski cannot understand the symbolic and, to some extent, sacred meaning of the given gesture as a means of salvation and communion with the world.

It is impossible to imagine an opposition between the hero and the world in Dostoyevsky's artistic vision. In the first month of imprisonment, the hero of *The House of the Dead* feels fear and terror ("The present, meanwhile, was terrible enough"), but then he tries to find the strength to live in this world ("I felt obliged of my own accord to go to work in order to measure at one stroke the whole extent of my misfortune, that I might at once begin to live like the others, and fall with them into the same abyss") [Достоевский, с. 81].

Недаром же весь народ во всей России называет преступление несчастием, а преступников несчастными. Это глубоко знаменательное определение. Оно тем более важно, что сделано бессознательно, инстинктивно [Достоевский, с. 254][11].

---

[9] Russians living in the depths of the country and in Siberia feel a lot of sympathy for homeless people and convicts, endowing them with alms which they willingly accept.
– Poor man! – This is how Russian people call convicts and then slip a millet loaf or a kopeck, or even half a kopeck, into their hands saying:
– Take my alms and may Jesus bless you, poor you!
It sounded truly Orthodox to me…
However, when I saw someone coming towards me with alms, I shouted from afar:
– Thank you, but I am not a 'poor man', I am a political criminal.
I kept repeating that all seven years and it seems that, in the end, the residents of Omsk learned to distinguish vagrants and brigands from prisoners of a very different kind.

[10] "Here, poor man," she said, "take this in the name of Christ." I took the money which she slipped into my hand. The little girl returned joyfully to her mother. I preserved that kopeck for a considerable time.

[11] *Is it not known that the common people throughout Russia call crime a 'misfortune', and the criminal an 'unfortunate'? This definition is expressive, profound, and, moreover, unconscious, instinctive.*

Understanding a crime as an act leading to repudiation of, and separation from, the world (both divine and human) is a theme that runs through several works by Dostoyevsky, starting with *The House of the Dead*. Here, the author consistently leads the hero along the path of spiritual rebirth, beginning with such seemingly inconspicuous acts as the joyful acceptance of alms. It is noteworthy that an understanding of a Siberian prison can develop in typologically different structural and semantic variants of 'the plot of leaving'. In *The House of the Dead,* it has the sacred meaning of finding faith.

However, a labour camp remains a place of punishment: not every convict can view it in the light described above. Therefore there are other ways of interpreting the Siberian exile, as we see in Tokarzewski's case.

Continuing to compare the two texts, we cannot but see that they differ in their modes of narration. At first glance, both have features of memoirs, e. g., narration in the first person by a participant or a witness of the events. *Seven Years of Hard Labour* is a perfect example of this genre. The author uses a simple mode of narration and no complex techniques. The narrator is placed at the centre of narration, his opinion and judgment of the events being dominant.

Dostoyevsky's novel has a completely different, more complex structure. It is based on dialogue, a common feature of his poetic style. Therefore, it would be unjustified to compare the two texts in the way that the preface to *Sibirskoye Likholetye* does, i. e., comparing only formal aspects of the plots without analysing their inner form.

Another difference between the two works is their composition. Most arguments given by scholars in support of identity between them tend to be formalistic. The authors of the preface to *Sibirskoye Likholetye* are no exception when identifying literary parallels. At first glance, both Dostoyevsky and Tokarzewski composed their texts as an essay: however, the latter's composition is quite simple and linear.

The composition of *The House of the Dead* has been frequently analysed. We can only add that Dostoyevsky's text is built in such a way as to show the path of the hero's spiritual transfiguration through the atonement of guilt. Both parts of the novel can prove this. Part I is a "portrait gallery" of convicts with a climax in Chapter X, "The Christmas Holidays", where the convicts are shown in a different light, excited about the greatness of the holiday. Interestingly, this chapter comes after the description of the convicts' taking a bath, a symbol of hell where the narrator finds himself.

> Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад… Это было пекло. Всё орало и гоготало [Достоевский, с. 317–318][12].

[12] The steam became thicker and thicker every minute, so that what one now felt was not a warm but a burning sensation, as from boiling pitch. The convicts shouted and howled to the accompaniment of the hundred chains shaking on the floor.

The symbolic episode of taking a bath conveys an idea of cleansing: although here it refers to the flesh only, it is a necessary step for the purification of the hero's soul. The illness the hero gets right after Christmas opens new prospects in his life. Quite remarkable is the compositional technique used here, a sequence of three important points in the plot: the convict's appeal in a prayer ("Lord Jesus Christ, have mercy on us!"), the hero's reflections at the end of Part I ("Well, I am not here for ever, but only for a few years!"), and a reference to the hero's illness at the beginning of Part II. As is well known, Part II is a philosophical reflection on the theme of punishment supported by artistic scenes. Finally, the novel ends with the hero's release, which can be interpreted as a symbol of his complete spiritual rebirth, resurrection, and acceptance of the world: "Yes, farewell! Liberty! New life! Resurrection from the dead! Unspeakable moment!" All this proves that the composition of *The House of the Dead* has nothing in common with that of *Seven Years of Hard Labour*. Moreover, it became a prototype for the composition of *Crime and Punishment*, the next novel by Dostoyevsky.

We believe that any further attempts to prove the originality of these two different texts that belong to different genres would be superfluous: accusing Dostoyevsky of borrowing someone else's material is just absurd. Even if we concede that Dostoyevsky may have used Tokarzewski's material (which seems unlikely),[3] *The House of the Dead* should be regarded as artistic interpretation, which is totally different from plagiarism. After all, who would accuse Leo Tolstoy of plagiarising the notes of S. P. Zhikharev, who was at the reception organised by the Moscow nobility in honour of General Bagration, for use in *War and Peace*? [Жихарев, с 196–197].

Thus, the conducted research, on the one hand, once again has shown the relevance of problem "Dostoyevsky and Polish literature" which continues to be demanded as in Russian philology, and in Polish. And on the other hand, the research has shown absolute independence of two works belonging to different authors. Dostoyevsky and Tokazhevski can't be balanced among themselves in any way. Each of them belongs to different national cultural traditions for conceptualizing the issue of suffering and punishment. Convincing proofs for poetic distinctions of two works of the Russian and Polish writers are provided in article, which should be noticed.

Список литературы

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988. Т. 3. 573 с.

Жихарев С. П. Записки современника / ред., ст., коммент. Б. М. Эйхенбаума. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 836 с.

Карпинский М.. Сибирь – общее историческое пространство // Новая Польша. 2009. № 2. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1109 (дата обращения: 23.01.2016).

Корнильцева И. Польская «Сибириада» // Европа. Ru. 2008. № 46. С. 9–10. URL: http://www.gazetarosyjska.pl/pliki/0046.pdf (дата обращения: 23.01.2016).

[3] There is a statement on p. 281, vol. 4 of the *Complete Works in 30 Volumes*, that Tokarzewski borrowed a few episodes from Dostoyevsky; Tokarzewski's memoirs were published after Dostoyevsky's death.

Кушникова М., Тогулев В. Предисловие к «Сибирскому лихолетью» Шимона Токаржевского // Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой ; сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. С. 5–99.

Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Лотман Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь: М. : Просвещение, 1988. 352 с.

Мишин И. Т. Художественные особенности «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского / Уч. зап. Армавир. пед. ин-та. 1962. Т. 4. Вып. 2. С. 21–42.

Рудницкий Д. Вокруг Достоевского // Новая Польша. 2008. № 11. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1064 (дата обращения: 23.01.2016).

Серман И. Тема народности в «Записках из Мертвого дома». URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/03/101.shtml (дата обращения: 23.01.2016).

Скалинская Е. Достоевский глазами поляков : О книге Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Федор Достоевский в польской словесности. 1847–1897» // Новая Польша. 2011. № 5. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1488 (дата обращения: 23.01.2016).

Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой ; сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. 980 с.

Чулков Г. Как работал Достоевский. М. : Совет. писатель, 1939. 340 с.

Шунков А. В. Шимон Токаржевский и Федор Достоевский: два взгляда на один мир («Семь лет каторги» и «Записки из Мертвого дома») // Homo Communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций / под ред. К. Янашек, Й. Митурской-Бояновской, Р. Гаваркевича. Щецин : Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2012. С. 134–139.

Bobowicz-Potocka Z. Kto byl wlasciwym autorem rozdzialu poswieconego Dostojewskiemu w ksiazce Sz. Tokarzewskiego «Siedem lat katorgi» // Przeglad humanistyczny. 1975. № 8. S. 91–94.

Muzeum Niepodległości w Warszawie. URL: http://muzeum-niepodleglosci.pl/xpawilon/szymon-tokarzewski/ (dostęp: 02.11.2016).

Pogonowski I. C. Czy Dostojewski wybił się plagiatem pamietnika Tokarzewskiego? URL: http://zaprasza.net/a_y.php?article_id=6239 (dostęp: 23.01.2016).

Tokarzewski S. Siedem lat katorgi. Warszawa : L. Biliński i W. Maślankiewicz, 1907. 225 s.

Tokarzewski S. Katorznicy. Warszawa : L. Biliński i W. Maślankiewicz, 1912. 213 s.

Tokarzewski S. Siedem lat Katorgi. Warszawa : L. Biliński i W. Maślankiewicz, 1918. 240 s.

Ungureanu R. Russian Imperial Presence in Literature. URL: http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html (dostęp: 23.01.2016).

Wedemann M. Polonofil czy polakozerca? Fiodor Dostojewski w pismiennictwie polskim lat 1847–1897. Poznan : Wydawnictwo Poznañskie, 2010. S. 23–29.

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. 504 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Bobowicz-Potocka, Z. (1975). *Kto byl wlasciwym autorem rozdzialu poswieconego Dostojewskiemu w ksiazce Sz. Tokarzewskiego "Siedem lat katorgi".* In *Przeglad humanistyczny, 8,* pp. 91–94.

Chulkov, G. (1939). *Kak rabotal Dostoyevsky* [The Way Dostoyevsky Worked]. 340 p. Moscow, Sovetsky pisatel′.

Dostoyevsky, F. M. (1988). *Sobranie sochineny : v 15 t.* [Collected Works, 15 Vols.]. Vol. 3. 573 p. Leningrad, Nauka.

Karpinsky, M. (2009). *Sibir′ – obshchee istoricheskoe prostranstvo* [Siberia – a Common Historical Space]. In *Novaya Pol′sha, 2.* URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1109 (mode of access: 23.01.2016).

Kornil′tseva, I. (2008). *Pol′skaya "Sibiriada"* [Polish *Sibiriada*]. In *Evropa.Ru, 46,* pp. 9–10. URL: http://www.gazetarosyjska.pl/pliki/0046.pdf (mode of access: 23.01.2016).

Kushnikova, M. (Transl.) & Togulev, V. (Comp., Foreword). (2007). *Predislovie k "Sibirskomu likholet'yu" Shimona Tokarzhevskogo* [Preface to *Siberian Troubled Times* of Shimon Tokarzewski]. In Tokarzhevsky (Tokazhevsky), Sh. *Sibirskoe likholet'e* (pp. 5–99). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat.

Lotman, Yu. M. (1988). *Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya* [The Plot Space of the 19th Century Russian Novel]. In Lotman, Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova : Pushkin. Lermontov. Gogol'.* 352 p. Moscow, Prosveshchenie.

Mishin, I. T. (1962). *Khudozhestvennye osobennosti "Zapisok iz Mertvogo doma" F. M. Dostoevskogo* [The Artistic Features of *The House of the Dead* by F.M. Dostoyevsky]. In *Uchenye zapiski Armavirskogo pedagogicheskogo institute, Vol. 4, Iss. 2,* pp. 21–42.

Muzeum Niepodległości w Warszawie. URL: http://muzeum-niepodleglosci.pl/xpawilon/szymon-tokarzewski/ (mode of access: 02.11.2016).

Pogonowski, I. C. (n.d.). *Czy Dostojewski wybił się plagiatem pamietnika Tokarzewskiego?* URL: http://zaprasza.net/a_y.php?article_id=6239 (mode of access: 23.01.2016).

Rudnitsky, D. (2008). *Vokrug Dostoevskogo* [Around Dostoyevsky]. In *Novaya Pol'sha, 11.* URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1064 (mode of access: 23.01.2016).

Serman, I. (n.d.). *Tema narodnosti v "Zapiskakh iz Mertvogo doma"* [The Theme of Volkstum in *The House of the Dead*]. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/03/101.shtml (mode of access: 23.01.2016).

Shunkov, A. V. (2012). *Shimon Tokarzhevsky i Fedor Dostoyevsky: dva vzglyada na odin mir* ("Sem′ let katorgi" i "Zapiski iz Mertvogo doma") [Szymon Tokarzewski and Fyodor Dostoyevsky: Two Views of One World (*Seven Years of Hard Labour* and *The House of the Dead)*]. In Yanashek, K., Miturskaya-Boyanovskaya, Y. & Gavarkevich, R. (Eds.). *Homo Communicans: chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsiy* (pp. 134–139). Shchetsin.

Skalinskaya, E. (2011). *Dostoyevsky glazami polyakov : O knige Mareka Vedemana "Polonofil ili polonofob? Fedor Dostoyevsky v pol'skoy slovesnosti. 1847–1897"* [Dostoyevsky through the Eyes of the Poles. On the Book by Marek Wedemann *Polonophile or Polonophobe? Fyodor Dostoyevsky in Polish Literature. 1847–1897*]. In *Novaya Pol'sha, 5.* URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1488 (mode of access: 23.01.2016).

Tokarzewski, S. (1912). *Katorznicy.* 213 p. Warszawa.

Tokarzewski, S. (1918). *Siedem lat Katorgi.* 240 p.Warszawa.

Tokarzewski (Tokazhevsky), Sh., Kushnikova, M. (Transl.) & Togulev, V. (Comp., Foreword). (2007). *Sibirskoe likholet'e* [Siberian Hard Times]. 980 p. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat.

Ungureanu, R. (n. d.). *Russian Imperial Presence in Literature.* URL: http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html (mode of access: 23.01.2016).

Wedemann, M. (2010). *Polonofil czy polakozerca? Fiodor Dostojewski w pismiennictwie polskim lat 1847–1897* (pp. 23–29). Poznan, Wydawnichwo Poznanskie.

Zhikharev, S. P. & Eykhenbaum, B. M. (Ed.). (1955). *Zapiski sovremennika* [Notes of a Contemporary]. 836 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR.

The article was submitted on 26.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.197
УДК 821.161.1-145Тютчев+821.111-145Блейк

WAVES OF INFINITY IN THE GOBLET OF THE IMAGINATION*

Oleg Donskikh
Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

…Body also is infinite, and that there is an infinite number of worlds. Why should there be body in one part of the void rather than in another? Grant only that mass is anywhere and it follows that it must be everywhere. Also, if void and place are infinite, there must be infinite body too, for in the case of eternal things what may be must be.

Aristotle. Physics

In this article, the poetic worlds of Fyodor Tyutchev and William Blake are analysed in terms of their comprehension of infinity. Both of them combine their notion of infinity with an understanding that the divine is manifested in the tangible world. The article demonstrates that Tyutchev talks about two infinities – the daily one, which establishes the divine unity of existence, and the nightly one, which leads everything into chaos. They can be easily recognised as the actual and potential infinities in the philosophy of Aristotle. Blake recognises infinity as the procedural deployment of the Universe and, at the same time, as the divine foundation of everything: this allows all things to be part of unified universal space. For him, the infinite and eternal essence of each thing (taking into account that everything is infinite and eternal at every point in space and time) fills things with their inner light and allows them to witness God. The opportunity to perceive nature like this is given by the loving heart and a vivid imagination, but is closed to both human and universal reason. The infinity perceived by reason is just a dark void, which closes worlds and separates them from each other.

Keywords: F. Tyutchev, W. Blake, actual infinity, potential infinity, eternity.

---

* *Citation*: Donskikh, O. (2016). Waves of Infinity in the Goblet of the Imagination. In *Quaestio Rossica*, vol. 4, № 4, p. 148–161. DOI 10.15826/qr.2016.4.197.

Цитирование: *Donskikh O.* Waves of Infinity in the Goblet of the Imagination // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 148–161. DOI 10.15826/qr.2016.4.197.

© Donskikh O., 2016

Анализируются поэтические миры Федора Тютчева и Уильяма Блейка с точки зрения их понимания бесконечности. Оба поэта связывают свое понятие бесконечности с тем, как Божественное проявляется в материальном мире. Показано, что Ф. Тютчев говорит о двух бесконечностях – дневной, которая манифестирует Божественное единство бытия, и ночной, которая ведет все к хаосу. Они вполне соответствуют понятиям актуальной и потенциальной бесконечности в философии Аристотеля. У. Блейк понимает бесконечность как процессуальное развертывание Вселенной и в то же время как Божественную основу всего. Это позволяет всем вещам быть частью единого вселенского пространства. Для него бесконечная и вечная сущность каждой вещи (учитывая, что все оказывается бесконечным и вечным в каждой точке пространства и времени) заполняет все своим внутренним светом и позволяет им свидетельствовать о Боге. Это дает возможность воспринимать природу так, как это дано любящему сердцу и живому воображению, но такое восприятие закрыто для разума, будь он человеческий или вселенский. Бесконечность воспринимается разумом лишь как темная пустота, которая закрывает миры и отделяет их друг от друга.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; английская литература XIX в.; Ф. Тютчев; У. Блейк; бесконечность; вечность.

Infinity is not and cannot be perceived by the senses: it is revealed by reason. This is because the senses by definition can perceive only what is finite and limited. Reason overcomes this limitation as soon as it takes the limited as limited, thus opposing it to infinity. Reason goes beyond anything finite by contrasting it to the infinite as relative to the absolute. As soon as reason places this border it appears, even if prior to this there was no border. Yet it appears along with a puzzle about what is beyond the border. Is there anything? Is there any other border? What is beyond that? Or are there no borders – just boundlessness? The absence of borders (chasm, abyss, darkness) cannot be perceived, but can be experienced and recorded correspondingly. It can be experienced as the fact of absence. For instance, a man knows that there is small backyard behind the house. He bypasses the house and discovers that there is no backyard. This absence becomes a specific feeling. For reason, however, infinity is a problem. It can be reflected upon in different ways, it can be taken for granted or negated, but nonetheless it immediately exists as a fact of consciousness. The infinite is uncovered by philosophy and mathematics. It can also be found through poetry. The difference from philosophical or mathematical reasoning is that poetry uncovers infinity as a particular experience and not as a logical structure. In order to comprehend the way poets deal with the concept-image of infinity, we will turn to the metaphysical poetry of Tyutchev and Blake. They have been chosen due to the deep feeling for a reality beyond the visible one expressed in their works.

The young Tyutchev. Notable painter. Moscow. The end of 1810

Let us have a look at Tyutchev first. In the poem "Spring" (1837), he wrote[1]:

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь! (т. 1, с. 97)[2].

Our feelings are limiting, confining us to our private living space; therefore, in order to touch life in its entirety and infinity, it is necessary to realise oneself as a part of divine, universal life. This life, like St Augustine's God, is always in present time. It confronts time, being absolutely full and clean. When time appears, the past appears as well, and chaos is born[3]. The poem "Columbus" (written seven years later) stipulates that it is reason, and not sensations, that link us with the divine essence of nature:

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества... (т. 1, с.102)[4].

Four years later, the poem "Sea and Cliff" opposes the steady, eternal, and insensible cliff to the evil waves in the same manner:

---

[1] Tyutchev's poems are quoted from: [Тютчев].The poems are presented in interlinear translation. If only the page number is indicated, this means the cited verse is in the first volume.

[2] The game and victim of private life!
Come here, rejecting the lie of feelings
And plunge, being vigorous and self-possessive,
Into this life-giving ocean!
Come, and wash your suffering breast
With its aether spray –
And share the divine-worldwide life
For at least a moment!

[3] In Tyutchev's *weltanschauung*, chaos is an inaccessible part of the past which can be only felt in the silence of the night (see: [Донских]). It is worthwhile noting that the ether in this poem reminds us of Aristotle's doctrine of the unchangeable heavens, which consist of imperishable ether beyond the changeable sublunary sphere of the four elements. However, it is very possible that Tyutchev did not intend this association.

[4] This way it is linked, united
By the union of consanguinity
The rational genius of man
With the creating force of nature.

Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан! (т. 1, с. 103)[5].

Thus infinity characterises the essence of the natural and the genuine. It is closely associated with the genuine, and only exists in connection with it.

Along with this understanding, there is another series of associations with infinity. See, for instance, the poem "The Dawn", which was written at about the same time as "Sea and Cliff":

Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет… (т. 2, с. 109)[6].

In this case, infinity is revealed as the feeling of something which is not seen during the day because the day envelops us with cover and thus separates us from the abyss. The night rips off this cover from the *fateful* world (fateful – *роковой / rokovoi* – means here that the world is temporary, it has a beginning and an end). The night reveals to man "the unnamed abyss" with its "fears and mists" [compare with Frank].

The word "unnamed" is conspicuous in this context because it emphasises the irrationality of this feeling. After all, the abyss is beyond any possibility of denotation as the corresponding sense cannot be related to anything; at the same time, it cannot possibly be perceived via sensation. That is why the description of this abyss is so contradictory: on the one hand, it is filled with mist (which is not something by itself since it only covers something else), and, on the other, fears (i. e. not something that can be sensed, but the feeling itself) characterise man's state and do not relate to the abyss. The expression "the infinite night has gone" is also contradictory, Logically it is impossible, since such an expression cannot be verified: common sense would reject it straight away. It is not significant in this case whether time or space is considered. In other words, infinity is felt as a set of conscious contradictions. Infinity is felt as something onerously impossible, which stops in the particular moment. In contrast to the night, the day is finite: it is limited in time and space, it is definitely opened to feelings. This means that infinity is revealed dually: during the day as the absolute integrity of divine life and during the night as the bottomless abyss. These are "daily" and "nightly" infinities. These can be seen as two different aspects of the same infinity or as two different infinities.

---

[5] However, serene and arrogant,
Not overwhelmed by the foolishness of waves
Motionless, unchangeable
As old as the universe
You are standing, our giant.

[6] The infinite night has gone,
And the light day will come soon…

Let us consider what associations emerge in relation to the word *неизмеримость* (literally "immeasurability"). One infinity reveals itself when day is replaced by night. This occurs in the poem "The East Is Remaining Silent" (1865):

Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей... (т. 1, с. 202)[7].

The second infinity emerges when night replaces day, as in the poem "As the Ocean Embraces the Terrestrial Globe" (1830):

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В *неизмеримость* темных волн (т. 1, с. 29)[8].

In the first poem, Tyutchev speaks about the infinity of the world as the wholesome light of sunrays. This is the infinity of "the divine-universal life". In the second, he discusses infinity going into the darkness, into obscurity. It looks as if we can distinguish between daily and nightly infinities. Without straining our interpretation, we can also denote them as actual and potential infinities, which were described by Aristotle. If there is an infinite amount of things in some limited volume, we have actual infinity; if the continuation of something is possible at any time without any limitation (like the continuation of a straight line in both directions), we have potential infinity. However, there is a difference between these definitions and Tyutchev's ideas. The infinities are given to him by his perceptions, but are also simultaneously rational and sensational. Actual infinity exists for the poet out of time, while, in contrast, potential infinity exists for him in time. These perceptions are quite consistently presented by Tyutchev in different contexts with words such as *беспредельное* (unlimited) and *бездна* (abyss).

In the famous poem "What you are whining about, night wind?" (1830), we can see:

Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!

[7] One more minute, and in all
Aetheric immeasurability
The toll will start
Of the victorious sunrays.
[8] This is its [the element's] voice, it is forcing and asking us…
The magic boat comes to life in the wharf
The tide is growing and quickly carries us out
Into the immeasurability of the black waves.

Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!.. (т. 1, с. 57)[9].

The poet is presenting here nightly (potential) infinity, which cannot be embraced or even realised. We touch it and we merge with it, but we are not able to embrace it completely with either sensation or reason. Consequently, it is frightening to us. The more we try to ponder upon it, the more we slip out of our world.

In contrast, in the poem "The coffin is already lowered down into the grave" (1835), actual infinity is presented as the perception of infinite wholeness, as the unlimited abyss of the sky:

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой... (т. 1, с. 63)[10].

The interpretation of this word may be rather strained, but yet it is quite obvious that in these two fragments the same difference in relation to the unlimited can be easily observed as in the fragments that relate to immeasurability.

In the aforementioned poem "Columbus", the world (actual infinity) is brought to light by hazy boundlessness (potential infinity):

И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой (т. 1, с. 102)[11].

Exactly the same difference between daily (actual) and nightly (potential) infinities can be found in Tyutchev's use of the word *бездна* (abyss).

In the poem above, actual infinity is the "the airy blue abyss". In "The Swan" (1838–1839), three actual infinities are manifested: two abysses (watery and airy elements) and the glory of the starry firmament.

---

[9] How greedily the world of the nightly soul
Is listening the favorite story!
It is rushing from the breast,
It is trying to join the unlimited!
Oh, do not wake up the sleeping tempests –
Chaos is wiggling below them.

[10] Yet sky is so imperishably clean,
So unlimited beyond the earth…
And the birds are flying vociferously
In the airy blue abyss…

[11] And the new world, unknown, unexpected
From the hazy boundlessness
You brought to divine light with yourself.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен (т. 1, с. 26)[12].

It is worth noting that Blaise Pascal in his *Pensées* (Thoughts) also talks about the position of human beings on the crossroads between three infinities, though he presents them differently as infinity in space, time, and on the scale from the infinitely small to the infinitely large. Given that Tyutchev knew *Pensées* (as can be shown through his use of the image of "the thinking reed" in the poem "There is melodiousness in the sea waves…" (1865)), such an influence is probable.

In contrast to daily infinity, nightly infinity absorbs everything it touches. This idea is clearly expressed by Tyutchev in the poem "From the life which was raging here" (1871). He presents nature as the manifestation of potential infinity:

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной (т. 1, с. 225)[13].

Everything is disappearing into infinity, losing its individuality. This is happening in time. Nightly infinity is presented in the poem "K. N."(1824) in the following way:

Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет (т. 1, с. 11)[14].

This loss of individuality is ambivalent for the poet: it is tempting and scary at the same time. Take, for example, the poem "Look at the River's Expanse" (1851):

---

[12] It [element] in between double abyss
Is cherishing your all-seeing dream –
And you are surrounded from everywhere
By the whole glory of the starry firmament.
[13] Alternately all its children
Committing their useless labour
It [nature] equally greets by its
All-absorbing and concordant abyss.
[14] Such is up there the light of the blessed spirits,
It is shining only in the heavens, being supernal,
In the night of sin, on the bottom of the terrible abyss
This pure fire is burning as the infernal blaze.

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя? (т. 1, с. 130)[15].

This loss of individuality is experienced as temptation and fear simultaneously, which is emphasised by the word "fatal": this links us with nightly potential infinity, given to us in our everyday life.

Thus Tyutchev discusses the existence of two kinds of infinity – daily (actual) and nightly (potential), which are given to us via our perceptions[16]. They are differentiated on the basis of their distinct links to the external world. While actual infinity unites us with the divine and originally timeless essence of the world, potential infinity takes us in time out of world, along with everything which exists in time, to the abyss of chaos[17]: the stirring of the night reminds us about the frailty of existence.

Let us now turn to William Blake. Tyutchev, in accordance with his aphoristic style, mentions infinity quite infrequently. In contrast, Blake, being very verbose, piles images one on top of the other and constantly appeals to infinity.[18] References to infinity in his work can be easily found in different contexts. For instance, in the poem "The Marriage of Heaven and Hell", we find "By degrees we beheld the infinite Abyss, fiery…"or "On those infinite mountains of light… the newborn fire stood …" (p. 188).[19] Here infinity is taken in a simple, procedural sense: it is something which is gradually opened to the senses. However, in accordance with the concept of infinity, it cannot be opened up to the end. It is possible to talk about simple hyperbolic exaggeration: the very big is presented as enormously big (see: [Holmes]).

---

[15] They [the ice floes] altogether – small and large,
Losing their previous images
Everything, indifferent as the element,
Will merge the fatal abyss.
Oh, being the temptation of our thought,
You, the human I,
Is not this your meaning,
Is not this your destiny?

[16] These kinds of infinity correlates to the crucial difference between "up" and "down" in Tyutchev's worldview. See: [Лотман].

[17] Chaos in Tyutchev's poetics is the forgotten feelings and memories which cannot be reached any more even in dreams (see: [Донских]), and this explains the Sarah Pratt's statement that "the image of chaos that unites the poems of Tjutčev's chaos cycle is a conglomerate phenomenon comprised of various related aspects" [Pratt, p. 102].

[18] I wish to make it clear that I am not touching on Blake's mythology in this article: rather, I am exclusively discussing the expression of temporary and spatial parameters in his poems. At the same time it is obvious that, once we have taken Blake's wordiness and ambiguity into account, it is difficult to consider all the different contexts; as such, the conclusions may look too straightforward. However, it is important for me to convincingly demonstrate the eligibility of the resulting statements.

[19] All quotes are from: [Poetry and Prose of William Blake].

The next step is the image of infinity as a constituent of every particular thing. In these cases, infinity is the overcoming of the finiteness and boundedness of human perception. In two sets of arguments related to natural religion, Blake opposes sense to reason on the grounds that infinity cannot be perceived by senses, only by reason. Yet, at the same time, "Man by his reasoning power can only compare & judge of what he has already perceiv'd" (p. 147). Nonetheless, in contradiction to this statement, Blake argues that, in reality, man perceives more than the sense organs allow. A man is a human being because he is trying to perceive more and more. "…Less than All cannot satisfy Man." Blake continues: "He Who sees the Infinite in all things, sees God. He Who sees the Ratio only, sees himself only" (p. 148). Reason is limiting and, therefore, reduces everything. This is an act of Satan in contrast to an act of God. In other words, reason covers man and fences off the rest of the world, leaving him alone. Blake expresses this understanding of the act of reason quite consistently.

William Blake. Self-portrait. 1802. Pencil, paper. Collection of Robert N. Essick

The poet insists that infinity can be humanly perceived by the one who is eager to perceive: infinity irrefutably proves the presence of the divine in nature. However, when he discusses human senses, he is also talking about supersensible perception. In this case, he is referencing direct perception of the divine, which Vladimir Soloviov called 'the mystical'. This is much closer to intuition than to perception as such. In the aforementioned "Marriage of the Heaven and Hell", the poet is having dinner with the prophets Isaiah and Ezekiel and asks them why they are so confident that they were communicating with God. Isaiah answers: "I saw no God, nor heard any, in a finite organical perception; but my senses discover'd the infinite in everything…" (p. 185–186). Ezekiel also says that his aim was "…The desire of raising other men into a perception of the infinite…" (p. 186). This can be reached by perfecting sensual perception: "If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is, infinite." (p. 187). Blake is talking here about two worlds – the one which we are inhabiting in the here and now and the ideal one, where everything is infinite and eternal. What is the meaning of this infinity for Blake? It is possible that he identifies infinity with eternity – it is a sort of unity. The finite given thing is always part of the infinite and unchangeable (which means eternal) divine world.

The overcoming of this limitedness and the revealing of infinity is the principal aim of the poet. It is not accidental that this noble aspiration is manifested in these famous lines from "The Auguries of Innocence":

To see a World in the Grain of Sand
And a Heaven in a Wild Flower,
Hold Infinity in the palm of your hand
And Eternity in an hour (p. 118).

Thus Blake is actually talking about religion in the sense which European culture inherited from Late Antiquity: the term 'religion' derives from 'religio', meaning a reunion of God and Man, the bridge between the limited and the infinite.

However Blake does not bind himself by stating that the infinite world contains limited things which are accessible to simple perception. He is literally stating that every thing has its own infinite and eternal analogue. In fact, he is referring to the Platonic world of *eidoses*, prototypes. Yet, for Blake, each of them is also infinite: this would certainly terrify Plato, because for him the absolute specificity of any *eidos* is the foundation of his doctrine of the ideal world.Letus consider a line in the poem "America": "And Earth had lost another portion of the infinite…" (p. 207). In context, this means that if America lost the war to England, if it was not born as a new phenomenon, one of the earthly infinities would be lost. This in turns means that a limited phenomenon, America in this case, bears a part of the earthly infinite inside itself. The scale is thus changed – the limited is transformed into the infinite and vice versa. Kierkegaard in *Fear and Trembling* comes close to this understanding when he insists that the power of faith is manifested in the transformation of the singular into the infinite. The same can be seen in the poem "Europe" "…Silent the Angel [of Albion] went Along the infinite shores of Thames…" (p. 215). Here Albion, in its ideal state, is taken as the image of eternal England. In the same context, the following line can be read: "Every thing in Eternity shines by its own Internal light…" (p. 386). Satan (Reason) is trying, sometimes successfully, to extinguish this inner fire. He transforms the existing world into dreams or abstractions, which sterilely populate "the infinite ages of eternity".[20] As far as I can understand Blake, he thinks that Reason, being aware of the infinity existing in the world, is doing everything it can to isolate human beings from the world and existence as a whole: it thus separates humanity from divine infinity. There is another condition which prevents consciousness of infinity from uniting everything. Infinity integrates everything together if there is love. If there is no love, infinity is ruinous. It turns into the hiatus, the void which leads nowhere. The void does not exist because it is nothing. Filled with jealousy, Albion is perishing, as are all of its parts. We read in the following lines of the poem "Jerusalem" that:

[20] In Blake's mythology, Reason is personified as Urizen. Sometimes Satan is identified as Urizen. Take, for example, the following line from "The book of Ahania": "For in Urizen's slumbers of abstractionIn the infinite ages of Eternity (p. 238).

The banks of the Thames are clouded! the ancient porches of Albion are
Darken'd! they are drawn thro' unbounded space, scatter'd upon
The Void in incoherent despair! Cambridge & Oxford & London
Are driven among the starry Wheels, rent away and dissipated
In Chasms & Abysses of sorrow, enlarg'd without dimension, terrible
(p. 435).

There is perishing, but there is no void. New and new worlds are born in the void.

Satan tempts humanity, imposing upon him reasonable, understandable, and limited images. Thought is trying to avoid the uncertainty which is brought about by infinity. Infinity is discovered by meekness and love.[21] They destroy the human I: only God fills human life. In order to come to God, one has to reject one's own I. The human fears to do this, which is quite strange because this is the only way to find his or herself. This is different from Tyutchev with his ambivalent attitude to the loss of the I. Blake, in contrast, is directly sending the human being towards self-destruction so that he or she can acquire genuine life.

The thought which is afraid of infinity changes "the infinite to a serpent… and man fled from its face and hid In forests of night…" (p. 216). It should be said that while this line in the poem "Europe' is not immediately clear, it quite comprehensibly conveys the idea that infinity overcomes everything except the limitations of the body: here, reason and passions rule. Humans are prepared to create their own world where God is a tyrant just in order not to lose the I. However, this path leads to death. Only rejection of the I leads to life: "To bathe in the Waters of Life; to wash off the Not Human I come in Self-annihilation & the grandeur of Inspiration To cast off Rational Demonstration by Faith in the Saviour To cast off the rotten rags of Memory by Inspiration To cast off Bacon, Locke & Newton from Albions covering" (p. 430). It is not coincidental that empiricist philosophers and Sir Isaac Newton are mentioned in this context. In the first book of the poem "Milton", Blake directly expresses his understanding of infinity:

The nature of infinity is this: That every thing has its
Own Vortex; and when once a traveller thro' Eternity
Has pass'd that Vortex, he percieves it roll backward behind
His path, into a globe itself infolding; like a sun,
Or like a moon, or like a universe of starry majesty,
While he keeps onwards in his wondrous journey on the earth
Or like a human form, a friend with whom he liv'd benevolent
(p. 392).

[21] See: "O Saviour pour upon me thy spirit of meekness & love!" (p. 436).

'This image can be interpreted as a poetical form of the Cartesian doctrine of world vortices. Newton criticised Descartes for this doctrine in his "Mathematical Principles of Natural Philosophy" and wrote that if the hypothesis of vortices (which were constantly formed by the rotation of the celestial bodies) was accepted, the solar system would lose its stability. Blake was rather hostile to Newton, and therefore he was inclined to accept the Cartesian doctrine. Newton wrote about God and the Universe that: It is the dominion of a spiritual being which constitutes a God: a true, supreme, or imaginary dominion makes a true, supreme, or imaginary God. And from his true dominion it follows that the true God is a living, intelligent, and powerful Being; and, from his other perfections, that he is supreme, or most perfect. He is eternal and infinite, omnipotent and omniscient; that is, his duration reaches from eternity to eternity; his presence from infinity to infinity; he governs all things, and knows all things that are or can be done' [Newton].

In this perfect and reasonable universe, it is not possible for vortices to determine the basic movement of celestial bodies. Newton demonstrates that the hypothesis of vortices encounters too many difficulties, and therefore their existence would violate the perfection of the Universe.[22] This perfect world is repulsive for Blake because 1) it is absolutely rational and therefore excludes the senses and 2) it assumes the existence of a void. As was already mentioned, Blake could not tolerate the very idea of a void. Newton's physics accepted a void through which celestial bodies could influence each other via gravity. This is a purely mechanical structure which directly excludes wonder and the irrationality of the senses. In contrast, Cartesian physics assumes that all bodies are linked with each other through the movement of vortices, which is unpredictable.

In "Milton", Blake writes that the spectre of Luvah (the symbol of Eros, the enemy of Reason) is living "In the Newtonian Voids between the Substances of Creation For the Chaotic Voids outside of the Stars are measured by The Stars, which are the boundaries of Kingdoms, Provinces And Empires of Chaos invisible to the Vegetable Man" (p. 425). In other words, there are no voids: these are just invisible worlds[23]. That is why the empiricists, who only accept tangible things, should not be trusted.

The world of reason, supported by experience, is just empty infinity, which means death. Reason itself is playing the role of death: "Eternity groan'd& was troubled at the Image of Eternal Death. The Wandering Man bow'd his faint head and Urizen descended – And *the one must have murder'd the Man if he had not descended* – Indignant, muttering low thunders, Urizen descended, Gloomy sounding: "Now I am God from Eternity to Eternity" (p. 260). Reason itself is closed, and it tears everything apart, relating objects exclusively to itself and depriving them of links with any-

[22] This is emphasized by Alexandre Koyré: (*Койре А.* Очерки истории философской мысли. М. : Прогресс, 1985. С. 234).

[23] The complexities of Blake's images and concepts in "Milton" are discussed by Fry and Howard, yet their observations are in some aspects different from what is presented here [Fry; Howard].

thing else, because these links can be arranged only through divine infinity. Breaking the links means that reason is generating the void. In its turn, the void is generating horror. This horror is intangible, hidden in the darkness, because closed things are deprived of inner light. In The First Book Of Urizen Blake writes: "…a shadow of horror is risen In Eternity! Unknown, unprolific, Self-clos'd, all-repelling: what Demon Hath form'd this abominable void, This soul-shudd'ring vacuum? Some said "It is Urizen." But unknown, abstracted, Brooding, secret, the dark power hid" (p. 220). Reason generates infernal infinity: "Times on times he divided &measur'd Space by space in his ninefold darkness, Unseen, unknown…" (Ibid.).

Thus, the divine infinity of the world is opposed to the "fathomless void" where one can fall endlessly. This way Los (personification of the Sun, the eternal prophet) is falling into the darkness where there is no day or night, where space is measured only by infinite rotation of the terrible "fathomless void" (p. 244).[24]

Finally, let us discuss one more remarkable motif. Blake consistently presents the idea of everything in everything, all in all. This is the idea of the flexibility of space and time – that is, in the infinity an infinite amount of worlds are born and each moment of time can turn into millennia. "Then Eno, a daughter of Beulah, took a Moment of Time And drew it out to seven thousand years with much care & affliction And many tears, & in every year made windows into Eden. She also took an atom of space &open'd its centre Into Infinitude &ornamented it with wondrous art" (p. 257).[25]

We can conclude, that both Tyutchev and Blake link infinity with the comprehension of divinity. Tyutchev is talking about two infinities – the daily one, which establishes the divine unity of existence, and the nightly one, which leads everything to chaos. They can be understood as the actual and potential infinities of philosophy and mathematics. For Blake, infinity is the procedural deployment of the universe; more significantly, it is the divine foundation of everything, and thus makes everything part of an integral world space. Explicitly, the infinite and eternal essence of each thing (taking into account that everything is infinite and eternal in every point of space and time) creates an inner light and allows us to witness God. This is revealed in the loving heart and imagination, and is closed to reason. The infinity of reason is a dark void. It closes worlds and separates them from each other.

Список литературы

Донских О. А. Вслушиваясь в гулкую тьму ушедшего (Тютчев о хаосе) // Сибир. филол. журн. 2003. № 3–4. С. 67–75.

Лотман Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство, 1996. С. 553–564.

Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. М. : Наука, 1995. Т. 1. 448 с. Т. 2. 512 с.

[24] Compare: The Book of Los. "…Day & night without end; For tho' day or night was not, their spaces Were measur'd by his incessant whirls In the horrid vacuity bottomless" (p. 244).

[25] Beulah is the analogue of the heavens in Blake's mythology.

Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. 1913. Кн. 11.

Damrosh L. Symbol and Truth in Blake's Myth. Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. 395 p.

Fry N. Notes for a Commentary on Milton // The Divine Vision : Studies in the Poetry and Art of William Blake. L. : Gollancz, 1957. P. 99–137.

Holmes R. The Greatness of William Blake // The N. Y. Rev. of Books. 2015. Dec. 3. Vol. 62, No. 19.

Howard J. Blake's Milton : A Study in the Selfhood. N. Jersey ; L. : Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1976. 300 p.

Newton I. The_Mathematical_Principles_of_Natural_Philosophy_(1846). URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Mathematical_Principles_of_Natural_Philosophy_ (mode of access: 28.11.2015).

Poetry and Prose of William Blake : Complete in one volume / ed. by G. Keynes. L. : The Nonesuch Press ; N. Y. : Random House, 1948. 936 p.

Pratt S. The Semantics of Chaos in Tjutčev. München : Verlag Otto Sagner, 1983. 149 p. Slavistische Beiträge. Band 171.

References

Damrosh, L. (1980). *Symbol and Truth in Blake's Myth.* 395 p. Princeton, Princeton Univ. Press.

Donskikh, O. A. (2003). *Vslushivayas' v gulkuyu t'mu ushedshego (Tyutchev o khaose)* [Listening the Reverberant Darkness of the Past (Tyutchev on Chaos)]. In *Sibirsky filologichesky zhurnal, 3–4,* pp. 67–75.

Frank, S. L. (1913). *Kosmicheskoe chuvstvo v poezii Tyutcheva* [The Feeling of Cosmos in Tyutchev's Poetry]. In *Russkaya mysl'.* Book 11.

Fry, N. (1957). Notes for a Commentary on Milton. In *The Divine Vision : Studies in the Poetry and Art of William Blake* (pp. 99–137). L., Gollancz.

Holmes, R. (2015). The Greatness of William Blake. In *The N. Y. Rev. of Books, Dec. 3, Vol. 62, No. 19.*

Howard, J. (1976). *Blake's Milton. A Study in the Selfhood.* 300 p. N. Jersey, L., Fairleigh Dickinson Univ. Press.

Keynes, G. (Ed.). (1948). *Poetry and Prose of William Blake : Complete in one volume.* 936 p. L., The Nonesuch Press, N. Y., Random House.

Lotman, Yu. M. (1996). *Zametki po poetike Tyutcheva* [Notes on Tyutchev's Poetics]. In Lotman, Yu. M. *O poetakh i poezii* (pp. 553–564). Saint Petersburg, Iskusstvo.

Newton, I. (1846). *The_Mathematical_Principles_of_Natural_Philosophy.* URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Mathematical_Principles_of_Natural_Philosophy_ (mode of access: 28.11.2015).

Pratt, S. (1983). *The Semantics of Chaos in Tjutčev. Slavistische Beiträge.* Band 171. 149 p. München, Verlag Otto Sagner.

Tyutchev, F. I. (1995). *Lirika : v 2 t.* [Poems]. Vol. 1. 448 p. Vol. 2. 512 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 23.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.198
УДК 821.161.1-143Державин+821.161.1-143Жуковский+821.161.1-143-Баратынский+821.161.1-143Лермонтов

RUSSIAN POETS ON DEATH AND THE DEAD*

Asuta Yamaji
Chukyo University,
Nagoya, Japan

The article addresses the image of death as created by Russian poets of the late 18th – early 19th centuries. The author analyses both traditional and innovative elements of this image in works by Derzhavin, Zhukovsky, Baratynsky, and Lermontov. Six poems, namely Derzhavin's *On the Death of Prince Meshchersky*, Zhukovsky's *The Rural Cemetery*, Baratynsky's *The Skull* and *Death*, and Lermontov's *Death (Broken is the Chain of a Young Life)* and *Death (Caressed by Flourishing Dreams)*, constitute the objects of this paper. The initial assumption is that the works of Lermontov manifested two tendencies inherent in Russian poetry: a division between body and soul and a keen interest in the processes that occur to each entity after death. There is no description of 'the other world' where the soul goes after death in the poems by Derzhavin, Zhukovsky, and Baratynsky. All three authors underline the inevitability of death and its equalising properties. However, while Derzhavin describes the transition from life to death using contrasting descriptions of the two states, Zhukovsky stresses the fruits of toil achieved by previous generations. Baratynsky's poems place prominent emphasis on the inevitability and regulatory function of death. He offers a very naturalistic description of the posthumous state of a dead body. Death itself is presented as an element indispensable for regulating the universe. The author considers Lermontov's lack of concern for the equalising properties of death and his attempts to give minute descriptions of various aspects of dying. This poet was fascinated by the transition between life and death. Just like Derzhavin, Lermontov seems to have a special interest in the separation of body and soul. In Lermontov's early poems, death serves as a background for his pessimistic perception of the world. The variety of manifestations of death gives Russian poetry a philosophical character.

Keywords: 18th- and 19th-century Russian poetry; theme of death; G. Derzhavin; V. Zhukovsky; Ye. Baratynsky; M. Lermontov.

Рассматривается трактовка образа смерти русскими поэтами конца XVIII – начала XIX в. Проанализированы элементы преемственности и новатор-

* *Citation*: Yamaji, A. (2016). Russian Poets on Death and the Dead. In *Quaestio Rossica*, vol. 4, № 4, p. 162–176. DOI 10.15826/qr.2016.4.198.
Цитирование: *Yamaji A.* Russian Poets on Death and the Dead // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 162–176. DOI 10.15826/qr.2016.4.198

© Yamaji A., 2016

ства в развитии образа. Объектом исследования стали стихотворения «На смерть князя Мещерского» Г. Державина, «Сельское кладбище» В. Жуковского, «Череп» и «Смерть» Е. Баратынского, «Смерть ("Оборвана цепь жизни молодой")» и «Смерть ("Ласкаемый цветущими мечтами")» М. Лермонтова. Выбор произведений обусловлен целью выделить общие и сугубо оригинальные черты в творчестве поэтов этого периода. Исходным послужил тезис, что в творчестве Лермонтова окончательно закрепились две тенденции, характерные для русской поэзии: разделение души и тела и интерес к процессам, происходящим с каждой из этих сущностей после смерти. Отмечено, что Державин, Жуковский и Баратынский не вводят в произведения тему «иного мира». Авторы, подчеркивая неизбежность смерти, отводят ей уравнивающую роль. Но если у Державина переход от живого к неживому передается через обращение к контрастным описаниям двух состояний, то Жуковский делает упор на плоды трудов ушедших поколений. В творчестве Баратынского акцентирована мысль о непознаваемости смерти и ее регулятивной функции. В его произведениях возникает натуралистичное изображение посмертного состояния тела. Сама смерть представлена как необходимый для упорядочения мироздания элемент. Уникальность разработки этой темы Лермонтовым, по мысли автора, заключается в том, что его не занимала идея об уравнивающей роли смерти, однако для него был важен посмертный опыт души. Как и Державин, обращаясь к моменту перехода от живого к неживому, особое внимание поэт уделяет процессу отделения души от тела. В его ранних произведениях мотив смерти является скорее фоном для выражения пессимистического восприятия мира. Многообразие проявления темы смерти придает философское звучание русской поэзии.

Ключевые слова: русской поэзия XVIII–XIX вв.; тема смерти; Г. Державин; В. Жуковский; Е. Баратынский; М. Лермонтов.

Upon studying Lermontov's work, I found that the presence or absence of a soul is a very important element in his description of death. Based on this distinction, the poet creates two different worlds in his poems. One regards the physical aspects of death, where corpses are strewn around. These materialistic descriptions can be repulsive, carefully depicting skulls and bones while birds and animals devour the dead flesh. In such scenes, it does not matter whose flesh it is: the dead bodies of human beings, wild animals, and horses are treated alike, as inanimate objects.

On the other hand, along with this materialistic aspect of death, Lermontov also portrays the spiritual realm, which often reflects the poet's idealistic notions. Such a world is described in the song of a goldfish in "Mtsyri" and in the dreams of the narrator in "I Go Out Alone On the Road" [Ямадзи, с. 4]. The idea that death is inseparable from the soul was also presented by Vladimir Dal': for him, the soul was 'an immortal spiritual being endowed with mind and will' [Даль, с. 504].

In my opinion, the works of Lermontov manifest the two contradictory views of death characteristic of Russian poetry. I suggest tracing this

binomial opposition in the works of some other Russian poets. It is also interesting to analyse how these writers express their feelings towards the deceased. I argue that the poets facing a soulless 'thing' – a dead body – still address the spirit that once inhabited it. Thus, the corpse evokes thoughts of the soul. I am well aware that the poets examined in this article utilised different literary styles. However, rather than concentrating on the various properties of these styles, I analyse features inherent within the Russian poetic tradition.

The image of death in works by Russian poets

Let us start with Derzhavin's poem "Monody on the Death of Prince Meshcherski" (1779), which D. D. Blagoj calls 'one of the most important' works of this author [Благой, с. 282–283]. Here the poet ponders death and its meaning. Central to the poem is the theme of time. Its progress is irreversible and leads to death. Death here is viewed as an entity that makes all people, animals, and even inanimate things equal.

Terras calls the very first lines (*Глагол времён! металла звон!* [Державин, с. 124–126]) 'the terrifying voice of death' [Terras, p. 99]. In my opinion, this 'clanging' alliteration and rhythm are supposed to allow the reader to feel time's passage. It is this passing of time that brings living beings closer to death: *Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет – и к гробу приближает* ('Each beat of the clock summons me / Calls me and hurries me to grave').[1] The motif of interconnection between time and death recurs throughout this work: *А завтра: где ты, человек? / Едва часы протечь успели…* ('And to-morrow where art thou, Man? Scarce an hour of triumph allowedthee'). Death is depicted as a phenomenon encountered by everyone. There are multiple instances where this poem stresses the omnipotence of death.[2] *Ничто от роковых кохтей, / Никая тварь не убегает* (Not one of the horned beasts of the field, Not a single blade of grass escapes (it)). Then, a few lines later: 'Stars are shivered by him, And suns are momentarily quenched' (*И звезды ею сокрушатся, / И солнцы ею потушатся...*). At the beginning, we also see: 'And empires are swallowed up by greedy Death' (*Глотает царства алчна смерть*). Thus, 'monarchs' and 'beggars', 'stars' and 'suns', all living creatures and worlds cannot avoid death. Mashevskij describes it as the only constant of the universe [Машевский, с. 213]. Derzhavin thus thoroughly depicts the equalising qualities of death.

Developing this central theme, the poet also portrays the realistic, material aspect of death. Man is 'food for the worm' (*снедь червей*), a 'mixture of grandeur and nothingness' (*гордость с бедностью совместна*). Derzhavin addresses the separation of body and soul ('Thy dust is here, but thy

[1] The translation is by C. E. Turner in Leo Wiener's *Anthology of Russian Literature: From the Tenth Century to the Close of the Eighteenth Century*. See: [Wiener, p. 382–385].

[2] On the compositional technique of heightening the importance of images subject to death, see: [Орлов, с. 187].

soul no more' (*Здесь персть твоя, а духа нет*)), but admits his inability to describe the ideal world where the spirit has gone: 'Where is it? It is there. Where is there? We know not' (*Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем*). One can see here the spirit of the epoch as described by Lotman: 'traditional… Orthodox Christian conceptions were influenced by the deistic and sceptical ideas of the Enlightenment' [Лотман, с. 210]. In other words, society started to doubt the dogmatic understanding of Paradise and Hell. Derzhavin gives more details on the posthumous fate of the soul in "Waterfall" (1791–1794): 'What kind of wondrous spirit swoops / With its wings from the North to the South? / The wind is too slow to flow its paths; / And catches kingdoms at a single glance…' (*Какой чудесный дух крылами / От севера парит на юг? / Ветр медлен течь его стезями; / Обозревает царствы вдруг...* [Державин, с. 180]). According to Harsha Ram, Potemkin's soul visits the places of its worldly glory in these lines [Ram, p. 94]. In the monody under consideration, the author also tries to capture the moment of transition from life to death: 'They who are radiant with health, love and joy and peace / Feel their blood run cold' (*Утехи, радость и любовь / Где купно с здравием блистали, / У всех там цепенеет кровь*). Equally, he explores how death affects the living: a 'banquet table' (*стол*) turns into a 'coffin' (*гроб*), 'cries of revelry' (*лики пиршеств*) transform into the 'wailing of mourners' (*надгробные клики*). In all these examples, the author is fascinated with the change that accompanies the death of a living being. This includes both the change that occurs in the person himself ('Feel their blood run cold / And their souls to be fretted with woe' (*У всех там цепенеет кровь / И дух мятется от печали*)) and the change that occurs in the lives of the people around them. For us in our modern times, the bodily change known as death is natural, but Russian poets of the past tried to describe it via various familiar expressions. This shows how deeply they were struck by the changes that death brings to the body.

V. A. Zhukovsky's "The Rural Cemetery: an Elegy" (1802) is a translation of Thomas Gray's "Elegy Written in a Country Churchyard" (1750). Although the Russian poet only significantly changed the last verse, it is amazing how naturally this English poem fits the Russian tradition. Here one can see the same idea characteristic of Derzhavin's view, that death is impartial and comes to all: 'Death rages at everyone – at the famous tsar / This menacing thing searches for everyone… and will eventually find / Omnipotent rules of fate are unshakable: / the way of grandeur leads us to the coffin' (*На всех ярится смерть – царя, любимца славы, / Всех ищет грозная… и некогда найдет; / Всемощныя судьбы незыблемы уставы: / И путь величия ко гробу нас ведет!)* [Жуковский, с. 43–47].[3] In Zhukovsky's work, the theme of death also encompasses isolation and the possibility of communication between the dead and the living. The lyrics suggest that a cemetery is a place where this is possible.

[3] The translation of the Russian text is my own. – *A. Y.*

The poem begins with a scene of a quiet rural sunset: 'Silence is everywhere; dead sleep is everywhere, / An evening beetle buzzes from time to time, / And a distant sound of horns comes from afar. <…> Here, closed for eternity in solitary coffins / forefathers of the village / sleep with no chance of waking' (*Повсюду тишина; повсюду мертвый сон; / Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает, / Лишь слышится вдали рогов унылый звон. / <…> / Здесь праотцы села, в гробах уединенных / Навеки затворясь, сном непробудным спят*). Unlike Derzhavin's poem, where the 'sound' of time rules, here silence has dominion. The sounds that do appear in "Rural Cemetery" – the buzz of a beetle, the distant sounds of horns, the lamentations of an owl – only help to create an atmosphere of quiet. In "Monody...", the clicking sounds of time are associated with imminent approach of Death. In "Cemetery...", however, the silence is not disturbed throughout the whole narrative: 'The quiet voice of dawn, the breath of a young day, / No cry of a cock, no sonorous hum of horns, / No chirping of an early swallow on a rooftop…' (*Денницы тихий глас, дня юного дыханье, / Ни крики петуха, ни звучный гул рогов, / Ни ранней ласточки на кровле щебетанье*). The silence here may be interpreted as the acceptance of death. It also emphasises the difference between the dead and the living: 'Nothing will summon the dead from their coffins'.

The poet pays special attention to whether communication between the dead and the living is possible. The dead belong to the past, they are buried in history. Zhukovsky describes the successes they achieved while alive: 'Oh, so often reaped their sickles the golden field / And their plough conquered stubborn fields! / Oh, so often trembled leafy grove at the sight of their axes, / And their sweat besprinkled the land!' (*Как часто их серпы златую ниву жали / И плуг их побеждал упорные поля! / Как часто их секир дубравы трепетали / И потом их лица кропилася земля!*). The poet's respect for the work done by the dead is obvious. However, at the same time, the author points out the inability of the dead to interact with anything living: 'The sparkling and crackling fire of a smoky hearth / Will not gladden them on winter evenings, / And playful children, rushing to greet them, / Will not seek their kisses' (*На дымном очаге трескучий огнь, сверкая, / Их в зимни вечера не будет веселить, / И дети резвые, встречать их выбегая, / Не будут с жадностью лобзаний их ловить*).

Nonetheless, Zhukovsky also points out that not all of the living give the dead their due: 'Let slaves of vanity humiliate their (the dead's) fate, / Mocking in their own blindness that useful labour / Let those slaves listen in cold contempt / To the deeds of the dead, hiding in humility" (*Пускай рабы сует их жребий унижают, / Смеяся в слепоте полезным их трудам, / Пускай с холодностью презрения внимают / Таящимся во тьме убогого делам*). The poet reasons that the 'humility' of the dead results from the social injustice that denied them access to education. It is not their fault. They just happened to be born to such a fate: 'But the shrine of education, built by centuries, / Was closed for them by morose fate, / That same fate burdened them with chains of mediocrity, / Their

genius is killed by severe poverty' (*Но просвещенья храм, воздвигнутый веками, / Угрюмою судьбой для них был затворен, / Их рок обременил убожества цепями, / Их гений строгою нуждою умерщвлен*). The isolation of the living from the dead is instilled by the condition of the latter. The horror of that condition is portrayed in every tiny detail: 'dead, rotten bones' (*мертвые, истлевшие кости*), 'cold ashes of ours' (*угасший пепел наш*), 'tender, loving heart turned to dust' (*прах сердца нежного, умевшего любить*), 'a worm – the coffin-dweller – nests in the dried-out head' (*гробожитель-червь в сухой главе гнездится*).

In spite of such isolation, communication between the souls of the living and those of the dead seems to be possible. It has nothing to do with the richness of the decorations on their graves. On the contrary, gaudy luxury should be avoided: 'The dead don't sleep sweeter under a marble slab, / A haughty mausoleum does nothing but burdens their flesh' (*Не слаще мертвых сон под мраморной доскою; / Надменный мавзолей лишь персть их бременит*). Communication between the dead buried in this cemetery and the living can occur in several ways. For example, a person can be moved by the modesty of the deceased: 'And sleep here in peace under protection of a grave – / And a modest stone amidst thick fur-trees / With humble words and plain carvings / Invites a passer-by to sigh over the dead' (*И здесь спокойно спят под сенью гробовою – / И скромный памятник, в приюте сосн густых, / С непышной надписью и резьбою простою, / Прохожего зовет вздохнуть над прахом их*). The cemetery is a place where those who tenderly remember the dead can communicate with them: 'Their heart hears the dear voice in our grave; / To them, our gravestone has a soul; / To them, our dead ashes breathe in this cold urn; / To them, it is ablaze with love' (*Их сердце милый глас в могиле нашей слышит; / Наш камень гробовой для них одушевлен; / Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит, / Еще огнем любви для них воспламенен*).

The poem finishes with sentimental words about a dead youth who left this world too early (*безвременно*). Instead of symbolising the end of life, this scene shows the connection between the living and the dead. Instrumental to this understanding is the prayer of a passer-by at this grave. The grave itself is not only 'a shelter from all earthy worries' (*приют от всех земных тревог*) and a place to leave 'everything that was sinful' (*все, что в нем греховно было*). It is also a connection point between the living and the dead and proof that the young man did indeed exist. It is important to mention that the original verse did not have any reference to the grave as a point of connection between the two worlds or a place to shed 'everything sinful': 'No farther seek his merits to disclose / Or draw his frailties from their dread abode / (There they alike in trembling hope repose) / The bosom of his Father and his God' [Gray, p. 32]. Except for this 'ad-libbing', Zhukovsky's translation is very faithful to the original. It still sounds absolutely natural within the system of conceptions about death characteristic of Russian poets. Moreover, the outstanding Russian critic

Vladimir Solovyov called this elegy 'the motherland of Russian poetry' [Соловьёв, с. 178–180]. Agafonova explains this phenomenon by the fact that 'one of the tendencies particular to the translations of poetry at the beginning of the 19th century was the russification of the work translated' [Агафонова, с. 8].

The problem of similarities in the literary interpretation of death in Russia and abroad is worthy of a separate analysis, which is beyond the scope of this article; however, we can suggest some explanation. First, Russian literature developed as an integral part of European literature and, as such, shared (both absorbed and bestowed) tendencies within this cultural space. Ram goes so far as to insist that the popularity of elegy as a genre in Russia started with this piece [Ram, p. 177]. Secondly, it is possible that this particular poem by Thomas Gray expressed ideas which were very natural to Russian culture. This might have played a role in Zhukovsky's choice to translate this poem in the first place.

In "The Skull" (1824) by E. A. Baratynsky, the view of death is more detached. As was pointed out by some of the poet's contemporaries, such an approach allows for the deeper philosophical content of the poem [Голубева]. Baratynsky seems to be deeply fascinated with this subject. A very similar attitude towards death can be found in Lermontov's poems, which we shall analyse later.

"The Skull" is written from the point of view of a person whose brother's grave was dug up and destroyed. The poet is adamant that the sleep of the dead deserves the utmost respect: 'Deceased brother! Who disturbed your sleep? / Who scorned the sanctity of grave?' (*Усопший брат! кто сон твой возмутил? / Кто пренебрег святынею могильной?)* [Баратынский, с. 47]. His harsh criticism of those lacking respect for the dead can be seen in the words he uses to describe young people laughing at the side of the grave: 'a crowd of young madmen' (*толпа безумцев молодых*). At the same time, the poem's narrator cannot help commenting on how ugly and scary the dead look: 'I took your yellow and dusty skull! / It still was wearing vestiges of hair; / I saw on it the slow course of decay' (*Я в руки брал твой череп желтый, пыльной! / Еще носил волос остатки он; / Я зрел на нем ход постепенный тленья*).

Unlike Zhukovsky, who was trying to establish points of contact between the living and the dead, Baratynsky portrays the mutual isolation of the two worlds. The wistful desire "I wish your head… suddenly professed!" (*Когда б… Глава твоя внезапно провещала!*) is left unfilled: in the next stanza, the idea of revival is quickly rejected. This implies that there is an insurmountable border between the dead and the living. Its very existence commands mutual respect between the living and the dead: 'You, who's alive, go on living; you, who's dead, peacefully turn to dust!" (*Живи, живой, спокойно тлей, мертвец!*). The line between the two is clearly defined: 'One cannot place under the same law / Both the bustle of world and the silence of cemetery! / A wise man cannot stifle natural feelings / Or get a response from coffins' (*Не подчинишь одним законам ты / И света*

шум, и тишину кладбища! / Природных чувств мудрец не заглушит / И от гробов ответа не получит). Death is not something to be taught by the dead. A living being can only comprehend it at the very moment of becoming dead: 'Let life give pleasures to the living, / It will be Death that'll teach them how to die' (*Пусть радости живущим жизнь дарит, / А смерть сама их умереть научит*). This means that death is absolutely incomprehensible for the living. This poem has no references to the ideal world of death. However, the poetic legacy of Baratynsky does contain the notion of a distinction between the body and soul. It can be found in the later poem "You are useless, days!" (*На что вы, дни!..*, 1840), although the narrator is still alive [Гинзбург, 1974, с. 86]. Despite this insurmountable line between the living and the dead, Baratynsky seems to experience a feeling of closeness to death. Four years later, he wrote the poem "Death". Some researchers of the Soviet era saw this poem as the triumph of the pessimism that gripped the poet upon the defeat of the Decembrist movement [Степанов, с. 35]. However, we see nothing negative in this 1828 poem. The very association of death with the grave is rejected: "Oh, daughter of Highest Aether!" (*О, дочь верховного эфира!*) [Баратынский, с. 64]. In Russian culture, death is personified by a woman, hence this reference. The poet continues: 'Oh, bright beauty! / You have an olive branch of peace in your hand, / And not a killing scythe' (*О, светозарная краса! / В руке твоей олива мира, / А не губящая коса*). He explains the striking effectiveness of death. Like the poets of the past, Baratynsky addresses the universal impartiality of death, although he mainly concentrates on its effects: 'Only due to righteous you / Different fates of human beings are reconciled. / You caress with the same hand / Both the master and the slave' (*Дружится праведной тобою / Людей недружная судьба: / Ласкаешь тою же рукою / Ты властелина и раба*). Death is the entity which the 'Lord entrusted with keeping the world in order' (*В твоё храненье всемогущий / Его* [*мира*] *устройство поручил*). It has limitless power and magnanimity, and is able to 'quell a hurricane, raising with enormous force' (*укрощать восстающий в безумной силе ураган*) or 'force back an ocean' (*вспять возвращать океан*). Bocharov noted the regulating function of death in this poem [Бочаров, с. 329]. Tojbin has pointed out that the limits which death sets on living beings here serve the greater good: 'You set limits to plants / So that a huge forest / Doesn't cover the land with harmful shade' (*Даёшь пределы ты растеньям, / Чтоб не покрыл гигантский лес / Земли губительною тенью*) [Тойбин, с. 357]. One of the main gifts of death is 'the answer to all riddles' (*всех загадок разрешенье*) and 'liberation from all chains' (*разрешенье всех цепей*).

As for Lermontov, he was fascinated by death from early youth. He wrote a lot of poems on the subject. Very often, it served as a background for some other themes. For example, in his poem "Cemetery" (1830) [Лермонтов, с. 126], the main topic is misanthropy, while in "Death (The Sunset burns like a fiery strip...)" (1830) it is lost love [Лермонтов, с. 173]. Some critics state that death is depicted as complete disappearance from the Universe in

the latter work [Кедров, с. 311]. The former poem is set in a cemetery, while the second is built around presuppositions about what will happen when the author dies [Чистова, с. 511]. "Death (The chain of young life is broken...)" (1830–1831) [Лермонтов, с. 283] continues this tendency but also shows a new element in Lermontov's treatment of death. Although the main topic here is the feeling of revulsion for life (pessimism), the author also makes an attempt to fathom what lies beyond life. Pessimism is introduced by the concept of death. The reader can find in the lyrics a hint that this pessimism is caused by a woman: 'Is it really possible that right before my demise / The treacherous love of women will seduce me again?' (*Ужели дев коварная любовь / Прельстит меня перед кончиной вновь?*). Love here is a turmoil, compared to which death is a lesser evil [Голованова, с. 511].

The world of death here is described by negation: 'Where there's no expectations, no passions, / No bitter tears, no fame, no honours' (*Где нет ни ожиданий, ни страстей, / Ни горьких слез, ни славы, ни честей*). 'Recollection' (*воспоминание*) sleeps a deep sleep here. Even 'the heart... doesn't feel that a worm gnaws at it' (*сердце... не чувствует, что червь его грызет*). The state of death is described in a way that is scary and painful for the reader. However, the narrator does not even understand death in this way: he thus creates a world where the mere existence of feelings is denied. One can say that the structure of the poem contributes to a perception that the more frightening the world of death is, the more apparent the misanthropy of the poet becomes. Even such a dreadful state is better than people: 'Let hell itself engulf me, / I would rejoice at suffering, / Twice as much as I suffered in the past, / But farther, farther from people' (*Пускай меня обхватит целый ад, / Пусть буду мучиться, я рад, я рад, / Хотя бы вдвое против прошлых дней, / Но только дальше, дальше от людей*).

Compared to this and other similar works, the poem "Death (Caressed by flowery dreams)" (1830–1831) brings death to the foreground and shows it as a multi-layered phenomenon. The first layer is constituted by the early impressions of a dying person. The narrator suddenly feels that '… death with its cold breath / Has started to cool my blood' (*Казалось мне, что смерть дыханьем хладным / Уж начинала кровь мою студить*) [Лермонтов, с. 292]. Further on, one can see two separate entities, the body and the soul. The poet depicts the feelings of each of these entities as they separate: My heart was beating rarely but strongly, / With a kind of sick tremor, / And my body, facing its end, was trying / To restrain impulses of my impatient soul, / But the soul was listening to its former friend / With annoyance, and reproaches / Made it a sad parting (*Не часто сердце билося, но крепко, / С болезненным каким-то содроганьем, / И тело, видя свой конец, старалось / Вновь удержать души нетерпеливой / Порывы, но товарищу былому / С досадою душа внимала, и укоры / Их расставанье сделали печальным*).

It is the second stage of dying. Death is presented as the separation of the body and soul. Left without its 'friend', the soul becomes an independent

entity and is dismayed at first: I could not / Understand, how possibly could bliss / Or bitter sufferings be experienced so far away / From the land where I first realised / That I was alive and my life was boundless, / Where I sought self-knowledge so eagerly, / Where I loved so many and lost so much, / Where I loved in accordance with this perishable body, / Without which I couldn't comprehend love (*Я не мог / Понять, как можно чувствовать блаженство / Иль горькие страдания далеко / От той земли, где в первый раз я понял, / Что я живу, что жизнь моя безбрежна, / Где жадно я искал самопознанья, / Где столько я любил и потерял, / Любил согласно с этим бренным телом, / Без коего любви не понимал я*).

In this verse, the separation of the body and soul is expressed powerfully and definitively.

However, dismay soon turns into an experience bordering on spiritual awakening: 'I thought like that and suddenly lost train of thought, / And in a moment I was alive again, / But I didn't see the earthly / Things around me and I no longer remembered / The pain or onerous worries / About my future fate and death' (*Так думал я, и вдруг душой забылся, / И чрез мгновенье снова жил я, / Но не видал вокруг себя предметов / Земных, и более не помнил я / Ни боли, ни тяжелых беспокойств / О будущей судьбе моей и смерти*). Life on earth is recollected as nothing more than 'a brief exile'. At that point, the soul is suddenly made to leave the ideal world of death and is sent back to the earth. After that, as in the previous poem, the author's misanthropy reappears.

The narrator turns to the physical world of death, another facet of post-mortem experiences: 'The first / Thing was a grave with a pompous mausoleum, / Under which people buried my corpse' (*Первый / Предмет – могила с пышным мавзолеем, / Под коим труп мой люди схоронили*). In there he faces his own corpse, the description of which is naturalistically frightening: 'In the place, where my corpse was decaying, I stayed. / Here and there I noticed a bone or hanging / lumps of bluish meat or veins / With blood dried solid inside them. / I was sitting and viewing with desperation / Swift insects swarming / And eating the food of death greedily. / A worm was crawling out of eye sockets / And disappearing again into the ugly skull' (*Где гнил мой труп, и там остался я. / Здесь кость была уже видна, здесь мясо / Кусками синее висело, жилы там / Я примечал с засохшею в них кровью. / С отчаяньем сидел я и взирал, / Как быстро насекомые роились / И жадно поедали пищу смерти. / Червяк то выползал из впадин глаз, / То вновь скрывался в безобразный череп*).

One's own soul witnessing the state of one's own dead body... after such a frighteningly realistic description of death's physical aspects, Lermontov portrays the agony of the soul who has to witness them: 'And so what? Its (the worm's) every movement / Was tormenting me with spastic pain. / I had to watch the ruin of my friend, / Who had lived for so long with my soul, / My last, my only friend / Who shared the soul's grief and joy, / I wished to help, but all in vain, in vain' (*И что же? Каждое его движенье / Меня терзало судорожной болью. / Я должен был смотреть на гибель*

друга, / Так долго жившего с моей душою, / Последнего, единственного друга, / Делившего ее печаль и радость, / И я помочь желал, но тщетно, тщетно).

The awful process of physical decay and the soul's vain efforts to stop it continue to the end of the poem. The maggots breed and eat foul-smelling skin and bones: all that is left is dust. The soul tries to warm these wretched remains with his breath, but cannot. The poem finishes with a scene where 'the witness of cruel destruction' goes to blaspheme the Creator, but then wakes up. This part of the poem is often explained by the influence of Byron's poetry [Мотовилов, с. 511; см. также: Гинзбург, 1940, с. 109; Фёдоров, 1967, с. 324–325]. However, some researchers insist that Lermontov's verses are deeper and more expressive than those of the English poet [Фёдоров, 1941, с. 184–186].

It is necessary to stress that Lermontov, who maintains the dichotomy of body and soul, defines their relationship as friendly. The soul here fulfils two functions. First, it objectively registers the physical processes that take place in the corpse. Secondly, it desperately tries to stop them. Many literary critics point to the deep philosophical content of the poem, especially in connection with the poet's young age at the time of its creation [Эйхенбаум, с. 334; Фёдоров, 1967, с. 323].

Let me digress by saying that in this work, as well as the later "Dream (In noon's heat, in a dale of Dagestan)" (1841), the themes of sleep and death are interwoven. Moreover, in "Death (The sunset burns like a fiery strip)", the poet speaks about the dissolution of his soul in infinity. Both phenomena are mentioned in an encyclopaedic dictionary written half a century later by Brokhaus and Efron (*душа*, см.: [Брокгауз, Ефрон]). However, they discuss the connection between sleep, death, and the dissolution of the soul in infinity in terms of ancient beliefs. I treat this coincidence as evidence of Lermontov's wonderful ability (conscious or unconscious) to 'process' and re-examine creatively ideas that 'are in the air'.

In my research, I have analysed some poems by outstanding Russian poets and come to the following conclusions. First of all, they all attempt to portray the physical aspects of death in its tiniest details and with the most appropriate expressions. Each of them has naturalistic depictions of corpses. In all cases, the reader gets an impression of a 'thing' abandoned by the soul. Every description shows the real and brutal consequences of death. There is also a common tendency to focus on the state of the corpse, the progress of decay. One can feel the bewilderment that the poets experience at the thought that a person, after death and decay, turns into something absolutely different. One may see here the reflection of views characteristic of 18th-century Russian society which regarded the body as something perishable. Those views can be seen in a real epitaph. On the grave of Ivan Neplyuev, a statesman during Peter I's epoch, were found the words: '…the body decays and turns into dust' [Лотман, с. 213–214]. On the other hand, all of the poets under consideration insist on the dichotomy inherent between the body and the soul. The Japanese critic Kimura Takashi

argued that such ideas arose in different cultures because people could not accept their own mortality [Кимура, с. 82]. The same dichotomy is postulated in Christianity. In Ecclesiastes, the Bible says: 'and the dust returns to the ground it came from, and the spirit returns to God who gave it' [Еккл. 12 : 7]. However, in many cases the poets re-examine this dogma creatively and use it as a literary technique. For example, in Lermontov's poem, the soul witnesses the details of a corpse's decay. It is possible that the poet wanted to draw his readers' attention to the physical aspects of death. For him a soulless body is nothing but a thing, an object of observation.

Of special interest is the insight into death's egalitarianism. It visits all people without any exception, regardless of financial or social status. We can find this postulate in works by all of the poets except Lermontov. No matter how noble or insignificant a person is, he or she cannot escape death. The fact that the poets felt it necessary to elaborate on this self-evident phenomenon speaks volumes of their ideas about contemporary social and financial inequality. All the unfairness of this world disappears at the end of life because of death. Derzhavin, Zhukovsky, and Baratynsky seem to be fascinated with the fact that people with many different lifestyles are reduced to absolutely the same process of decay after death. They tend to generalise their ideas on death, while Lermontov is more interested in particularities. He concentrates his efforts on detailed descriptions of the various aspects of death.

The spectrum of people whose deaths are described illustrates that death was an integral part of life for the poets. At the same time, their inability to communicate with the dear deceased caused profound pain. Some poets saw the cemetery as a place where such communication might be possible. Others felt that the border between life and death is insurmountable. Zhukovsky was among the former, while Baratynsky is a representative of the latter. Baratynsky calls death 'liberation'. These words can be interpreted as criticism of the poor living conditions in contemporary society. Lermontov's fascination with death can also be viewed as an elaboration on Baratynsky's idea that 'Death is liberation from the chains of life' (*Ты разрешенье всех цепей*).

Список литературы

Агафонова М. А. Элегии Грея в переводах Жуковского: к проблеме генезиса жанра поэмы // Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки. 2011. № 2. С. 5–10.

Баратынский Е. А. Стихотворения / предисл. К. В. Пигарева. М. : Худож. лит., 1978. 127 с.

Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1946. 419 с.

Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М. : Языки рус. культуры, 1999. 626 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб. : Семеновская тип., 1890–1907. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/index.html (дата обращения: 22.05.2016).

Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л. : Совет. писатель, 1974. 408 с.

Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л. : Худож. лит., 1940. 224 с.

Голованова Т. П. «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой») // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Большая рос. энцикл., 1999. С. 511.

Голубева О. В. На перекрестке литературных традиций (несколько замечаний о французском и английском «влиянии» на поэзию Е. А. Баратынского) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/na-perekrestke-literaturnyh-traditsiy-neskolko-zamechaniy-o-frantsuzskom-i-angliyskom-vliyanii-na-poeziyu-e-a-baratynskogo (дата обращения: 22.05.2016).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1. 700 с.

Державин Г. Р. Сочинения. СПб. : Академ. проект, 2002. 712 с.

Жуковский В. А. Сочинения : в 3 т.. М. : Худож. лит., 1980. Т. 1. 438 с.

Кедров К. А. Мотивы : Смерть // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Большая рос. энцикл., 1999. С. 310–311.

Кимура Т. Сопоставительное изучение взглядов на жизнь и смерть у русских и японцев на материале художественных произведений // Japanese Slavic and East European Studies. 2007. № 28. P. 79–113. URL: http://ci.nii.ac.jp/els/110006676844.pdf?id=ART0008701957&type=pdf&lang=jp&host=cinii&order_no=&ppv_type=0&lang_sw=&no=1458366238&cp= (mode of access: 22.05.2016).

Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 1. 452 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство – СПб., 2008. 413 с.

Машевский А. Ода Державина «На смерть князя Мещерского» как опыт осмысления смерти // Нева. 2014. № 7. С. 212–217.

Мотовилов Н. Н. «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами») // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Большая рос. энцикл., 1999. С. 511.

Орлов П. А. История русской литературы XVIII века : учебник для ун-тов. М. : Высш. школа, 1991. 318 с.

Соловьёв В. С. Полное собрание стихотворений. М. : Директ-Медиа, 2015. 462 с.

Степанов Н. Л. Лирика пушкинской поры // Поэты пушкинской поры : антология / сост. Н. Л. Степанов. М. : Худож. лит., 1972. С. 5–40.

Тойбин И. М. Поэты пушкинского круга : Е. А. Баратынский // История русской поэзии : в 2 т. / отв. ред. Б. П. Городецкий. Т. 1. Л. : Наука, 1968. С. 342–367.

Фёдоров А. В. Лермонтов и литература его времени. Л. : Худож. лит., 1967. 361 с.

Фёдоров А. В. Творчество Лермонтова и западные литературы // Лит. наследство. Т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 129–225.

Чистова И. С. «Смерть» («Закат горит огнистой полосою») // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Большая рос. энцикл., 1999. С. 511.

Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 371 с.

Ямадзи А. Неотъемлемый элемент творчества М. Ю. Лермонтова : Конь // Japanese Slavic and East European Studies. 2010. № 31. С. 1–22. URL: http://ci.nii.ac.jp/els/110008660777.pdf?id=ART0009740609&type=pdf&lang=jp&host=cinii&order_no=&ppv_type=0&lang_sw=&no=1458366489&cp= (дата обращения: 22.05.2016).

Gray T. Gray's Poems, Letters and Essays // Everyman's Library. No. 628. L. : J. M. Dent & Sons LTD, 1955. 390 p.

Ram H. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. Wisconsin : The Univ. of Wisconsin Press, 2003. 307 p.

Terras V. Handbook of Russian Literature. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1985. 558 p.

Wiener L. Anthology of Russian Literature: from the Tenth Century to the Close of the Eighteenth Century. Hawaii ; Honolulu : Univ. Press of the Pacific, 2001. 451 p.

References

Agafonova, M. A. (2011). *Elegii Greya v perevodakh Zhukovskogo: k probleme genezisa zhanra poemy* [Grey's Elegies as Translated by Zhukovsky: On the Genesis the Poem as a Genre]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki, 2,* pp. 5–10.

Baratynsky, E. A. & Pigarev, K.V. (Foreword). (1978). *Stikhotvoreniya* [Poems]. 127 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Blagoy, D. D. (1946). *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of the Russian Literature of the 18th Century]. 419 p. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel′stvo Narkomprosa RSFSR.

Bocharov, S. G. (1999). *Syuzhety russkoy literatury* [The Plots of Russian Literature]. 626 p. Moscow, Yazyki russkoy kul′tury.

Brokhaus, F. A., Efron, I. A. (1890–1907). *Entsiklopedichesky slovar'* [Encyclopaedic Dictionary]. (Vols. 1–86). Saint Petersburg, Semenovskaya Tipo-Litografiya. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/index.html (mode of access: 22.05.2016).

Chistova, I. S. (1991). "Smert'" ("Zakat gorit ognistoj polosoyu") [*Death* ("The Sunset Is Ablaze with a Fiery Strip")]. In Manuylov, V. A. (Ed.). *Lermontovskaya entsiklopediya* (p. 511). Moscow, Bol′shaya rossiyskaya entsiklopediya.

Dal, V. I. (1999). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. (Vols. 1–4). (Vol. 1). 700 p. Moscow, Russky yazyk.

Derzhavin, G. R. (2002). *Sochineniya* [Works]. 712 p. Saint Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo "Akademichesky proekt".

Eichenbaum, B. M. (1961). *Stat'i o Lermontove* [Articles on Lermontov]. 371 p. Moscow – Leningrad, Izdatel′stvo AN SSSR.

Fedorov, A. V. (1941). *Tvorchestvo Lermontova i zapadnye literatury* [Lermontov's Works and Western Literatures]. In *Literaturnoe nasledstvo*, *Vol. 43–44 (M. Yu. Lermontov), Book 1,* pp. 129–225. Moscow, Izdatel′stvo AN SSSR.

Fedorov, A. V. (1967). *Lermontov i literatura ego vremeni* [Lermontov and the Literature of His Times]. 361 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.

Ginzburg, L. Ya. (1940). *Tvorchesky put' Lermontova* [Lermontov's Career as a Writer]. 224 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.

Ginzburg, L. Ya. (1974). *O lirike* [On Lyric Poetry]. 2nd Ed. 408 p. Leningrad, Sovetsky pisatel′.

Golovanova, T. P. (1999). "Smert'" ("Oborvana tsep′ zhizni molodoy") [*Death* ("Broken Is the Chain of a Young Life")]. In Manujlov, V. A. (Ed.). *Lermontovskaya entsiklopediya* (p. 511). Moscow, Bol′shaya rossiyskaya entsiklopediya.

Golubeva, O. V. (2015). *Na perekrestke literaturnykh traditsy (neskol'ko zamechany o frantsuzskom i angliyskom "vliyanii" na poeziyu E. A. Baratynskogo)* [On the Crossroads of Literary Traditions (A Few Notes on the French and English "Influence" on Baratynsky's Poetry)]. In *Actual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 1*. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/na-perekrestke-literaturnyh-traditsiy-neskolko-zamechaniy-o-frantsuzskom-i-angliyskom-vliyanii-na-poeziyu-e-a-baratynskogo (mode of access: 22.05.2016).

Gray, T. (1955). *Gray's Poems, Letters and Essays.* (Everyman's Library; no. 628). 390 p. L., J. M. Dent & Sons LTD.

Kedrov, K. A. (1999). *Motivy: Smert'* [Motifs: Death]. In Manuylov, V. A. (Ed.). *Lermontovskaya entsiklopediya* (pp. 310–311). Moscow, Bol′shaya rossiyskaya entsiklopediya.

Kimura, Takashi. (2007). *Sopostavitel'noe izuchenie vzglyadov na zhizn' i smert' u russkikh i yapontsev na materiale khudozhestvennykh proizvedeny* [Comparative Studies of Russian and Japanese Views on Life and Death as Expressed in Literary Works]. In *Japanese Slavic and East European Studies, 28*, pp. 79–113. URL: http://ci.nii.ac.jp/els/110006676844.pdf?id=ART0008701957&type=pdf&lang=jp&host=cinii&order_no=&ppv_type=0&lang_sw=&no=1458366238&cp= (mode of access: 22.05.2016).

Lermontov, M. Yu. (1954). *Sochineniya* [Works]. (Vols. 1–6). (Vol. 1). 452 p. Moscow – Leningrad, Izdatel′stvo Akademii nauk SSSR.

Lotman, Yu. M. (2008). *Besedy o russkoy kul'ture : Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Talks on Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Gentry (18th – Early 19th Centuries)]. 413 p. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPb.

Mashevsky, A. (2014). *Oda Derzhavina "Na smert' knyazya Meshcherskogo" kak opyt osmysleniya smerti* [Derzhavin's Ode *On the Death of Prince Meschersky* as an Attempt at Comprehension of Death]. In *Neva, 7*, pp. 212–217.

Motovilov, N. N. (1999). *"Smert'" ("Laskaemyy tsvetushchimi mechtami")* [*Death* ("Caressed by Flourishing Dreams")]. In Manuylov, V. A. (Ed.). *Lermontovskaya entsiklopediya* (p. 511). Moscow, Bol′shaya rossiyskaya entsiklopediya.

Orlov, P. A. (1991). *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: uchebnik dlya universitetov* [History of the Russian Literature of the 18th century: University Textbook]. 318 p. Moscow, Vysshaya shkola.

Ram, H. (2003). *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire.* 307 p. Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press.

Solovyov, V. S. (2015). *Polnoe sobranie stikhotvoreny* [Complete Works of Poetry]. 462 p. Moscow, Direkt-Media.

Stepanov, N. L. (1972). *Lirika pushkinskoy pory* [Lyric Poetry of Pushkin's Times]. In Stepanov, N. L. (Comp.). *Poety pushkinskoy pory. Antologiya* (pp. 5–40). Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Terras, V. (1985). *Handbook of Russian Literature.* 558 p. New Haven and London, Yale University Press.

Toybin, I. M. (1968). *Poety pushkinskogo kruga. E. A. Baratynsky* [Poets of Pushkin's Circle]. In Gorodetsky, B. P. (Ed.). *Istoriya russkoj poezii.* (Vols. 1–2). (Vol. 1, pp. 342–367). Leningrad, Nauka.

Yamaji, Asuta. (2010). *Neot"emlemyy element tvorchestva M. Yu. Lermontova: Kon'* [The Indispensable Element in Works by M. Yu. Lermontov: Horse]. In *Japanese Slavic and East European Studies, 31*, pp. 1–22. URL: http://ci.nii.ac.jp/els/110008660777.pdf ?id=ART0009740609&type=pdf&lang=jp&host=cinii&order_no=&ppv_type=0&lang_sw=&no=1458366489&cp= (mode of access: 22.05.2016).

Wiener, L. (2001). *Anthology of Russian Literature: from the Tenth Century to the Close of the Eighteenth Century.* 451 p. Hawaii, Honolulu, University Press of the Pacific.

Zhukovsky, V. A. (1980). *Sochineniya* [Works]. (Vols. 1–3). (Vol. 1). 438 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

The article was submitted on 26.05.2016

CHRISTIANITY: DISSENT AND CONFORMITY

DOI 10.15826/qr.2016.4.199
УДК 27-9+275+271/279+94(430)+94(470)"1905/1918"

ЕДИНОВЕРИЕ И КОНЦЕПЦИЯ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЕ ЗАМЕТКИ*

Джеймс М. Уайт
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

EDINOVERIE AND THE CONCEPT OF CONFESSIONALISATION: DISCURSIVE REMARKS**

James M. White
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers whether 'confessionalization' can be used to understand and conceptualise the period of edinoverie reforms between 1905 and 1918. Edinoverie was a missionary movement founded in 1800 by Metropolitan Platon (Levshin) that allowed converts from Old Belief to maintain their old rituals in exchange for their loyalty to the Church. The concept of confessionalization was developed by Wolfgang Reinhard and Heinz Schilling in the 1980s to explain religious and social developments in the history of the German Reformation and how these structural processes laid the foundations for the evolution of the absolutist state. The concept puts forward the hypothesis that the religious competition in the aftermath of Luther and Calvin led to the development of strongly delineated confessions and confessional identities, which were propounded and enforced by ever-more comprehensive church administrative organs. The increased level of authority that these administrative bodies gave to church elites allowed for heightened surveillance of behavior and the

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российское образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №. 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

** *Citation*: White, J. (2016). *Edinoverie* and the Concept of Confessionalisation: Discursive Remarks. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 177–189. DOI 10.15826/qr.2016.4.199.

Цитирование: *White J. Edinoverie* and the Concept of Confessionalisation: Discursive Remarks // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 177–189. DOI 10.15826/qr.2016.4.199 / *Уайт Дж.* Единоверие и концепция конфессионализации: дискурсивные заметки // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 179–191. DOI 10.15826/qr.2016.4.199.

© Уайт Дж., 2016

disciplining of deviancy. The German princes were inherently interested in this process: this frequently led to integration between churches and states, which in turn developed the administrative reach of governments. While the concept is not unproblematic, it has become a cornerstone of historiographical research about the Reformation in both Germany and other European countries: some historians have also applied it to Russia. This article considers the parallels with between confessionalization in Reformation Germany and the programme of edinoverie reforms launched by Father Simeon Shleev after 1905. It argues that, while edinoverie's peculiarities make it necessary to be cautious when applying confessionalization to this case, conceptualizing edinoverie's history in the early twentieth century as confessionalization offers numerous benefits to historians.

Keywords: confessionalization; edinoverie; Old Belief; German Reformation; Orthodoxy; Simeon Shleev; Local Church Council of 1917–1918.

Рассматривается вопрос о том, может ли термин «конфессионализация» использоваться для понимания и концептуализации периода реформ единоверия (1905–1918). Концепция конфессионализации была разработана Вольфгангом Райнхардом и Хайнцем Шиллингом в 1980-е гг. для описания процессов религиозного и общественного развития в истории Германии периода Реформации. Кроме того, ученых интересовал вопрос о том, как эти структурные процессы заложили основу для эволюции абсолютистского государства. В рамках данной концепции выдвигается гипотеза, что религиозная конкуренция после Лютера и Кальвина вела к развитию строгого разграничения между конфессиями и конфессиональными идентичностями, которые выдвигались и поддерживались набиравшей силу церковной администрацией. Возросшие полномочия власти, предоставленные этими административными структурами церковным элитам, позволили усилить надзор за поведением верующих и пресечением отклонений, в чем была заинтересована светская власть. Это вело к интеграции между церквями и государствами, результатом чего стало развитие административных возможностей локальных правительств. Приведенная концепция стала краеугольным камнем историографии Реформации в Германии и других европейских странах. В ряде случаев рассматривается ее примененеие в связи с историей России. Автор анализирует параллели между конфессионализацией в Германии периода Реформации и программой реформы единоверия, начатой о. Симеоном Шлеевым после 1905 г. По выводам автора, хотя использование этой концепции в отношении истории единоверия начала XX в. открывает новые возможности для историков, применять ее к этим процессам следует с осторожностью, принимая во внимание особенности единоверия.

Ключевые слова: конфессионализация; единоверие; старообрядчество; немецкая Реформация; православие; Симеон Шлеев; Поместный собор 1917—1918 гг.

Единоверие было основано в 1800 г. митрополитом Платоном с целью привлечения старообрядцев в лоно официальной церкви. В обмен на их лояльность обращенные получали возможность использовать свои старые обряды, отвергнутые церковью в 1666–1667 гг. [Палкин; Уайт]. Хотя концептуальное осмысление этого движения как западными, так и российскими историками далеко от завершения, я бы хотел представить потенциал (а вместе с ним и проблемы) применения в отношении истории единоверия так называемой концепции конфессионализации, сформулированной при изучении Реформации в Германии. Обращение к данной теории в связи со становлением идейной основы единоверия позволит рассматривать последнее как конфессию или, точнее, как протоконфессию. В своих предшествующих работах, включая диссертацию, я применял понятие конфессионализации ко всей истории единоверия [White, p. 12–19].

Конфессионализация: определение понятия и границы применения

Для начала необходимо определить, что такое конфессионализация и в контексте какой теории она развивалась. В 1980-х гг. два немецких историка, Хайнц Шиллинг и Вольфганг Райнхард, каждый по отдельности одновременно решали проблему развития государства в Германии в период раннего Нового времени [Schilling; Reinhard]. Оба полагали, что время между Реформациями Лютера и Кальвина и Тридцатилетней войной имело важнейшее значение для понимания развития сильных государств эпохи просвещенного абсолютизма, возникших в конце XVII – начале XVIII в. [Brady, p. 4–5]. Хотя они рассматривали различный материал (Шиллинг занимался северными землями и протестантским населением, а Райнхард – Южной Германией, заселенной католиками), они разработали схожие концепции, позволившие показать фундаментальное значение периода между 1540 и 1620 г. для истории немецкой государственности. Несмотря на то, что созданные ими хронологии различались, а акценты были расставлены на разных аспектах изучаемого периода, их труды признаны основой теории конфессионализации.

Суть ее в следующем. После лютеранской и кальвинистской Реформации протестанты и католики вступили в борьбу друг с другом за новых верующих, включая элитные слои немецкого общества. В ходе этой борьбы лидеры каждой ветви христианства начали более строго отделять свою группу от оппонентов. Главное значение в этом процессе имело определение особой доктрины, которое служило для отделения этих различных религиозных общин друг от друга, для формирования отдельного набора обрядов и даже особой лексики. Все это способствовало установлению границ между религиозными идентичностями. Задача распространения сформулированных док-

трин и практики обрядов вызвала развитие и дальнейшую институционализацию системного образования священников, миссионерской работы, проповедей, публикаций в печати, школ, инструментов цензуры и церковного управления [Reinhard, p. 390, 391–395]. Таким образом, ко второй половине XVI в. сформировались сильно разграниченные, высокоорганизованные и противостоящие друг другу конфессии. Иными словами, имел место процесс конфессионализации. Неудивительно, что в атмосфере, где даже относительно незначительные обрядовые различия рассматривались как маркеры конфессиональной идентичности, было трудно найти основания для компромисса. Именно следствием этого, считает Шиллинг, явилась кровавая Тридцатилетняя война. «Триумф конфессионализации в Германии может быть описан… как путь… к катастрофе саморазрушительной гражданской и международной войны» [Schilling, p. 241].

Важно отметить, что суть процесса конфессионализации заключалась как в борьбе с религиозными оппонентами, так и в выработке стратегии, благодаря которой человек становился убежденным католиком, лютеранином или кальвинистом. Также этот процесс заключался в создании и распространении социальной дисциплины среди населения, трансформации поведения и мышления людей в соответствии с «правильными» общественными и религиозными шаблонами: «стремление к укреплению конфессионального единообразия правителями многих территорий привело к интенсификации попыток усиления порядка в обществе и в домохозяйствах» [Hsia, p. 122]. По мнению Шиллинга, церкви обладали «социальной функцией принуждения людей... к соблюдению религиозных и этических стандартов соответствующих конфессиональных систем, бывших в то же время и нормами дисциплинированного, рационально организованного общества Нового времени» [Schilling, p. 233]. В этом были заинтересованы и немецкие князья. Развитие строго оформленных и хорошо организованных конфессий давало им определенные преимущества, так как церкви, священники и епископы, в особенности у протестантов, были агентами государства. Следовательно, распространение и развитие церковной администрации означало распространение и развитие администрации светской. Зачастую князья были кровно заинтересованы в религиозном единстве своих территорий, что упрощало контроль над подданными, привлечение их к военной или гражданской службе, сбор налогов и распространение господствующей идеологии. Это вело к более сильной интеграции между государством и церковью: «очевидно, церковь и государство сотрудничали везде с целью ликвидации автономных частей из единого тела христианской общины… посредством утверждения соответствующей религиозной доктрины и практики среди членов религиозной группы» [Reinhard, p. 390]. Вероятно, конфессионализация привела к появлению в Германии более сильных государств, послуживших основой для абсолютизма XVIII в.: «структуры и институты

конфессионализированных церквей в Германии функционировали, как правило, в соответствии с ранними тенденциями к абсолютизму, имевшими место в княжеских территориальных государствах» [Schilling, p. 233–234].

Нетрудно понять, почему эта теория стала популярной среди историков. В ней продуктивно сплетаются религиозные, политические, социальные и культурные аспекты, составляющие целостную историю развития Германии раннего Нового времени: «конфессионализация означает фундаментальный общественный процесс, который имеет долгосрочный эффект и оказывает влияние на публичную и частную жизнь отдельных европейских обществ» [Ibid., p. 209]. При использовании этой концепции невозможно игнорировать религиозные факторы из истории государственности Священной Римской империи. Так, несмотря на некоторую критику (в частности, касающуюся того, что ее взгляд сверху слишком сильно сфокусирован на светских и церковных элитах и игнорирует обычных людей) [Lotz-Heumann, 2001, p. 109–111], концепция конфессионализации остается в историографии актуальной уже довольно продолжительное время. Многие исследователи обращались к ней, анализируя религиозную историю различных стран и регионов, например, Ирландии [Spurlock; Lotz-Heumann, 2000], Голландии [Kaplan], Трансильвании [Keul, p. 239–270], Франции [Benedict], Англии [Marshall] и т. д. или в отношении более позднего времени [Harrington, Smith]. Увлечение концепцией привело одного из историков к утверждению, что XIX в. может рассматриваться в качестве «второй эры конфессионализма» [Blaschke].

Очевидно, в процессе применения этой концепции к более позднему времени ученые должны были ее адаптировать. По мнению ряда исследователей, не всегда в процесс конфессионализации было интенсивно вовлечено государство. В некоторых случаях данная концепция применялась к религиозным группам, существовавшим вне государства или в оппозиции к нему, таким как меннониты [Driedger]. Шиллинг, не избегая противоречий, заложенных в теории, также соглашается, что, хотя интегративные аспекты конфессионализации в целом определяли процесс, она «также действовала как катализатор для религиозной, политической и социальной оппозиции» [Schilling, p. 239]. Это привело к развитию двух вариантов этой концепции: «жесткой» версии, утверждавшей, что развитие государства происходило через конфессионализацию, и «мягкой», при которой патронирование государства по большей части было исключено [Headley, p. 24–25]. Как писал Т. Брэйди: «если отбросить связь [между церковью и государством], конфессионализация демонстрирует всю свою естественную мощь в плане описания всех христианских религиозных общин в Европе раннего Нового времени» [Brady, p. 15]. Разницу во взглядах Шиллинга и Райнхарда определил У. Лотц-Хейман: «Анализ Райнхарда в большей мере концентрируется на том, что можно назвать “конфессионализацией церквей”, Шиллинг же больше внимания уделяет

значению конфесионализации в государстве и обществе», – пишет он [Lotz-Heumann, 2001, p. 99]. Следовательно, отсутствие видимых связей между церковью и государством или даже конфликт между ними не должны рассматриваться как препятствие для использования понятия конфессионализации.

Российский контекст конфессионализации

В истории России и других славянских стран были востребованы обе версии конфессионализации. С. Плохий, например, использовал «жесткую» версию для объяснения формирования более четко очерченной православной конфессии и усилившейся Запорожской Сечи на Украине в начале XVII в. [Plokhy]. Г. Фриз использовал «мягкую» версию, чтобы понять, как давление религиозного разнообразия в Российской империи было связано с программами институционализации в Русской православной церкви и с созданием православной конфессии, отличающейся от других (католицизма, униатства, старообрядчества и т. д.) [Freeze, p. 297]. А. Лавров в его очень значимой работе о русских суевериях предполагал, что необходимость бороться с иррациональным поведением русского населения привела к конфессионализации Русской православной церкви в начале XVIII в. при Петре I и его ближайших наследниках: это касалось строгого определения православия, модернизации государственной и церковной системы управления и т. д. [Лавров]. Б. Скиннер использовала концепт конфессионализации для понимания борьбы Русской православной и униатской церквей в XVIII в. на спорных приграничных территориях между Россией и Речью Посполитой [Skinner].

Единоверие как проявление процесса конфессионализации

В чем состоит проблема единоверия в 1905–1918 гг.? Можно ли развитие единоверия в этот период рассматривать как конфессионализацию и, следовательно, возможно ли рассматривать единоверие как конфессию? Здесь есть действительно интересные параллели (подробнее см.: [White, p. 223–258]).

После манифеста об укреплении начал веротерпимости в апреле 1905 г. появилось то, что можно назвать доктриной единоверия. Ее автором были Симеон Шлеев и его сторонники, заинтересованные в системной реформе единоверия. Хотя эти документы нельзя назвать *confessio* в строгом смысле (то есть как у Жана Кальвина), в них устанавливалось определение единоверия, прописывалось понятие о том, что значит быть единоверцем, определялись стратегия поведения и направление мысли. Интересны особенности изложения в этих документах. Определение единоверия дано не в позитивном ключе (что есть единоверие), а в негативном (чем единоверие не является). Парадигмальной в этом плане яв-

Уфимский епископ Симон Шлеев

Ufa bishop Simon Shleyev

ляется история единоверия, изданная Шлеевым в 1910 г., где это движение рассматривается в противостоянии с православными иерархами и церковной администрацией [Шлеев, 1910].

Единоверие характеризовалось как движение благочестивое, аутентичное, русское, органичное, строгое, традиционное и общинное и противопоставлялось официальному православию – секуляризованному, бюрократизированному, вестернизированному, искусственному и т. д. Например, говоря о традиции церковных песнопений, Шлеев заявлял, что «единоверцы держатся обычая Вселенской Церкви», тогда как православная церковь «усвоила итальянское пение» [Первый всероссийский съезд, с. 73]. В то же время в отношении образования его близкий соратник Григорий Дрибинцев утверждал, что единоверческие школы «должны стоять на традиционной почве», но благодаря православным учителям «школа развивает в учениках любовь к земному, а не к небесному» [Дрибинцев, с. 2]. В основном Шлеев и его последователи отделяли единоверие от официального православия, говоря о том, каким единоверие было и каким оно должно быть. Они также последовательно утверждали, что каноническая легитимность единоверческого священства и связь единоверия с вселенским православием отделяли единоверцев и от старообрядцев-раскольников.

Шлеев и его сторонники трактовали традиционный обряд как первейший и наиболее важный маркер отличия единоверия от официального православия. Дониконовские обряды в их понимании были источниками единоверческого благочестия, аутентичности и чистоты их религиозного быта (см.: [Вятский единоверческий съезд, с. 1078–1079]). В то время как церковь в этот период настаивала на том, что обрядовая сторона имеет второстепенное значение, и она не должна быть причиной расхождений единоверцев и официального православия, сторонники Шлеева намеренно заявляли о важности обрядов как маркеров и носителей особой формы религиозности и, потенциально, религиозной идентичности: «С другим богослужением единоверческие церкви теряют смысл своего существования, они не удовлетворяют тем целям, для коих учреждены» [Первый всероссийский съезд, с. 71]. Подобное внимание к обрядовости схоже с тем, каким образом обряды были превращены в маркеры религиозной идентичности после немецкой Реформации и Контрреформации [Nischan; Halvorson].

Для защиты и распространения традиционных обрядов Шлеев разработал комплексную схему институционализации единоверия. В 1905 г. он предложил поставить специального единоверческого

епископа, находящегося в подчинении Синода [Шлеев, 1910, с. 240–242], а в 1917 г. он же настаивал на целой иерархии единоверческих епископов, ответственных только перед патриархом и Поместным собором [Второй всероссийский съезд, с. 79–89]. Под управлением этих иерархов предполагалось создать целую сеть, состоящую из единоверческих съездов, школ и образовательных учреждений для духовенства и направленную на защиту единоверческих обрядов [Первый всероссийский съезд, с. 143–147]. Предполагалось, что данные институты должны были подчиняться единоверческому иерарху (или иерархам) и вышестоящим инстанциям, что должно было снизить зависимость от официального православия и централизовать движение под единым лидерством [Шлеев, 1910, с. 245]. Деятельность таких институтов, по выражению священника-единоверца И. Егорова, «стремится к единению всех единоверцев во всей России в одно тесно сплоченное родственное общество» [Егоров, с. 12].

Основанный Шлеевым журнал «Правда православия»[1] был печатным органом, нацеленным на представление единоверческого взгляда на события и на распространение собственной доктрины. Редакцией специально отмечалось, что «в журнале доброе место будет отводиться объяснению богослужения, обрядов, обычаев Церкви» [Вниманию единоверцев, с. 1]. Посредством чтения новостей единоверческих приходов, разбросанных по всей империи, единоверцы могли в большей степени почувствовать себя всероссийским движением, объединенным главным – практикой использования старого обряда в рамках официальной церкви [White, p. 253; Письма в редакцию, с. 15]. Шлеев и другие надеялись, что эти институты не только защитят единоверческие обряды, но и усовершенствуют их посредством стирания региональных различий и пропаганды единой версии этих обрядов [Вятский единоверческий съезд, с. 1090]. Подобно тому, как, по наблюдению Райнхарда, издательская деятельность имела решающее значение для Реформации [Reinhard, p. 391–392], книгопечатание должно было стать ключевой частью процесса сохранения идентичности единоверия. Шлеев и его сторонники многократно предлагали издавать и распространять богослужебные книги (см., например: [Второй всероссийский съезд, с. 24, 62]). Все это полагалось необходимым для защиты единоверческих обрядов и религиозной жизни от посягательств и насилия со стороны православных иерархов, священников и синодальных бюрократов: «управление единоверческими церквями необходимо сосредоточить в более надежных руках, теперь же изъяв его из ведения консистории и т[ому] под[обных] чуждых староцерковности чернильных учреждений» [Единоверец, с. 14].

[1] «Правда православия» в декабре 1906 – январе 1907 г. выходила под названием «Глагол времен». Переименование было связано с тем, что Синоду не понравился девиз «Духовный орган за свободу и независимость», использовавшийся в газете, а также содержание статей, посвященных проблемам реформирования церкви. Однако под давлением властей от девиза все равно пришлось отказаться, и редакцией было принято решение вернуть прежнее название [РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 7252. Л. 9].

Упомянутые институты позволили бы лидерам единоверия достичь беспрецедентного контроля над членами единоверческой церкви. Единоверческие епископы, наиболее образованное духовенство и монахи, регулярные съезды, органы администрации и перепись, предполагавшаяся в 1917 г., позволили бы единоверческим лидерам не только наблюдать за богослужением и религиозным поведением в единоверческих церквях по всей Российской империи, но также «исправлять» различные «отклонения» в религиозной жизни, обрядовых действиях и общественной морали [Второй всероссийский съезд, с. 85, 100–105].

В итоге предложенная реформа должна была защитить единоверие от официального православия и отграничить первое от второго, а также защитить дониконовские обряды как основу существования движения. Наконец, вся эта программа имела подтекст социального дисциплинирования (то есть формирования желательного поведения посредством надзора). Сравнение по выявленной системе параметров процессов конфессионализации в российском православии и Европе дает основание рассматривать период 1905–1918 гг. как время конфессионализации единоверия, что потенциально могло привести к созданию единоверческой конфессии.

Конфессионализация: внутренние и внешние противоречия

Шлеев и другие единоверческие и церковные лидеры были едины во мнении, что единоверие не может рассматриваться как конфессия, отдельная от официального православия: «в России внутри одного и того же восточного православного исповедания и в недрах одной и той же Христовой Церкви находятся два равноправославных обрядства» [Шлеев, 1901, с. 18]. Это означает, что термин «конфессионализация» может быть неисторичным. Возможно, здесь стоит подумать об идее «конфессии внутри конфессии», но такая концепция требует дальнейших исследований для проверки ее обоснованности.

Особенность ситуации в России заключалась в том, что государство не участвовало в этом процессе. В 1905–1918 гг. власть была абсолютно не заинтересована в развитии единоверия, поскольку в 1905 г. было принято решение о легализации старообрядчества. Шлеев и его сторонники также поддерживали реформы церковно-государственных отношений, направленные на значительное расширение автономии церкви [White, p. 205]. Это расходится с «жесткой» версией концепции конфессионализации, утверждающей ключевую роль церковно-государственной интеграции. Однако остается возможность использования «мягкой» версии для концептуализации развития единоверия в этот период, поскольку эта теория исключает роль государства.

Надо заметить, что немногие из планов Шлеева были действительно воплощены, а результаты тех, что успели реализовать, советская власть уничтожила; к тому же, ему противостояла сильная оппозиция, причем не только в лице официальной церкви, но и изнутри самого еди-

новерия. Таким образом, применяя концепцию конфессионализации к единоверию, необходимо учитывать, что изначально процессу конфессионализации была свойственна двойственность. Оппозиция, с которой столкнулся Шлеев, могла полностью повлиять на ход изменений, если бы не случилась революция 1917 г. В связи с этим предпочтительнее говорить о единоверии как о протоконфессии. Многие исследователи полагают, что Шиллинг и Райнхард были слишком оптимистичны, полагая, что конфессионализация завершилась в 1530–1720-е гг. Э. Франсуа отмечал, что в полной мере конфессионализация не была пройдена всеми верующими ранее начала XIX в. [Francois]: более того, «теперь признается, что, по крайней мере, в германских землях настоящий пик конфессиональных культур и их влияния на общественную жизнь приходится, вероятно, на XIX век» [Brady, p. 13]. Таким образом, даже если бы предложения Шлеева были реализованы в начале XX в., нет оснований полагать, что единоверие стало бы конфессией немедленно – это могло занять продолжительное время.

Тем не менее, несмотря на все эти проблемы, рассмотрение единоверия в качестве конфессии или протоконфессии может иметь смысл для более глубокого понимания явления. Во-первых, это даст возможность лучше определить и концептуализировать единоверие в контексте общественно-религиозного развития, чтобы не рассматривать это движение только через призму теологии. Это, надеюсь, подтолкнет к рассмотрению слабо изученных аспектов единоверия, что, в частности, важно для понимания его связи с более глубокими процессами, определяющими отношения между церковью, государством и старообрядчеством (или религиозными инакомыслящими вообще). Во-вторых, понимание единоверия в контексте конфессионализации открывает путь для потенциального сравнения с ситуацией в других европейских странах и может демонстрировать вовлеченность официального православия и единоверия как его части в европейские тенденции. В-третьих, оно предоставит возможность принять обоснованное участие в обсуждении концепции конфессионализации, особенно если появится больше исследований, использующих ее в связи с историей событий начала XX в. Другими словами, все это даст толчок для обсуждения процесса конфессионализации в период модернизации, национализма и религиозной свободы [Harrington, Smith].

В заключение замечу, что высказанные положения следует расценивать более как постановку проблемы, чем ее решение. Надеюсь, что статья откроет путь к плодотворной дискуссии, следствием чего будут новые направления исследований феномена единоверия и конфессионализации.

Список литературы

Вниманию единоверцев // Правда православия. 1907. № 2. С. 1–2.

Второй всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) в Н. Новгороде, 23–28 июля 1917 года. Петроград : Тип. О-ва распространения религ.-нравств. просвещения, 1917.

Вятский единоверческий съезд (10–17 июня 1908 г.) и его постановления // Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 41. С. 1070–1084; № 42. С. 1089–1097; № 43. С. 1117–1125; № 44. С. 1155–1162; № 45. С. 1182–1191.

Дрибинцев Г. Церковная школа в единоверческом приходе // Правда православия. 1908. № 22–23. С. 1–4.

Единоверец : Епархиальное начальство в роли искатели единоверия // Правда православия. 1907. № 2. С. 12–14.

Егоров И. К вопросу о всероссийском братстве староправославных // Глагол времен. 1906. № 13. С. 11–13.

Лавров А. С. Колдовство и религии в России, 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 576 с.

Палкин А. С. Единоверие в конце 1820-х – 1850-е годы: механизмы государственного принуждения // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 88–106.

Первый всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев). СПб. : Б. и., 1912.

Письма в редакцию // Правда православия. 1906. № 10. С. 15–16.

Уайт Д. М. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 201–223.

Шлеев С. Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской церкви. СПб. : Типолит. В. В. Комарова, 1901. 71 с.

Шлеев С. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). СПб. : Синод. тип., 1910. 364 + 2 с.

Benedict P. Confessionalization in France? Critical Reflections and New Evidence // The Faith and Fortunes of France's Huguenots : 1600—1685 / ed. P. Benedict. Aldershot : Ashgate, 2001. P. 309–326.

Blaschke O. Der "Dämon des Konfessionalismus" Einführende Überlegungen // Konfessionen im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: Ein zweites konfessionelles Zeitalter / ed. O. Blaschke. Gottingen : Vanderhoech & Ruprecht, 2002. P. 13–69.

Brady Jr. T. A. "Confessionalization": The Career of a Concept // Confessionalization in Europe, 1555—1700 : Essays in Honour and Memory of Bodo Nischan / eds. J. M. Headley, H. J. Hillerbrand, and A. K. Papalas. Aldershot : Ashgate, 2004. P. 1–20.

Brüning A. Confessionalization in the Slavia Orthodoxa (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept // Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe : Encounters of Faiths / ed. T. Bremer. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. P. 66–120.

Driedger M. D. Obedient Heretics : Mennonite Identities in Lutheran Hamburg and Altona during the Confessional Age. Aldershot : Aldershot and Burlington, 2002.

Francois E. Die unsichtbare Grenze : Protestanten und Katholiken in Augsburg 1648–1806. Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 2002. 304 p.

Freeze G. L. Russian Orthodoxy: Church, People, and Politics in Imperial Russia // Cambridge History of Russia / ed. D. Lieven. Vol. 2. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 284–305.

Halvorson M. J. Theology, Ritual, and Confessionalization : The Making and Meaning of Lutheran Baptism in Reformation Germany, 1520–1816 : PhD. Dissertation. Washington : Univ. of Washington, 2001.

Harrington J. F., Smith, H. W. Confessionalization, Community, and State Building in Germany, 1555–1870 // The J. of Modern History. 1997. Vol. 69, № 1. P. 77–101.

Headley J. M. Introduction // Confessionalization in Europe, 1555—1700 : Essays in Honour and Memory of Bodo Nischan / eds. J. M. Headley, H. J. Hillerbrand and A. K. Papalas. Aldershot : Ashgate, 2004. P. 17—25.

Hsia R. Po-Chia. Social Discipline in the Reformation: Central Europe 1550–1750. L. ; N. Y. : Routledge, 1989.

Keul I. Early Modern Religious Communities in East-Central Europe : Ethnic Diversity, Denominational Plurality, and Corporative Politics in the Principality of Transylvania (1526–1691). Leiden : Brill, 2009. 313 p.

Kaplan B. J. Confessionalism and Its Limits : Religion in Utrecht, 1600–1650 // Masters of Light: Dutch Painters in Utrecht during the Golden Age / eds. J. A. Spicer and L. F. Orr. N. L. : Haven, 1997. P. 60–71.

Lotz-Huemann U. Die doppelte Konfessionlisierung in Irland : Konflikt und Koexistenz im 16 und in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Tubingen : Mohr Siebeck, 2000.

Lotz-Heumann U. The Concept of "Confessionalization" : A Historiographical Paradigm in Dispute // Memoria y Civilizacion. 2001. № 4. P. 93–114.

Marshall P. Confessionalization and Community in the Burial of English Catholics, c. 1570—1700 // Getting Along? Religious Identities and Confessional Relations in Early Modern England / eds. N. Lewycky and A. Morton. Farnham : Ashgate, 2012. P. 57–77.

Nischan B. Ritual and Protestant Identity in Late Reformation Germany // Protestant History and Identity in Sixteenth-Century Europe / ed. B. Gordon. Vol. 2. Aldershot : Scholar Press, 1996. P. 142–159.

Plokhy S. The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. 401 p.

Reinhard W. Reformation, Counter-Reformation, and the Early Modern State : A Reassessment // The Catholic Historical Rev. 1989. Vol. 75, № 3. P. 383–404.

Skinner B. The Eastern Church Between Poland and Russia : Identity and Conflict in the Era of Partition. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2009.

Schilling H. Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society : Essays in German and Dutch History. Leiden : Brill, 1992.

Spurlock R. S. Confessionalization and Clan Cohesion: Ireland's Contribution to Scottish Catholic Renewal in the Seventeenth Century // Recusant History. 2012. Vol. 31, № 2. P. 171–94.

White J. M. A Bridge to the Schism : Edinoverie, Russian Orthodoxy and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918 : PhD. dissertation. Florence : European Univ. Institute, 2014.

References

Benedict, P. (2001). Confessionalization in France? Critical Reflections and New Evidence. In *The Faith and Fortunes of France's Huguenots : 1600—1685* (pp. 309–326). Aldershot, Ashgate Publ.

Blaschke, O. (2002). Der "Dämon des Konfessionalismus" Einführende Überlegungen. In Blaschke, O. (Ed.). *Konfessionen im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: Ein zweites konfessionelles Zeitalter* (pp. 13–69). Gottingen, Vanderhoech & Ruprecht.

Brady, Jr. T. A. (2004). "Confessionalization": The Career of a Concept. In Headley, J. M., Hillerbrand, H. J. & Papalas, A. K. (Eds.). *Confessionalization in Europe, 1555–1700 : Essays in Honour and Memory of Bodo Nischan* (pp. 1–20). Aldershot, Ashgate.

Brüning, A. (2008). Confessionalization in the Slavia Orthodoxa (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept. In Bremer, T. (Ed.). *Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe. Encounters of Faiths* (pp. 66–120). Basingstoke, Palgrave Macmillan.

Dribintsev, G. (1908). *Tserkovnaya shkola v edinovercheskom prikhode* [Church School in an Old Believer Parish]. In *Pravda pravoslaviya, 22–23,* pp. 1–4.

Driedger, M. D. (2002). *Obedient Heretics : Mennonite Identities in Lutheran Hamburg and Altona during the Confessional Age.* 224 p. Aldershot, Ashgate.

Edinoverets : *Eparkhial'noe nachal'stvo v roli iskateli edinoveriya* [The Diocesan Administration in the Role of Searchers for Edinoverie]. (1907). In *Pravda pravoslaviya, 2,* pp. 12–14.

Egorov, I. (1906). *K voprosu o vserossyskom bratstve staropravoslavnykh* [With Regards to the Question about an All-Russian Fraternity of the Old Orthodox]. In *Glagol vremen, 13,* pp. 11–13.

Francois, E. (2002). *Die unsichtbare Grenze : Protestanten und Katholiken in Augsburg 1648–1806.* 304 p. Gottingen.

Freeze, G. L. (2006). Russian Orthodoxy: Church, People, and Politics in Imperial Russia. In Lieven, D. (Ed.). *Cambridge History of Russia.* Vol. 2, pp. 284–305. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Halvorson, M. J. (2001). *Theology, Ritual, and Confessionalization : The Making and Meaning of Lutheran Baptism in Reformation Germany, 1520–1816 : PhD. Dissertation.* Washington, Univ. of Washington.

Harrington, J. F. & Smith, H. W. (1997). Confessionalization, Community, and State Building in Germany, 1555–1870. In *The Journal of Modern History, Vol. 69, № 1,* pp. 77–101.

Headley, J. M. (2004). Introduction. In Headley, J. M., Hillerbrand, H. J. & Papalas, A. K. (Eds.). *Confessionalization in Europe, 1555–1700 : Essays in Honour and Memory of Bodo Nischan* (pp. 17–25). Aldershot, Ashgate.

Hsia, R. Po-Chia (1989). *Social Discipline in the Reformation: Central Europe 1550–1750.* London, New York, Routledge.

Kaplan, B. J. (1997). Confessionalism and Its Limits: Religion in Utrecht, 1600–1650. In Spicer, J. A. & Orr, L. F. (Eds.). Masters of Light: Dutch Painters in Utrecht during the Golden Age (pp. 60–71). Baltimore, San Francisco, L., N. Haven.

Keul, I. (2009). *Early Modern Religious Communities in East-Central Europe. Ethnic Diversity, Denominational Plurality, and Corporative Politics in the Principality of Transylvania (1526–1691).* xvii, 313 p. Leiden, Brill.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religii v Rossii, 1700–1740 gg.* [Sorcery and Religion in Russia, 1700–1740]. 576 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Lotz-Huemann, U. (2000). *Die doppelte Konfessionlisierung in Irland : Konflikt und Koexistenz im 16 und in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts.* Tubingen, Mohr Siebeck.

Lotz-Heumann, U. (2001). The Concept of "Confessionalization": A Historiographical Paradigm in Dispute. In *Memoria y Civilizacion, 4,* pp. 93–114.

Marshall, P. (2012). Confessionalization and Community in the Burial of English Catholics, c. 1570—1700. In Lewycky, N. & Morton, A. (Eds.). *Getting Along? Religious Identities and Confessional Relations in Early Modern England* (pp. 57–77). Farnham, Ashgate.

Nischan, B. (1996). Ritual and Protestant Identity in Late Reformation Germany. In Gordon, B. (Ed.). *Protestant History and Identity in Sixteenth-Century Europe.* Vol. 2, pp. 142–159. Aldershot, Scholar Press.

Palkin, A. S. (2014). *Edinoverie v kontse 1820-kh – 1850-e gody: mekhanizmy gosudarstvennogo prinuzhdeniya* [Edinoverie from the end of the 1820s to the 1850s: Mechanisms of State Persecution]. In *Quaestio Rossica, 3,* pp. 88–106.

Pervyy vserossyskiy s"ezd pravoslavnykh staroobryadtsev (edinovertsev) [The First All-Russian Congress of Orthodox Old Believers (Edinovertsy)]. (1912). Saint Petersburg.

Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the Editor]. (1906). In *Pravda pravoslaviya, 10,* pp. 15–16.

Plokhy, S. (2001). *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine.* 401 p. Oxford, Oxford University Press.

Reinhard, W. (1989). Reformation, Counter-Reformation, and the Early Modern State: A Reassessment. In *The Catholic Historical Review, Vol. 75, № 3,* pp. 383–404.

Schilling, H. (1992). *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society : Essays in German and Dutch History.* Leiden, Brill.

Shleev, S. (1901). *Edinoverie i ego stoletnee organizovannoe sushchestvovanie v Russkoy tserkvi* [Edinoverie and its Century in the Russian Church]. 71 p. Saint Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova.

Shleev, S. *Edinoverie v svoem vnutrennem razvitii (v raz"yasnenie ego malorasprostranennosti sredi staroobryadtsev)* [Edinoverie in its Internal Development (in Explanation of its Limited Spread among the Old Believers)]. (1910). 364 + 2 p. Saint Petersburg, Sinodal′naya tip.

Skinner, B. (2009). *The Eastern Church Between Poland and Russia: Identity and Conflict in the Era of Partition.* DeKalb, Northern Illinois Univ. Press.

Spurlock, R. S. (2012). Confessionalization and Clan Cohesion: Ireland's Contribution to Scottish Catholic Renewal in the Seventeenth Century. In *Recusant History, Vol. 31, № 2,* pp. 171–94.

Vnimaniyu edinovertsev [To the Attention of the Edinovertsy]. (1907). In *Pravda pravoslaviya, 2,* pp. 1–2.

Vtoroy vserossysky s"ezd pravoslavnykh staroobryadtsev (edinovertsev) v N. Novgorode, 23–28 iyulya 1917 goda [The Second All-Russian Congress of Orthodox Old Believers (Edinovertsy) in Nizhnii Novgorod, 23–28 July 1917]. (1917). Petrograd, Tipografiya O-va raspr. rel.-nrav. prosveshch.

Vyatskiy edinovercheskiy s"ezd (10–17 iyunya 1908 g.) i ego postanovleniya [The Viatka Edinoverie Congress (10–17 June 1908) and its Provisions]. (1908). In *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti, 41,* pp. 1070–1084; *42,* pp. 1089–1097; *43,* pp. 1117–1125; *44,* pp. 1155–1162; *45,* pp. 1182–1191.

White, J. M. (2014). *A Bridge to the Schism : Edinoverie, Russian Orthodoxy and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918 : PhD. dissertation.* Europ. Univ. Institute.

White J. M. (2015). *Edinoverie i ofitsial'noe pravoslavie: neudavshiysya opyt ob"edineniya v praktike publichnykh tseremoniy (1900–1913)* [Edinoverie and Official Orthodoxy: The Failure of Unity in Ceremonial Practice]. In *Quaestio Rossica, 2,* pp. 201–223.

Translated by Alexander Palkin
This article was submitted on 04.04.2016

© Palkin A., translation, 2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.200
УДК 277.4(470.5)+27-76(470.5)247/278+311.3

РОССИЙСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: БАПТИСТЫ И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ НА УРАЛЕ*

Елена Главацкая
Надежда Попова
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

RUSSIAN RELIGIOUS NON-CONFORMISM IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: BAPTISTS AND EVANGELICAL CHRISTIANS IN THE URALS**

Elena Glavatskaya
Nadezhda Popova
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article focuses on Russian religious non-conformists (Baptists and Evangelical Christians) from the late 19th century until 1929. The research is based on the analysis of various historical, archival, and personal sources, as well as oral and printed sources, photographs and legislation, and the First Russian Census of 1897. The authors also collected materials during field research among the Yekaterinburg Baptists in 2014–15 (field materials from N. Yu. Popova's archive) and used documents from the personal archive of Yekaterinburg's Baptist community leader P. D. Yakovlev. As a result,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в.)».

** *Citation*: Glavatskaya, E., Popova, N. (2016). Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

Цитирование: *Glavatskaya E., Popova N.* Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200 / *Главацкая Е., Попова Н.* Российский религиозный нонконформизм в конце XIX – первой четверти XX в.: баптисты и евангельские христиане на Урале // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

© Главацкая Е., Попова Н., 2016

they managed to define the dynamics of Baptist and Evangelical Christian growth and distribution in the Urals and to demonstrate their ethnic and gender composition and literacy level. The article shows that the Evangelical movement started to develop in the Central Urals later than in other regions of Russia and embraced ethnic Russians with a relatively high level of literacy. This could be because of the Central Urals' special status as a mining and metal producing region that did not play host to exiles. In addition, it was one of the strongholds of the Old Believers, the representatives of an older form of Russian nonconformity. Yekaterinburg was the centre of religious non-conformists in the Urals and had the largest Baptist congregation in the region by the end of the 1920s. The Ural Evangelical movement developed in the same way as in Europe, attracting socially active and mobile urban youth and women. The authors argue that, although it was in opposition to the Orthodox Church, the Evangelical movement presented no danger to the state, but rather contributed to the development of civil society in late 19th- and early 20th-century Russia.

Keywords: Baptists and Evangelical Christians in Russia; religious conformism; 1897 Russian census; Urals; Protestantism; religions in Soviet Russia.

Рассмотрен феномен российского религиозного нонконформизма на примере истории евангельского движения на Урале, прежде всего баптистов и евангельских христиан, с конца XIX в. до 1929 г. На основании широкого круга исторических источников архивного, личного, устного и печатного генезиса, а также фотодокументов и данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи проанализированы динамика численности и расселение баптистов и евангельских христиан Среднего Урала; определен этнический и гендерный состав представителей этих движений, уровень их грамотности. Кроме того, привлечена информация, полученная в ходе полевых исследований среди членов церкви баптистов Екатеринбурга (полевые материалы из личного архива Н. Ю. Поповой) и архив руководителя общины баптистов г. Екатеринбурга П. Д. Яковлева. Установлено, что развитие евангельского движения на Среднем Урале началось позднее, чем в остальных регионах России, что могло быть следствием особого статуса горнозаводского Урала и высокой концентрации старообрядческих общин – оплота раннего российского религиозного нонконформизма. Екатеринбург стал центром евангельских движений на Урале уже в конце XIX в., а к концу 1920-х гг. в городе существовали активные общины баптистов и евангельских христиан. Евангельское движение динамично развивалось на Урале в том же направлении, что и аналогичные церкви в Европе, привлекая социально активные и мобильные слои городской молодежи и женщин. Авторы предлагают рассматривать евангельские общины как общественные организации, находившиеся в оппозиции официальной религиозности, что способствовало развитию гражданского общества в стране в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: баптисты и евангельские христиане России; религиозный нонконформизм; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; протестантизм; Урал; религии в Советской России.

Модернизация российского общества во второй половине XIX в. проявилась, помимо других форм, в небывалом развитии религиозного нонконформизма. Под нонконформизмом понимается инакомыслие, а также активные действия индивида или группы людей, направленные на реализацию своих представлений в жизнь вопреки официально признанным установкам и ценностям в условиях реальной угрозы благополучию и жизни[1]. В Европе к нонконформистам относили представителей евангельских общин – баптистов, методистов, пятидесятников и т. д., вышедших из лона государственных церквей, как правило, англиканской и лютеранской. В российской науке, публицистике и, к сожалению, в учебной литературе феномен религиозного нонконформизма характеризовался как «сектантство». Этот термин, заимствованный из церковной традиции, активно боровшейся с инакомыслием, содержит негативную коннотацию, что мешает принимать его как феномен развития религиозной мысли, соотнесенный с общественной динамикой.

Несогласие с установками официальной церкви и стремление их скорректировать имели в стране глубокие исторические корни. Проявлениями религиозного нонконформизма можно считать «ереси» и раскол в Русской православной церкви в XVII в., немногочисленные случаи перехода православных в лютеранство и католицизм на протяжении XVIII–XIX вв., а также распространение мистических учений. Государство отвечало на это ужесточением законодательства, уголовным преследованием за «преступления против религии» и попытками достигнуть компромисса там, где это было возможно. Церковь, в свою очередь, активизировала миссионерскую деятельность.

Изменившийся политический климат второй половины XIX в. привел к широкому распространению в стране новых общественных организаций, в том числе религиозных общин евангельской направленности. Это были протестантские церкви, зародившиеся в Европе XVII в., изгнанные в Америку, где они окончательно сформировались, а потом вернулись уже в новом статусе. Успех распространения евангельских движений в России объясняли несколькими факторами, в том числе духовным поиском, проповедью новых идей миссионерами, кризисным состоянием Русской православной церкви и т. д. [Beermann; Апанасенок, Бубнов, с. 169–171]. Значительную роль сыграл и рост миграций в результате модернизации, войн и социальных потрясений начала XX в. [Coleman].

История политики в отношении баптистов и евангельских христиан в России имеет сложившуюся историографию [Митрохин;

[1] Термин «нонконформизм» происходит от английского «nonconformist» – несогласный, не прошедший обряда конфирмации, во время которого верующий – католик или протестант, достигший 13–14 лет, должен официально подтвердить свою принадлежность к Церкви.

Beermann; Bourdeaux; Coleman; Апанасенок, Бубнов; Потапова и др.]. Проблемы распространения евангельского движения в отдельных регионах страны также неоднократно привлекали внимание исследователей [Александров; Моргунов; Рыбаков; Денисов; Черказьянова; Кориков; Главацкая, Попова и др.]. Работ, посвященных истории возникновения и первым десятилетиям развития евангельского движения на территории Среднего Урала[2], пока нет. Предлагаемая статья направлена на решение нескольких исследовательских задач в рамках данной темы, в том числе реконструкции истории возникновения общин баптистов и евангельских христиан на Урале, определению географии их распространения, численности и состава.

Российские баптисты и «остальные христианские исповедания» в 1897 г.: численность и состав

Несмотря на негативное отношение российских властей, евангельское движение в форме церквей баптистов и евангельских христиан распространялось по стране благодаря деятельности сосланных проповедников, миграциям и духовным исканиям активной части верующих. Российские баптисты относительно быстро прошли путь институализации, факт их существования был официально признан в конце XIX в. Они могли проводить религиозные собрания, правда, только в домах, отведенных с разрешения губернатора, который также утверждал кандидатуры старейшин и проповедников. В целом права российских баптистов были ограничены не более, чем права других неправославных конфессий. Однако запрет на свободу проповедовать для последователей евангельских движений был особенно болезненным и практически неисполнимым, поскольку проповедническая деятельность являлась смыслом и одной из важнейших форм их религиозности. Они не могли не нарушать закон, не поправ основ своего вероучения, и поэтому неизбежно оказывались преследуемыми за «совращение в раскол».

Анализ материалов Первой всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г. в России, свидетельствует, что уже в конце XIX в. баптизм стал одной из российских, хоть и не любимых, но признанных властями религий. В переписном бланке содержался раздел «Вероисповедание», и переписчики согласно выданной инструкции должны были вписывать в эту графу, «кто какой веры». Всего в ходе переписи было выделено 16 «вероисповеданий», в том числе пять протестантских: «лютеране», «реформаты», «англикане», «меннониты» и «баптисты» [Первая всеобщая перепись, 1905]. Представители всех остальных вариантов протестантских исповеданий, в том числе с большой вероятностью и евангельские христиане, были зарегистрированы в категории «Остальные христи-

[2] В рамках Екатеринбургской епархии с Красноуфимским уездом, которые соотносятся с границами современной Свердловской области.

анские исповедания» [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 93–97]. Согласно данным переписи, в стране было 38 139 баптистов, большая часть которых находилась в Европейской России, Привислинских губерниях[3] и на Кавказе. Факт выделения баптистов наряду с другими протестантами в самостоятельную категорию свидетельствовал об относительно благополучном статусе этой деноминации и признании ее в качестве «благонадежной». Об этом же свидетельствует и гендерный состав баптистов, аналогичный общероссийскому, с преобладанием женщин (табл. 1). Численное превосходство мужского населения обычно бывает связано с интенсивной ссылкой, однако в случае с баптистами такого не наблюдалось. Возможно, преобладание женщин среди российских баптистов было также показателем их активности. Высокий процент женщин среди религиозных нонконформистов отмечен, например, в Норвегии [Thorvaldsen, p. 29–51].

Таблица 1

Численность, гендерный состав и расселение баптистов по регионам России в 1897 г.*

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Европейская Россия	14 951	16 242	31 193
Привислинские губернии	1 911	2 082	3 993
Кавказ	1 190	1 148	2 338
Сибирь	284	259	543
Средняя Азия	36	36	72
Итого	*18 372*	*19 767*	*38 139*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 106, 112, 118, 124, 130].

Евангельские христиане, скорее всего, были зарегистрированы в категории «Остальные христианские исповедания», в которой насчитывалось 3 952 чел. [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 250]. Большая их часть на момент регистрации оказалась в тех же регионах страны, что и баптисты. По численности евангельские христиане даже в сумме с другими непризнанными христианскими церквями значительно уступали баптистам. Факт численного преобладания мужчин в составе «остальных христианских исповеданий» свидетельствовал о том, что эти общины переживали этап становления и состояли в значительной степени из вынужденных или добровольных мигрантов (табл. 2).

[3] Привислинские губернии – польские земли в составе Российской империи.

Таблица 2

Численность, гендерный состав и распространение «остальных христианских исповеданий» по регионам Российской империи в 1897 г.*

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Европейская Россия	1 271	850	2 121
Привислинские губернии	535	451	986
Кавказ	493	236	729
Сибирь	32	26	58
Средняя Азия	40	18	58
Итого	*2 371*	*1 581*	*3 952*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 107, 113, 119, 125, 131].

Таким образом, в 1897 г. в стране находилось не менее 42 тыс. религиозных нонконформистов, разделявших идеи евангельского движения, в том числе 38 139 баптистов, большинство из которых проживало в западных губерниях России. Российские баптисты в основном были этническими немцами; русские[4] составляли вторую по численности группу в 7 868 чел. – почти столько же, сколько литовцы и латыши вместе взятые. Каждый третий русский баптист был грамотным (35 % от общего числа), что было выше среднего показателя по стране, но ниже показателя грамотности среди баптистов (51 % от общего числа) (табл. 3).

Таблица 3

Этническая принадлежность, гендерный состав и грамотность баптистов Российской империи в 1897 г.*

Язык	Муж.	Жен.	Всего	Грамотных	%
Немецкий	9 636	10 277	19 913	9 265	47
Литовский, латышский	3 679	4 361	8 040	6 136	76
Русский	4 007	3 861	7 868	2 725	35
Польский	491	471	962	341	35
Финский	280	489	769	620	81
Остальные славянские	243	260	503	253	50
Прочие	36	48	84	51	61
Итого	*18 372*	*19 767*	*38 139*	*19 391*	*51*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 249].

[4] То есть те, для кого русский язык был родным, поскольку вопроса об этнической или национальной принадлежности в переписи не было.

Что касается верующих «остальных христианских исповеданий» Российской империи, то из указавших свой родной язык русские также были второй по численности вслед за немцами группой. Уровень грамотности в этой категории верующих был ниже, чем у баптистов (31 % от общего числа) (табл. 4).

Таблица 4

Этническая принадлежность, гендерный состав и грамотность верующих «остальных христианских исповеданий» Российской империи в 1897 г.*

Язык	Муж.	Жен.	Всего	Грамотных	%
Немецкий	435	434	869	486	56
Русский	306	266	572	151	26
Литовский, латышский	126	146	270	192	71
Финский	90	73	163	132	81
Остальные славянские	14	11	24	12	50
Прочие языки	378	170	548	38	7
Не указали языка	845	381	1 226	119	10
Итого	*2 194*	*1 481*	*3 672*	*1 130*	*31*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 249].

Евангельское движение на Среднем Урале в 1897 г.: численность и состав

Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., число баптистов в Пермской губернии было на удивление невелико: десять женщин и двое мужчин. Все они указали русский в качестве родного языка [Первая всеобщая перепись, 1904, с. 99]. Шестеро женщин-баптисток, зарегистрированных в Екатеринбурге, были преклонного возраста – старше 70 лет [Там же, с. 293]. Еще четверо баптистов губернии – две одинокие женщины (одна старше 20, другая – за 40 лет) с детьми (мальчик старше десяти лет и девочка возрастом до девяти лет) – вероятно, были членами одной семьи, оказавшейся на момент переписи в Осинском уезде [Там же, с. 298]. Кроме того, переписчики зарегистрировали одинокую баптистку старше 40 лет в Оханском уезде и баптиста возрастом от 30 до 39 лет в Пермском уезде губернии [Там же, с. 292, 298].

Евангельские христиане, как и в других регионах Российской империи, скорее всего, были зарегистрированы в категории «остальные христианские исповедания», представителей которых в Пермской губернии оказалось 1 184 чел. (625 мужчин и 559 женщин). Более

половины из них (726 чел.) находились на территории Среднего Урала, при этом подавляющее большинство (455 чел.) – в Екатеринбургском уезде (табл. 5).

Таблица 5

Численность, гендерный состав и расселение верующих «остальных христианских исповеданий» в уездах Пермской губернии[5] в 1897 г.*

Уезд	Мужчин	Женщин	Всего
Екатеринбургский	218	237	455
Пермский	189	151	340
Верхотурский	67	53	120
Ирбитский	41	19	60
Соликамский	24	29	53
Камышловский	19	17	36
Красноуфимский	18	10	28
Шадринский	15	12	27
Осинский	11	12	23
Кунгурский	15	6	21
Оханский	6	10	16
Чердынский	2	3	5
Итого	*625*	*559*	*1 184*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1904]. Фоном выделены уезды Среднего Урала.

Согласно данным переписи 1897 г., на территории Среднего Урала находилось 1 216 верующих «остальных христианских исповеданий», из них 490 чел. – в городах. Исключение составлял религиозно гомогенный город Верхотурье, где было зарегистрировано только семь верующих этой категории. Город являлся одним из центров православия на Урале, поэтому неудивительно, что религиозный нонконформизм здесь не привился, чего нельзя сказать о Верхотурском уезде, где регистраторы обнаружили 120 представителей «остальных христианских исповеданий». Самое большое число верующих этой категории (839 чел.) находилось в Екатеринбургском уезде, в том числе 384 чел. – в самом городе. Таким образом, Екатеринбургский уезд лидировал по числу верующих «остальных христианских исповеданий», а город фактически являлся центром протестантизма и религиозного нонконформизма в губернии (табл. 6).

[5] Без учета населения городов.

Таблица 6

Численность, гендерный состав и распределение верующих «остальных христианских исповеданий» в городах Пермской губернии в 1897 г.*

Город	Мужчин	Женщин	Всего
Екатеринбург	179	205	384
Пермь	128	108	236
Ирбит	37	15	52
Шадринск	12	9	21
Камышлов	7	7	14
Кунгур	11	3	14
Красноуфимск	4	6	10
Верхотурье	5	2	7
Оса	3	2	5
Соликамск	2	1	3
Алапаевск	2	0	2
Оханск	1	1	2
Чердынь	0	2	2
Итого	*391*	*361*	*752*

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1904]. Фоном выделены уезды Среднего Урала.

Следует обратить внимание на то, что представители «остальных христианских исповеданий» в Екатеринбурге по численности не уступали городским сообществам лютеран (384 чел.) и католиков (323 чел.). Пройдя долгий путь эволюции от дисперсных групп религиозных маргиналов до конвенциальной религии, эти сообщества имели к концу 1897 г. развитую систему институтов, встроенных в религиозный ландшафт города [Главацкая, 2015a; Главацкая, 2015b]. Что касается уральских баптистов и евангельских христиан, то они в конце XIX в. находились в самом начале этого пути.

Учитывая тот факт, что баптистов в губернии было зарегистрировано только 12 чел., а верующих «остальных христианских исповеданий» 1 936 чел., можно предположить, что в их число попали и баптисты. Многие верующие не акцентировали внимание на том, что они баптисты, и именовали себя просто христианами, автоматически попадая в категорию «остальные христиане». Различия между баптистами и евангельскими христианами – двумя очень близкими по вероучению и судьбам деноминациями – были неочевидными, особенно на этапе их становления в крае, что серьезно осложняло идентификацию, проводившуюся регистраторами.

Баптисты и евангельские христиане Екатеринбурга в начале XX в.

Изменение политики в отношении религии и принятие указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г. послужили мощным импульсом для развития проповеднической, издательской и образовательной деятельности баптистов и евангельских христиан в стране. Российские баптисты быстро включились в систему международных связей, приняв участие в Первом всемирном конгрессе баптистов, состоявшемся в 1905 г. в Лондоне. В 1909 г. в стране был создан Союз евангельских христиан и установлена практика проведения общероссийских съездов. Согласно данным пресвитера баптистской общины Санкт-Петербурга, к 1 января 1910 г. в 149 российских общинах баптистов состояло 10 935 членов, из них 240 были пресвитерами и проповедниками[6] [Здравомыслов, 1912b, с. 407]. Баптисты активно поддерживали развитие образования в стране от начальной школы до университета, который планировали открыть в Санкт-Петербурге. Они создавали детские, молодежные и женские кружки по интересам, проводили работу с социально незащищенными группами населения: в дешевых столовых, швейных мастерских, среди проституток. Все эти социальные программы финансировались за счет добровольных пожертвований членов общин [Там же, с. 408–409]. Насколько привлекательным оказалось это движение для россиян, свидетельствует тот факт, что к 1912 г. Союз баптистов насчитывал около 115 тыс., а Союз евангельских христиан – около 30 тыс. чел. [Митрохин, с. 250]. Таким образом, общая численность представителей евангельского движения в Российской империи достигла не менее 145 тыс. активных взрослых последователей.

Распространению евангельского движения на Урале способствовал и рост мобильности населения, вызванный Русско-Японской войной и переселенческой политикой правительства. Местные православные миссионеры начали обращать внимание на появление баптистов на территории епархии в 1911 г. Согласно их публикациям, распространение баптизма было связано с возвращением солдат после окончания службы в армии и отходников из мест заработка, где они знакомились с новым учением [Здравомыслов, 1912a, с. 480–485]. Один из таких солдат в запасе Иван Федорович Мужев, житель Камышловского уезда, вернувшись домой, начал проповедовать новое учение, побросал на пол иконы, чем жестоко обидел проживавших с ним женщин. Вместо икон, согласно сведениям миссионера, Иван поставил на божницу фотографию сослуживцев с надписью «Се аз с вами есть до скончания века». После бесед с миссионером Иван разрешил родственницам вернуть иконы на божницу, но в остальном остался при своих убеждениях [Там же, с. 483–485].

[6] В это число не входили этнические общины немцев, латышей, эстонцев и финнов.

После вступления России в Первую мировую войну и без того настороженное отношение властей и общественности к баптистам и евангельским христианам как к представителям «германской» религии перешло в фазу открытой неприязни, подозрений и обвинений в шпионаже и пособничестве врагу. Это обстоятельство, вероятно, затормозило динамичный рост евангельского движения в стране. Пришедшее к власти после Февральской революции 1917 г. Временное правительство объявило амнистию всем осужденным по политическим и религиозным мотивам, что позволило баптистам и евангельским христианам активно включиться в политическую жизнь страны. В апреле 1917 г. один из лидеров Всероссийского союза баптистов П. В. Павлов в издании «Слово истины» сформулировал первоочередные задачи по демократизации государства и общества. Среди них были названы отделение церкви от государства, свобода собраний, союзов, слова и печати, государственная регистрация актов гражданского состояния, свобода богослужения и проповеди для всех, отмена законов, на основании которых карали за «преступления против религии» [Павлов, с. 3].

Масштаб роста евангельского движения по-разному оценивался в источниках начала XX в. Так, в журнале «Баптист» были приведены данные о том, что численность баптистов и евангельских христиан уже в 1917 г. достигла 200 тыс., а к 1927 г. возросла до 1 млн. По данным секретного отдела ОГПУ СССР, число российских баптистов могло достигать 3 млн чел. уже к началу 1920-х гг. [Александров, с. 45]. Группы баптистов и евангельских христиан, постоянно пополнявшиеся новыми членами, активно вели религиозно-просветительскую и проповедническую работу, создавали молодежные христианские организации, такие как Бапсомол (Баптистский союз молодежи) и Христомол (Христианская молодежь), особенно многочисленные в Сибири [Рыбаков, с. 89–93], выпускали литературу, организовывали библейские курсы, проводили съезды. В целом евангельское движение в России развивалось в том же русле, что и большинство христианских церквей Европы, организуя светские религиозно направленные объединения, в том числе детские, юношеские и женские организации, литературные и хоровые кружки. Этот процесс происходил на фоне репрессий в отношении Русской православной церкви (за исключением обновленческих приходов) и других институализированных церквей страны, в том числе католической и лютеранской.

По оценке екатеринбургских баптистов, в 1925 г. в их общине насчитывалось около 20 членов [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3. Л. 1; Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 1]. Здесь надо иметь в виду, что членами своих общин баптисты считали только взрослых, принимавших активное участие в жизни общины. На основании фотодокумента «Выпускники библейских курсов» можно предположить, что несколько человек прошли специальное обучение, после чего стали проповедовать самостоятельно [ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4]. Это предположение

Евангельские христиане Свердловска. 1927 г. Иван Епифанов стоит во втором ряду, четвертый справа. Фото из архива церкви Российского союза Евангельских христиан-баптистов «Источник жизни», г. Екатеринбург

Sverdlovsk Evangelical Christians. 1927. Ivan Epifanov is in the second row, the fourth from the right. Photo document is kept in the Ekaterinburg Evangelical-Baptist Church "Source of Life"

подтверждается сведениями, приведенными авторами антирелигиозной брошюры, что десять «разъездных агитаторов» прошли «тренировку на библейских курсах в Ленинграде» [Щепкин, Волжанин, с. 8][7]. Численность городской общины продолжала увеличиваться и к 1928 г. достигла 80 чел. [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3. Л. 1].

Община евангельских христиан возникла в Екатеринбурге в 1921 г. Ее основателем и руководителем до 1925 г. был Степан Ефимович Вологодский. В дальнейшем общиной руководили Иван Васильевич Павлов и Иван Федорович Епифанов, приехавший в Екатеринбург из Ярославской губернии [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 1]. И. Ф. Епифанов позднее возглавил Уральский отдел Всероссийского союза евангельских христиан (далее – ВСЕХ) [Белоусов, с. 56; ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3]. Согласно сведениям, приведенным в антирелигиозной брошюре, изданной в 1928 г., И. Ф. Епифанов до переезда в Екатеринбург был «крупным служащим Сибирской железной дороги и завхозом акционерного общества в Петербурге» [Щепкин, Волжанин, с. 8].

Евангельские христиане Екатеринбурга проводили богослужения в Доме молитвы на Арсеньевском проспекте (современная улица Свердлова), а после его закрытия в 1927 г. продолжили собираться на квартирах. Несмотря на сложности в отношениях с властями, ве-

[7] Волжанин – псевдоним Геннадия Михайловича Розова – уполномоченного секретного отделения полномочного представителя ОГПУ по Уралу.

рующие в том же году провели Первый уральский областной съезд евангельских христиан, на котором присутствовало 33 делегата от общин и гости [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л. 2; Ф. 3. Оп. 3. Д. 10]. Собрания проходили в зале Музыкального педтехникума в течение шести вечеров. По сведениям самих верующих, на богослужения каждый день приходило до 450 чел., несмотря на то, что информация о них широко не распространялась. К концу съезда к городской общине присоединились еще 14 чел. Вопросы, обсужденные на съезде, касались миссионерства, духовного воспитания, истории евангельского движения в России [Белоусов, с. 56; ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3]. В 1928 г. прошел Второй уральский областной съезд евангельских христиан, на котором, согласно фотодокументу «Делегаты съезда», присутствовало уже более 100 чел. [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 3. Д. 11]. Учитывая то, что делегаты обычно являлись служителями церквей, можно предположить, что в крае существовало несколько общин. Одна из них, пресвитером которой был бывший жандарм полиции, находилась в Надеждинске (современный г. Серов) [Щепкин, Волжанин, с. 9]. В связи с ужесточением религиозной политики государства число членов екатеринбургской общины евангельских христиан сократилось до 40–45 чел., которые в 1934 г. перешли к практике проведения тайных собраний [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 2].

Таким образом, феномен российского религиозного нонконформизма конца XIX – начала XX в. проявился в распространении церквей баптистов и евангельских христиан не только в западных районах страны, но и на Среднем Урале. Тот факт, что эти формы христианства охватили население с процентом грамотности выше среднего по стране, позволяет предположить, что причиной распространения религиозного инакомыслия в крае был духовный поиск. Евангельское движение можно рассматривать как вариант российского нонконформизма, развивавшегося среди не удовлетворенных официальной формой религиозности людей. При этом нонконформизм баптистов и евангельских христиан был умеренной формой оппозиции к господствовавшей церкви, проявившейся в создании альтернативных ей добровольных религиозных организаций. Баптисты и евангельские христиане с их активной гражданской позицией, вовлеченностью в политическую и общественную жизнь были одними из тех общественных организаций, само существование которых способствовало формированию гражданского общества в стране. Идея связи между появлением общественных организаций и формированием гражданского общества в России была высказана Джозефом Брэдли [Брэдли]. Тезис о необходимости отнесения религиозных организаций, объединявших граждан, не лояльных к официальной православной церкви, к числу добровольных общественных организаций был выдвинут Б. Н. Мироновым, который также связал это явление с формированием гражданского общества в России [Миронов, с. 110–126].

Территории горнозаводского Урала не принимали ссыльных по религиозным мотивам, поэтому нонконформизм в форме евангельского движения проявился здесь позднее. Вследствие этого евангельских общин с четко выраженной конфессиональной идентичностью не оформилось до начала XX в., что отразилось в материалах Первой всеобщей переписи населения по Пермской губернии. Другой причиной позднего развития евангельского движения было, возможно, то, что Средний Урал был территорией распространения старообрядчества – наиболее многочисленного и самого традиционного из движений российских религиозных нонконформистов.

Центром евангельского движения являлся Екатеринбург, где было зарегистрировано наибольшее по губернии число верующих «остальных христианских исповеданий». Так же, как и в некоторых европейских странах, евангельское движение характеризовалось заметной активностью женщин.

Екатеринбургские баптисты и евангельские христиане смогли сформировать свои основные религиозные институты лишь после революции 1917 г. В течение десяти лет они динамично развивались: имели дома молитвы для богослужений, организовывали общественные проповеди и обучение проповедников на специальных курсах, проводили областные съезды, на которые собиралось до сотни делегатов и аудитория из нескольких сот слушателей. Вместе с тем, на Среднем Урале не сформировалось отделений Баптистского союза молодежи — Бапсомола. Верующие, вероятно, просто не успели создать молодежные организации до того, как государство начало преследование инакомыслия.

Либеральный по своему характеру нонконформизм евангельского движения должен был конкурировать как с другими религиозными течениями, так и с радикальными нерелигиозными идеологиями, что автоматически ограничивало возможности его численного роста. Не неся угрозы государству, религиозный нонконформизм в форме евангельского движения способствовал развитию российских гражданских институтов и социально ориентированных практик, которых в стране катастрофически не хватало. К сожалению, власти не поняли этого и в 1929 г. разрушили церкви баптистов и евангельских христиан наряду с другими религиозными организациями, положив конец официальному существованию либерального, в том числе и религиозного нонконформизма на долгие годы.

Список литературы

Александров А. П. Долиною смертной тени : Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. Бирск : Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2014. 216 с.

Апанасенок А. В., Бубнов А. Ю. К вопросу о причинах развития религиозного нонконформизма в России во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. 2012. № 4–1 (43). С. 169–171.

Белоусов Ф. Уральский областной съезд евангельских христиан // Христианин. 1928. № 7. С. 56.

Брэдли Дж. Общественные организации и формирование гражданского общества в дореволюционной России. 1994. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/944/896/1217/008_Dzhozef_BREDLI.pdf (дата обращения: 23.02.2016).

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24495, 21553, 16774, 39333.

Главацкая Е. М. «…В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 2015a. № 2 (33). С. 218–238.

Главацкая Е.М. Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. ун-та. 2015b. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 2. С. 112–119.

Главацкая Е. М., Попова Н. Ю. Под звуки Духовного интернационала // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 245–248.

Денисов Д. Н. Начальный этап распространения баптизма в Оренбургском крае (1884–1917 гг.) // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе). Оренбург : Университет, 2013. С. 176–197.

Здравомыслов А. Баптисты в Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. Неоф. № 21. С. 480–485.

Здравомыслов А. Современное состояние русского баптизма // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. Неоф. № 18. С. 405–411.

ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1, 4; Оп.3. Д. 10, 11; Ф. 8. Оп. 2. Д. 3, 4.

ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1; Ф. 3. Оп. 2. Д. 4.

Миронов Б. Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.

Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб. : РХГИ, 1997. 480 с.

Моргунов К. А. Религиозные организации евангельских христиан и баптистов Оренбургской области в советский период // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе). Оренбург : Университет, 2013. С. 198–241.

Павлов П. В. Политические требования баптистов // Слово Истины. 1917. № 1. С. 3.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 31. Пермская губерния / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета, 1904. 322 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. II / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета, 1905.

Попова Н. Ю. История баптистских церквей Среднего Урала: источники и методы исследования // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 204–210.

Потапова Н.В. Российские баптисты и евангельские христиане: к вопросу о происхождении и единстве деноминаций // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 133–136.

Рыбаков Р. В. Теоретические основы изучения молодежного нонконформизма 1920-х гг. (на примере Сибирского региона) // Youth world politic. 2013. № 3. С. 89–93.

Черказьянова И. В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири : Музей Омского Прииртышья. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/relig_ob.htm (дата обращения: 20.08.2015).

Щепкин И. В., Волжанин (Розов Г. М.). Сектанты на Урале. Свердловск : Уралполиграф, 1928. 44 с.

Beermann R. The Baptists and soviet society // Soviet Studies. 1968. Vol. 20, № 1. P. 67–80.

Bourdeaux M. Religious Ferment in Russia : Protestant Opposition to Soviet Religious Policy. L. : Macmillan ; N. Y. : St. Martin ‘s Press, 1968.

Coleman H. J. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. 304 p.

Thorvaldsen G. Ut av statskirken – En oversikt 1865 til 1980 // Historisk Tidsskrift. № 94 (1). P. 29–51.

References

Alexandrov, A. P. (2014*). Dolinoyu smertnoy teni : Evangel'skie khristiane i baptisty Bashkirii v 1918–1943 gg.* [Evangelical Christians and Baptists of Bashkiria between 1918 and 1943]. 216 p. Birsk, Birsk. fil. Bash. gos. un-ta.

Apanasenok A. V. & Bubnov A. Ju. (2012). *K voprosu o prichinakh razvitiya religioznogo* nonkonformizma v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Causes of Religious Non-conformism in the Late 19th – Early 20th Centuries Russia]. In *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 4–1(43),* pp. 169–171.

Beermann, R. (1968). The Baptists and Soviet Society. In *Soviet Studies*, *Vol. 20, № 1 (Jul.),* pp. 67–80.

Belousov, F. (1928). Ural′sky oblastnoy s″ezd evangel′skikh khristian [Ural Regional Congress of Evangelical Christians]. In *Khristianin*, 7, p. 56.

Bourdeaux, M. (1968). *Religious Ferment in Russia : Protestant Opposition to Soviet Religious Policy.* L., Macmillan, and N. Y., St. Martin‘s Press.

Bradley, J. (1994). *Obshchestvennye organizatsii i formirovanie grazhdanskogo obshchestva v dorevoliutsionnoi Rossii* [Voluntary Associations and the Formation of Civil Society in Russia]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/944/896/1217/008_Dzhozef_BREDLI.pdf (mode of access: 23.02.2016).

Cherkaz′yanova, I. V. (n. d.). *Religioznye obshchiny mennonitov i baptistov v Zapadnoy Sibiri : Muzey Omskogo Priirtysh'ya* [Religious Communities of Mennonites and Baptists in Western Siberia]. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/relig_ob.htm (mode of access: 20.08.2015).

Coleman, H. J. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929.* Bloomington, Indiana Univ. Press.

GAAOSO. Stock P–1. L. 2. Dos. 24495, 21553, 16774, 39333.

Denisov, D. N. (2013). *Nachal'nyy etap rasprostraneniya baptizma v Orenburgskom krae (1884–1917 gg.)* [The Beginning of the Spread of Baptist Belief in Orenburg Region]. In *Protestantizm v Orenburgskom krae: istoriya i sovremennost' (k 245-letiyu obrazovaniya pervoy protestantskoy obshchiny v regione)* (pp. 176–197). Orenburg, Universitet.

Glavatskaya, E. M. (2015a). *“…V ves’ma izyashchnom, goticheskom stile”: istoriya katolicheskoy traditsii na Srednem Urale do serediny 1930-kh gg.* [“…In a Very Elegant Gothic Style”: A History of the Catholic Tradition in the Central Urals from the Late 1600s until the Late 1930s]. In *Gosudarstvo, Tserkov’, religiya v Rossii i za rubezhom, 2 (33),* pp. 218–238.

Glavatskaya, E. M. (2015b). *Lyuterane Srednego Urala v XVIII – vtoroy polovine XIX v.: instituty, rasselenie, chislennost'* [Lutheran Communities in the 18th – 19th Centuries Urals: Institutions, Distribution, Statistics]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, 2 (139),* 112–119.

Glavatskaya E. M., Popova N. Iu. (2014). *Pod zvuki Dukhovnogo internatsionala* [Reverberations of the Spiritual International]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, 4,* pp. 245–248.

LA N. Yu. Popovoy. Stock 3. L. 2. Dos. 1, 4; List 3. Dos.10, 11; Stock 8. L.2. Dos. 3, 4.

LA P. D. Yakovleva. Stock 2. L. 1. Dos. 1; Stock 3. L.2. Dos. 4.

Mironov, B.N. (2009). *Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachala XX veka* [The Development of Civil Society in the 19th – Early 20th Centuries Russia]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1,* pp. 110–126.

Mitrokhin, L. N. (1997). *Baptizm: istoriia i sovremennost' (filosofsko-sotsiologicheskie ocherki)* [Baptists: Past and Present (Philosophical and Sociological Essays)]. 480 p. Saint Petersburg, RKhGI.

Morgunov, K. A. (2013). *Religioznye organizatsii evangel'skikh khristian i baptistov Orenburgskoy oblasti v sovetsky period* [Religious Organisation of Evangelical Christians and Baptists of Orenburg Region in the Soviet Period]. In *Protestantizm v Orenburgskom krae: istoriya i sovremennost' (k 245-letiyu obrazovaniya pervoy protestantskoy obshchiny v regione)* (pp. 198–241). Orenburg, Universitet.

Pavlov, P. V. (1917). *Politicheskie trebovaniia baptistov* [Political Requirements of Baptists]. In *Slovo Istiny, 1,* p. 3.

Popova, N. Iu. (2014). *Istoriia baptistskikh tserkvei Srednego Urala: istochniki i metody issledovaniia* [The History of the Middle Urals Baptist Churches: Sources and Methods]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'* (pp. 204–210). Yekaterinburg, Izdatel′stvo Ural′skogo universiteta.

Potapova, N. V. (2014) *Rossyskie baptisty i evangel'skie khristiane: k voprosu o proiskhozhdenii i edinstve denominatsy* [Russian Baptists and Evangelical Christians: Their Origins and Unity]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 18,* pp. 133–136.

Rybakov, R. V. (2013). *Teoreticheskie osnovy izucheniya molodezhnogo nonkonformizma 1920-kh gg. (na primere Sibirskogo regiona)* [Theoretical Basis for the Study of Youth's Non–conformism of the 1920s. (Siberian Region)]. In *Youth world politic, 3,* pp. 89–93.

Shchepkin, I. & Volzhanin, I. (1928). *Sektanty na Urale* [Sectarians in the Urals]. 44 p. Sverdlovsk, Uralpoligraf.

Thorvaldsen, G. (2015). Ut av statskirken – en oversikt 1865 til 1980 [Leaving the State Church – an Overview 1865 to 1980]. In *Historisk tidsskrift, 94,* pp. 29–50.

Troinitsky, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897]. (Vol. 31. Permskaya guberniya). 322 p. Saint Petersburg, Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta.

Troinitsky, N. A. (Ed.). (1905). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossyskoy imperii 1897 g. : Obshchy svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda. II* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897. The Census Data as Collected on January 28 for the Whole Empire]. Saint Petersburg, Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta.

Zdravomyslov, A. (1912a). *Baptisty v Ekaterinburgskoy eparkhii* [Baptists in the Yekaterinburg Diocese]. In *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti, 21,* pp. 480–485.

Zdravomyslov, A. (1912b) *Sovremennoe sostoyanie russkogo baptizma* [The Current State of Russian Baptists] In *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti, 18,* pp. 405–411.

The article was submitted on 30.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.201
УДК 271.2+311.3+2.184.2+94(470)+94(481)

RELIGIOSITY FROM RUSSIA TO NORWAY: THE ORTHODOX AND THE JEWS IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES* **

Gunnar Thorvaldsen
Institute for History and Religious Study,
University of Tromsø, Norway;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article overviews the history of two religious groups which have been significant among Russian migrants to Norway: Orthodox Christians and the Jews. They are described in detail in microdata from the nominative censuses of 1865, 1875, 1900, and 1910, which are used for both qualitative and quantitative purposes. The aggregates from other censuses during the period between 1845 and 1960 are employed more summarily. Together with Canada, Norway has the world's longest history of censuses with religious affiliation as a variable. The number of Orthodox Sami peaked in the second half of the 19th century, but declined together with the number of persons classified as Sami thereafter. Traditionally the Orthodox Christian 'Skolt' Sami in the northeast worked as reindeer herders. Further south, we regularly find Orthodox Christians who were ethnic Russians employed as saw sharpeners. In the 20th century, the number of Orthodox Christians increased in southern Norway, especially in the Oslo area, where they organised their own congregation in 1931; their numbers peaked in 1960. In addition to Orthodox Christians, the article overviews the establishment and growth of a Russian Jewish community in Norway. Because of a prohibition in the 1814 Constitution, the Jews were not allowed to migrate to Norway until 1851, so they were only a handful of them according to the 1865 and 1875 censuses. However, from 1891, Jewish immigrants made up a significant and growing element of the population, which can be explained by their emigration from the western parts of the Russian Empire due to pogroms. Most men were employed in trade, although some of them were also itinerant. Thus, Russian religiosity in Norway, which started as a predominantly rural phenomenon in the north, became more important in southern Norway over

* The research was sponsored by the Russian Science Foundation grant (project №16-18-10105).

** *Citation*: Thorvaldsen, G. (2016). Religiosity from Russia to Norway: The Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 207–220. DOI 10.15826/qr.2016.4.201.

Цитирование: *Thorvaldsen G.* Religiosity from Russia to Norway : The Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 207–220. DOI 10.15826/qr.2016.4.201.

© Thorvaldsen G., 2016

time. However, the Norwegian State Church maintained its strong traditional position, with 96 per cent of the population being members in 1960.

Keywords: Orthodox Church in Norway; Russia; Norway; religiosity; migration; Orthodoxy in Norway; Jews in Norway; censuses.

Рассматривается история двух религиозных меньшинств Норвегии, сформировавшихся за счет иммигрировавших из России православных и иудеев. Исследование стало возможно благодаря использованию номинативных источников – переписей 1865, 1875, 1900 и 1910 г., а также агрегированных данных из переписей за период с 1845 по 1960 г. В переписях Норвегии систематически регистрировалась религиозная принадлежность граждан, это позволило установить, что приверженцами православия в Норвегии были саамы. Их численность достигла своего пика во второй половине XIX в., после чего снижалась параллельно с сокращением числа саамов. Православные саамы (так называемые скольт-саамы) проживали на северо-востоке страны и занимались оленеводством. В южных районах Норвегии к православным относились немногочисленные русские, наиболее распространенным занятием которых была заточка пил. В XX в. количество приверженцев православия резко увеличилось именно в южной Норвегии, в особенности в районе Осло, где в 1931 г. появился самостоятельный православный приход. Численность православных в Норвегии достигла своего пика в 1960 г. Отмечено, что помимо православия, российские иммигранты принесли в Новегию традиции иудаизма. По Конституции 1814 г. иудеям было запрещено эмигрировать в Норвегию, этот закон соблюдался до 1851 г., и, согласно данным переписей, даже в 1865 и 1875 г. в стране было всего несколько представителей иудаизма. С 1891 г. иммигранты-иудеи составляли заметную все увеличивавшуюся часть населения, что можно объяснить их исходом из-за погромов в западных губерниях Российской империи. Большинство мужчин были заняты в торговле. «Русская» религиозность, первоначально утвердившаяся в форме православия в сельских районах северной Норвегии среди саамов, к концу XIX в. сместилась к югу страны и официально институциализировалась в столице в виде православного прихода и еврейской общины. Норвежская государственная церковь сохраняла свою традиционно сильную позицию и высокую численность, к ней принадлежало 96 % населения (по переписи 1960 г.).

Ключевые слова: православная церковь в Норвегии; Россия; Норвегия; религиозность; миграция; евреи Норвегии; переписи населения.

In spite of the homogeneous character of Norwegian society, there have been Orthodox Christians in Norway for centuries, but never many. We find an earlyreference in the published aggregates from the national census taken in 1845, where the Statistical Office noted that 28 out of 12 405 ethnic Sami in the northern and easternmost province of Finnmark confessed to the "Greek-Catholic" religion.[1] At this time, there can be no doubt that

[1] Departementet for det Indre (1847): Statistiske tabeller for Kongeriget Norge, Ottende Række, Christiania: I.

the reference is to persons who adhered to the Russian Orthodox Church, although most Sami remain Lutherans since the 17th century as can be seen from the censuses. The Sami have for centuries roamed with their reindeer across the borders between Russia, Finland, Sweden and Norway, spending summers by the coast and winters in the interior, for instance on the Finnmark mountain plateau [Sami Institute, 1990]. The 1845 census, which was taken when the census year ended, included a group of 28 Sami who likely had their traditional summer quarters by the coast of the Kola Peninsula. Also in later Norwegian census aggregates we find the main category Greek-Catholic meaning eastern Christianity, and with Russian Orthodoxy as an explicit subcategory. The Norwegian Parliament had repealed the laws prohibiting unauthorized mass meetings and the establishment of dissenting societies as recently as in 1842 and 1845 respectively [Thorvaldsen]. There would have been no time for proselytizing.

In addition to the Orthodox, this article overviews the start and growth of a Russian Jewish community in Norway. Visits by other religious groups to this country are not documented, although it is known that Old Believers from the Daniila monastery in Kem by the White Sea participated in fisheries and hunting also at Spitsbergen [Russland kommer nærmere]. Norway was chosen as the topic for this article about Russian religiosity, because it is the only Scandinavian country which borders on Russia, and unlike Finland, it has never been part of the Russian Empire. There is in addition a good historiographic basis due to the recent publication of a four-volume work on the history of immigration to Norway and the volumes on the history of relations between Russia and Norway [Myhre, Kjeldstadli, Niemi; Russland kommer nærmere; Holtsmark].

The settling of the border between Russia and Norway in 1826, meant that groups of people who had migrated freely over the common territory had to formally belong to one of the countries. The ratified border treaty explicitly determined that "those inhabitants along the border who now will belong to a different government, shall enjoy religious freedom". This was the formal background for the four or five Skolt Sami families in Neiden village on the Norwegian side having their right to remain Orthodox, just like Lutherans could keep their religious traditions on the Russian side. Such rights were nothing new, however, since the free trade agreements in the new towns in Finnmark in the late 18th century had given similar rights to all Christians. The military and administrative authorities expressed some concerns about the danger of Russian proselytizing in Norway, but the priest who represented the border area in the Norwegian Parliament found no reason for such worries. It was hard to find any Lutheran who had ever converted to Orthodoxy, and the priest from Kola town who visited the Orthodox chapel in Neiden to officiate holy service, did so only once each summer. However, the Russian plans to build an Orthodox church in Vardø town for the Pomor traders were met with Norwegian procrastination, and the building was never realized. Orthodox sermons were even so officiated at irregular intervals [Russland kommer nærmere, p. 14–33].

Religion in the Census

When it is possible to trace religious minorities such as the Orthodox historically, it is also due to one of the world's longest series of census data asking about the persons' religious affiliation, from 1865 to 1980. Only Canada has a longer series with religion among the census variables, with nominative and aggregated information on the population's religion. Religion was introduced in the censuses by the Belgian statistician Adolphe Quetelet who presided over the discussions of the International Statistical Congresses from 1851 onwards [Торвальдсен]. There was a question about ethnicity already in the 1845 and 1855 censuses, but since these were only numeric, there is usually not the kind of detail needed in this article. Columns for religion and birthplace came only with the methodological freedom provided by the nominative censuses.[2] On the 1865 form the heading of column number nine read: *Profession of faith, if someone does not confess to the State Church*. Thus a mixture of faith and religious society was asked for, and nothing was written in the instructions in order that religious minorities should be adequately represented in the aggregates. This is hardly surprising since in the 1875 census only 7,180 persons in a population of 1.8 million belonged outside the State Church [Statistics Norway, 1954, p. 13–33]. There the Bureau of Statistics added the following to the column heading: "note here to what specific profession of faith everybody belongs". In 1891, they for the first time assumed that the specification of faith was not self-explanatory: "Field 9. The name or type of the religious community must be noted. If someone has left the State Church without joining a specific religious community this should be noted thus: "withdrawn, no community".

Although the 1900 instructions caused some confusion by using the confession concept, from this time onwards the census forms asked about religious *community*. For instance, the questionnaire in 1930 gave the options to write the State Church, another religious community, or no community. It was thus explicit that specifying a special religious community was only an option for those who had left the State Church. After the war the first census was taken in 1946 and the next ones each decade in years ending in zero.

In addition to the religious community variable, the birthplace, the citizenship and the ethnicity variables are identity-oriented variables in the Norwegian censuses. Russian was seldom reported as ethnicity and citizenship has not been systematically aggregated, so we should concentrate on the two other variables: religion and birthplace. It is usually impossible to distinguish between people born in contemporary Russia and those born in territories belonging to the Russian Empire or the Soviet Union; for instance, entries such as "Riga, Russland" were counted together with other

[2] The Norwegian censuses are described, with questionnaires and instructions at: [The Arctic University of Norway]. This website and its references is the general background for the information about the Norwegian censuses, questionnaires and instructions below.

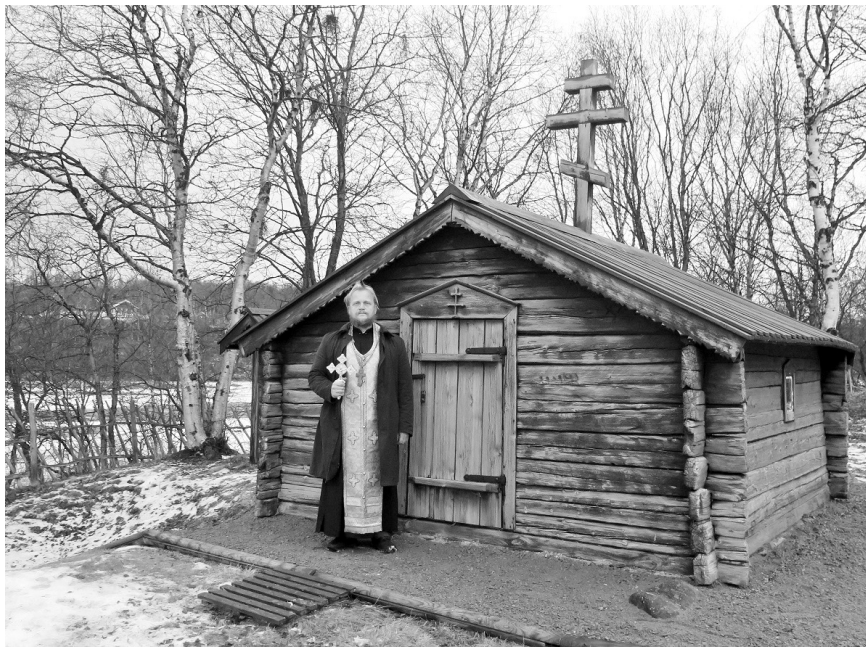


Fig. 1. The Orthodox chapel in the village of Neiden (Norway) built by the St. Tryphon of Petchenga in 1565

birthplaces containing some version of Russia. Even more problematic is the categorization of religious communities in the published aggregate statistics. All adherents to eastern Christianity were lumped together in the category "Greek orthodox" which was one of thirty main categories in the summary about religious adherence in the 1950 census, based on the censuses since 1875. The following examples of religious groups were mentioned: "Greek Orthodox (Catholic)", "Orthodox", "Orthodox Russian". In 1970 and 1980 censuses no details about religious communities were taken, Statistics Norway then only distinguished between members of the State Church, members of a "Religious community outside the State Church," or those "Not belonging to a Religious Community." The 1990 census was the last to ask personal information with questionnaires, and it did so only for a representative sample of the population, complementary information being collected from diverse person registers. No question on religion was included in this census, one reason being that congregations outside the State Church were small in Norway and it could be hard to estimate their size and other characteristics from a sample. Other reasons were the heightened concern about disclosure of sensitive personal data and the possibility to obtain information about religious groups with surveys and from the religious communities. Thus, the 1980 full count census became the last to ask a question about belonging to religious societies, while the 1960 census was the last to ask about adherence to specific religious communities.

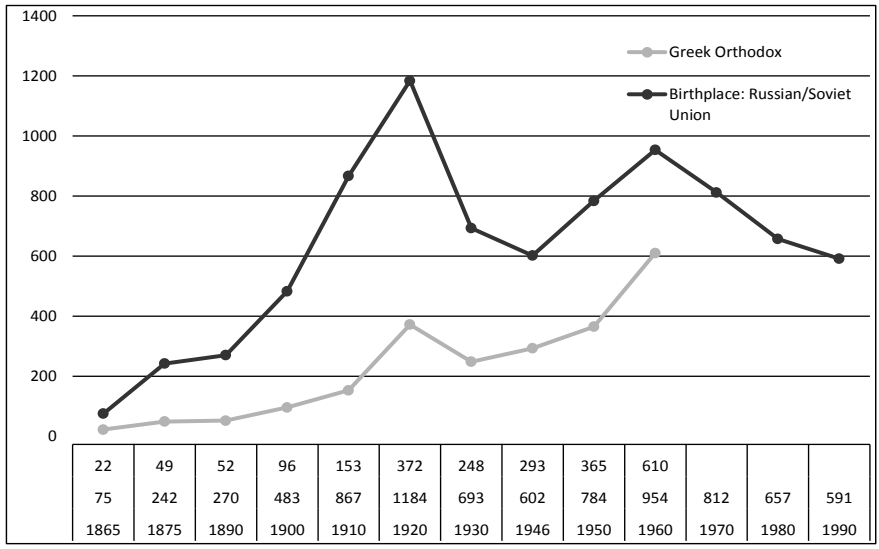


Fig. 2. Number of persons who according to the Norwegian censuses from 1865 to 1960 or 1990 were either born in Russian Empire / the Soviet Union, or were noted with adherence to an Orthodox religious society[3]
* Bottom line – census year; middle line – persons born in Russian Empire / Soviet Union; top line – number of Orthodox.

Fig. 2 gives a statistical overview of persons born in the Russian Empire / Soviet Union or adhering to Orthodox Christianity in the censuses from 1865 to the second half of the 20th century. The aggregates produced by Statistics Norway and its forerunners on the basis of the nominative census manuscripts are consistently higher with respect to Russian birthplace than with respect to Orthodoxy. We would expect this among emigrants from a multireligious society, and it is well known that many of the immigrants from the western parts of the Russian Empire in the early 20th century were Jews. That immigration from a neighbouring country after the Revolution would peak is also natural, but the increase in the century's first decade was more unexpected. It is also noteworthy that the birthplace and the Orthodoxy numbers moved in parallel; until 1920 and from 1950 an increase in the number of the Russia-born was followed by a corresponding increase in the number of Orthodox. The exceptions are the parallel decrease in both series in the 1920s and the special development from 1930 to 1946 due to World War II. Especially the increase in the number of persons who belonged to Orthodoxy after the Revolution strengthens our hypothesis that most of the persons in this statistical category were Russian Orthodox, rather than from other eastern churches in Bulgaria, Romania or the Middle East. Unfortunately, Statistics Norway never published tables which cross-tabulate

[3] Sources: [Statistics Norway, 1954; Statistics Norway, 1964; Statistics Norway, 1995]. The 1865 data is based on microdata available at: [The Arctic University of Norway. The Norwegian Historical Data Centre].

the birthplace and the confession criteria, so we cannot be certain about the birthplaces of the Orthodox individuals in their aggregates. Especially in the 1950 census, however, there is information about the characteristics of those belonging to different religious societies after the came to Norway. Therefore, we know that two-thirds (249) of the Orthodox then lived in towns rather than in rural areas, and that 203 of these lived in Oslo with 39 more in the county of Akershus surrounding the capital. However, in the tables about the age and gender structure among religious dissidents, there are no specifics about the Orthodox [Statistics Norway, 1954].

According to the Law of Statistics, we may only use census data younger than 100 years for statistical purposes. This make it less worthwhile to transcribe the information in the nominative census manuscripts into textual computer versions, which we can search and analyse statistically on the individual level. Fortunately, such detailed analysis can be performed on the censuses from 1865, (most of) 1875, the 1900 and the 1910 censuses which are available as full count databases with, in principle, the whole population in Norway (cf the web reference by table 1 for results from the microdata). Here we can inspect the verbatim information written by the census takers who met the individuals and noted their names, occupations, birthplaces, religious allegiances and other social and demographic characteristics – in the towns the houseowners were supposed to note the information themselves. We can compare the information provided source critically and for instance ask whether it is reasonable that an immigrant born in Novgorod is a *Roman* Catholic when he is noted as "Katolsk" in the 1910 census or more likely Orthodox.

Looking at the individual level data from the 1865 census manuscripts, we identify 15 persons belonging to Orthodoxy in eastern Finnmark, close to the Russian border – likely the same Orthodox Sami families mentioned in the 1845 census aggregates. 12 of these persons were born in Norway. We have to use the spelling of their names in censuses, even though we are aware that Sami and Russian name forms may be norwegianized. They are all ethnic Sami, except for a wife and a worker who were born in Russia and noted as ethnic Russians. A third person, Marie Fodrovits is also born in Russia, but identified as ethnic Sami, and the wife of Anders Fodrovits born in 1801 with two sons and a lodger. Another household was headed by Boman Fodrovits born in 1796, thus likely Anders' brother; with two children, one foster son, a lodger and a servant. All persons in these two households were "Greek Catholic" according to the 1865 census. In addition to being fishers, brothers Boman and Anders had the occupation title "Rettighetsmand". This means that they held rights to land areas, which is peculiar since the Norwegian State was supposed to own all land in Finnmark. A third household consists of the married couple Wasili Anisimof and Anna Gregoriobna from Astrakhan born in 1830 and 1834 respectively and living in Vardø town. In addition, there is the Sami servant Zacharias born locally in 1848. (The microdata have been searched at the web address provided with table 1 to find the examples from the 1865, 1875, 1900 and 1910 censuses.)

The population belonging to Orthodoxy had expanded by the time the 1875 census was taken, particularly in its core areas in the northeast close

to Russia. (About a fourth of this census has not been computerized, but since we have the north and the towns, nearly all the Orthodox should be covered.) We now find households with several members noted as "Græsk-Katolikk" not only in Vardø, but also in the towns of Vadsø and Tromsø. The fishers Krestian Jerma and Alexandr Lipponen were inter-urban migrants from Arkangelsk to Vadsø, marked as Russian ethnic lodgers, born in 1832 and 1852. In spite of Russian citizenship, their names indicate Finnish background, and both were noted as speaking Finnish. Krestian was married to ethnic Fin Mathilda Kjurujervi, born locally in 1849. Their two small children were marked as ethnically mixed: Russian-Finnish, but like the mother not as baptized into the father's religion. Lauritz Brodtkorp, Russian Consul, houseowner and merchant born in Vadsø in 1832 was together with his wife and children marked as purely Norwegian co-ethnics together with the rest of the Brodtkorp families in Vardø and Vadsø. He had two male servants from Onega in his household though, both Orthodox with Russian citizenship. His superior, General Consul Albert Theodor Tøtterman born in Finland and living in Oslo, however, had a wife born in Russia, but she was the only Orthodox household member.

Back in the rural parish Tana in Finnmark, we find ethnically Finnish fisher and farmer Petter Olsen born in "Birtelatti", Russia as Orthodox. His wife born in Finland and children born in Norway, however, were ordinary State Church members. His co-ethnic Gabriel Johnsen, born in "Donkol", Russia was in a similar situation, although a day labourer rather than farmer and 23 years younger. In the province capital Tromsø, we find the Russian Consul Nicolai Sventorgetsky, an ethnic Fin from Viborg. All four members in his family were Russian citizens, but rather strangely marked with the mixed ethnicity Norwegian-Russians. Unlike him, his wife Catrine and the two children were Orthodox, likely because they were born in Russia. It is interesting that they followed traditional rules about multi-religious marriages: a Protestant man could marry an Orthodox woman on the condition that their children were baptized into Orthodoxy. The couples in Vadsø and Tana mentioned above, however, did not follow such Russian rules – if in Russia these wives would have had to convert to the Orthodox religion of their husbands. In Vadsø, Mathilda Kjurujervi could calmly remain a Protestant together with her many Finnish co-ethnics in the town and its surroundings. When people from north-eastern Norway settled on the Kola Peninsula before the Revolution rather than emigrating to America, one argument was the easy access to religious services back in Norway. We can conclude that the Orthodox population had grown from 1865 until 1875, but nearly exclusively lived in the parishes close to Russian in the northeast.

The nominative microdata from the census in 1900 are full count, and we can seemingly identify nearly as many as were counted by the Statistical Central Bureau at the turn of the century, and again it looks like Orthodoxy had expanded its number of adherents in Norway. The increase may have been preliminary, however, for 17 of the Orthodox belonged on board ships, and 11 additional were sailors enumerated, not as residents, but as visitors in Tromsø. Then in Skedsmo outside Oslo, there were three members

of a troupe of artists noted as "Gr. katolsk", all of them not residents and most born outside Norway. Deducting these 31 brings the number of Orthodox living de jure as residents in the country down to about the same level as in 1875. We must therefore conclude that even if the number of persons born in Russia had increased during the last quarter of the century, the number of Orthodox was stable. Catharina Tøftesman had been joined by two more in the capital, one of them a prisoner in the National Prison for women. There were also a mechanic in Stavanger, a shop assistant in Trondheim, a woodchopper at Voss east of Bergen and two itinerant saw sharpeners at Kråkstad east of Oslo, but otherwise the Orthodox were still confined to their traditional areas from Tromsø and northwards.[4] In the Kirkenes district close to the Finnish/Russian border, they still had a stronghold, but the 1900 census only lists four Orthodox persons in Vardø and two in Vadsø towns.

In 1910, the census takers did their canvassing along the same lines as in 1900 in the field, but the central aggregation techniques were different. Some variables did not fit onto the Hollerith punch cards for use with the electro mechanic machinery, which the Statistical Central Bureau had rented from the US. To save space, the variables for small groups such as foreign nationalities, ethnic minorities and the religious dissenters were copied onto coloured paper cards in order to be aggregated manually. These have not been archived, unlike the nominative lists filled during canvassing. Therefore, we do not have access to the full contents of the microdata on which the Statistical Bureau based the published statistic and cannot explain how they allegedly counted 80 Orthodox persons in Oslo. A few Russian ships in the harbour could be the explanation, as we saw from the original lists preserved from the 1900 census. In that case, the increase in Orthodoxy was in the number of such visitors during these times of easier travel by steamship and train, rather than in the resident population. The National Archives in Oslo confirm that some ships' lists have disappeared from their collection of 1910 census manuscripts.[5]

The concentration of Orthodox Sami in the Kirkenes district was still there in 1910, together with the handful in Vardø town and the couple of itinerant saw sharpeners further south. With the most notable concentration of the Orthodox in Finnmark Province. As could be expected after Norway's independence in 1905, the diplomat representing Russia had been upgraded from Consul to Minister: de Kroupensky with his wife born in Vienna – both found it below their dignity to report their age or birthdate. Even more of a celebrity couple were the painters Christian Krogh from Bergen and Julie de Holmberg Krohn from the Kursk province. She confessed to Orthodoxy, but so far the census listed them without children. They are still celebrated as prolific artists with large productions from their international careers. They mostly lived in Russia until 1917 and in

[4] I am reluctant to include the 69 year widow born and living in Larvik town by the Oslo fiord among the Orthodox – the noting of her as "Greek Catholic" is likely an error since it lacks other connections with Russia.

[5] Personal communication from Senior Advisor Lars Nygaard of the National Archives in Oslo, 11 August 2016.

Norway thereafter. Somewhat lower on the social ladder was the widowed machine worker Martin Martinsen, who had brought his two small sons and the householder Xenia Kolobhakia from Arkangelsk the year before. Xenia and her infant daughter Anna were both noted as "Gresk katolsk" in the census. Along the west coast, we find Orthodox Russians in Bergen and Kristiansund, but as hotel guests in both towns they only added to the visiting, not the resident population.

From the later censuses, we have access to far less information about the individuals and households due to the 100-year rule about use of aggregates only in the Law of Statistics. Thus, Norway may have the world's strictest rules about the use of historical microdata. The census manuscripts are preserved in the National and Regional Archives, but due to the legal restrictions, we would only be allowed to publish statistical results and no identifiable information, even if the microdata had been computerized for such practical purposes. What we have, are the printed aggregates from each census, which only contain the number of people belonging to religious societies in each administrative district and whether these were rural or urban places. The Russian Revolution and the Second World War fundamentally changed the size and the distribution of the Orthodox population in Norway. The Orthodox Sami in the northeast had been local with a long tradition of reindeer herding and fishing on both sides of the Russian-Norwegian border. The Orthodox immigrants in the 20th century had a very different background – often their main reason for escaping Russia was involvement in anti-revolutionary activities. They primarily came from more densely settled areas further south in Russia, so it was natural to settle in similar places in Norway. After 1920, the capital Oslo and its surrounding province of Akershus became the centre of gravity for the Orthodox Russians, and by the last census with information about religion, more than half of them had settled here. The nuclei in Stavanger and Bergen on the west coast were much smaller, but still added to the urban dominance. According to the 1960 census, the Orthodox flock in Norway had grown to 610 souls, up from the 28 Sami mentioned in Finnmark 1845, or the less than hundred by the turn of the century. But the 28 on the border with Russia had declined to 12 in 1960 – just like Sami ethnicity had been exposed to the Norwegian nationalisation policy and was decimated during the second half of the 19th and first half of the 20th century.

The Russian Jews

The Norwegian Constitution, which was adopted when Norway was transferred from a Danish province to a more independent Kingdom under Swedish supremacy in 1814, contained a rather racist second paragraph. It denied Jews and Catholic monastic orders the right to enter the country. This was an extension of prohibitions from Danish times, and they were enforced strictly until they were repealed by Parliament in 1851. Only a few rich bankers were welcome into the country [Ulvund]. It was, therefore, expected that when we meet the first Jews in the 1865 census, they are few

indeed. Only six persons in the capital were listed; none were born in Russia but rather in Germany and Denmark. The number remained the same in the 1875 census, but now we find merchant Transgott, born 1835 in Kurland, Russia. By 1891 the number of Jews in Norway had increased substantially to 214 persons, but since we do not yet have complete microdata from that census, it cannot tell us to what extent they were Russian. We only know that they overwhelmingly lived in urban places, 136 in Oslo and many of the rest in towns not far from the capital [Statistics Norway, 1894–1898)]. Only six lived in Northern Norway, and we can only guess that some of these persons hailed from across the border in Russia or its Finnish Grand Duchy. From other sources we know, however, that pogroms, especially those connected to the assassination of Tsar Alexander II in 1881, together with increasing poverty forced many Jews to leave the western parts of the Russian Empire.

The computerized version of the 1900 census manuscripts provide further details. 671 persons were identified as Jewish in that census, and 143 or 21 % of these were born in the Russian Empire. The urban character of their settlements is confirmed both here and in the next censuses. The map in figure 1, which is based on the 1910 census microdata shows how the towns to the south-east and especially Oslo was their preferred residential location, but that they also had started to spread throughout the country. On the west coast, the travelling salesmen with woollen clothes, Moses Isaksen was only visiting in the village of a Volda north of Bergen. We find a more typical household in Oslo. headed by Samuel Markus Fridman, with his wife Ragna, 20 years old. He was her senior by 9 years and senior clerk in a clothes store. She was born in Oslo, but Samuel was joined by his sister Frida Adelsten, also born in Russia, and owner of the Adelsten clothes store. Her son, born 1894 in America was the fourth household member, but Frida's husband was not listed, although she is marked as married. The census listed most men with occupations in the trade category, plus the occasional shoemaker or goldsmith. Most grown-up women were homemakers. Russian-Jewish immigration being a quite recent phenomenon, we naturally find this to be a sub-group of young people; relatively few were born before 1870.

Ten years later 289 or 32 % of the 907 Jews originated in the Russian Empire, thus a significant increase both in absolute and relative numbers. The likely explanation for this intensified immigration wave to Norway, were continued pogroms in the western parts of the Empire at the time [Myhre, Kjeldstadli, Niemi, p. 498]. While the first official Orthodox congregation in Norway was only established in 1931, the Mosaic congregation was organized already in 1892 [Aschehoug og Gyldendals store norske leksikon]. Generally, religion was the central element in eastern Jewish ethnicity rather than nationality. Intermarriage with other religious groups was rare, the aim being to preserve Jewishness over the generations [Myhre, Kjeldstadli, Niemi, p. 408, 413]. In 1910, Heinrich Dsenselsky was temporary Mosaic "priest", but according to the 1900 census, he was a teacher in a private school. Then he was married to Jetta with whom he had six children, but in 1910, Jetta cannot be found. The oldest daughter, Rosa had taken over

as household administrator, and four of the other children were still there. The family had migrated to Scandinavia via Germany, where the youngest son was born, while the other children were born in Poland, which was also the birthplace of their mother, Jetta. Since Heinrich is not marked as a widower, it is more likely that his wife Jetta has left Norway than that she died less than 50 years old. Allegedly, Jews pioneered the divorce as a way of ending marriages in Eastern Europe [Freeze], but it would still be a shameful marital status to enter in the Norwegian census.

As we saw in the table (fig. 2), the number of people living in Norway, but born in Russia, peaked in the 1920 census. Also, the number of Jews increased rapidly in this census, but unfortunately the aggregates do not cross-tabulate the birthplace and the religion variables, and we have to wait four years before we can create our own statistics from 1920 microdata. There were 1045 Jews in Norway according to the 1910 census and 1457 in 1920, while in the 1930 census the number had declined to 1359. During the 1920s, about a third of the Russia-born left Norway. Many of these were Jews, and there is no doubt that one reason was discrimination, for instance when the authorities tried to block their access to trading licenses and other facilities [Thorvaldsen]. The 1940 census was cancelled due to the German occupation in April, but other sources indicate that the Jewish population by then had increased to more than 2000 – many had escaped from Germany and its occupied territories. The reason for the further decline in the number of Jewish persons in the 1946 census, some of them from Russia or with Russian ancestry, are sadly all too familiar. Unlike in Denmark, the Norwegian resistance did not manage to rescue most Jews across the border into neutral Sweden. The biggest group was transported from Oslo to Germany on the steamship Donau on that fateful 26 November 1942, some with the assistance of Norwegian policemen. 772 Jews were altogether sent from Norway to the concentration camps, only 34 survived [Aschehoug og Gyldendals store norske leksikon]. According to the 1960 census, 841 Jews lived in Norway, not much more than half of when the number peaked between the wars. Thus, in relative terms the number of Orthodox increased more rapidly than the number of Jews in the long decade after World War II (cf.: table (fig. 2)). In 1960, a majority of both religious groups were concentrated to the towns. That went especially for the Jews who had over 60 % of their congregation in Oslo.

This article overviews the history of the two religious groups, which have been significant among immigrants to Norway from Russia: the Orthodox and the Jews. They are followed in detail in microdata from the nominative censuses 1865, 1875, 1900 and 1910 and more summarily in aggregates from other censuses during the period 1845 to 1960. 28 orthodox Sami are mentioned in the 1845 census; they were Skolt Sami with a history of migrating with their reindeer across the Russian-Norwegian territory for centuries, who became Norwegians after the border was fixed in 1826. Orthodox persons, many of Sami ethnic background can be found in the censuses in rural and some urban places in Finnmark province through the whole period. A Russian priest

officiated an Orthodox service each summer in Neiden chapel, but the relative absence of proselytizing contributed to the peaceful relations along the border. The number of Orthodox Sami peaked in the second half of the 19th century, but declined together with the number of persons classified as Sami thereafter. Instead the number of Orthodox increased in Southern Norway, especially in the Oslo area, where they organized their own congregation in 1931 and their numbers peaked in 1960.

The Jews were not allowed to immigrate to Norway until 1851, so they were only a handful according to the 1865 and 1875 censuses. But from 1891 Jewish immigrants made up a significant population element, which can be explained by emigration from the western parts of the Russian Empire due to pogroms. They started their own congregation in Oslo in 1892. Even more than the Orthodox, they lived in urban places, especially the capital. Most men were employed in trade, some of them itinerant, and their presence on the west coast was often as temporary visitors. Oslo is still the predominant centre for imports to Norway, and from there goods were sent to dealers in other towns. Most women were homemakers, but some ran their own business. Thus, Russian religiosity in Norway, which started up as a predominantly rural phenomenon in the north, ended up in the urban religious landscape of southern Norway. This geography turned upside-down is in sharp contrast to the Norwegian State Church, which still kept its traditional strong position well, with 96 % of the population as members of its congregations in 1960.

Список литературы

Торвальдсен Г. Т. Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Изв. Урал. ун-та. 2016. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 3. С. 9–29.

Aschehoug og Gyldendals store norske leksikon. Oslo : Kunnskapsforlaget. URL: http://snl.no (mode of access: 03.08.2016).

Freeze C. Y. Jewish marriage and divorce in imperial Russia. Hanover : Univ. Press of N. England ; Brandeis Univ. Press, 2002. 399 p.

Goyer D. S., *Draaijer G. E.* The handbook of national population censuses – Europe. N. Y. : Greenwood Press,1992. 544 p.

Goyer G. S., Domschke E. The handbook of national population censuses : Latin America and the Caribbean, North America, and Oceania. L. : Greenwood Press, 1983. 711 p.

Holtsmark S. G. Naboer i frykt og forventning : Norge og Russland 1917–2014. Oslo : Pax, 2015. 748 p.

Myhre J. E., Kjeldstadli K., Niemi E. Norsk innvandringshistorie : I nasjonalstatens tid, 1814–1940. Oslo : Pax forlag, 2003. 580 p.

North Atlantic Population Project. URL: http: Nappdata.org online analysis system at the Minnesota Population Center (mode of access: 03.08.2016).

Russland kommer nærmere : Norge og Russland 1814–1917 / red. J. P. Nielsen, bildered P. Mankova. Oslo : Pax, 2014. Vol. 1. 642 p.

Sami Institute. Samene : en håndbok Samenes historie. Oslo : Sámi instituhtta, 1990. 228 p. URL: http://www.nb.no/nbsok/nb/368e375416c86d0956807855edb244a9.nbdigital?lang=no#0 (mode of access: 28.08.2016).

Statistics Norway. Folketællingen i Kongeriget Norge 1891 = Recensement du 1er Janvier 1891. Kristiania : Det statistiske centralbureau, 1894–1898.

Statistics Norway. Folketællingen i Norge 1 december 1950. Trossamfunn [Population census Dec. 1, 1950. Religious denominations]. Oslo : Statistisk sentralbyrå, 1954. 42 p.

Statistics Norway. Folketelling 1960 = Population census. Oslo : Statistisk sentralbyrå,1964. 85 p.

Statistics Norway. Historisk statistikk 1994 = Historical statistics 1994. Oslo : Statistisk sentralbyrå, 1995. 688 p.

The Arctic University of Norway. The Norwegian Historical Data Centre [site]. URL: http://rhd.uit.no/folketellinger/folketellinger_avansert_e.aspx (mode of access: 13.08.2016).

Thorvaldsen G. Ut av statskirken – en oversikt 1865 til 1980 // Historisk tidsskrift. 2015. № 94. P. 29–50.

Ulvund F. Jødeparagrafen. Oslo : Historieklubben presenterer, 2014. 92 p.

References

Aschehoug og Gyldendals store norske leksikon [Aschehoug and Gyldendal's Major Norwegian Encyclopedia]. Oslo : Kunnskapsforlaget. URL: http://snl.no ((mode of access: 03.08.2016).

Freeze, C. Y. (2002). *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia.* 399 p. Hanover, Univ. Press of N. England, Brandeis Univ.Press.

Goyer, D. S. & Draaijer, G. E. (1992). *The Handbook of National Population Censuses – Europe.* 544 p. N. Y., Greenwood Press.

Goyer, G. S. & Domschke, E. (1983). *The Handbook of National Population Censuses : Latin America and the Caribbean, North America, and Oceania.* 711 p. L., Greenwood Press.

Holtsmark, S. G. (2015). *Naboer i frykt og forventning : Norge og Russland 1917–2014.* 748 p. Oslo, Pax.

Myhre, J. E., Kjeldstadli, K. & Niemi, E. (2003). *Norsk innvandringshistorie : I nasjonalstatens tid, 1814–1940.* 580 p. Oslo, Pax forlag.

Nielsen, J. P. (Ed.). & Mankova, P. (Ill.) (2014). *Russland kommer nærmere : Norge og Russland 1814–1917.* Vol. 1. 642 p. Oslo, Pax.

North Atlantic Population Project. URL: http://Nappdata.org online analysis system at the Minnesota Population Center (mode of access: 03.08.2016).

Sami Institute. Samene : en håndbok Samenes historie. (1990). 228 p. Oslo, Sámi instituhtta. URL: http://www.nb.no/nbsok/nb/368e375416c86d0956807855edb244a9.nbdigital?lang=no#0 (mode of access: 28.08.2016).

Statistics Norway. Folketællingen i Kongeriget Norge 1891 = Recensement du 1er Janvier 1891. (1894–1898). Kristiania, Det statistiske centralbureau.

Statistics Norway. Folketællingen i Norge 1 december 1950. Trossamfunn. [Population Census Dec. 1, 1950. Religious Denominations]. (1954). 42 p. Oslo, Statistisk sentralbyrå.

Statistics Norway. Folketelling 1960 = Population census. (1964). 85 p. Oslo, Statistisk sentralbyrå.

Statistics Norway. Historisk statistikk 1994 = Historical statistics 1994. (1995). 688 p. Oslo, Statistisk sentralbyrå.

The Arctic University of Norway. The Norwegian Historical Data Centre [site]. http://rhd.uit.no/folketellinger/folketellinger_avansert_e.aspx (mode of access: 13.08.2016).

Thorvaldsen, G. (2015). Ut av statskirken – en oversikt 1865 til 1980 [Leaving the State Church – an Overview 1865 to 1980]. In *Historisk tidsskrift, 94,* pp. 29–50.

Torval′dsen, G. T. (2016). *Nominativnye istochniki v kontekste vsemirnoy istorii perepisey: Rossiya i Zapad* [Nominative Sources in the Context of the World History of Censuses: Russia and the West]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, 3,* pp. 9–29.

Ulvund, F. (2014). *Jødeparagrafen.* 92 p. Oslo, Historieklubben presenterer.

This article was submitted on 03.08.2016

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2016.4.202
УДК 94(470-25)"18/2"+355.48(44:47)“1812”+929Наполеон(44)+1+316.472

МОСКВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА* (часть 2)**

Владимир Земцов
Уральский федеральный университет,
Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

MOSCOW UNDER NAPOLEON: SOCIAL EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE*** (Part 2)

Vladimir Zemtsov
Ural Federal University,
Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article completes the analysis of the social aspects of cross-cultural contacts during the Napoleonic occupation of Moscow. A great fire that ignited on the evening of 14 September, combined with looting and violence, destroyed the contacts between the soldiers of the Grand Army and the local population which had begun to emerge in the first hours of the occupation. However, less than a couple of days later, the situation started to change as dialogue between the occupiers and the inhabitants resumed. Along with the purely pragmatic goals of the occupation authorities, an important role was played by human empathy. As for the Muscovites, most were concerned primarily with survival and the preservation of property where possible. However, there were quite a few who

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

** Первую часть статьи см.: Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 3. P. 217–234. The first part of the article is available in *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. Iss. 3. P. 217–234.

*** *Citation*: Zemtsov, V. (2016). Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202.

Цитирование: *Zemtsov V.* Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202 / *Земцов В.* Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202.

© Земцов В., 2016

grabbed this excellent opportunity to enrich themselves. The bulk of these people were criminals or part of the urban poor, but there were also some Russian merchants involved. The most successful contacts after the great fire and the cessation of 'official' looting arose between persons of similar social and cultural levels. A significant difference lay in the purposes and consequences of such contacts. If the result of interactions with the middle and higher social strata was at least a partial return to normal public relations, then the results of interactions at the lower level was the organisation of joint criminal and semi-criminal actions. In general, the short period of cross-cultural dialogue during Napoleon's occupation of Moscow gave many European nations, especially the French and Russian ones, a wealth of experience that defined processes of self-identification and inter-ethnic and inter-state interaction for decades or even centuries.

Keywords: foreign occupation; intercultural dialogue; Moscow in 1812; the Patriotic war of 1812; Napoleon's Russian campaign; Napoleon's Great Army.

Статья завершает анализ социальных аспектов межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы. Грандиозный пожар, охвативший город вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся уже в первые часы оккупации контакты между солдатами Великой армии и местным населением. Только по прошествии нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. По наблюдениям автора, наряду с прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей, важную роль в их поступках играли и гуманистические моменты, связанные с сопереживанием. Большинство москвичей были озабочены выживанием и сохранением имущества, хотя были и те, кто стремился к обогащению. В основном это были люди из уголовной среды и городских низов, но нашлись подобные и среди русского купечества. Наиболее успешные контакты после окончания большого пожара и прекращения санкционированных Наполеоном «официальных» грабежей между наполеоновскими войсками и москвичами возникли между лицами близкого социального и культурного уровня. В статье выявлена разница в целях и последствиях такого рода контактов. Если в высших и средних социальных слоях результатом этого стало частичное возвращение к нормальному функционированию общественных связей, то в низших слоях – организация совместных акций криминального и полукриминального характера. Кратковременный период кросскультурного диалога, пришедшийся на время наполеоновской оккупации Москвы, дал для многих европейских народов, в особенности русского и французского, богатейший опыт, определивший на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Москва в 1812 г.; иностранная оккупация; межкультурный диалог; Русская кампания Наполеона; Великая армия Наполеона.

8 (20) сентября 1812 г. Наполеон, находясь в выгоревшей и разоренной Москве, подготовил в поисках мира письмо к Александру I. Одновременно французский император принял ряд мер с целью отвести от себя и своей армии обвинения в уничтожении второй русской столицы. Наступил своего рода «классический период» оккупации Москвы, продлившийся до выхода основной части наполеоновской армии 6–7 (18–19) октября. Этот период характеризовался известным упорядочением взаимоотношений оккупационных властей с местным населением. Оккупанты проявили заинтересованность в поставках им продовольствия и фуража и начали демонстрировать готовность пойти на заключение мира с русским правительством. Горожане, со своей стороны, были озабочены проблемой выживания и сохранения остатков своего имущества.

Примерами подобного совпадения интересов стало создание по инициативе оккупационной армии московского муниципалитета и полиции. На основе «Дела о наведении справки о разных чиновниках, находившихся на службе у Наполеона» можно установить, что муниципалитет был организован именно 12 (24) сентября, в день процесса над «поджигателями» [ЦИАМ. Д. 563][1]. Главную роль в этом сыграли Ж. Б. Б. Лессепс, бывший французский поверенный в делах в Петербурге, назначенный Наполеоном «интендантом города и провинции», и «московский француз» купец Я. А. Дюлон, в доме которого Лессепс квартировал «по давнишнему с ним… знакомству» [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 43об.]. Социальный и национальный состав этих органов был в своё время проанализирован В. Я. Улановым, который исходил из числа 87 лиц, принимавших участие в управлении [Уланов, с. 128]. Получалось, что в муниципалитете и полиции было более 20 иностранных подданных, 15 чиновников разных рангов, 15 купцов и детей купеческих, четверо военных в отставке, четверо ученых (один профессор, один магистр и два учителя), два дворовых человека и один вольноотпущенный.

Что касается русских купцов, оказавшихся на руководящих постах этого органа, то они согласились занять их под сильным давлением. Согласно документам, им было приказано явиться в дом к Я. А. Дюлону, который и объявил им, кто в какой должности будет состоять («назначил их каждому должности»). Как показал позже П. И. Находкин, купец 1-й гильдии, назначенный «гражданским головою», он попытался отказаться от должности, «но Лессепс сказал, что отменить сего нельзя», так как в противном случае «будет с ними худо» [ЦИАМ. Д. 563. Л. 39–39об.].

В сущности, почти все русские члены муниципалитета оказались в нем не по своей воле. Так, Г. Н. Кольчугин, купец 2-й гильдии, пытался сберечь имущество от огня и разграбления (в том числе, если не прежде всего от русской дворни князя Трубецкого, дом которого

[1] Благодарим Е. Г. Болдину, оказавшую помощь в знакомстве с этим делом.

находился рядом) и с этой целью попросил у французских офицеров, стоявших у него постоем, защиты. Это привело к тому, что вскоре его под конвоем доставили к Ж. Б. Б. Лессепсу, который объявил, что тот «избран в муниципалитет». Кольчугин слезно упрашивал избавить его от этого, ссылаясь на престарелых родителей и многочисленное семейство. В ответ на его тирады Лессепс ответил просто:

> Что ли вы много разговорились? Разве хотите, чтоб я об вас как об упрямце донес моему императору, который в пример другим прикажет вас расстрелять? [Кольчугин, с. 49].

Вернувшись домой, Кольчугин посоветовался с отцом:

> Решили избегать присутствия, журналов не подписывать и давать знать, что пошел в такой-то приход или в такую-то часть к больным… [Там же, с. 50].

В подобной ситуации оказался и надворный советник А. Д. Бестужев-Рюмин. Правда, в обмен на участие в муниципалитете ему была обещана относительная сохранность архива Вотчинного департамента, который он должен был сберегать. Обстоятельства, предопределившие вступление в муниципалитет всех других русских купцов и чиновников, в сущности, были аналогичными тем, которые были у П. И. Находкина, Г. Н. Кольчугина и А. Д. Бестужева-Рюмина.

Несколько иначе обстояло дело с некоторыми «московскими иностранцами». Будучи ограблен и потеряв дом, сам искал «какой бы то ни было службы во французской армии» надворный советник, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния Иван Кульман [Наполеон в России, с. 72; Бахрушин, с. 30–31]. Остались не до конца выясненными мотивы поведения надворного советника, профессора Московского университета Х. Штельцера [Васильчиков, с. 447–448; Андреев, с. 44–53; ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 44–45; Киселев, с. 890–891; Histoire de la destruction, p. 103, 120–122]. То же касается француза Ф. Виллерса, преподавателя французского языка, ставшего обер-полицмейстером (он будет приговорен Сенатом к ссылке в Сибирь, но затем его объявят свободным и простят).

Обращает на себя внимание то, что одной из главных причин, заставлявших русских жителей Москвы ограничивать свое участие в работе органов, созданных оккупантами, была боязнь преследования со стороны российских властей после их возвращения. В то же время «московские иностранцы» не исключали возможности выехать из Москвы вместе с отступающей армией Наполеона.

Как действовала созданная французами московская полиция, и как вели себя ее чины? В этой связи чрезвычайный интерес представляют рапорты, направлявшиеся участковыми комиссарами маршалу А. Э. К. Ж. Мортье, к которым в XIX в. обращались двое

исследователей – П. П. Гронский и А. Н. Попов, а в начале XXI в. – французская исследовательница М. П. Рей. Приведем несколько характерных сюжетов из этих рапортов. 21 сентября (2 октября) Жорж (Егор) Лаланс доносил, что солдаты 3-го корпуса не только грабят жителей, укрывшихся в подвалах, но и наносят им раны саблями. В грабеже участвуют и французские раненые, помещенные в госпитале Воспитательного дома, которые отнимают у русских капусту и картофель. Он же сообщал о безобразиях, чинимых стоявшими на биваках в саду близ Яузы саксонскими и польскими солдатами, один из которых (саксонец) ударил старую женщину и угрожал убить ее, если она донесет о грабежах комиссару. 28 сентября (9 октября) М. И. Марк, комиссар Пресненской части (13 участка), сообщал о том, что фурьер 10-й роты гвардейской кавалерии обокрал отставного русского сержанта, а комиссар Басманной части Умберт (Гриберт, Гюберт) Дро(з) в тот же день извещал о действиях в его округе «целой шайки грабителей… которую можно разогнать только значительною силою». Комиссар 8-го участка (вероятно, Арбатской части) Карл Лассан докладывал о нападениях наполеоновских солдат на коллежского секретаря П. Разумова и о нанесении ему ран. Один из комиссаров доносил об убийствах и истязаниях солдатами лошадей: ради забавы в них стреляли из ружей и перерезали им ноги. Много внимания уделяли комиссары в своих донесениях положению русских пленных и раненых, сообщая об их высокой смертности и прося оказать им возможную помощь в пропитании [Попов, с. 120–121; Гронский, с. 221–222; Rey, p. 192; Москва и Отечественная война, с. 78–86]. Стоит отметить, что многие комиссары полиции были иностранными подданными.

Помимо организации муниципалитета и полиции, оккупационная администрация особое внимание уделила Воспитательному дому. Уже в день вторжения Великой армии в Москву главный надзиратель И. А. Тутолмин, пытаясь обезопасить подведомственное ему учреждение от «пьяного» патриотизма московской черни и уголовников, бросился в Кремль, куда в четыре часа дня вошли войска Наполеона. В ответ на просьбы И. А. Тутолмина А. Ж. О. А. Дюронель, назначенный военным комендантом города, выделил охрану из 12 конных жандармов при одном офицере [И. А. Тутолмин – И. Н. Баранову; ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 60об.–62]. На следующий день Воспитательный дом посетил генерал-интендант Великой армии М. Дюма.

6 (18) сентября по возвращении из Петровского Наполеон осведомился о состоянии Воспитательного дома и его малолетних обитателей. «Поезжайте и посмотрите от моего имени, – сказал он М. Дюма, – что сталось с этими маленькими несчастными» [Fain, p. 99]. На следующий день, 7 (19) сентября, Наполеон отправил к И. А. Тутолмину своего секретаря-переводчика Э. Л. Ф. Лелорнь д'Идевиля. Предварительно император спросил, знаком ли тот

с И. А. Тутолминым. «Сир, – ответил секретарь-переводчик, – я познакомился с ним во время моего первого пребывания в этом городе. Это достойный человек…» [Fain, p. 103]. Примерно в 12 часов дня Лелорнь прибыл в Воспитательный дом и сообщил Тутолмину, что имеет поручение доставить последнего к императору. Иван Акинфиевич с радостью встретил Лелорня, с которым он познакомился пять лет назад, когда они оба часто бывали в доме у А. Д. Хрущева. Тутолмин и Лелорнь поцеловались. Иван Акинфиевич повел гостя к себе, предварительно показав ему ряд помещений Воспитательного дома. Подведя Лелорня к детям, Тутолмин сказал им: «Этого француза прислал император». Лелорнь тотчас же был встречен радостными возгласами детей; самые маленькие ухватились за его ноги, те, кто были постарше, бросились к нему на шею.

> Защита вашего государя стала для нас милостью неба, и без защиты, которую ваш государь нам предоставил, не было бы надежды защитить наш дом от того, чтобы он не стал добычей грабежа и пожара,

– говорил Лелорню Тутолмин со слезами на глазах. Иван Акинфиевич привел Лелорня к себе в комнаты и, разместившись, они «стали говорить как знакомые». «Я обрадовался, – пишет И. А. Тутолмин об Э. Л. Ф. Лелорне, – что он по-русски говорит, как русский». Лелорнь особенно расспрашивал о семействе Хрущева, и Тутолмин, что мог знать, рассказал ему. Наконец Лелорнь взял Тутолмина за руку и тихо сказал, имея в виду Наполеона: «Поедем; чем скорее, тем ему приятнее». Они поднялись, вышли из дома, сели вместе в дрожки и поехали в Кремль [И. А. Тутолмин – И. Н. Баранову; ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 60об.–62; Fain, p. 99–100].

Встреча Наполеона с И. А. Тутолминым нами была описана ранее [Земцов, с. 199–201]. Очевидно, что главной целью императора было установить через И. А. Тутолмина контакт с Александром I, одновременно демонстрируя свою заботливость о московских погорельцах и детях Воспитательного дома. Вероятно, с этим же (хотя мы не исключаем естественного проявления гуманизма со стороны французского командования) был связан и факт присылки в Воспитательный дом детей, подобранных французами на улицах горящей Москвы. Согласно обычаю, дети получали фамилии тех, кто принял участие в их судьбе. Поэтому двое из них стали именоваться Наполеоновы, девять – Тревизские (присланы от А. Э. К. Ж. Мортье, герцога Тревизского), и девять – Милиевы (доставлены от французского коменданта Москвы Э. Ж. Б. Мийо) [ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 65, 86–89об.]. В дальнейшем, когда станет ясно, что контакт с Петербургом установить не удается, Наполеон воспользуется Воспитательным домом (как бы в обмен за оказанные услуги) в качестве госпиталя для нетранспортабельных раненых Великой армии, которых придется оставить в Москве.

На каких языках происходило общение между оккупантами и московскими жителями? Очевидно, что многие русские дворяне владели французским, а нередко и немецким языком, хотя и в разной степени. Так, асессор Г. В. Сокольский мог относительно легко объясняться на нескольких иностранных языках, за что часто возносил хвалу Господу [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 18]. В то же время при встрече И. А. Тутолмина с Наполеоном оказалось, что французский язык у действительного статского советника оставляет желать много лучшего, и императору пришлось прибегнуть к услугам Э. Л. Ф. Лелорнь д'Идевиля как переводчика.

Проще всего было «московским иностранцам», которые не испытывали подобных затруднений. Даже если немец-москвич не знал французского, он легко находил возможность общаться по-немецки. Так, в доме у А.-И. Розенштрауха поселились четверо французских «адъютантов Бертье», трое из которых «прилично говорили по-немецки» [Розенштраух, с. 81].

Не возникало особых трудностей в плане языка и при общении между москвичами и поляками. Некий «командир», говоривший по-русски, потребовал от русского работника в каретном ряду починить экипаж, после чего дал ему талер, сказав: «На, хлопец». «Как они ушли, – вспоминал русский, – отец говорит: "Это, говорит, поляк, потому у них такой обычай: все хлопец да хлопец"» [Толычева, 1872, с. 20]. Часто в качестве переводчиков оккупанты использовали мальчиков, служивших в магазинах у иностранцев [Толычева, 1912, с. 42, примеч.].

Многие из русских священнослужителей пытались общаться на латыни, что часто им удавалось. К примеру, так общался с оккупантами священник московского Успенского собора И. С. Божанов [Щукин, ч. 4, с. 578]. На том же языке изъяснялся с неким генералом дьякон, муж Е. А. Пахорской, поведавшей об этом через много лет [Толычева, 1912, с. 55]. Однако когда дьякон попытался объясниться по-латыни с караульными, ему это сделать не удалось. Жена дьякона вспоминала:

> Они по-латыни не знали да выучили несколько русских слов, и муж мог слово, другое по-французски сказать. Так объясняться можно было с грехом пополам [Толычева, 1912, с. 58].

Солдаты оккупационной армии достаточно быстро «выучились по-русски лепетать, – вспоминал один из современников, – все съестное называть умели: хлеб, масло, вино, яйца, вода – все знали, а уж мы привыкли и понимали». В крайнем случае на помощь приходил язык жестов и междометий [Толычева, 1872, с. 22; Толычева, 1912, с. 27 и далее].

Русские москвичи начали четко различать «настоящих» и «ненастоящих» французов. «Французы-то сговорчивы и не обидчики; их, бывало, разжалобить можно, ну, а прочих-то добрым словом не помянешь», – вспоминал современник [Толычева, 1912, с. 72]. Купеческий сын А. Алексеев, переживший оккупацию, рассказывал много лет спустя:

> Только это были не настоящие французы, а настоящие-то как милосердны! Как, бывало, придут, мы их сейчас узнаем по речи да по манерам и не боимся, потому знаем, в них совесть есть. А от их союзников упаси Боже! Мы их так и прозвали: *беспардонное войско*, что их ни просьбой, ни слезами не возьмешь [Толычева, 1912, с. 26][2].

«Грех их лихом помянуть: добрые были люди!» – восклицал крепостной А. Н. Соймонова, вспоминая французов [Там же, с. 69–70]. С французами оказались связаны и примеры проявления своего рода «мародерской деликатности». Так, узнав, что жена одного из москвичей, которого грабили, больна, французские солдаты начали обчищать дом, стараясь при этом не производить шума [Histoire de la destruction, p. 112]. А генерал Ж. Д. Компан, не в состоянии превозмочь себя в желании присвоить великолепные часы, стоявшие в доме Н. С. Всеволожского, где он остановился, оставил в утешение хозяину свою раненую лошадь, которая, впрочем, дала потом великолепное потомство [Толычева, 1912, с. 23–24].

Оказались близки к «настоящим французам» итальянцы. Тесные отношения, к примеру, сложились у русского семейства «из духовного состояния» с «одним капитаном Итальянской гвардии». Итальянец, беседуя со священником по-латыни, любил порассуждать о трудностях Русского похода, а его русские собеседники рассказывали об ужасах северных морозов [Рязанов, с. 126–127].

Сами французы, оправдывая грабежи и насилия, предпочитали во всем обвинять солдат немецких частей – баварцев и в особенности вюртембержцев [Histoire de la destruction, p. 117; д'Изарн]. Именно вюртембержцы, как утверждал А. Домерг, «придумали вырывать из земли трупы», дабы искать на них драгоценности [Домерг, 1881, № 12, с. 816].

Доставалось в разговорах, которые вели французы, и полякам. Кюре церкви Святого Людовика в Москве А. Сюрюг писал, что один французский офицер в разговоре с ним сознался, что французская армия после эпохи революции еще не становилась виновницей столь страшного беспорядка, и сваливал вину на иностранные войска, в особенности на поляков, утверждая, что они имели особые причины для такой мести [Surugue, p. 44]. Поляки, пришедшие с Великой армией, действительно часто не отличались великодушием. Смотритель Павловской больницы П. П. Носков описывал в донесении, что уже со 2 (14) сентября поляки «волнами» начали грабить подведомственное ему учреждение и «при малейшем упорстве обнажали сабли» [ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 53–56; Москва в 1812 году, с. 157]. Грабежи поляков, которые остановили французские солдаты, описывал и неизвестный автор в записке «Страшен сон, да милостив Бог»

[2] Иную трактовку выражению «беспардонное войско» дает асессор Г. В. Сокольский, утверждая, что это означало солдат в латах, то есть кирасиров [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 15].

[Щукин, ч. 9, с. 78–82]. В воспоминаниях другого, тоже анонимного автора, воспроизводится такая сцена:

> Через две минуты пришел один поляк… он слушал слова мои со злобным видом и, чувствуя эту отраду, что он мог мстить за прошедшия свои разорения, от россиан учиненныя, стращал меня и, ударяя по уху, требовал серебра, вынимал саблю и показывал глупую свою храбрость над обезоруженным [Долгова, с. 38].

И все же были и другие примеры. В воспоминаниях насельников Новодевичьего монастыря запечатлен образ благородного польского офицера М. Задеры, прикомандированного к Главной квартире 1-го армейского корпуса и произведенного 11(23) сентября в аджудан-комманданы (штабные полковники) [Московский Новодевичий, с. 844–858; Толычева, 1912, с. 13; Quintin, p. 891]. Служитель монастыря вспоминал:

> …А нам грешно сказать, у нас стояли не одни французы, тоже и поляки, и нас не обижали, все потому что их начальник, Задэра-то, греха боялся [Толычева, 1912, с. 13].

Задера настоятельно просил всю дорогую церковную утварь спрятать и в случае каких-либо инцидентов приносить жалобы.

Постепенно менялось и восприятие чинами армии Наполеона русских. На полях «Переписной по Калуге старых лет, 1729 года» много лет спустя после нашествия историк Н. И. Тихомиров обнаружил множество полубеспорядочных надписей, оставленных французским гренадером, расположившимся в архиве Вотчинного департамента. Воспроизведем одну из них:

> …il Nexiste aucun français qui ne soit au Désespoir du mal'heure de vottre jolie Moscau j'ôse vous assurer que moi Dans Mon particulier je la pleure en regrai elle aitait digne d'être conserve Si vous ussiez resté chez vous el aurait été conserve Pleuré Pleuré Russien Le mal'heur de vottre payis Vous seul aitez l'auteur de tout les meaux quil endure[3].

Примеров сочувственного отношения к несчастным жителям Москвы со стороны солдат Наполеона было множество. В особенности это почувствовали на себе три категории москвичей. Во-первых, немногочисленные представители верхов русского общества, оставшиеся в городе. Так, действительный статский советник П. И. Загряжский

[3] «Нет ни одного француза который бы не пришел в отчаяние от несчастья вашей чудной Москвы я осмелюсь уверить что я почти я в особенности я плачу жалея что она достойна того чтобы быть сохраненной если то что осталось будет сохранено Плачь Плачь русский несчастье вашей страны вы один автор всех несчастий которые произошли» [ГИМ Ф. 160. Ед. хр. 198. Л. 2; Щукин, ч. 7, с. 214–215].

быстро нашел себе приют в доме С. М. Голицына, где остановился обер-шталмейстер Наполеона А. О. Л. Коленкур. Отставной генерал-майор С. И. Мосолов мало того, что принял от французов охранный билет, но еще и получал от них продовольствие. Он писал:

> То иные французы приходили только посидеть с нами и с собою вино разного сорту приносили, потчевали нас им и детям давали коринки, без сумления, что все было награбленное; а иные были даже босы и наги, видно голые ноги; однако ж ничего не брали и сапог ни с кого не снимали [Щукин, ч. 8, с. 343].

Перед выходом из Москвы Ж. Б. Б. Лессепс прислал Мосолову 100 руб. денег. Во-вторых, это коснулось тех москвичей, которые оказались в различных воспитательных и богоугодных заведениях. Помимо Воспитательного дома, помощь получили Екатерининская больница, Инвалидный и Богаделенный дома [Щукин, ч. 1, с. 106–107]. В-третьих, получили помощь и сочувствие некоторые женщины, оказавшиеся в тяжелом положении. Несколько дней кормил и помогал только что разрешившейся от бремени женщине из простонародья, прятавшейся от пожара на кладбище, неизвестный французский солдат [Наполеон в России, с. 344–345]. Французский «генерал или полковник», увидевший рожавшую прямо в саду жену русского купца, пригласил ее к себе на квартиру и разделил комнату, где он жил, надвое ширмами [Толычева, 1912, с. 42–43]. Помогли французские солдаты увезти с Орлова Луга заболевшую молодую женщину [Там же, с. 50–51].

Немало было примеров и защиты со стороны оккупационных властей русских церквей, монастырей и их причта. Более того, возобновление службы в московских церквях после окончания пожара произошло не только по инициативе отдельных оставшихся в Москве священнослужителей, но и по требованию французских властей. К примеру, проводить богослужения в Страстном монастыре побудил священнослужителей некий «французский генерал». А в Знаменском монастыре это произошло по причине приезда в него 15 (27) сентября Ж. Б. Б. Лессепса, который прямо приказал отправлять богослужения [Мельникова, с. 354, 358]. При этом французские власти разрешали провозглашать многие лета императору Александру. Когда священнослужители Новодевичьего монастыря обратились к «французскому генералу» с просьбой о возобновлении богослужения, он сказал: «Если вы желаете, я вам всего пришлю. Нам даже будет очень приятно, что вы свою службу отправлять будете». Генерал прислал муки и три бутылки вина [Толычева, 1912, с. 14]. Когда началась служба в Рождественском монастыре, тогда «…и французы бывали частенько на службе, – вспоминала А. А. Назарова, которой в 1812 г. было 10 лет. – Любопытно им, видно, было. Войдут, нам поклонятся и смотрят. Иной раз между собой пошепчутся, а стояли всегда прилично» [Там же, с. 82–83].

Заметную помощь оказали оккупационные власти «московским иностранцам». Погорельцы-иностранцы были размещены в доме у Красных ворот, в здании медицинской академии и в находившемся рядом с ней доме Давыдова, в доме Разумовского на Гороховом поле и, конечно, в церкви Святого Людовика [Попов, с. 88]. Помимо этого, император выделил 50 тыс. рублей, «дабы выборные люди распределили их среди несчастных». Однако раздача денег была сделана тяжелой медной монетой, и эта мера, по словам того же Сюрюга, оказалась малоэффективной [Surugue, p. 49–50].

Французские власти делали попытки оказать помощь и русским раненым, оставленным в Москве. 5 (17) сентября командир 1-го армейского корпуса Л. Н. Даву сообщал Л. А. Бертье следующее:

> Moscou, le 17 Septembre. Au Major Général.
>
> J'ai l'honneur d'informer V. A. S. que suiveur la declaration du chirurgien en chef de l'hopital de la Guerre à Moscou, il éxistait un grand nombre de blesses qui out été évacué les 16 et 17 des différeur hopitaux de la ville. Un nommé [Popel?] qui était parti avec eux et qui est revenu hier [*нрзб*] pu passer sur la route de Wladimir a déclaré que la plupart de ces blessés avait été arrêter par nos troupes et qu'hier quelque évacuation avaient en lieu pendant qu'il était chez le Roi de Naples et chez l'Epereur.
>
> Le Grand hôpital de Guerre peut, d'après la déclaration du chirurgien en chef contenir 2000 honneurs et était plein il ya cinq jours. Il est meuble et approvisionné. L'hopital de Kalawinsky est un château où il n'ya point delit ni d'approvisionné [нрзб]. Il est susceptible de contenir 10,000 malades. Il etait rempli il ya a six jours. Il ya en outre plusieurs hopitaux civile, dout V. A. trouvera la nomenclature dans l'Etat citoyen (?).
>
> Il existe ici une [*нрзб*] pharmacie militaire qui est placé à coté de l'hopital de la guerre. J'ai chargé Mr l'ordonnateur en chef d'envoyer constater dans les differents hopitaux le materiél et le personnel et d'eu faire un rapport à Mr l'intendant général et à moi[4]
>
> [Service historiques de la Défense. C2 290. F. 100].

---

[4] «Москва, 17 сентября. Начальнику Главного штаба.

Имею честь информировать Ваше высочество, что согласно заявлению главного хирурга Военного госпиталя в Москве, здесь находится огромное количество раненых, которые были эвакуированы 16-го и 17-го из разных госпиталей города. Некто по имени Попель (?), который был среди них (то есть вместе с ранеными. – *В. З.*) и который вернулся сюда [*нрзб*], пройдя по дороге на Владимир, говорит, что большая часть этих раненых должна была быть задержана нашими войсками и что отсюда было осуществлено несколько эвакуаций в то время, когда приближались Неаполитанский король и император.

В Большом военном госпитале по заявлению главного хирурга содержится 2 000 человек, и они поступили сюда в течение 5 дней. Он [госпиталь] меблирован и обеспечен. Головинский [Kalawinsky] госпиталь расположен во дворце, который преступным образом ничем не обеспечен. Он способен принять 10 000 больных. Он заполнен за последние шесть дней.

Здесь имеются другие многочисленные гражданские госпитали, которым Выше высочество изволили дать статус гражданских.

Здесь (то есть в Москве. – *В. З.*) имеется [*нрзб*] военная фармацевтика, которая находится возле военного госпиталя.

Я отдам приказ г-ну главному ординатору без промедления определить нужды различных госпиталей в материалах и персонале и представить рапорт г-ну главному интенданту и мне».

Французское командование приняло меры к тому, чтобы наряду с обеспечением продовольствием и медицинской помощью своих раненых, которых было до 15 тыс. чел., помочь остававшимся в городе русским раненым и больным. Очевидно, что больше всего повезло в этом плане раненым русским офицерам, но не солдатам. Самым известным в этой связи сюжетом является история, произошедшая с ранеными русскими офицерами, оказавшимися в Голицынской больнице (прапорщиком А. С. Норовым, штабс-капитаном гвардии и адъютантом М. Б. Барклая-де-Толли А. Ф. Клингером, капитаном егерей Тимофеевым, поручиком Преображенского полка М. М. Обольяниновым, майором Орденского кирасирского полка Ф. В. Вульфом). Осмотренные, а некоторые и прооперированные самим главным хирургом Великой армии Д. Ж. Ларреем, они были предоставлены заботам старшего хирурга 12-го конно-егерского полка Бёфиса [Норов, с. 49–52; Larrey]. Помогал русским раненым в Голицынской больнице и главный хирург 5-го (польского) армейского корпуса Л. Лафонтен.

Что же касается простых русских солдат, то реалистичную картину того, что происходило в Главном военном госпитале, нарисовал А. В. Нордгоф, московский немец:

> Несчастные больные не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже продовольствия. <…> Самим французам не хватало хирургов и продовольствия, следовательно, никто не занимался этими бедными заброшенными людьми. Наконец, на третий день прибыли три хирурга, чтобы принять заботу о стольких больных. Да, всего три хирурга на такое количество людей… [Histoire de la destruction, p. 85; Dumas, p. 446–447].

Огромное число русских раненых рассыпалось по Москве в поисках пропитания. Но далеко не все смогли его найти. М. И. Марк, участковый комиссар полиции 13-го дистрикта (вероятно, Пресненской части, созданной оккупантами), докладывал:

> Я еще велел совершить погребение четырнадцати русских солдат, которые умерли скорее от голода, чем от своих ран (цит. по: [Гронский, с. 222]).

Заботу иного рода наполеоновская администрация вынуждена была проявить и по отношению к люмпенизированным слоям оставшихся в городе москвичей. Именно от них исходила основная угроза не только относительному порядку в Москве, но имуществу и жизни самих оккупантов. Главными жертвами московских низов, конечно, стали их добропорядочные соотечественники. Купеческий сын И. Е. Гречишников зарыл свое имущество, но дворовый человек Василий Афанасьев вырыл его и себе присвоил, оправдываясь впоследствии тем, что получил его от французов «за услуги», а именно за ношение воды [Щукин, ч. 2, с. 77–78, 81]. Не давали житья укрывшим-

ся в одной из церквей 18 московским жителям бродяги и пьяницы, которые «один другому прекословили, друг у друга чинили грабежи, ругались, и кричали, и друг друга упрекали…» [Долгова, с. 44]. Приметили, где спрятал свое имущество помощник квартального надзирателя, «разобрали половицы и все стащили» его жильцы из числа простонародья. Больше того, дабы скрыть свою кражу, они донесли на скрывавшегося полицейского французам [Толычева, 1872, с. 9]. И наоборот, купцу Г. Н. Кольчугину пришлось обращаться к французским властям за помощью в надежде вернуть награбленное в его доме дворней князя Трубецкого, которая с момента оставления русскими войсками Москвы безостановочно грабила и пила совместно с понаехавшими к ней деревенскими родственниками. Ситуации придало особую пикантность то, что дворня Трубецкого под пьяную лавочку обокрала и самого Л. А. Бертье, начальника Главного штаба Великой армии! [Кольчугин, с. 52–53].

Немалочисленной оказалась в оккупированном городе и такая своеобразная категория, как проститутки. Шеф батальона Л. Ж. Вьонне де Марингоне вспоминал:

> Масса публичных женщин осталась в Москве; многие честные женщины, умирающие с голоду, также принуждены были служить развлечением для всех [Vionnet de Maringone, p. 43].

Из полицейского протокола, составленного в мае 1813 г. в Таганской части, узнаем, что крепостная «г-на Акшарумова Дарья Степанова, 28 лет, пропитание в Москве имела от чинимого с разными людьми непотребства». В апреле 1813 г. она была арестована, так как

> …в сумерки, встретившись сей части на Семеновской улицы с шедшим неизвестным ей солдатом, который пригласил ее [к] непотребству, и по согласию на пожарище близ Покровского монастыря легли, где полицейским офицером взяты… [Щукин, ч. 3, с. 102].

Иначе устраивались публичные женщины более высокого социального положения. А.-И. Розенштраух описывал, как ему на помощь во время грабежа «организованными» наполеоновскими мародерами пришла соседка, «которая была очень красива и пользовалась не самой лучшей репутацией», заявила, что она любовница французского генерала, и он не потерпит очернения славного имени Наполеона чинами его армии [Розенштраух, с. 252–253].

Но многим доступным женщинам из московского простонародья, которые сблизились с солдатами оккупационной армии, казалось, что они тем самым превратились в «высокородных дам». Вообще же в разгар, и особенно к концу пребывания Наполеона в Москве царил уже настоящий карнавал, отразивший разрушение, хотя и временное, многих социальных рамок. В то время как «русские проститутки

танцуют (точнее, пляшут) в костюмах французских маркиз» [Бургонь, с. 40–42], аристократы П. А. Волконский, С. А. Лопухин и князь Д. В. Голицын таскают «на плечах своих кули, а французы погоняют их, крича: ало! ало!» [Перечень известий, ст. 791–792].

Сами оккупанты приобрели экзотический и «варварский» вид.

> …Я смог купить по дешевой цене теплую шубу, с помощью которой я смог утеплить мой старый гарик (плащ. – В. *З.*). <…>. Я сконструировал с помощью солдата большие сапоги из шкуры медведя мехом вовнутрь, и я закончил перемены в своем внешнем виде, утеплив мехом мой нос, да, смейся, мой нос мехом…

– пишет 10 (22) сентября полковник Ф. И. А. Паркез [АВПРИ; Lettres interceptées, p. 61].

> Я, к счастью, нашел гренадера, который согласился сделать новые теплые подкладки к моим мундирам. Я подогнал хорошую шубу (хотя и старую), чтобы ездить на лошади… егерь починил мои сапоги, и он же мне обещал пару ботинок из шкуры, чтобы в них наполовину поместить эти сапоги. Я покрыл беличьим мехом мой парижский картуз…

– повествует в письме к жене помощник начальника топографического кабинета императора Л. А. Г. Бакле д'Альб [РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92. Л. 70–70об.; Lettres interceptées, p. 111].

> Достал очень большую женскую шубу из лисы и белого атласа, и она мне хорошо служит. Я предпочитаю ее всему другому…

– писал К. А. Лами, чиновник, прикомандированный к военным комиссарам [Lettres interceptées, p. 168].

> Раз встретился мне француз, он ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, во все стороны озирается, а сам смеется…

– вспоминал купеческий сын А. Д. Сысоев [Толычева, 1872, с. 15].

Когда армия тронулась из Москвы, она являла собой картину уже значительно разложившегося военного организма. Р. Э. Ф. Ж. Монтескьё барон Фезенсак, командир 4-го линейного полка, наблюдая, как Великая европейская армия выступала из Москвы, подумал, что это «спектакль, который напоминает войны азиатских завоевателей» [Fezensac, p. 52].

Нередко сами несчастные русские погорельцы теперь жалели обносившихся оккупантов!

А. Алексеев вспоминал:

> Жаль было на них посмотреть, все они оборванные да изможенные; опять же кто в чем попало: один на себя навьючил женскую юбку, другой – поповскую ризу; настоящие Святки! [Толычева, 1912, с. 29].

Между тем, переодевание во всевозможные одежды, как писал по горячим следам «московский француз» Ж. Лекуант де Лаво, давало повод солдатам грабить даже своих офицеров, которых они как бы не узнавали в новых одеждах [Lecointe de Laveau, p. 125–127].

Фантасмагоричность «московского маскарада» заметно усилилась с появлением большого числа окрестных крестьян. А.-И. Розенштраух писал:

> Когда же публичные грабежи прекратились, и учредили упомянутую уже полицию, из окрестностей в город потянулось много крестьян, но не затем, чтобы привезти продукты, а чтобы купить медные деньги… и для поисков в сгоревших лавках и домах всего, что они могли увезти на своих телегах [Розенштраух, с. 263].

Главным пунктом концентрации московских низов и подмосковных крестьян стала Никольская улица, где французская гвардия начала продажу медной монеты на золотые или серебряные деньги.

> Можно было видеть, например, как жадные женщины взваливали себе на оба плеча мешки, но не успевали сделать и двух шагов, как какой-нибудь силач отнимал у них добычу и убегал с нею. Крики, брань, драка – все это смешалось; солдаты с обнаженными саблями и криками «ура» били направо и налево и, в свою очередь, похищали яблоко раздора. «Мусью, мусью! Подарите… Алё, алё!.. Что даешь?.. Подарите, мусью», – и затем град ударов; но на это не обращали никакого внимания…

– вспоминал Ф. д'Изарн [д'Изарн, ст. 1435].

Французы, пытаясь навести хоть какой-то порядок, загородили баррикадами вход в Китай-город у Воскресенских ворот и разложили медные монеты в мешки по 25 руб. Солдаты, получив предварительно «требуемую сумму», бросали из окон или «через баррикады эти громадные мешки в ненасытную толпу» [Домерг, 1881, № 9, с. 159–160; д'Изарн, ст. 1436].

По выходе французской армии из Москвы грабежи вообще приобрели небывалый размах.

> Лишь только они [французы] ушли, начали свои грабить, и те, что в городе оставались, да и соседние крестьяне явились на поживу. Целых три дня грабили нещадно… <…> А другие безо всякой совести на все бросались; да уж хоть бы брали что могли, а не истребляли бы даром чужого добра. Много его погибло без всякой пользы. Я видел, как на Мясницкой с верхнего этажа дома Салтыкова выбрасывали мебель. Она разбивалась о мостовую, и крестьяне увозили столы и стулья без ножек,

– вспоминал А. Д. Сысоев, выходец из купеческого сословия [Толычева, 1872, с. 15]. Священник А. Н. Лебедев, вспоминая о событиях в Зарядье, писал, что имущество грабилось «налетевшими, как саранча… мужиками».

> Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и все то, что было зарыто москвичами в землю на дворах, по погребам. Увозилось ими все, и мелкое и крупное, не пренебрегали и книгами [Щукин, ч. 3, с. 259].

В сущности, первые дни после выхода армии Наполеона из Москвы удивительно напоминали канун оккупации первопрестольной: отсутствие властей обрекало город на произвол городских низов, раненых и «мнимораненых» солдат и окрестных крестьян. Жертвами грабителей и насильников становилась добропорядочная публика из числа чиновников, купцов, мещан и «московских иностранцев». Возвратившиеся в Москву после оккупации русские власти долго не могли навести порядок. Первым делом прекратив грабежи со стороны крестьян и московского люда, власти стали выявлять «крамолу» – арестовывать сотрудничавших с оккупационными властями и составлять списки «выехавших вместе с французами». В первом такого рода списке среди 51 фамилии значились наряду с «московскими иностранцами» «Иван Гаврилов, калмык, вечноцеховой», две мещанские девицы Прасковья и Пелагея Клушниковы, московская купчиха Варвара Иванова [Щукин, ч. 2, с. 35–38].

Немало в числе заподозренных как в сотрудничестве с неприятелем, так и в грабежах и воровстве оказалось полицейских. Наконец, в городе упорно циркулировали слухи о злоупотреблениях российских властей и даже о возвращении Наполеона! Поэтому Ф. В. Ростопчину и его окружению пришлось преследовать и тех, кто, по их мнению, эти слухи распускал. В апреле 1813 г. «за разглашение пустых и нелепых слухов» были высланы в Вологду военные чиновники отец и сын Газо, оставленные отступавшими при больных французских солдатах [Там же, с. 157–158]. Был задержан в июле 1813 г. гренадер Денисов «за распространение ложных слухов о прибытии в Москву французов» [ЦИАМ. Д. 564]. Был арестован рядовой Брестского «мушкетерского» полка Григорий Буфетов, который, как оказалось, «вместе с французами разбивал кладовые почтамта и делал разным чиновникам насилия» [Щукин, ч. 1, с. 126]. В конце 1813 г. был отправлен в «Железенский гарнизон» некто Артемьев, «цеховой», который, «обращаясь в пьянстве, превозносил в трактире похвалами Наполеона, порицал правительство и желал, чтоб французы опять пришли в Москву» [Там же, с. 159]. Удивительная вещь: многие русские, только что пережив ужасы войны и вражеской оккупации, мечтали о возвращении Наполеона в российскую столицу!

Подведем итоги. Грандиозный пожар Москвы, начавшийся вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся фактически сразу с первых часов оккупации контакты между чинами Великой армии и местным населением. Только по миновании нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. Наряду с чисто прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей (стремлением вступить в переговоры с Александром I, снять с себя ответственность за пожар, обеспечить себя продовольствием и другими ресурсами), важную роль в их поступках играли и чисто гуманистические моменты, связанные с человеческим сопереживанием. Что же касается москвичей, то большинство из них было озабочено прежде всего проблемой выживания и сохранения, если это было еще возможно, хоть какого-то имущества. Впрочем, среди них нашлось и немало таких, кто в этих обстоятельствах ухватился за удобную возможность обогатиться. Основную массу этих последних составили люди из уголовной среды и городских низов. Но нашлись подобные и среди русского (купец 3-й гильдии И. Г. Позняков, создавший целую грабительскую сеть) и нерусского (И.-А. Розенштраух, обогатившийся за счет скупки ассигнаций) купечества.

Наиболее успешный контакт в «классический период» оккупации (то есть после окончания большого пожара и прекращения санкционированных Наполеоном «официальных» грабежей) между наполеоновскими войсками и москвичами возникал между лицами близкого социального и культурного уровня, причем вне зависимости от того, к какому социуму и культурному слою (более высокому или более низкому) они принадлежали. Существенная разница заключалась в целях и последствиях такого рода контакта. Если в высших и средних социальных слоях это взаимодействие имело следствием хотя бы частичное возвращение к нормальному функционированию общественных связей, то в низших – к организации совместных акций криминального и полукриминального характера.

В любом случае тот кратковременный период кросскультурного диалога, пришедшийся на время наполеоновской оккупации Москвы, дал для многих европейских народов, в особенности русского и французского, богатейший опыт, определивший на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842.

Бахрушин С. В. Французы в Москве в 1812 году. М. : Изд. Императ. общ-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913. 40 с.

Бургонь А.-Ж.-Б. Мемуары. М. : Наследие, 2003. 176 с.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских : в 5 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 2. 4, 557, 21 с.

ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 155. Ед. хр. 109, 110; Ф. 160. Ед. хр. 198, 199.

Гронский П. П. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива // Журнал министерства юстиции. 1912. № 3. С. 213–224.

Долгова С. Г. Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г. // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы VII всерос. науч. конф. Бородино : Б. и., 1999. С. 30–52.

Домерг А. Воспоминания о России // Историч. вестн. 1881. № 6. С. 343–363; № 7. С. 596–628; № 8. С. 862–887; № 9. С. 158–184; № 11. С. 620–641; № 12. С. 807–821. № 12. С. 816.

Земцов В. Н. Наполеон в Москве. М. : Книга, 2014. 364 с.

Изарн Ф. д' Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Рус. архив. 1900. № 11. С. 1406–1462.

Киселев Н. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Рус. архив. 1868. № 6. С. 881–904.

Кольчугин Г. Н. Записки о 1812 годе московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина // Рус. архив. 1879. № 9. С. 45–60.

Мельникова Л. В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М. : Кучково поле, 2007. 416 с.

Москва в 1812 году : Воспоминания, письма и официальные документы из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 448 с.

Москва и Отечественная война 1812 г. : в 2 кн. М. : Изд-во Глав. архив. управления Москвы. Кн. 2. 2011. 640 с.

Московский Новодевичий монастырь в 1812 г. : Рассказ очевидца – штатного служителя Семена Климыча // Рус. архив. 1864. С. 844-858.

Наполеон в России глазами русских. М. : Захаров, 2004. 320 с.

Норов А. С. Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника : По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир». СПб. : Тип. Департамента уделов, 1868. 258 с.

Перечень известий из Москвы и окружностей ея от 20 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Рус. архив. 1864. С. 790–794.

Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. М. : Тип. Грачева, 1876. 185 с.

Розенштраух И.-А. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / вступит. ст. и коммент. А. Мартина. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 296 с.

Роос Г. С Наполеоном в Россию. М. : Сфинкс, 1912. 11, 334, 4.

РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92.

Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года. М. : Тип. М. Н. Захарова, 1862. 332, 2 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Катков и К., 1872. 54 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 115 с.

Тутолмин И. А. – Баранову И. Н. Москва, ноябрь 1812 г. // Рус. архив. 1900. № 11. С. 457–458.

Уланов В. Я. Организация управления в занятых французами русских областях // Отечественная война и русское общество. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 4. С. 121–141.

ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563–564.

Щукин П. И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. : в 10 ч. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897–1908.

Dumas M. Souvenirs. P., 1839. T. 3. 626 p.

Fain A. J. F. Manuscrit de 1812: in 2 t. P. : Dulaunay, 1827. T. 2. 495 p.

Fezensac M. The Russian Campaign, 1812. Athens : Univ. Of Georgian Press, 1970. 11, 147 p.

Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A. F. de B…ch. P. : Ponthieu, 1822. 216 p.

Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P. : Chez J. Smith, 1817. T. 4. 499 p.

Lecointe de Laveau G. Moscou avant et après l'incendie. P. : Gide fils, 1814. VI, 203 p.

Lettres inedits du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie // ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 160. Ед. хр. 291.

Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. P. : La Sabretache, 1913. XVI, 440 p.

Quintin D. et B. Dictionnaire des Colonels de Napoleon. P. : S. P. M., 1996. 978 p.

Rey M. P. L'effroyable tragédie. P. : Flammarion, 2012. 391 p.

Service historiques de la Défense. C[2] 290. F. 100.

Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / publ. par le R. P. Libercier. M. : F. Tastevin, [1909]. 72 p.

Vionnet de Maringoné L. J. Souvenirs… P. : E. Dubois, 1899. 193 p.

Zemtsov V. N. The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812 // J. of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Iss. 3. P. 502–523.

References

Andreev, A. Yu. (1997). *"Ya sluzhil gorodu, a ne vragu"* ["I Served the City, not the Enemy"]. In *Istorichesky arkhiv, 3,* pp. 44–53.

AVPRI. Stock 133. L. 468. Dos. 1842.

Bakhrushin, S. V. (1913). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812].40 p. Moscow, Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete.

Bourgogne, A.-J.-B. (2003). *Memuary* [Memoirs]. 176 p. Moscow, Nasledie.

De B…ch, A. F. (1822). *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812.* 216 p. Paris, Ponthieu.

Dumas, M. (1839). *Souvenirs.* Vol. 3. 626 p. Paris.

Fain, A. J. F. (1827). *Manuscrit de 1812.* Vol. 2. 495 p. Paris, Dulaunay.

Fezensac, M. (1970). *The Russian Campaign, 1812.* XI, 147 p. Athens, Univ. Of Georgian Press.

Goriainow, S. E. M. (Publ.). (1913). *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* XVI, 440 p. Paris, La Sabretache.

GIM. Stock 155. Coll. item. 109, 110. Stock 160. Coll. item. 198, 199.

Gronsky, P. P. (1912). *Istoricheskie materialy, izvlechennye iz Senatskogo arkhiva* [Historical Materials Withdrawn from the Senate Archive]. In *Zhurnal ministerstva yustitsii, 3,* pp. 213–224.

Dolgova, S. G. (1999). *Neizvestnoe svidetel'stvo o moskovskom pozhare 1812 g.* [Unknown Account of the Moscow Fire of 1812]. In *Otechestvennaya voyna 1812 goda : Istochniki. Pamyatniki. Problemy : materialy VII vserossyskoy nauchnoy konferentsii 1998 g.* (pp. 30–52). Borodino, S. n.

Domergue, A. (1881). *Vospominaniya o Rossii* [Recollections of Russia]. In *Istorichesky vestnik, 6,* pp. 343–363; *7,* pp. 596–628; *8,* pp. 862–887; *9,* pp. 158–184; *11,* pp. 620–641; *12,* pp. 807–821; *12,* p. 816.

I. A. Tutolmin – I. N. Baranovu. Moskva, noyabr′ 1812 g. [From I. A. Tutolmin to I. N. Baranov. Moscow, November, 1812]. (1900). In *Russky arkhiv, 11,* pp. 457–458.

Izarn, F. d' (1900). *Vospominaniya moskovskogo zhitelya o prebyvanii frantsuzov v Moskve v 1812 godu* [Recollections of a Moscow Dweller about the French in Moscow in 1812]. In *Russky arkhiv, 11,* pp. 1406–1462.

Kiselev, N. (1868). *Delo o dolzhnostnykh litsakh Moskovskogo pravleniya, uchrezhdennogo frantsuzami v 1812 g.* [Case of Officials of the Moscow Government Established by the French in 1812]. In *Russky arkhiv, 6,* pp. 881–904.

Kol′chugin, G. N. (1879). *Zapiski o 1812 gode moskovskogo gofmaklera G. N. Kol'chugina* [Notes on the Year of 1812 by Moscow Court Broker G. N. Kolchugin]. In *Russky arkhiv, 9,* pp. 45–60.

Larrey, D. J. (1817). Mémoires de chirurgie militaire et campagne. Vol. 4. 499 p. Paris, Chez J. Smith.

Lecointe de Laveau G. (1814). *Moscou avant et après l'incendie.* VI, 203 p. Paris, Gide fils.

Mel′nikova, L. V. (2007). *Armiya i Pravoslavnaya tserkov' Rossyskoy imperii v epokhu napoleonovskikh voyn* [The Army and the Orthodox Church of the Russian Empire during Napoleonic Wars]. 416 p. Moscow, Kuchkovo pole.

Moskva v 1812 godu : Vospominaniya, pis'ma i ofitsial'nye dokumenty iz sobraniya Otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Moscow in 1812: Recollections, Letters and Official Documents from the Collection of the Written

Sources Department of the State Museum of History]. (2012). 448 p. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

Moskva i Otechestvennaya voyna 1812 g. : v 2 kn. [Moscow and the Russian Patriotic War of 1812: 2 Vols.]. (2011). Book 2. 640 p. Moscow, Izdatel′stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya Moskvy.

Moskovsky Novodevichiy monastyr′ v 1812 g. : Rasskaz ochevidtsa – shtatnogo sluzhitelya Semena Klimycha [The Moscow Novodevichy Convent in 1812: An Account of a Witness, Convent Clerk Semyon Klimych]. (1866). In *Russky arkhiv, 1864,* pp. 844–858). Moscow.

Napoleon v Rossii glazami russkikh [Napoleon in Russia as Seen by Russians]. (2004). 320 p. Moscow, Zakharov.

Norov, A. S. (1868). *Voyna i mir (1805–1812). S istoricheskoy tochki zreniya i po vospominaniyam sovremennika : Po povodu sochineniya grafa L. N. Tolstogo "Voyna i mir"* [From the Historical Point of View and According to the Recollections of a Contemporary: On Count L.N. Tolstoy's *War and Peace*]. 258 p. Saint Petersburg, Tip. Departamenta udelov.

Perechen′ izvesty iz Moskvy i okruzhnostey eya ot 20 sentyabrya (st. st.) 1812 g. [News from Moscow and Its Surroundings as of September 20, 1812]. (1866). In *Russky arkhiv, 1864,* pp. 790–794. Moscow.

Popov, A. N. (1876). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812]. 185 p. Moscow, Tipografiya Gracheva.

Quintin, D. et B. (1996). *Dictionnaire des Colonels de Napoleon.* 978 p. Paris, S. P. M.

Rey, M. P. (2012). *L'effroyable tragédie.* 391 p. Paris, Flammarion.

Rosenstrauch, J.A, (Martin, A. (Foreword). (2015). *Istoricheskie proisshestviya v Moskve 1812 goda vo vremya prisutstviya v sem gorode nepriyatelya* [Historical Events in Moscow in 1812 at the Time of the Enemy's Presence in This City]. 296 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

RGVIA. Stock 151. List 1. Dos. 92.

Service historiques de la Défense. C. 290. F. 100.

Shchukin, P. I. (1897–1908). *Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoy voyny 1812 g. : v 10 ch.* [Papers on the Russian Patriotic War of 1812]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova.

Surugue, A. & Libercier, R. P. (Publ.). ([1909]). *Mil huit cent douze. Les Français à Moscou.* 72 p. Moscow, F. Tastevin.

Tolycheva, T. (1872). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 54 p. Moscow, Katkov i K.

Tolycheva, T. (1912). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 115 p. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko.

TsIAM. Stock 46. L. 8. Dos. 563–564.

Ulanov, V. Ya. (1912). *Organizatsiya upravleniya v zanyatykh frantsuzami russkikh oblastyakh* [Organisation of Government in the Russian Regions Occupied by the French]. In *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo.* Vol. 4, pp. 121–141. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina.

Vasil′chikov, A. A. (1880). *Semeystvo Razumovskikh : v 5 t.* [The Razumovsky Family: 5 Vols.]. Vol. 2. IV, 557, XXI p. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Vionnet de Maringoné, L. J. (1899). *Souvenirs d'un ex-commandant des grenadiers de la veille-garde.* 193 p. Paris, E. Dubois.

Zemtsov, V. N. (2014). *Napoleon v Moskve* [Napoleon in Moscow]. 364 p. Moscow, Kniga.

The article was submitted on 31.10.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.203
УДК 339.177(571.51)+394.014+34.07

ПРОСТРАНСТВО ТОРГОВЛИ В КРАСНОЯРСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ДИАЛОГ ТОРГОВЦЕВ И ВЛАСТИ*

Татьяна Яковлева
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

TRADE SPACE IN KRASNOYARSK IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: DIALOGUE BETWEEN THE AUTHORITIES AND TRADERS

Tatiana Yakovleva
Institute of General History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The author shows the ways in which urban trade space formed in Krasnoyarsk in the second half of the nineteenth century as a result of interaction between the authorities and traders. The local authorities excluded specific areas from the trade sector and created special trade places, markets. This policy was based on the tendency of the local authorities to create conditions where they could supervise trade in the interests of citizens. Traders, in turn, wanted uncontrolled ownership of their space and to autonomously exploit it in order to ensure the greatest amount of profit. Traders' actions included flexible tactics of manoeuvre in their attempts to transform or circumvent the law. The authorities' strategy was based on the interests of different population groups; therefore, they created laws that could be circumvented. The author emphasises the special role of peasantry; although they did not live in the city, they had their own ways of influencing the authorities, which local traders could not use. The

* *Citation*: Yakovleva, T. (2016). Trade Space in Krasnoyarsk in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Dialogue between the Authorities and Traders. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203.

Цитирование: *Yakovleva T.* Trade Space in Krasnoyarsk in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Dialogue between the Authorities and Traders // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203 / *Яковлева Т.* Пространство торговли в Красноярске во второй половине XIX – начале XX в.: диалог торговцев и власти // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203.

© Яковлева Т., 2016

author uses the approaches to the study of space developed by M. Foucault and M. de Certeau. She concludes that the authorities' strategies reflected the interests of different population groups (including traders), which meant they were not always consistent and effective. The analysis of interaction between the authorities and traders through the prism of their struggle for trade space reveals new approaches to communication in everyday situations.

Keywords: urban space; trade; local authorities; Krasnoyarsk.

Дан анализ путей формирования городского торгового пространства Красноярска второй половины XIX в. как результата взаимодействия власти и торговцев. Рассмотрены стратегии власти в сфере торговли. Показано, что местные власти исключали из сферы торговли определенные городские места и формировали специальные – рынки. В основе этой политики лежало стремление создать условия для надзора за соблюдением законов и обязательных постановлений по благоустройству города. Торговцы же, в свою очередь, стремились владеть пространством бесконтрольно, осваивать его по собственному усмотрению в целях достижения наибольших прибылей. Их действия включали в себя гибкие тактики лавирования, попытки изменить или перетолковать властные предписания. Показана особая роль крестьянства, которое, не проживая в городе, тем не менее, имело свои рычаги воздействия на его власти, которыми местные торговцы не могли воспользоваться. В работе использованы подходы к изучению пространства, разработанные М. Фуко и М. де Серто. Делается вывод о том, что стратегии власти исходили из интересов разных групп населения (в том числе и самих торговцев), оттого, оказываясь в неоднозначной для себя ситуации, представители власти не всегда были последовательны и не могли создать таких узаконений, которые нельзя было обойти. Рассмотрение взаимодействия власти и торговцев через призму борьбы за пространство торговли выявляет новые практики их коммуникации в максимальной приближенности к повседневной жизни.

Ключевые слова: городское пространство; торговля; местная власть; Красноярск.

Для торговца город предоставляет собой набор возможностей и запретов. Он задает *границы* (торговля бессмысленна за городом, там, где нет покупателей) и *направления* (магазин или лавка находится на определенной улице, в рядах, по которым ходят покупатели), *районы* (районы проживания богатых и бедных требуют разной торговли) и *условия* (каменные или деревянные дома, возможность подхода и подвоза) торговли. Городские власти во все времена вынуждены были усложнять эту и без того непростую структуру: они вводили частичные запреты на торговлю, выделяли специальные места для нее, сами строили лавки и гостиные дворы. Сталкиваясь с «законами», навязанными как городским пространством, так и властями, торговец, в свою очередь, пытался освоить их и противостоять им.

Мишель де Серто определял пространство как «место, которое используется в практике» [Серто, с. 219]. Распространив его утверждение о том, что «улица, геометрически определенная городской планировкой, трансформируется пешеходами в пространство» [Серто, с. 219], на сферу торговли, можно сказать, что таким же образом городские улицы и площади трансформируются торговцами и превращаются в пространство торговли.

Пространство, сформированное властью на основе прав собственности на землю и издания обязательных постановлений, заставляло торговцев использовать определенные тактики. «Место тактики – место другого. Таким образом, она должна использовать территорию, которая навязана ей такой, какой ее организует закон чуждой силы» [Серто, с. 110]. Иными словами, власть, руководствуясь неизвестными торговцу целями, определяла стратегии развития городского пространства. Торговец же, осуществляя свою профессиональную деятельность, оказывался на территории (в прямом и переносном смыслах), принадлежащей не ему, но на которой он хотел управлять сам, то есть торговать и строить лавки в удобных для него местах, осваивать окружавшее его пространство по своему усмотрению.

Для понимания стратегий власти в сфере торговли плодотворно размышлять в рамках, предложенных М. Фуко, который связывал распределение индивидов в пространстве с дисциплиной: «дисциплина иногда требует *отгораживания*, спецификации места, отличного от всех других и замкнутого на самом себе» [Фуко, с. 206]. Именно таким местом являлся рынок. Он был локусом, на котором сосредотачивались торгующие, не имевшие собственных лавок и магазинов и вынужденные арендовать лавки или занимать места на базарных площадях. Для определенных видов торговли некоторые улицы или районы города оказывались под запретом.

Методом дисциплины являлась и локализация индивида в пространстве: «каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид» [Фуко, с. 208]. Торговец также имел свое место в городе. Лавки и магазины открывались и арендовались конкретными людьми под своими именами. Но даже безымянные крестьяне, которые брали на базаре места лишь на текущий день, размещались в рядах для торговли определенным товаром. Такое распределение связано с тем, что «дисциплина индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений» [Фуко, с. 213]. Занимая места в мелочном или хлебном ряду, человек обретал новую идентичность как торговец именно этим товаром. В то же время именно в данном случае не достигалась цель – ограничить распределение индивидов по группам. В случае торговли распределение индивидов в пространстве не изолировало их, а способствовало их консолидации. У Фуко речь шла о буквальном

Базар на Новобазарной площади. Красноярск. После 1910 г. ККМ. О/ф 3173-87а

Market in Novobazarnaya Square. Krasnoyarsk. After 1910

разделении людей в пространстве, исключающем их распределение по группам. Общим между рынком и тюрьмой, если посмотреть на них с точки зрения, предложенной Фуко, было стремление властей к ликвидации «диффузной циркуляции индивидов». Действующим на рынке оказывалось и «правило функциональных размещений», то есть выделение определенных мест не только с целью надзора, но и для создания полезного пространства [Фуко, с. 209]. Функции рынка – снабжение жителей города товаром и организация пространства торговли в городе – работали на это.

Не каждое место в городе являлось местом для торговли. На практике формирование предназначенного для этой цели городского пространства происходило, с одной стороны, путем исключения из него определенных территорий, с другой – через формирование специальных мест торговли – рынков. Эти два процесса дополняли друг друга, а в их основе лежало стремление городских властей создать условия для надзора за соблюдением законов и обязательных постановлений, артикулированное ими в словах о проявлении внимания по отношению к нуждам горожан[1].

[1] Именно в компетенции местной власти находились вопросы регулирования пространства и мест торговли, на общероссийском же уровне издавались общие правила, например, запрет на питейную торговлю на базарных площадях, около культовых и образовательных учреждений.

Запрет на торговлю в определенных местах (на улицах, дорогах, в конкретных частях города) редко касался торговли в целом. Обычно речь шла о запрете купли-продажи определенных товаров, об осуществлении торговых сделок некоторыми категориями торговцев или жителей города[2]. Одним из таких товаров был хлеб (и другие продукты, привозимые крестьянами на рынок), а такими людьми – перекупщики.

Хлеб являлся самым главным продуктом на городских рынках, а обеспечение им горожан по умеренным ценам было одной из основных задач, стоявших перед местным самоуправлением. Этим можно объяснить введение ограничений на торговлю хлебом на рынках оптом до 12 часов дня и за их пределами в любое время. По сути, ограничения были направлены на торговцев, скупавших хлеб у везущих его в город крестьян, а затем перепродававших его на рынке по завышенной цене, что приводило к общему росту цен.

В 1879 г. обязательным постановлением Красноярской городской думы было запрещено кормить в городе приисковых лошадей и скупать припасы на базаре до полудня [ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 18]. Реакция торговцев на такое ограничение оказалась предсказуемой – его нарушали, но в большей степени его пытались не нарушить, а обойти:

> При запрещении оптовой покупки съестных припасов на базаре ранее 12 часов занимающиеся скупом караулили продавцов на въезде в город, а некоторые выезжали для этого за несколько верст по трактам за город [Там же. Л. 18об.].

Впрочем, со стороны торговцев это была даже излишняя предосторожность, так как, по словам гласного Н. Тютрюмова,

> …с началом весны 1880 г. всякое наблюдение за исполнением означенного постановления Городской думы, в сущности, весьма слабое, начало ослабевать еще более и наконец совершенно прекратилось. <…> Староста Ляпунов на базаре не показывался, флаг на базаре не поднимался, и для скупа дана была полная свобода. Пользуясь этим, хлеб и фураж скупался на базарах с раннего утра, и не только возами, но целыми партиями [Там же].

Таким образом, несмотря на создавшуюся возможность не исполнять постановление, перекупщики фактически исполняли его, переместившись в другое пространство. С одной стороны, данный факт показывает трудности регулирования через запреты, так как неполный запрет давал возможность его обходить. С другой стороны, это свидетельствует о том, что постановление имело значимость для определенной части торговцев, хотя и не достигало цели «по духу закона».

---

[2] При этом не рассматриваются товары, которые были запрещены или ограничены в обороте на территории Российской империи.

Гласный Тютрюмов указал имена непосредственных нарушителей постановления. Среди лиц, кормивших приисковых лошадей в Красноярске, им были замечены городской голова П. Прейн и гласный думы С. Токарев, являвшиеся крупными золотопромышленниками. Кроме того, по слухам, скупкой на базарах занимались купцы Полуянов и Хилков, отправлявшие хлеб на свои прииски, «темные личности» Будеев и Бармоткин, крестьянин Бутылкин, делавший запасы в городе с плотов и базаров для своего постоялого двора, мещанин Серебряков и его компаньон, «рассчитывающие на барыши при высоких базарных ценах», «продавцы муки и овса в городе: весовщик еврей Фурман и компания каких-то поселенцев, имеющих мучную лавку на базаре» [ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 18 об.–19]. Таким образом, скупщиками и нарушителями оказались люди самых разных званий и с самыми разными интересами. Даже городской голова оказался в их числе. Можно предположить, что и среди тех, кто стремился не нарушить, но обойти постановление, также встречались абсолютно разные люди.

В 1884 г. Красноярская городская дума предприняла новую попытку решить проблему скупки продуктов, вероятно, осознав недостатки предыдущей. Новый запрет распространялся на оптовую покупку и продажу хлеба и других припасов на окраинах города и в городской черте всеми и во всякое время [Там же. Д. 1913. Л. 10–11]. Исключение по-прежнему делалось для базарных площадей, на которых оптовая скупка хлеба разрешалась с 12 часов дня. Таким образом, запрет на оптовые сделки распространился за границы базара, на все пространство в рамках городской черты и даже за ее пределы. Но проблемы оставались прежними:

> …крестьянин иногда еще не успел въехать и в город, как его обступают перекупщики, причем тут же, не давая хорошенько вдуматься крестьянину, скупают у него все продукты оптом, а потом с этими же самыми продуктами выезжают на базар и уже продают их по возвышенной цене [Енисей, 1896, № 92, с. 1].

Итак, скупка на окраинах города становилась нарушением правил. Как поступить в такой ситуации торговцу, который по-прежнему не хотел нарушить постановление Городской думы? Возможным решением был выход за пределы города. Действительно, даже в самом постановлении указывалось:

> Торгующие на базарах хлебными продуктами – мукою, крупою… также покупать таковые на базарах права не имеют, а должны покупать с плотов, барок, а также вне города [ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51. Л. 6].

В новом постановлении от 1903 г. расширялось и уточнялось пространство, на котором запрещалась торговля:

> На окраинах города и на дорогах, ведущих в город из окрестных сел, деревень и заимок (а летом на перевозе[3]), в дни базаров и в ночь на базарные дни, покупка и продажа хлеба, мяса, рыбы, масла, яиц, молока и других съестных припасов, а также сена и дров, безусловно всем запрещалась [Обзор, 1904, с. 1 (паг. б)].

Вероятно, подробное перечисление местностей являлось отражением существовавшей практики: перекупщики выезжали все дальше за пределы города или же на «менее важные» дороги, ведущие от заимок. Это говорит о том, что постановление 1884 г. не достигало своей цели. Причина крылась не только в нежелании нарушать его, но и в конкуренции между перекупщиками. Вероятно, в определенных случаях было выгодно встретить крестьянина на пути в город, а не покупать оставшийся у него после розничной торговли на базаре товар.

Крестьяне окрестных деревень и торговцы из других городов, привозившие хлеб, являлись третьей заинтересованной стороной, помимо красноярских властей и торговцев. Каковы были их интересы? Ведь именно они соглашались продавать хлеб в неположенных местах, также являясь нарушителями. Их согласие или несогласие с правилами игры влияло на успех всего предприятия.

В данном отношении показательна ситуация, сложившаяся в Ачинске, западном соседе Красноярска. В 1911 г. попытка Ачинской городской думы ограничить место и время торговли хлебом и иным припасами привела к тому, что большинство торговых сделок стало заключаться вне города. В условиях жесткой конкуренции, когда практически все население уезда занималось хлебопашеством, крестьянину было невыгодно стоять в любую погоду и ждать, пока его товар раскупят в розницу, к тому же, население Ачинска было невелико, то есть спрос был гораздо меньше предложения [Архив города Ачинска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 341–342об.]. Таким образом, ограничение времени и места торговли было невыгодно самим производителям, поэтому они и продавали свой товар в обход постановлений.

Аналогичные мотивы руководили и хлеботорговцами из южных районов губернии, которые сплавляли хлеб по Енисею. Торгующие минусинским хлебом с барок и плотов вынуждены были в Красноярске продавать свой товар в розницу. В результате они, боясь потратить слишком много времени на розничную торговлю, «обыкновенно уплывали в Енисейск, и город, таким образом, лишался запасов хлеба» [Енисей, 1895, № 62, с. 2]. Это привело к тому, что в мае 1895 г. оптовую покупку хлеба с барок и плотов красноярцам разрешили, что было подтверждено и в постановлении 1903 г.:

> Запреты на скуп оптом не распространялись на хлебные запасы, а также на запасы дров, сена и другие предметы торговли, сплавляемые по реке Енисей для оптовой продажи [Обзор, 1903, с. 17].

[3] Через реку Енисей.

Об особой важности этого исключения свидетельствует упорство, с которым члены управы настаивали на принятии данного пункта постановления. Таким образом, поставщики оптовых продуктов имели с городскими торговцами общие интересы. Каждый из них играл свою роль в системе снабжения города и не был готов от нее отказываться. Так, крестьянин не хотел становиться торговцем и продавать хлеб в розницу. Не проживая в городе, крестьяне имели свои рычаги воздействия на его власти, которыми местные торговцы не могли воспользоваться.

Борьба за ограничение оптовой скупки хлеба в Красноярске с переменным успехом велась на протяжении всего рассматриваемого периода. Торговцы, занимавшиеся скупкой, имели устойчивый интерес к тому, чтобы это делать, не обращая внимания на запреты. Городские думы формально вытесняли оптовые сделки за пределы города, рассчитывая таким образом сосредоточить их на базаре, то есть под своим надзором. Но каждое следующее постановление являлось реакцией на несоблюдение предыдущего. У городских властей не было ресурсов для установления контроля на всей территории города, что давало возможность для нарушений вне поля их зрения. Более того, при отсутствии надзора даже базар становился местом, на котором постановление не исполнялось.

Регулирование пространства питейной торговли порождало иные тактики поведения торговцев[4]. Городские думы, согласно Уставу о питейном сборе, имели право ежегодно устанавливать число и места раздробительной (розничной) продажи крепких напитков с утверждения губернского правления. Это право было дано с целью городского благоустройства в интересах горожан, ведь розничные питейные заведения являлись самыми беспокойными местами в городе.

Как правило, думами устанавливался запрет на открытие заведений на определенных улицах, то есть в тот или иной момент торговец и его лавка могли оказаться на улице, на которой их не должно было быть. Как торговец поступал в таком случае?

В 1898 г. Красноярская городская дума приняла решение не ограничивать число питейных заведений в городе, а ввести ограничение на места торговли. С 1900 г. ежегодно составлялись списки мест, в которых запрещалось содержание питейных заведений. Одними из первых под запрет попали угловые места на перекрестках и два переулка в старой части города: Дубенский и Покровский[5]. Но эта мера не привела к прекращению торговли на них, так как вместо кабаков на углах открывались портерные, которые «приносили городу почти в 30 раз меньше дохода и служили только местом сборища отбросов городского населения» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 18. Д. 365. Л. 2–2об.]. Таким образом, содержатели питейных заведений «перепрофилиро-

[4] В период действия акцизной системы в Восточной Сибири, то есть с 1863 по 1904 г.

[5] Вероятно, запрет на них распространялся из-за того, что на них селились самые знатные и богатые жители города, не желавшие терпеть неудобства, связанные с расположением питейных заведений на их улицах.

вали» свое дело под заведение, которое еще не подлежало запрету, – под пивную лавку.

Пивные лавки на тот момент разрешалось открывать повсеместно без согласия официальных властей. Только в апреле 1906 г. городским думам было предоставлено право «определять в видах общественного благоустройства и благочиния те местности в городе сверх указанных в законе, где не дозволяется открытие пивных лавок вообще, или только с распивочною и выносною продажей, или с одной выносной» [Обзор, 1909 [1910], с. 464].

В первые два года Городская дума Красноярска не пользовалась в полной мере своим правом. Пивные лавки запрещалось открывать только на Воскресенской улице от старого до нового базара и в некоторых местах, определенных уставом об акцизном сборе [Обзор, 1909, с. 431]. Опыт показал, что такое свободное устройство пивных лавок вредило городскому благоустройству: пивные лавки, расположенные на главных улицах, затрудняли движение, возле них скапливались телеги, экипажи, а пьяная публика творила безобразия [Там же, с. 432]. В качестве меры борьбы было принято решение увеличить запрещенное для питейной торговли пространство. Какие территории оказывались под запретом? Узнать это можно, проанализировав ежегодные обсуждения списков («расписаний») мест, попавших под запрет.

В определении мест, запрещенных для открытия пивных лавок и заведений для «раздробительной» продажи крепких напитков, участвовали разные городские силы, имевшие каждая свои интересы: торговцы, члены думы и управы, врачи, военные, полиция.

В «расписание» на 1909 г. в Красноярске внесли места, запрещенные для содержания пивных лавок. В него не включили Плац-Парадную площадь – центр расквартирования военных, хотя основными посетителями открытой там пивной лавки были «воинские нижние чины и девицы» [Обзор, 1909 [1910], с. 463]. Военное начальство проявило недовольство, так как посещение пивных нижними чинами в данном случае ограничить было невозможно, а их визиты способствовали распространению среди солдат сифилиса, потому что вокруг пивных лавок всегда обитали проститутки [Там же, с. 432]. Городской думе пришлось исправить это упущение.

Большинство предложений о внесении дополнений в список мест, где запрещено было открывать пивные лавки, было сформулировано полицией. Приставы или полицмейстер указывали, на каких улицах стоит запретить торговлю алкоголем. Они называли и конкретные дома, а не только улицы. Это свидетельство тому, что ограничения вводились не только из-за абстрактного благочиния, но и по вполне конкретным причинам. Так, Евлампий Пастанчуг или некто Созыкин занимались тайной продажей водки, как и Катцен и Комина, которые к тому же принимали краденое и содержали «тайные притоны разврата» [Обзор, 1911, с. 566]. Именно их торговлю хотели запретить, более того, двум последним приставы просили не выдавать новых разре-

шений на содержание таких заведений. Иными словами, ограничение территорий не ограничивало действий людей. Запрет торговли на одной улице приводил к переезду на другую, и проблемы продолжились бы. По этой причине гласные не готовы были идти на запрет торговли на всем протяжении улиц, на которых находились неблагонадежные дома, а запрещать торговлю в отдельных домах дума не имела права. Поэтому изменения в список внесены не были [Обзор, 1911, с. 567].

Мнение о том, что запреты не ограничивали людей, подтверждают и слова городского головы. Гласный Павел Коновалов, известный в городе врач, предлагал запретить торговлю на окраинах, где живет беднота, так как пивные лавки, по его мнению, были не только местами разврата, но и рассадниками болезней. Но занимавший место городского головы С. И. Потылицын возразил, что такой запрет повлечет за собой *тайную* (выделено мной. – *Т. Я.*) торговлю пивом и вином, что, на его взгляд, являлось бо̀льшим злом [Там же, с. 568].

В декабре 1912 г. красноярский полицеймейстер счел необходимым добавить новые пункты в перечень на будущий год. В его список одновременно попали одна из центральных улиц, на которой располагались важные городские учреждения и заведения, и отдаленная улица, за которой трудно было вести наблюдение [Обзор, 1913, с. 633–635]. Иными словами, под запрет попадали как центральные районы города, так и глухие окраины. Гласный К. И. Ауэрбах спросил даже: «в каких же местах можно будет открывать пивные, если согласиться с заключением полицеймейстера?» [Там же, с. 634]. Предложение последнего было отклонено, так как список уже существовал, а на указанных им улицах и так было мало пивных лавок [Там же].

Запрет торговли на одной территории способствовал распространению нежелательных явлений на соседние районы и торговле под вывесками заведений, для этого не предназначенных. Например, в Николаевской слободе Красноярска вблизи железнодорожного депо имелась парикмахерская, являвшаяся таковою только по названию. На самом деле это был кабак, в котором велась беспатентная торговля распивочно и на вынос [Енисей, 1905, № 40, с. 3]. На Малокачинской улице между Покровским и Гимназическим переулками в доме Степанова находилась народная чайная, но в ней же продавали спиртные напитки [Там же, № 62, с. 3]. С введением винной монополии стали закрываться кабаки, но «притон» Иофеля продолжал существовать, однако под другими названиями – «Продажа фруктовых вод» и «Митанская кухмистерская». При этом и все «безобразия» – драки, грабежи и убийства – продолжали здесь происходить [Там же, № 61, с. 3]. Таким образом, вводимые запреты на питейную торговлю на определенных улицах действовали лишь частично и желаемых целей не достигали. Заинтересованность торговцев в преодолении препятствий, которые им ставили власти, была чрезвычайно высока, так как выгод от этого было больше, чем неудобств, ведь подобные заведения существовали потому, что на них был спрос.

Торговцы получали возможности для лавирования благодаря недочетам в работе властей. Например, одно красноярское питейное заведение переименовали в ресторан, то есть налицо было «перепрофилирование», которое предполагало определенные изменения во внутреннем устройстве заведения. Но таковых не произошло: на своих местах остались барная стойка, скамейки и другая мебель, а чай, кофе, горячие закуски, характерные для ресторана, в меню так и не появились. Фактически тип заведения не соответствовал действительности, но дума дала разрешение на его открытие, так как никто из гласных не проверил лично, изменилось ли здесь что-то. Можно согласиться с мнением автора газетной заметки, указавшего на следующий факт:

> От таких ресторанов был еще больший вред, чем от кабаков, так как последние могли работать только до определенного часу ночи, а по праздникам всего несколько часов. Рестораны же могли быть открыты всю ночь и все праздники [Енисей, 1895, № 4, с. 2].

Кроме того, в текстах постановлений встречались ошибки и недоработки. Например, в Красноярске запрещалось открывать питейные заведения в первом квартале от базарных площадей, но ничего не было сказано о распространении этого запрета на переулки между первым и вторым кварталами. В итоге торговцы перенесли свои питейные заведения на другую сторону улицы, но остались все в том же Театральном переулке, хотя предполагалось, что они должны были съехать оттуда [Там же, с. 2].

Подобного рода непроработанность текстов постановлений давала торговцам возможность по-своему обращаться к закону, а вернее, к собственной его трактовке. Со схожей проблемой столкнулись и в Минусинске, где городская дума разрешила открыть на 1891 г. ренсковый погреб на Новобазарной площади в собственном доме купцу Никону Алексеевичу Смирнову, но постановление было отменено Енисейским губернским по городским делам присутствием, так как площадь была изъята из числа мест, назначенных для торговли напитками [ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20. Л. 4]. Смирнов не сдавался. В следующем прошении он попросил открыть ренсковый погреб без распивочной продажи вина в том же собственном доме, но в помещении, выходящем на Новоприсутственную улицу. На этот раз ему отказали потому, что одна сторона его дома все-таки выходила на базарную площадь [Там же. Л. 36]. Смирнов, в свою очередь, пожаловался на это решение думы в Енисейское губернское по городским делам присутствие, что спровоцировало интересную дискуссию. Фактически обсуждался вопрос: что считать домом на площади? А значит, и как применять закон в данном случае? Сторонники Смирнова в городской управе указывали на то, что запрет открывать пивные заведения в домах, расположенных на площади,

но выходивших и на другие улицы, абсурден. Они гиперболизировали этот запрет:

> …иначе пришлось бы допустить то положение, что в угловом каменном доме не такого размера, как принадлежащий Смирнову, а занимающем целый квартал и выходящем одною стороною на торговые ряды, нельзя разрешить открытие ренскового погреба при магазине или отдельно от последнего в помещениях дома, выходящих на три противоположных торговым рядам улицы, и притом на весьма значительном от последних расстоянии (противоположные углы дома) [ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20. Л. 37].

Иными словами, указанный запрет совсем иначе воспринимался на примере огромного дома и давал истцу шанс добиться желаемого. К сожалению, решение губернатора Енисейской губернии по этому вопросу мне неизвестно.

Таким образом, регулирование пространства питейной торговли также шло по пути исключения из него отдельных территорий. Это приводило, с одной стороны, к вытеснению заведений на близлежащие территории, а с другой – к изменению их названий при сохранении функций. В то же время несовершенство самих постановлений давало торговцам возможность найти обходную лазейку или «поучаствовать» в их интерпретации.

Опыт хлебной и питейной торговли показал, что усилия местных властей добиться улучшения условий жизни в городе с помощью системы запретов, распространявшейся в том числе и на пространство, оказались неэффективны, так как за торговцами всегда оставалась возможность их нарушения.

Противоположным исключению территорий из пространства торговли являлся процесс формирования *специальных* торговых пространств. Речь идет о рыночных площадях, так как именно рынки являлись основным пространством торговли в Красноярске. Стремление ограничить торговлю пределами рыночной площади было вызвано необходимостью контролировать действия торгующих, следить за торговыми операциями и соблюдением действующих законов и постановлений.

В губернском городе Красноярске к началу XX в. было три базарных площади. Две главные носили названия Старобазарная (или Старособорная) и Новобазарная (или Новособорная). На обеих располагались соборы – Воскресенский и Богородице-Рождественский.

Старобазарная площадь находилась в старейшей части города на месте Красноярского острога, из которого и вырос город, основанный в 1628 г. на месте впадения в Енисей реки Качи. Ограниченный с юга Енисеем, а с севера Караульной горой, Красноярск мог развиваться только на запад и к середине XIX в. разросся настолько, что сместился и его центр. Возникновение Новобазарной площади явилось результатом этого процесса.

Третий базар появился в Красноярске в 1902 г. Его образование было связано со строительством железной дороги, которая изолировала жителей Николаевской слободы от основного города, поскольку близкий и удобный переезд отсутствовал. Это привело к созданию особого рынка для жителей данной части города. Вплоть до революции он так и оставался локальным, в то время как старый и новый рынки были рассчитаны на жителей всего города.

Перенос центра Красноярска на новую площадь предполагал уменьшение значения старой или вовсе ее ликвидацию. По видимости, первоначально предполагалось, что Старобазарная площадь сама прекратит свое существование как место торговли. Вскоре после переноса рынка на новое место, чтобы убедиться в его преимуществах, по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири его должен был посетить статский советник В. В. Гаупт, член совета Главного управления Восточной Сибирью. Гаупт собирался изучить обе торговые площади на предмет их функциональности, выслушать мнения заинтересованных сторон, «затребовав при том собственноручные подписки домохозяев о желании их иметь базар на новой или старой площади» [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928. Л. 30]. Таким образом, им были предприняты меры для того, чтобы убедиться, что перенос торговли на новую площадь действительно произведен в интересах города.

Гаупт серьезно отнесся к поставленной задаче и представил подробный отчет по сравнению двух площадей. Большинство его доводов было в пользу нового места: размер (новая площадь широкая, старая – тесная), число проживающих рядом жителей (новая – в центре многочисленного района, а старая с трех сторон окружена водой), их социальный состав (около старой площади жили богатые люди, а возле новой – бедные, не имевшие возможности ездить за покупками), перспективы для строительства (новая способствует росту города, а на старой негде строиться), близость присутственных мест (они уже либо были на новой площади, либо их планировали туда перенести) [Там же. Л. 30–32]. Кроме того,

> …справедливость этого обстоятельства подтверждается и приговором купцов и мещан, составленным в 1860 г. и подписанным более 140 челов., о желании их построить гостиный двор на новой площади [Там же. Л. 33].

Все аргументы были за существование базара на новом месте, но и у старого были сильные сторонники:

> На вторичном собрании, бывшем 28 минувшего октября, жители г. Красноярска единогласно положили иметь в городе два базара, или съезда для крестьян с съестными и всеми другими произведениями сельской промышленности, один на новой, другой на старой площади, с тем,

чтобы на новой площади торг происходил еженедельно по воскресеньям, на старой площади по субботам, а в остальные затем пять дней недели там, где пожелают приезжающие с припасами крестьяне [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928. Л. 33об.–34].

Таким образом, Старобазарная площадь сохранилась, но ее значение неумолимо уменьшалось. Существование одновременно двух значимых торговых площадей в пространстве города создавало определенные трудности, которые требовали разрешения. В частности, неоднократно возникали вопросы о торговле на двух площадях и распределении базарных дней между ними, причем недовольство вызывал как факт торговли на двух площадях в разные дни, так и одновременная торговля на них.

В 1875 г. группа красноярских торговцев (судя по подписям, 20 человек) обратилась к городскому голове с целью соединить два базара в один. По их мнению, причины их торговых неудач крылись в одновременном существовании базаров:

Крестьяне ввиду двух торговых площадей впадают в рассуждение относительно выгод, на какую именно площадь везти продукты на продажу, и, между тем, возивши на одну и другую, не успевают совсем. Таким же образом мы, торговцы, посещая один базар, ставим себя в невозможность успевать торговлею на другом базаре, где более многолюдности бывает, для чего необходимо иметь лишних людей, на что требуется, само собою разумеется, излишний расход… [ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1003. Л. 1–1об.].

По мнению торговцев, положительное решение по их прошению привело бы к следующим результатам:

Этим самым отстранятся все неудобства. Крестьяне будут знать одно место, куда продукты привозить на продажу; а торговцы таким же образом будут знать время и место, где производить торговлю, и тогда, конечно, установится торговля не в одни только базарные дни, как это существует во всех прочих городах [Там же. Л. 1об.].

Иными словами, торговцы хотели вести торговлю на протяжении всей недели, а не только в базарные дни, но не имели ресурсов для того, чтобы делать это на двух площадях одновременно или попеременно.

Затем в июле 1876 г. управа рассматривала заявление мелочных торговцев (уже более 30 человек)

…о соединении двух базаров, существующих на разных площадях, в один и на одну Новособорную площадь, так как, по ничтожности торговли, для них становится обременительным брать столы и балаганы

на двух площадях, оплачивать пошлины за билеты за каждый стол, перевозить с площади на площадь продукты и мелочные товары, для чего требуется иметь лишних людей и лошадей [Там же. Л. 6].

Дума это прошение не удовлетворила, «имея в виду, что базары в таком порядке, как находятся в настоящее время, совершенно удобны для всех жителей города» [Там же]. Практика показывала, что базары на новой площади были многолюднее, а торговцы стали «голосовать ногами»:

…некоторые и даже преобладающее большинство мелочных торговцев вовсе не бывают с торгом на старом базаре в пятницу по неимению там закрытых балаганов и по неудобству ежедневного перемещения с одного места на другое; особенно же это неудобство ощутительно в ненастные дни и летом в знойные дни, когда съестные продукты весьма скоро подвергаются на открытом воздухе порче, причиняющей весьма чувствительный вред для незначительного торговца. На новой же базарной площади эти неудобства менее ощутительны, потому что здесь есть корпус с лавками и балаганы, более или менее приспособленные к делу, и если бы при этом корпусе были устроены подвалы и ледники, тогда бы и желать лучшего нечего [Там же. Л. 16–16об.].

Спустя четыре года в 1880 г. прошение было подано повторно. 24 торговца просили

…сосредоточить торговлю в базарные дни в одном месте, каком-либо из помянутых двух пунктов мест по желанию большинства, как из нас, торговцев, так и гласных думы в интересах народонаселению городскому [Там же].

Взамен они предлагали деньги в бюджет города:

…мы готовы удвоить эту аренду, лишь бы избавиться от неудобства передвижения товаров с одного места на другое и сохранять продукты и припасы в ледниках при лавках [Там же. Л. 16об.].

Неизвестно, чем закончилось это обсуждение, но, по всей видимости, решение о сосредоточении торговли на Новобазарной площади не было принято, так как торговля на Старобазарной площади продолжалась, но ее значение снизилось. В 1915 г. старый базар пустел в базарные дни, не было достаточного подвоза припасов [Вестн. КГОУ, с. 447–449].

Таким образом, местные власти активно участвовали в организации специальных пространств торговли. Возникновение, расцвет и закат торговых площадей зависели как от объективных причин, таких как рост города, удобное расположение, близость к транспорт-

ным коммуникациям, так и от взаимодействия власти и торговцев. Торговцы в соответствии со своими интересами реагировали на мероприятия властей, принимая существующий порядок вещей или пытаясь его изменить.

Внутреннее пространство базарной площади также регулировалось местной властью и заполнялось по ее правилам. В 1879 г. было установлено, что крестьяне должны были занимать места на торговых площадях по рядам в соответствии с родом товара,

> …дабы такою установкою порядка дать покупателям полный выбор из всех привезенных для продажи однородных продуктов; через что могут определяться, на каждый по качеству их цены нормальные каждому продукту [ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51. Л. 3–3об.].

Места для разных видов торговли были определены заранее. Первые приезжающие занимали места по обе стороны ряда, а следующие становились около них без больших промежутков (чтобы человек мог пройти, а телега не проехала бы).

> Приехавшие же после первых могут становиться в ряды между возами только тогда, когда из числа установившегося ряда кто-либо, распродавши свои продукты, выехал из ряда [Там же. Л. 4].

Если торговец предлагал свой товар с рук, то он должен был не ходить с ним по базару, а стоять в ряду, соответствующем роду его товара или же близким ему [Там же. Л. 4об.]. В результате пространство рыночной площади упорядочивалось, каждому товару и торговцу соответствовало место в определенном торговом ряду.

Таким образом, рассмотрев способы взаимодействия власти и торговцев по вопросам организации пространства в городе, мы можем сказать, что торговцы хотели владеть пространством бесконтрольно, осваивать его по собственному усмотрению в целях достижения наибольших прибылей. Власти же не давали им этого делать как в интересах налаживания городского порядка, создания «цивилизованного» пространства, так и для надзора за торговцами и контроля над соблюдением ими законов и постановлений. С этой целью городские думы и управы использовали два противоположных процесса – исключение и формирование торгового пространства.

Гибкие тактики торговцев включали в себя не только соблюдение или нарушение закона, но и попытки изменить или обойти установленные правила. Власть предержащие в своих стратегиях исходили из интересов разных групп населения (в том числе и самих торговцев), оттого, оказываясь «между двух (и даже больше) огней», не всегда были последовательны и фактически не могли создать таких узаконений, которые нельзя было обойти.

Рассмотрение взаимодействия власти и торговцев через призму борьбы за пространство торговли выявляет новые практики их коммуникации, формирующиеся и действующие через освоение и управление пространством, то есть в максимальной приближенности к повседневной жизни.

Список литературы

Постановления Ачинской городской думы за 1911 г. // Архив города Ачинска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36.

По вопросу об установлении базарных дней на Старобазарной площади // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 17. 1 нояб.

Инструкция базарного смотрителя по наблюдению за порядком и производством торга на торговых площадях, рынках и базарах г. Красноярска // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51.

Дело об издании правил для продажи в Красноярске хлебных продуктов // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 951.

Заявления мелких торговцев гор. Красноярска о соединении базаров в один базар на Новобазарной площади // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1003.

Постановления Красноярской городской думы, предложения губернатора о торговле хлебом, об очистке базарных площадей и улиц. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1913.

Дело о переводе базара на новую торговую площадь // ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928.

Дело об утверждении мест содержания питейных заведений в городах губернии // ГАКК. Ф. 595. Оп. 18. Д. 365.

Постановления Минусинской городской думы за 1892 год // ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20.

Енисей. 1895. № 4. 8 янв.; № 62. 26 мая; 1896. № 92. 2 авг.; 1905. № 40. 13 апр.; № 61. 10 июня; № 62. 12 июня.

Обзор хозяйства города Красноярска за январь-март 1903 г. Красноярск : Тип. Ал. Д. Жилина, [1903]. 63 с.

Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1903 г. № 4. Красноярск : Тип. Ал. Д. Жилина, 1904. 128 с.

Обзор хозяйства города Красноярска за июль-сентябрь 1908 г. № 4. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1909. 306 с.

Обзор хозяйства города Красноярска за июль-декабрь 1909 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1909 [1910]. С. 396–679.

Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1910 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1911 г. С. 527–739.

Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь 1912 г. – январь 1913 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1913. С. 421–660.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы. М. : AD Marginem, 1999. 479 с.

Reference

Arkhiv goroda Achinska [Archive of the City of Achinsk]. Stock 6. L. 1. Dos. 36 (*Postanovleniya Achinskoy gorodskoy dumy za 1911 g.*).

Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat' : Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. 479 p. Moscow, AD Marginem.

GAKK. Stock 161. L. 1. Dos. 51 (*Instruktsiya bazarnogo smotritelya po nablyudeniyu za poryadkom i proizvodstvom torga na torgovykh ploshchadyakh, rynkakh i bazarakh g. Krasnoyarska*).

GAKK. Stock 161. L. 2. Dos. 951 (*Delo ob izdanii pravil dlya prodazhi v Krasnoyarske khlebnykh produktov)*.

GAKK. Stock 161. L. 2. Dos. 1003 (*Zayavleniya melkikh torgovtsev gor. Krasnoyarska o soedinenii bazarov v odin bazar na Novobazarnoy ploshchadi*).

GAKK. Stock 161. L. 2 Dos. 1913 (*Postanovleniya Krasnoyarskoy gorodskoy dumy, predlozheniya gubernatora o torgovle khlebom, ob ochistke bazarnykh ploshchadey i ulits*).

GAKK. Stock 173. L. 1. Dos. 1928 (*Delo o perevode bazara na novuyu torgovuyu ploshchad'*).

GAKK. Stock 595. L*ist* 18. Dos*sier* 365 (*Delo ob utverzhdenii mest soderzhaniya piteynykh zavedeniy v gorodakh gubernii*).

GAKK. Stock 628. L.1. Dos. 20 (*Postanovleniya Minusinskoy gorodskoy dumy za 1892 god*).

Enisey [Yenisei]. (1895). *4*, Jan. 8; *62*, May 26. (1896). *92*, Aug. 2. (1905). *40*, Apr. 13; *61*, Jun. 10; *62,* Jun. 12.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za yanvar' – mart 1903 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, January – March, 1903]. ([1903]). 63 p. Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. Zhilina.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' – dekabr' 1903 g. № 4 [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October – December, 1903, Iss. 4]. (1904). 128 p. Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. Zhilina.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za iyul' – sentyabr' 1908 g. № 4 [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, July – September, 1908, Iss. 4]. (1909). 306 p. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za iyul' – dekabr' 1909 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, July – December, 1909]. (1909 [1910]). Pp. 396–679. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' – dekabr' 1910 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October – December, 1910]. (1911). Pp. 527–739. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' 1912 g. – yanvar' 1913 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October, 1912 – January, 1913]. (1913). Pp. 421–660. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Po voprosu ob ustanovlenii bazarnykh dney na Starobazarnoy ploshchadi [On the Issue of Market Days Organisation in Market Square]. (1915). In *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya, 17,* Nov. 1.

Serto, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday. 1. The Art of Making]. 328 p. Saint Petersburg, Izdatel′stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

The article was submitted on 28.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.204
УДК 327(44:470)"1966..."+929Шарль де Голь+929Брежнев+316.774

ВИЗИТ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОПРОСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ МОСКВЫ В 1966–1969 гг.*

Михаил Липкин
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

CHARLES DE GAULLE'S VISIT TO THE SOVIET UNION AND MOSCOW'S INTERNATIONAL POLICY STRATEGY BETWEEN 1966 AND 1969**

Mikhail Lipkin
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article is based on recent archival findings that throw a new light on the preparations for and results of President Charles de Gaulle's state visit to the USSR in 1966. The results are analysed as part of the expansion of Soviet bi- and multilateral relations which developed in the context of European cooperation in the late 1960s. Special emphasis is given to the unprecedented media support for Franco-Soviet contacts. Focus is placed on the preparation and organisation of the visit, with reference to new archival materials from the Russian State Archive of Contemporary History. The author also illustrates the Soviet authorities' realistic and flexible approach to foreign affairs. It is also noted that, regardless of the social structure of European states, issues of economic and technical collaboration were the objects of a great deal of attention. This state visit is compared with the visits of other leaders, such as

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих молодых докторов МД-6912.2015.6 «Советский Союз и модернизационные вызовы 1960-х: в поисках нового внешнеэкономического инструментария».

** *Citation*: Lipkin, M. (2016). Charles de Gaulle's Visit to the Soviet Union and Moscow's International Policy Strategy between 1966 and 1969. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204.

Цитирование: *Lipkin M.* Charles de Gaulle's Visit to the Soviet Union and Moscow's International Policy Strategy between 1966 and 1969 // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204 / *Липкин М.* Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 гг. // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204.

© Липкин М., 2016

Richard Nixon, Harold Macmillan, and Konrad Adenauer, to the Soviet Union. The article demonstrates that Soviet diplomats and highly-ranked officials had a very special attitude towards de Gaulle even during his resignation in 1969. The 'special relations' between Moscow and Paris after de Gaulle's visit could be considered as one of the best examples of peaceful convergence between the West and the East in the 1960s.

Keywords: Franco-Soviet relations; USSR; France; Charles de Gaulle; L. I. Brezhnev; Détente; security; state visit; media space; scientific and technical connections; mass media.

На новом архивном материале рассмотрены обстоятельства визита президента Французской Республики Шарля де Голля в Советский Союз в 1966 г. и их значение для дальнейшего развития двусторонних и многосторонних отношений СССР в широком контексте политики общеевропейского сотрудничества второй половины 1960-х гг. Показан беспрецедентный для своего времени масштаб мер информационного сопровождения советско-французских контактов. Особое внимание уделено изучению подготовки и проведения данного визита на основе новых архивных материалов РГАНИ. Показаны реалистичность и гибкость внешнеполитического подхода руководства СССР. Отмечено важное значение вопросов экономического и научно-технического сотрудничества государств Европы вне зависимости от их социального строя, которым на переговорах было уделено самое пристальное внимание. Визит анализируется в сравнении с визитами в Советский Союз таких государственных деятелей как Гарольд Макмиллан, Ричард Никсон и Конрад Аденауэр. Автор приходит к выводу об особом отношении к персоне де Голля со стороны советских дипломатов и высшего партийного руководства даже в момент его отставки с президентского поста в 1969 г. и о важности советско-французских отношений в качестве эталона возможностей мирной конвергенции Запада и Востока в 1960-х гг.

Ключевые слова: франко-советские отношения 1960-х гг.; СССР; Франция; Шарль де Голль; Л. И. Брежнев; разрядка; безопасность; государственный визит; научно-технические связи; средства массовой информации.

В 2016 г. отмечается юбилей исторического визита Шарля де Голля в Москву 20 июня – 1 июля 1966 г., открывший новый этап в двусторонних отношениях стран разных социально-политических систем и в значительной степени оказавшийся тестом на способность к сотрудничеству таких стран в региональной и глобальной системе координат периода холодной войны. В истории двусторонних отношений СССР с ключевыми странами западного мира визит де Голля остается одним из рекордных по своей продолжительности: знаменитый визит Конрада Аденауэра (8–14 сентября 1955) длился неполных семь дней, «исследовательский» визит британского

премьер-министра Гарольда Макмиллана (21 февраля – 3 марта 1959) продлился 11 дней, однако не принес существенных результатов в политико-экономической области [Липкин, 2010, с. 317–319]. Визит президента США Ричарда Никсона по приглашению Л. И. Брежнева (22–30 мая 1972) длился девять дней. Впоследствии ритм жизни мировых лидеров настолько убыстрялся, что они все реже могли себе позволить более двух недель посвятить официальному визиту в ключевую страну социалистического лагеря. А ведь для понимания и погружения в реальную советскую жизнь, преодоления стереотипов и выработки собственного опыта требовались упорство и смелость оставить собственную страну на такой продолжительный срок, как в случае с президентом де Голлем. С учетом географической протяженности визит стал целым путешествием по Советскому Союзу и, судя по воспоминаниям де Голля, произвел на него большое впечатление[1].

В ходе визита французскому президенту были оказаны особые знаки внимания с советской стороны – ему была предоставлена возможность выступать с трибуны Моссовета перед жителями Москвы, ему первому показали запуск советской ракеты с космодрома Байконур [Там же, с. 386–387]. Помимо этих общеизвестных фактов, открывшиеся в 2014 г. в РГАНИ документы Политбюро ЦК КПСС позволяют существенно дополнить наши знания о подготовке и последствиях этого знакового события для советско-французских отношений и в целом европейской политики СССР.

О том, как встречать дорогого гостя, конкретные инструкции и поручения давались в объемном постановлении Политбюро СССР «По вопросам, связанным с предстоящим официальным визитом в СССР президента Франции де Голля», к которому относилось несколько детализирующих поручения приложений.

Во-первых, бросается в глаза внимание к информационному обеспечению визита. Вторая половина 1960-х была временем не просто газет и радио, но и телевидения, включая передовое спутниковое цветное. И французская, и советская сторона тщательно готовились к освещению этого события. Информационная подготовка включала в себя как меры организационно-технического порядка, так и собственно установки для представителей прессы о том, в каком духе освещать визит высокого гостя.

Одними из наиболее интересных документов из комплекса материалов, принятых постановлениями Политбюро накануне визита президента Франции, являются секретные «Предложения по вопросам, касающимся информационно-пропагандистских мероприятий в связи с визитом де Голля в СССР» и «Указания для советских орга-

[1] Как следует из исследования ведущего отечественного историографа де Голля М. Ц. Арзаканян, генералу были свойственны долгие заграничные вояжи – например, после СССР он отправился в турне по странам Африки и Французскую Полинезию. Однако одно дело – поездки в бывшие колонии, которые сохраняли тесные связи с Францией, другое – за «железный занавес» в СССР [Арзаканян, с. 390–391].

нов печати и радио по освещению вопросов, связанных с предстоящим визитом президента Франции де Голля в СССР» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 107–108; 103–106].

В первом документе давались поручения различным советским ведомствам по подготовке информационного поля визита как во Франции, так и в СССР, а также прописывались технические стороны обеспечения работы журналистского пула на территории СССР. Для организации прямых телерадиорепортажей из Советского Союза в Париж направлялись специальные представители советской стороны. Следует оговориться, что помимо чисто информационной составляющей, эти репортажи должны были продемонстрировать самые передовые достижения СССР в области радио и телевидения – одной из областей перспективного сотрудничества с Францией, в которой в дальнейшем были подписаны соответствующие соглашения и развивалась совместная работа по усовершенствованию цветного телевидения[2]. Мир вступал в эру цветного спутникового телевидения, и СССР стремился грамотно продемонстрировать свои новейшие разработки. Не случайно в качестве одного из памятных подарков де Голлю готовился и был подарен многосерийный цветной фильм о его пребывании в советской России. Такое могла себе позволить далеко не каждая страна. В базовом же Постановлении ЦК КПСС по вопросам визита де Голля в СССР предписывалось Министерству связи СССР представить предложения о проведении с помощью спутника связи «Молния-1» прямых телепередач на Францию о пребывании французского президента, что также было технической новинкой в освещении визитов [Там же. Д. 10. Л. 103].

Создание благоприятного информационного поля включало в себя как подготовку и трансляцию репортажей о различных сторонах жизни СССР для франкоязычной аудитории, так и организацию культурного фона визита – выставку «Советско-французские культурные связи» в Москве и французскую выставку «Роден и его время», а также показы французских и советских фильмов о Франции в городах, посещавшихся официальной делегацией (Москве, Ленинграде Волгограде, Новосибирске, Киеве) [Там же. Д. 11. Л. 104].

Беспрецедентным для своего времени был масштаб мер информационного сопровождения визита – количества журналистов, которые сопровождали французского президента в его путешествии по СССР. С советской стороны выделялось 12 корреспондентов из ведущих изданий и информационных агентств («Правды», «Известий», ТАСС, Фотохроники ТАСС, «Les Nouvelles de Moscou», «Огонька», АПН, Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР) и два кинооператора для кинохроники [Там же. Л. 105]. В Москву по туристическим визам разрешался въезд 80 (!) французских корреспондентов и десяти человек технического персонала, а также 20 корре-

[2] Подробнее об использовании этого спутника связи и научно-техническом сотрудничестве в области космоса и телевидения см.: [Blamont; Barjot, Park-Barjot].

спондентов из третьих стран (по усмотрению МИД и КГБ СССР) [Там же]. Они могли сопровождать де Голля везде, и Министерству гражданской авиации СССР было поручено специально выделить «один-два спецсамолета» [Там же]! Иностранным корреспондентам разрешалось посещать все публичные мероприятия, посылать за границу непроявленную кинопленку и магнитные пленки (то есть вводилась свобода слова в условиях продолжавшейся холодной войны), они могли оперативно передавать информацию из Москвы и других городов, посещаемых де Голлем, по радиоканалам, что было немыслимо, скажем, в 1950-х гг. для Аденауэра или Макмиллана, которых сопровождали единичные корреспонденты, в основном печатных органов СМИ.

В «Указаниях для советских органов печати и радио по освещению вопросов, связанных с предстоящим визитом президента Франции де Голля в СССР» в директивной форме давалась установка на размещение акцентов непосредственно в репортажах и иных материалах, освещавших ход визита. Во-первых, следовало противопоставлять традиционные двусторонние симпатии и дружеские советско-французские отношения идеям атлантизма. Во-вторых, акцентировать внимание на тех моментах, где позиции обеих стран были наиболее близки (прекращение войны во Вьетнаме, незыблемость послевоенных границ, недопущение ФРГ к ядерному оружию). В-третьих, очевидно, с целью пресечь чрезмерную ревность со стороны «друзей» во французской коммунистической партии, давалась установка по возможности уходить от персонификации внешней политики Франции в лице одного де Голля и подавать позитивный материал о двусторонних отношениях от имени «широких французских общественных кругов», подчеркивая объективность советско-французского сближения [Там же. Л. 108].

Примечательно, что советские средства информации предостерегали о вреде «подчеркнутого выражения… заинтересованности в той или иной позиции Франции», им рекомендовалось придерживаться «объективного, спокойного тона в освещении внешнеполитических шагов французского правительства», одновременно снизив критический накал в подаче материала по внутренней политике Пятой республики. То же самое касалось тех внешнеполитических вопросов, где позиции Москвы и Парижа расходились (отказ Парижа от подписания Московского договора о частичном запрещении ядерных испытаний, неучастие в заседаниях Женевского комитета восемнадцати по разоружению и др.). Негатив следовало убрать из информационного поля, сконцентрировавшись на позитивных моментах [Там же].

Новый подход в информационной подготовке визита сопровождался и новым подходом в повестке дня и установками непосредственно для дипломатических заседаний. Об этом позволяет говорить ключевой документ «Предварительные соображения к переговорам

с президентом Франции де Голлем» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 72–79]. Его отличают реалистичность и гибкость внешнеполитического подхода новой команды Л. И. Брежнева. В нем рефреном повторяется мысль о ненавязчивом стиле общения с французской стороной, о прощупывании точек соприкосновения по широкому спектру вопросов (от европейской безопасности до войны во Вьетаме и ситуации в Африке). Фраза «идти параллельным курсом или действовать совместно» повторяется в разных его частях несколько раз, означая понимание международных обязательств Пятой республики и порою неудобство для нее в открытую поддерживать линию СССР в тех или иных вопросах, даже при наличии общих позиций [Там же. Л. 75, 76]. В пункте об урегулировании германской проблемы, где обе страны официально не могли отказаться от заявлений о праве немцев на воссоединение, но в реальности понимали невозможность такого шага в ближайшем будущем, предлагалось «вести дело к достижению молчаливой договоренности о том, чтобы в обозримом будущем исходить в европейских делах из факта существования двух германских государств» [Там же. Л. 77].

Важное место как в «Предварительных соображениях» к переговорам с де Голлем, так и в специально подготовленном в виде приложения к ним тексте Соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Правительством СССР и Правительством Французской Республики отводилось оценке значимости экономического и научно-технического фактора применительно к тому, что можно было бы условно назвать советской «паутинной» концепцией безопасности в Европе[3]. В одобренных Президиумом ЦК КПСС «Предварительных соображениях» говорилось о новой расширительной трактовке советской стороной концепции безопасности в свете сближения с Францией и линией на общеевропейское совещание. Эта линия просматривается и в других внешнеполитических документах – в частности, в отношении Великобритании и Италии. В, казалось бы, сугубо военно-политическом разделе «Вопросы европейской безопасности и германская проблема» говорилось о растущем интересе европейских государств к расширению связей и контактов как на двусторонней, так и на многосторонней основе [Там же. Л. 75–76].

Особенно отмечался встречный интерес европейских стран к научно-техническому сотрудничеству с СССР. В этой связи в материалах к визиту проводилась мысль о том, что «в Европе активизируются силы, выступающие за стабилизацию политической обстановки на континенте. Советское правительство считает необходимым содействовать этому процессу, устранить препятствия, которые мешают сближению и сотрудничеству государств Востока и Запада Европы. В этом плане важное значение имеет развитие экономического

[3] Термин вводится автором.

и научно-технического сотрудничества государств Европы вне зависимости от их социального строя. Разумеется, мы не исключаем и возможности участия ФРГ в таком сотрудничестве. Развитие такого сотрудничества могло бы послужить как бы *материальным фундаментом, на который должна опираться безопасность в Европе* (выделено мною. – *М. Л.*)» [Там же].

Конечно, помимо «джентльменских договоренностей», советская сторона ставила в качестве итоговой цели визита и достижение некоторых письменных соглашений в более обязывающей форме – говорилось о крайней желательности заключения политического договора или, в крайнем случае, совместной декларации [Там же. Л. 74]. В указаниях советскому послу в Париже для беседы с генеральным секретарем французской компартии Вальдеком Роше в преддверии визита французского президента особо отмечалось: «нам представляется важным, чтобы благоприятное развитие советско-французских отношений получило договорное закрепление. Политический договор между СССР и Францией явился бы важнейшим фактором обеспечения мира в Европе» [Там же. Л. 109–110].

Тексты принятой по итогам визита декларации, а также соглашения о сотрудничестве широко известны, а вот обстоятельства, связанные с попыткой заключения договора, изучены мало, особенно на фоне аналогичных попыток в отношении других стран. Советский проект предлагал заключить рамочный «Договор об отношениях между СССР и Французской Республикой» [Там же. Л. 80–82]. Стремление к улучшению обстановки в Европе подавалось через стремление к решению проблем, порожденных Второй мировой войной (то есть германской проблемы и проблемы послевоенных границ). Из обязательств в нем в общей форме фиксировался тезис о совместных консультациях, что, безусловно, было большим шагом вперед в выработке механизмов повышения взаимного доверия не на словах, а на практике.

Проект политического договора с Францией очень похож на аналогичный договор о дружбе и мирном сотрудничестве, который СССР пытался заключить с Великобританией в ходе визита премьер-министра Н. Косыгина на Британские острова в 1967 г.

Отдельные документы позволяют отрывочно восстановить судьбу переговоров на эту тему. Они говорят о том, что диалог между Москвой и Лондоном шел весной 1967 г. В Архиве внешней политики МИД РФ мне посчастливилось найти британскую версию документа. В ней бросается в глаза ряд пунктов, которые наверняка вызвали некоторое смущение советской стороны. Так, в духе политики разрядки англичане предлагали поощрять, наряду с культурными обменами и туризмом, «развитие условий, содействующих… свободному распространению, соответственно, в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе всех книг, газет и иных изданий, публикуемых в другой

стране», а также обмен кино-, радио- и телепрограммами[АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 237. Д. 13. Л. 83]. Можно только догадываться, насколько неприемлемыми для советской системы были эти положения. Очевидно, это стало одной из причин, по которым уже в мае 1967 г. Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о проекте договора о дружбе и мирном сотрудничестве с Великобританией и приняло двойственное решение «поручить МИД СССР дополнительно изучить этот вопрос с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК КПСС» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 91. Л. 10]. В итоге ни с Францией, ни с Великобританией подобных договоров заключено не было, хотя это явно была общая линия СССР на подготовку к общеевропейскому совещанию. Однако с обеими ключевыми странами континента были заключены соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и были созданы новые двусторонние структуры для выполнения взятых обязательств.

Выступая на совещании министров внешней торговли стран – членов СЭВ по вопросам торгово-политических вопросов отношений со странами «Общего рынка» (Минск, 31 мая 1968), министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев так охарактеризовал новые тенденции в этой сфере: «Если бы мы имели больше ресурсов, то, несмотря на углубление интеграции на Западе, очень многие капиталистические страны желали бы в двустороннем порядке развивать торговлю с нами. Увеличилось количество смешанных торговых палат (с Финляндией, Англией, Италией, Францией, экономическая комиссия с Японией). Это явление нового характера. Раньше у нас имелись экономические комиссии только с социалистическими странами. <…> С ФРГ не имеем торгового соглашения по нашей инициативе, поскольку западногерманские власти однажды нарушили контракт на трубы. Несмотря на наше нежелание заключать торговое соглашение, ФРГ предприняла все меры для того, чтобы расширить торговлю с СССР и без торгового соглашения… Если бы мы захотели удвоить торговлю с ФРГ, то это можно было бы достигнуть в течение двух лет. Ряд товаров нам раньше никто не хотел продавать, а фирмы ФРГ их нам поставили… Но мы не идем на существенное расширение торговли с ФРГ по политическим мотивам» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 98].

Министр не случайно особо выделил ФРГ в своем выступлении. Несмотря на то, что в середине 1960-х гг. политические отношения с ней находились на крайне низкой отметке, это была ключевая страна как для развития западноевропейской интеграции, так и для любых вариантов военно-политического решения проблемы безопасности, равно как и для приводимого выше нового экономического аспекта безопасности в Европе, задевавшего все страны СЭВ.

Вопрос признания ГДР стал одним из камней преткновения на переговорах с де Голлем в Москве. Как описывает это советская сторона

в «совершенно секретном» пересказе итогов визита, предназначавшегося высшему руководству французской компартии, на переговорах Л. И. Брежнев заявил, что «отказ от признания ГДР не согласуется с концепцией признания фактического послевоенного положения в Европе и с концепцией единства Европы» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 64]. Де Голль дал понять, что не признает ГДР как раз по причине опасности увековечивания раскола – очевидно, что в его представлении о «единой Европе» Германия не должна была быть представлена двумя государствами. Хотя, как показывают документы переговоров, на них генерал делал оговорку, что Франция на заинтересована в сильной централизованной воссоединенной Германии и считает приемлемыми «какие-то варианты германской конфедерации» [Там же].

Как отмечал Е. А. Осипов, ключевым расхождением между французским и советским видением послевоенного мирового порядка (и Европы как части его) было противоположное стремление: Брежнева – подтвердить ялтинскую систему, основанную на правилах биполярности и сфер влияния, де Голля – разрушить ее и перейти к внеблоковой многополярности [Осипов]. Тем не менее, в оценках желательности ослабления атлантического влияния на европейские дела, в стремлении к недопущению ФРГ к ядерному оружию, в чисто двусторонних отношениях (например, взаимном интересе к научно-техническому сотрудничеству) стороны нашли общий язык, что и легло в основу итоговых документов.

Трудно назвать другую страну Западной Европы, с которой у СССР установились бы такие теплые и близкие отношения во второй половине 1960-х гг., как Франция. Безусловно, ключевую роль в сближении двух стран играл личный фактор – независимая политика де Голля, его последовательный антиамериканизм и стремление диверсифицировать внешнюю политику за счет «особых отношений» с Москвой. Позиция де Голля в НАТО и в ЕЭС крайне импонировала советской стороне, и, хотя с точки зрения товарооборота Франция по-прежнему уступала лидерство другим капстранам, по количеству политических консультаций, различного рода визитов, выставок, обменов она была для Москвы вплоть до смерти де Голля первой среди всех западноевропейских стран. В информации об итогах визита де Голля в Москву, разосланной советским послам в странах соцсодружества для передачи в качестве конфиденциальной, особо подчеркивалось: «мы поддержали тезис о необходимости решения европейских проблем прежде всего в рамках Европы, т. е. практически без американского вмешательства» [Там же. Л. 114].

О значимости концепции «Европы отечеств» Шарля де Голля для советской европейской политики говорят две версии комплексной записки МИД СССР «Об интеграционных процессах в Западной Европе» (первоначальная и итоговая). Первая обсуждалась в марте

1969 г., а затем была отправлена на доработку «с учетом замечаний» и принята в окончательном виде решением Президиума ЦК КПСС в декабре 1969 г.[4] В ее раннем варианте пункт про Францию так и назывался – «Голлистская “Европа отечеств”». В нем говорилось, что в интерпретации французского президента «в таком виде “Европа отечеств” исключала бы, по крайней мере, на первом этапе Англию и имела бы некоторую антиамериканскую направленность. Вместе с тем, стремление Франции сохранить ведущее место в Западной Европе вынуждало бы ее искать противовес ФРГ путем маневрирования с США, а также развития отношений с Советским Союзом (деголлевская формула “Европа от Атлантики до Урала”)» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 163]. Из этого впоследствии существенно отредактированного и сокращенного абзаца следует, что, в отличие от времен Н. С. Хрущева, концепция «Европы от Атлантики до Урала» уже не вызывала у советской стороны такого бурного отторжения, как в начале 1960-х. Правда, отмечалось, что в итоге и этот вариант интеграции в силу своей классовой сущности был направлен на ослабление социалистического содружества, представляя, таким образом, лишь «меньшее из двух зол» для СССР [Там же].

В первоначальном мартовском варианте 1969 г. записки А. Громыко о процессах западноевропейской интеграции содержался важный пассаж в выводах к документу, впоследствии измененный и сокращенный (вероятно, ввиду того, что доработка документа шла уже в обстановке ухода де Голля с поста президента). Основная установка социалистических стран должна была быть направлена на то, чтобы действовать, «поддерживая соответствующие дезинтеграционные тенденции и процессы, выделяя среди интеграционных те, которые мешают сколачивать блок основных империалистических стран против СССР, ГДР и других социалистических стран (голлистская “Европа отечеств” и др.), продолжая неустанную линию борьбы против оси “Вашингтон – Бонн”, “Лондон – Бонн”, “Вашингтон – Лондон – Бонн” и т. п.» [Там же. Оп. 68. Д. 1128. Л. 165].

Примечательно, что в итоговой июньской версии записки ничего не говорится о различных вариантах оси «Париж – Бонн» или «Париж – Лондон», что наряду с другими местами документа, где отмечаются заслуги «антиамериканской» трактовки интеграции Парижа, делается вывод о том, что благодаря альтернативным путям развития западноевропейской интеграции, которые олицетворял собой де Голль, советский подход конца 1960-х все-таки был не так догматичен, как тезисы ИМЭМО 1962 г. Москва подходила к решению вопроса выборочно, всячески импонируя позиции де Голля, а порою идеализируя ее и степень своего влияния на Францию. В записке говорилось: «Правительство Франции проводило свой курс на самостоятельность, опираясь в определенной степени на Советский Союз. Эта линия будет, по-видимому, в той или иной мере продолжена

[4] Подробнее анализ этого документа см. в 4-й главе монографии : [Липкин, 2016].

и после ухода де Голля, ибо на нее воздействуют объективные факторы: возросшая политическая и экономическая роль Франции в капиталистическом мире, пустившие глубокие корни разносторонние формы франко-советского сотрудничества и др.» [Там же. Л. 133]. Рассуждая о французской концепции «объединенной Европы», советские эксперты предвидели даже в случае включения в нее Великобритании антиамериканскую направленность европейского проекта во главе с Парижем [Там же. Л. 137]. Очевидно, что даже несмотря на обострившееся в течение 1969 г. из-за приграничного конфликта с Китаем чувство безопасности и возрождение стереотипов времен межвоенного периода, Кремль оставлял возможность дифференциации различных путей развития капиталистической интеграции.

Советско-французское сотрудничество второй половины 1960-х гг. было образцом мирной конвергенции стран Запада и Востока при сохранении идеологического дуализма. В отчете Государственного комитета СССР по науке и технике о работе IV сессии смешанной Советско-французской комиссии подводились некоторые итоги научно-технического и экономического сотрудничества с Францией за период 1967–1969 гг. [Там же. Д. 1139. Л. 141–144, 150–154]. В нем, в частности, отмечалось, что во Франции было принято решение о частичном сокращении количественных ограничений на импорт советских товаров во Францию и делаются заявления о перспективе полного их снятия в течение срока действия соглашения. Отмечались конкретные шаги в области использования мирного атома – подготовка совместного научного эксперимента на серпуховском ускорителе с помощью французской жидководородной камеры «Мирабель». Отдельно описывалась работа сессии смешанной советско-французской комиссии по цветному телевидению, которая была посвящена совместной разработке усовершенствованного телескопа с увеличенным отклонением луча [Там же. Л. 146].

Развивалось не только научно-техническое сотрудничество, но и военное, что было немыслимо в обстановке начала 1960-х гг. в условиях крайней подозрительности, которую питал Н. С. Хрущев к де Голлю и его концепции «Европы от Атлантики до Урала». К примеру, 22 ноября 1967 г. Политбюро положительно рассматривает вопрос «О мероприятиях по дальнейшему развитию контактов между вооруженными силами СССР и Франции» – формулировка, которую трудно было себе представить в повестке дня ЦК КПСС, скажем, в 1950-е гг. Комплекс мероприятий предусматривал обмен военно-спортивными делегациями, визитами учебных кораблей, начальников штабов и даже показ (на основе взаимности) нескольких военных объектов для делегаций работников военных аппаратов сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил Французской Республики. Допускалось даже в случае пожелания

французов разрешить им посещение военных учений и маневров в СССР [Там же. Оп. 72. Д. 131. Л. 65–66]!

Как отмечал исследователь франко-советской экономической разрядки Е. А. Осипов, «успешный визит французского президента в СССР в 1966 г. привел к созданию уникального для периода холодной войны механизма советско-французского экономического сотрудничества. В ходе переговоров с де Голлем А. Н. Косыгин открыто называл Францию “самым постоянным” партнером СССР на Западе» [Осипов].

На этом благоприятном фоне добровольный уход Шарля де Голля с поста президента Пятой республики стал настоящим шоком для советской дипломатии. Указания советским послам говорили о необходимости проявлять максимальный такт и сдержанность в выражении каких-либо симпатий в отношении тех или иных политических сил в республике [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 257. Л. 48]. «Принимая во внимание чувствительность государственных деятелей и общественного мнения Франции к реакции советской печати и радио, было бы целесообразно, как это имело место во время событий во Франции в мае-июне прошлого года, освещать в основном фактическую сторону происходящего со ссылкой на французские источники и через соответствующие заявления французских государственных и политических деятелей и партий. Воздерживаясь от собственных оценок и проявляя необходимый такт в отношении лично де Голля, желательно вместе с тем подвергать должной критике деятельность проатлантических сил во Франции», – говорилось в приложении к Постановлению ЦК КПСС от 8 мая 1969 г. «О некоторых мероприятиях в связи с уходом генерала де Голля с поста президента Франции» [Там же. Оп. 68. Д. 1024. Л. 7].

Постановление ЦК КПСС полностью одобряло соображения, изложенные в записке А. А. Громыко от 29 апреля 1969 г. В ней, с одной стороны, выражалось неверие в то, что де Голль ушел окончательно: отмечалось, что, «хотя сам де Голль оставил пост президента, это не означает, что он полностью сошел с политической сцены. Его слово и авторитет могут иметь вес и в дальнейшем» [Там же. Л. 5]. К слову сказать, сразу после известия о его уходе послу СССР во Франции были даны специальные указания найти удобный способ связаться с де Голлем и выразить ему благодарность и поддержку со стороны СССР.

В записке отмечалось, что внешнеполитическая ориентация Франции отличалась крайне выгодными для СССР чертами, что «во многом окрашивалось личными концепциями де Голля» [Там же]. Но была сформирована и внушительная объективная основа для поддержания высокого уровня отношений: были созданы «довольно солидные позиции для продолжения нынешнего благоприятного направления этих отношений (развитая практика двусторонних консультаций и обмена информацией по международным вопросам, представляющим взаимный интерес, увеличение более чем вдвое

объема торговли в 1964–1968 гг.; практическое сотрудничество в области цветного телевидения, в исследовании космоса и некоторых других сферах науки и техники; широкие обмены в области культуры и по общественной линии» [Там же. Л. 6]. Рекомендовалось, с одной стороны, не снижать активности в контактах с Францией, а с другой – проявлять такт в советских средствах массовой информации [Там же. Л. 7].

***

Советско-французское сотрудничество второй половины 1960-х гг. демонстрировало собой идеал (а возможно, и предел) мирной конвергенции стран Запада и Востока при сохранении идеологического плюрализма. Оно помогло подготовить атмосферу разрядки, в которой стало возможно проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в первой половине 1970-х гг. Залогом успеха стал безукоризненно подготовленный и осуществленный официальный визит президента Франции Шарля де Голля в СССР в 1966 г.

По тонкому наблюдению бывшего премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, «когда де Голль говорил “Европа”, он имел в виду Францию, когда Москва говорила “Франция”, она имела в виду Европу» (op. cit.: [Mueller, p. 83]). Если для 1950-х гг. «витриной», или эталоном взаимовыгодного мирного сотрудничества между Востоком и Западом служила Финляндия, то во второй половине 1960-х в качестве образца для подражания СССР везде подчеркивал особые связи Москвы и Парижа. Причем по объему взаимной торговли Франция занимала второе-третье место, уступая в отдельные годы то Великобритании, то Японии. Однако, в отличие от последних, в случае с де Голлем чисто экономическая разрядка сопровождалась действительно тесными политическими контактами и консультациями, что было так нетипично для периода классической холодной войны. Проявленные с обеих сторон гибкость и реалистичный подход позволяли не акцентировать внимание на расхождениях, а работать конструктивно. При должной государственной поддержке это дало возможность восстановить партнерское доверие и принесло ощутимые политико-экономические результаты.

Список литературы

АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 237. Д. 13. Л. 83.

Арзаканян М. Ц. Великий де Голль : «Франция – это я!» М. : Яуза ; Эксмо, 2012. 512 с.

Липкин М. А. Советско-британские отношения в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в Европе (1956—1973 гг.) // Россия и Британия. М. : Наука, 2010. Вып. 5. С. 317–340.

Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Осипов Е. А. Экономический аспект разрядки: СССР — Франция (1966—1970 гг.) // История : науч.-образоват. журн. 2015. Т. 6. Вып. 11 (44). URL: http://history.jes.su/s207987840001338-0-1 (дата обращения: 02.09.2016).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1024. Л. 5—7; Оп. 68. Д. 1128. Л. 133, 137. Оп. 68. Д. 1139. Л. 141–144, 146, 150–154. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 72–79, 80–82, 103–110. Ф. 3. Оп. 72. Д. 10. Л. 103. Ф. 3. Оп. 72. Д. 91. Л. 10. Ф. 3. Оп.72. Д.24. Л. 64, 114, 163, 165. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 65–66. Ф. 3. Оп. 72. Д. 257. Л. 48. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 98.

Barjot D., Park-Barjot R.-R. Transferts de technologie entre France et URSS du milieu des années 1960 à celui des années 1970: entre coopération scientifique et technique, choix des politique étrangères et montagne financiers a long et moyen terms // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке / под ред. А. О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан и др. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 101–116.

Mueller W. Recognition in return for détente? Brezhnev, the EEC, and the Moscow Treaty with West Germany, 1970–1973 // J. of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No 4.

Rey M.-P. La tentation du rapprochement : France et URSS à l'heure de la détente. Paris : Publ. de la Sorbonne, 1991.

De Gaulle et la Russie : CNRS Histoire / sous la direction de M. Vaïsse. Paris : CNRS Ed., 2006.

References

Arzakanyan, M. Ts. (2012). *Veliky de Goll' : "Frantsiya – eto ya!"* [The Great de Gaulle: France is Me]. 512 p. Moscow, Eksmo.

AVP RF. Stock 69. L. 59. P. 237. Dos. 13. Leaf 83.

Barjot, D. & Park-Barjot, R.-R. (2013). Transferts de technologie entre France et URSS du milieu des années 1960 à celui des années 1970: entre coopération scientifique et technique, choix des politique étrangères et montagne financiers a long et moyen terms. In Chubar'yan, A. O. & Liechtenhan, F.-D. (Eds.). *Frantsuzy v nauchnoy i intellektual'noy zhizni SSSR v XX veke* (pp. 101–116). Moscow, IVI RAN.

Lipkin, M. A. (2010). *Sovetsko-britanskie otnosheniya v kontekste integratsionnykh i dezintegratsionnykh protsessov v Evrope (1956–1973 gg.)* [Russian-British Relations in the Context of Integration and Disintegration Processes in Europe (1956-1973)]. In *Rossiya i Britaniya* (Iss. 5, pp. 317–340). Moscow, Nauka.

Lipkin, M. A. (2011). *Sovetsky Soyuz i evropeyskaya integratsiya: seredina 1940-kh – seredina 1960-kh godov* [The Soviet Union and European Integration: the Mid-1940s – Mid-1960s]. 304 p. Moscow, IVI RAN.

Lipkin, M. A. (2016). *Sovetsky Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe: the Mid-1940s – Late 1960s]. Moscow.

Osipov, E. A. (2015). *Ekonomichesky aspekt razryadki: SSSR – Frantsiya (1966–1970 gg.)* [The Economic Aspect of Détente: The USSR – France (1966–1970s)]. In *Istoriya : nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal, Vol. 6, Iss. 11 (44)*. URL: http://history.jes.su/s207987840001338-0-1 (mode of access: 02.09.2016).

Rey, M.-P. (1991). *La tentation du rapprochement : France et URSS à l'heure de la détente.* 355 p. Paris, Publ. de la Sorbonne.

RGANI. Stock 3. Leaf 68. Dos. 1024. Leaf 5–7. Leaf 68. Dos. 1128. Leaf 133, 137. Leaf 68. Dos.1139. Leaf 141–144, 146, 150–154. Stock 3. Leaf 72. Dos. 11. Leaf 72–79, 80–82, 103–110. Stock 3. Leaf 72. Dos. 10. Leaf 103. Stock 3. Leaf 72. Dos. 91. Leaf 10. Stock 3. Leaf 72. Dos. 24. Leaf 64, 114, 163, 165. Stock 3. Leaf 72. Dos. 131. Leaf 65–66. Stock 3. Leaf 72. Dos. 257. Leaf 48. Stock 5. Leaf 60. Dos. 518. Leaf 98.

Vaïsse, M. (Ed.). (2006). *De Gaulle et la Russie : CNRS Histoire*. Paris, CNRS Ed.

The article was submitted on 20.05.2016

Recensiones

Recensiones

DOI 10.15826/qr.2016.4.205
УДК 80+821.161.1+008

ВЗГЛЯД С ВОСТОКА*

Леонид Быков
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Рец. на: Дальний Восток, близкая Россия: Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии / под ред. В. Гречко, Су Кван Ким, Сусуму Нонака. – Белград ; Сеул ; Саитама : Логос, 2015. – 272 с.

A VIEW FROM THE EAST

Leonid Bykov
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Rev. of: Grechko, V., Su Kvan Kim, Susumu Nonaka (2015). *Dalniy Vostok, blizkaya Rossiya: Evolyutsiya russkoy kulturyi – vzglyad iz Vostochnoy Azii* [Far East, Near Russia – The Evolution of Russian Culture: A View from East Asia]. 272 p. Belgrade ; Seoul ; Saitama.

The article is a review of the proceedings of two international symposiums in Tokyo (2014) and Seoul (2015), organised in the framework of a large project dedicated to the study of Russian culture. The book gives a very clear understanding of the range of interests of Japanese and South Korean Slavicists. The authors of the collection focus both on the theoretical experience of the Russian humanities (Yu. Tynyanov, M. Bakhtin, and Yu. Lotman) and on the creative oeuvre of particular authors, especially prose writers and political essayists (I. Aksakov, V. Rozanov, A. Bely, V. Mayakovsky, Yu. Kazakov, F. Gorenstein, A. Kim, S. Alexievich, and M. Paley). According to the reviewer, the articles in the collection prove that, in their choice of topics and personalities, as well as in their methodological approaches, East Asian

* *Citation*: Bykov, L. (2016). A View from the East. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 277–285. DOI 10.15826/qr.2016.4.205.

Цитирование: *Bykov L.* A View from the East // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 277–285. DOI 10.15826/qr.2016.4.205 / *Быков Л.* Взгляд с Востока // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 279–286. DOI 10.15826/qr.2016.4.205.

© Быков Л., 2016

scholars largely identify themselves with their Russian colleagues working at home and abroad.

Keywords: Russian literature; Russian culture; philology; literature; prose; journalism; creative identity; narrative.

Публикация представляет собой рецензию на сборник материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015), организованных в рамках масштабного гуманитарного проекта, посвященного изучению русской культуры. Книга дает весьма отчетливое представление о круге интересов славистов Японии и Южной Кореи. Авторы представленных исследований сосредотачиваются как на освоении теоретического опыта российской гуманитарной мысли (Ю. Тынянов, М. Бахтин, Ю. Лотман), так и на рассмотрении творчества конкретных авторов, преимущественно прозаиков и публицистов (от И. Аксакова, В. Розанова, А. Белого, В. Маяковского, Ю. Казакова и др. до Ф. Горенштейна, А. Кима, С. Алексиевич, М. Палей). Вошедшие в сборник статьи, по мысли автора, свидетельствуют о том, что в выборе проблем и персоналий, равно как и в методологии анализа, восточноазиатские гуманитарии во многом солидаризируются с российскими коллегами, работающими на родине и за рубежом.

Ключевые слова: русская литература; русская культура; филология; публицистика; творческая индивидуальность; нарратив.

У этой внушительной книги притягательное своей поэтической емкостью название и столь же многообещающий концептуальной векторностью подзаголовок. И хотя следующие за титулом страницы первоначальные ожидания, признаем сразу, несколько умеряют, издание это, безусловно, заслуживает разговора о нем.

Перед нами, по сути, сборник материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015). Он стал итогом едва ли не первого в Восточной Азии масштабного гуманитарного проекта, посвященного изучению русской культуры. Можно сказать, что здесь отражена реальная картина деятельности славистов Японии и Южной Кореи.

Книга дает весьма отчетливое представление о круге интересов наших восточноазиатских коллег. В принципе, и перечень рассматриваемых в ней эстетических реалий, и спектр проблемных предпочтений, и методологические основания предложенного анализа не обнаруживают существенных отличий от того, что можно встретить в коллективных сборниках отечественных литературоведов и культурологов. Многие авторы данного издания, когда бы их статьи были включены в такого рода сборники, если и выделялись бы в них, то разве что экзотическими для нашего ономастикона именами. И столь же логично в корпусе рецензируемой книги меж прочих публикаций

нашли себе место работы отдельных российских ученых, работающих ныне за пределами Отечества.

О чем свидетельствует подобная близость? О том, прежде всего, что гуманитарии разных стран способны объединяться (в частности, и под одной обложкой). При всем несходстве родных для авторов языков ученые, где бы они ни жили, открыты взаимопониманию, когда их усилия сосредоточены на аналитическом рассмотрении равно дорогих им художественных миров. В этом плане примечательно и то, что книга работ исследователей из Японии, Южной Кореи, России и Украины отпечатана в Сербии.

Закономерно авторы целого ряда статей сосредотачиваются на освоении теоретического опыта российской гуманитарной мысли, способного подтвердить свою продуктивность в новые времена и на новых для него широтах. Героями этих работ стали такие знаковые фигуры отечественной филологии, как Ю. Тынянов, М. Бахтин, Ю. Лотман, причем ссылки на их труды мелькают и на других страницах книги.

Статьями *Чжин Сок Чои* «Проблемы трансформации культуры в мышлении М. М. Бахтина» и *Ирины Шатовой* «Карнавально-гротескные традиции восточнославянских и японской литератур и культур: типологические схождения и взаимные влияния» засвидетельствован большой интерес к бахтинским концепциям со стороны ученых Южной Кореи и Японии. Кроме того, автор второй из этих работ, сославшись на очевидные различия в культурной практике Азии и Европы, обозначил типологическое сближение национальных форм карнавальности и гротеска, а также отметил немногочисленные пусть, но реальные примеры влияния творчества Гоголя, Достоевского, Булгакова на художественное мышление ряда японских авторов и встречное воздействие японских реалий на культуру России и Украины. Это, правда, единственная в сборнике статья, где речь идет о том, как одна культура «в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин, с. 335]. Признаюсь, открывая сей том, я предполагал встретить больше материалов, посвященных ориентальной теме и восточному мифу в русском культурном восприятии. Но, возможно, эти проблемы будут обсуждаться на следующих симпозиумах.

Зато в рецензируемом своде интересно прослежено в свете лотмановских идей восприятие массовой культурой такого явления, как Корейская волна (Hallyu), связанного с южно-корейской культурной экспансией по миру (статья *Су Кван Ким*). К этой работе отчасти примыкает публикация Валерия Гречко о принципе дуальности в семиотической теории Ю. Лотмана. Данному труду, однако, недостает эстетической фактуры, от обращения к ней он не только бы выглядел убедительнее, но воспринимался бы в контексте сборника еще органичнее. Не забудем одну из лотмановских медитаций: «Метод не живет в безвоздушном пространстве, он ведет диалог с материалом» [Лотман, с. 297].

Наото Яги в статье «Значение пародии в литературоведческой деятельности Юрия Тынянова», обратившись к тыняновским штудиям разных лет, показал, как восприятием пародии в контексте литературной борьбы стимулировалось создание теории литературной эволюции. Несколько запоздалым, правда, в этом материале выглядит упрек «марксистскому литературоведению» в лице едва ли не впервые спустя десятилетия поминаемой Е. Гальпериной, которая в работе 1929 г. воспринимала пародию сквозь призму борьбы не литературной, а классовой. А вот некоторые публикации на данную тему более позднего происхождения (работы Вл. Новикова, а также материалы «Тыняновских сборников») не попали в зону авторского внимания.

Персонажный ряд книги весьма репрезентативен и в собственно писательском отношении. Тут и признанные историко-литературные фигуры, такие как И. Аксаков, В. Розанов, Андрей Белый, В. Маяковский, Б. Пастернак, М. Шолохов, О. Берггольц, Ю. Казаков, и примечательные творческие индивидуальности последних десятилетий – Ф. Горенштейн, А. Ким, С. Алексиевич, М. Палей. Сам этот перечень говорит о том, что аналитический спрос здесь – прежде всего на публицистику и прозу. О стихах речи, можно сказать, не заходит, поскольку о Б. Пастернаке *Бора Чин* пишет в связи с художественным синкретизмом романа «Доктор Живаго», а В. Маяковский в статье *Кю Юн Чо* представлен как создатель рекламных текстов, новаторски совмещающих импульсы политической журналистики, культуры дизайна и бытового просвещения. Подобный «прозоцентризм» объясняется, скорее всего, не единственно личными предпочтениями авторов, но и тем, что как бы уверенно восточноазиатские слависты ни владели русским (а из 19 статей только две напечатаны по-английски), все-таки лирику на неродном языке воспринимать труднее, чем прозу. (Из приходящих на ум исключений вспоминаю разве что англичанина Джеральда Смита и голландца Кейса Верхейла, чьи работы о русской поэзии разных веков поражают не просто великолепной эрудицией, но и завидным не только для иностранца чувством русского языка).

Статья *Дмитрия Бадаляна* характеризует публицистическую практику Ивана Аксакова в российской общественной жизни 1850–1880-х гг. Представленные здесь сведения, в общем-то, уже известны, в том числе и по предыдущим выступлениям этого историка журналистики в отечественной печати. И в данной работе автору важно не столько обосновать однозначно репутацию И. Аксакова как либерала или, напротив, как консерватора, сколько убедить, что эти европейские ярлыки для него не годятся, и уместнее было бы видеть его среди сторонников «творческого традиционализма» [Дальний Восток, близкая Россия, с. 21][1]. При этом в статье акцентируется антиреволюционный пафос аксаковских выступлений, что, безусловно, соответствует реальности, но вместе с тем как для современников публициста, так и для нового времени особенно значимой представляется защита

[1] Далее в круглых скобках приводятся ссылки на страницы этого издания.

им гласности и свободы печати. На страницах аксаковских изданий последовательно отстаивались право на «свободное мнение в России» и необходимость диалога между властью и обществом: «Следуя же только и единственно системе запрещений, нельзя логически не прийти к бессмыслице: к необходимости сооружения Китайской стены между Россией и всем западным миром» [Аксаков, 1882, с. 3]. К сожалению, в ту пору – да только ли в ту? – эти здравые соображения не были услышаны. Д. Бадалян сравнивает авторитет своего героя с тем влиянием, каким в последующем столетии обладали А. Солженицын и А. Сахаров, но с тем преимуществом над ними, что «аксаковское слово слышал и народ» (с. 16). Тут все-таки дает о себе знать «усиление звука» – сошлюсь на самого И. Аксакова: «Мы имеем такую цифру газет и журналов, которая любого статистика могла бы привести к заключению о необыкновенной развитости просвещения в нашей стране и о многочисленности грамотных – но вся эта кипучая литературная деятельность и не проникает в народ, за пределы небольшого круга читающей публики!» [Аксаков, 1862, с. 2].

Еще один редко вспоминавшийся в советскую пору литератор от журналистики стал героем статьи *Сусуму Нонака* «Самопозиционирование консерватизма Василия Розанова». В ней, как и в предыдущей работе, речь ведется о широком диапазоне интересов публициста: враждебный политическому радикализму и подчеркнуто «штучный» в каждой медитации, В. Розанов, как доказывает данный материал, в предреволюционную пору «пытался сыграть роль катализатора идейного единства российского общества» (с. 26) и для этого «использовал консерватизм именно как повод динамизировать такие свои возлюбленные темы, как пол, семья, быт, традиция, литература и т. д.» (с. 38).

На первый план в публикации *Такаси Мацумото* об особенностях повествования в «Котике Летаеве» Андрея Белого вынесена специфика нарратива. Анализируя сопоставление в этом произведении «роя» и «строя» (образная терминология В. Шкловского), исследователь убеждает, что здесь имеет место отход от автобиографичности рассказывания, которое постоянно трансформируется, создавая впечатление «математически выверенной» обезличенности, что было свежим словом повествовательной техники.

Так получилось, что произведения двух нобелевских лауреатов – М. Шолохова и С. Алексиевич – рассматриваются в сборнике сквозь призму гендерно-телесной проблематики. Когда-то эти аспекты были отечественной культурологии и филологии в новость, но за последние годы они стали столь же повседневными, что и, положим, разговоры об особенностях стиля и жанра.

Начальная часть названия статьи *Дзюнны Хирамацу* «Уничтожение тела в ранней советской литературе: женщины, казаки и революционеры в “Тихом Доне”» смотрится слишком «просторной» – и вторая его часть эту «размашистость» содержательно локализует.

Анализируя внутритекстовую динамику романа, исследовательница выявляет, как «женская» сфера и любовные линии совмещаются в нем с историей казачества, точнее, послереволюционного раскасачивания. Вроде бы столько написано об этом произведении, а вот под таким углом зрения значимый для отечественной прозы текст воспринят филологически не банально: «Интимная сфера женщин, кажущаяся изолированной от остального общества, на самом деле прочно связана с политической сферой мужчин, и... вся политика в отношении казачества [в романе] сексуализирована, и все политические вопросы решаются в половом и гендерном плане» (с. 174). Формулировка, пожалуй, излишне категоричная, но сопутствующие ей выкладки представляются весьма убедительными.

Содержание статьи *Сихо Маэда* обозначено тоже внушительным ее названием – «Нарратив и репрезентация женщины на войне. Миф о войне и публицистика С. Алексиевич “У войны не женское лицо”». В дебютной книге будущей нобелиантки «деконструируется советский военный миф», причем, как демонстрирует эта работа, развенчиваемая писательницей мифология была подчинена маскулинной логике, притягательной, как ни парадоксально, для самих женщин, которые «на войне мечтали стать такими же, как мужчины» (с. 192). И хотя эстетические параметры описываемого текста смущают автора статьи («Публицистика Алексиевич не является прозой, но, на мой взгляд, ее можно отнести к художественной литературе» (с. 186)), высказанные в ней соображения выглядят содержательней и резонней тех скептических пассажей, которыми в ряде отечественных изданий комментировался недавний выбор Шведской академии.

«Женское тело в повести Марины Палей “Кабирия с Обводного канала”» – так обозначен предмет размышлений *Сатоко Такаянаги*. Автором учтены едва ли не все строчки, способные подтвердить, что героиня повести живет исключительно реакциями тела, постоянно подвергающегося насилию со стороны мужчин и болезней. Упущена одна лишь малость – название произведения. Меж тем оно, буквально отсылающее к киношедевру Ф. Феллини, через такую параллель позволяет увидеть Раймонду, превратившуюся в Моньку, не только в страдательном свете. Пусть мир враждебен к ее телу, но душевно она, подобно героине Джульетты Мазины (а еще раньше – Сонечке Мармеладовой), не чувствует себя униженной, и то, что способно ужасать нас, не оскорбляет ее, сохраняющую именно женское доверие и любопытство к столь жестокой к ней жизни. Душа здесь не подавлена плотью, и, как бы ни было много в тексте женского тела, оно не тождественно героине. Телесные характеристики при всем их изобилии для ее понимания недостаточны, и поэтому не хочется соглашаться с выводом статьи о том, что в повести «ясно показано, что писательница считает физическую сторону жизни важнее духовной» (с. 202).

Оригинальную трактовку прозы Анатолия Кима, напрямую соотнесенной с натурфилософией Константина Циолковского, предлагает

в своей статье *Ен Ын Пак*. Намеренно уходя от ожидаемого, казалось бы, в данном случае повышенного внимания к «азиатскому происхождению» самого известного в Южной Корее современного российского литератора (у которого, заметим, в Сеуле вышло многотомное собрание сочинений), автор данного труда рассматривает творчество писателя как художественное следствие русского космизма, объединявшего науку, религию и искусство. Схождения между мыслительными опытами Циолковского (равно как и повлиявшими на него позициями Н. Федорова и Е. Блаватской) и философским наполнением таких произведений А. Кима, как «Лотос», «Белка», «Отец-Лес», безусловно, имеют место. Но едва ли связь тут генетическая. Калужский затворник при всем своем философском неофитстве рационален, а мифологическое мировосприятие прозаика, интуитивное по сути, поливалентно и в силу этого открыто многим параллелям и ассоциациям. Не случайно, скажем, герой повести «Поклон одуванчику» по прозвищу Рабиндранат Тагор дорожит томиком Уолта Уитмена. И вообще, художественная мысль принципиально отлична от научной или околонаучной медитации – вспомним Ю. Тынянова: «...то, что в науке имеет самодовлеющую ценность, то оказывается в искусстве резервуаром его энергии» [Тынянов, с. 296]. Подобно героине повести «Лотос», А. Ким обладает даром на каждое мгновение бытия «смотреть ясными глазами новорожденного и одновременно тайными очами смерти». Щедро наделенного воображением прозаика ничуть не заботит «вечность атома», о чем радел Циолковский, – он славит родство всего живого в мире, где уничтожение живущего и растущего необходимо для продолжения эстафеты жизни.

Провозвестник космонавтики упоминается и в статье *Тадаси Накамуры* «Мечта о мире как органическом целом в литературе советского периода: анализ “Красной птицы” Ю. Казакова, “Дневных звезд” О. Берггольц и др.». Здесь тоже вторая часть названия корректирует первую, и тоже, на мой взгляд, преувеличено воздействие философского арсенала на автора «Дневных звезд». Она тут предстает «как будто в колебаниях между Бергсоном и Лосским» (с. 131), меж тем для нее куда более определяющими были колебания между Фадеевым и Ахматовой (чьи имена тоже фигурируют в статье). Педалируя смысловые сближения лирической прозы О. Берггольц с трудами А. Бергсона, подсказанные и созвучием их фамилий, и прямыми признаниями поэтессы, исследователь недооценивает то, что на писателей советского времени влияла прежде философем и идеологем русская литературная классика. Автобиографическую природу «Дневных звезд» обусловили не столько в полемическом запале читанные юной комсомолкой философские штудии, сколько «Былое и думы» А. Герцена, равно как и для Ю. Казакова первостепенно значимыми были творческие заветы И. Тургенева и И. Бунина.

Акцентированной авторской взволнованностью выделяется среди других тяготеющих к сдержанной научной стилистике материалов

статья *Бориса Ланина* о Фридрихе Горенштейне. Художественная аналитика этого не оцененного еще в должной мере мастера, который очевидно наследует Достоевскому и столь же очевидно с ним творчески полемизирует, характеризуется в этой работе через рассмотрение одной из центральных коллизий его творчества – евреи и русские. Обращаясь к персонажному ряду «чужаков», выведенных в романах «Попутчики», «Место», «Псалом», литературовед показывает, как писатель с трудной судьбой, который и сам «прожил всю жизнь чужаком» (с. 139), осмысляет болезненную во многих отношениях проблематику.

В сборник вошло и несколько материалов не на литературные темы. *Хе Хён Нам*, обращаясь к языковой политике СССР, предлагает убедительные подтверждения того, что языковой пуризм служил советизации массового сознания. *Акико Хонда*, анализируя содержание и поэтику фильма А. Медведкина «Новая Москва» (1937), дает развернутое объяснение, почему эта лента, оказавшись в разноречии с эстетикой социалистического реализма, так и не вышла на экраны.

Жаль, что у англоязычных материалов издания нет русской аннотации, как нет аннотаций на английском у русских текстов. Англоязычные «визитки» всех авторов также можно было сопроводить русским дублированием. Но в целом смысловой объем этого свода красноречиво свидетельствует о том, что интерес к культуре России за восточноазиатскими ее границами ничуть не меньший, чем за рубежами западными. Так что будем ждать новых публикаций наших коллег, работающих в Южной Корее и Японии, как, впрочем, и в других весях. Ведь, как подчеркнул, открывая вступительным словом данное издание, один из патриархов отечественного литературоведения профессор Б. Ф. Егоров, «взаимоотношения в нашем научном мире могут служить моделью для конструирования прочных, надежных взаимосвязей в любых социумах» (с. 4).

Список литературы

Аксаков И. В ответ на статью «Гражданина» о печати // Русь. 1882. № 40. 1 окт. С. 3–4.

Аксаков И. Русский прогресс и русская действительность // День. 1862. № 16. 27 янв. С. 1–2.

Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 324 с.

Дальний Восток, близкая Россия : Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии / под ред. В. Гречко, Су Кван Ким, Сусуму Нонака. Белград ; Сеул ; Саитама : Логос, 2015. 272 с.

Лотман Ю. М. Зимние заметки о летних школах // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 295–298.

Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка : статьи. М. : Совет. писатель, 1965. 304 с.

References

Aksakov, I. (1862). *Russky progress i russkaya deystvitel'nost'* [Russian Progress and the Russian Reality]. In *Den', 16, Jan. 27,* pp. 1–2.

Aksakov, I. (1882). *V otvet na stat'yu "Grazhdanina" o pechati* [In Response to *Grazhdanin* Article on the Print Media]. In *Rus', 40, Oct. 1,* pp. 3–4.

Bakhtin, M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 324 p. Moscow, Iskusstvo.

Grechko, V., Soo-Hwan Kim, Susumu Nonaka (Eds.). (2015). *Dal'ny Vostok, blizkaya Rossiya : Evolyutsiya russkoy kul'tury – vzglyad iz Vostochnoy Azii* [Far East, Near Russia – The Evolution of Russian Culture: A View from East Asia]. 272 p. Belgrade, Seoul, Saitama, Logos.

Lotman, Yu. M. (1994). *Zimnie zametki o letnikh shkolakh* [Winter Notes on Summer Schools]. In *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* (pp. 295–298). Moscow, Gnozis.

Tynyanov, Yu. (1965). *Problema stikhotvornogo yazyka : stat'i* [The Problem of Poetic Language: Articles]. 304 p. Moscow, Sovetsky pisatel'.

The article was submitted on 21.09.2016

DOI 10.15826/qr.2016.4.206
УДК 321.7+342.34+328.1+316.423.3

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЕМОКРАТИИ ИЗ РОССИИ?*

Рец. на: *Магун А.* Демократия, или Демон и гегемон. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. – 154 с. : ил. – (Сер. Азбука понятий. Вып. 1.)

Константин Бугров
Михаил Киселев
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

IS THERE A PLACE FOR DEMOCRACY FROM RUSSIA?**

Rev. of: Magun, A. V. (2016). *Demokratija, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. – Saint Petersburg : Europ. Univ. in Saint Petersburg. – 154 p.

Konstantin Bugrov
Mikhail Kiselev
Institute of History and Archaeology, UB RAS,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The authors analyse a book on the concept of *democracy* by A. V. Magun, a specialist in political philosophy. In this book, the author traces the history of democracy as a key concept of the European political tradition, paying special attention to paradoxes in the Western understanding of democracy. Magun stresses the tension between the stability of liberal democracy in the modern era and the revolutionary, 'demonic' potential of democracy. According to the reviewers, the book could serve as a starting point for a deeper study of democracy as an integral concept of Russian political culture. However, such an analysis would require a shift in the focus from the Western canon (Aristotle –

* *Citation*: Bugrov, K., Kiselev, M. (2016). Is there a Place for Democracy from Russia? In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206.

Цитирование: *Bugrov K., Kiselev M.* Is there a Place for Democracy from Russia? // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 4. P. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206 / *Бугров К., Киселев М.* Есть ли место демократии из России? // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-00007.

© Бугров К., Киселев М., 2016

J. Locke – J. Rawls) to the works of Russian authors (from A. N. Radishchev to V. I. Lenin) who contributed to the emergence of intellectual paradigms of democracy in the 19th and 20th centuries. In addition, the reviewers point out the problematic methodology behind the history of concepts.

Keywords: democracy; history of concepts; parliamentary system; revolution.

Рассмотрена работа специалиста в области политической философии А. В. Магуна, посвященная понятию «демократия». Автор книги прослеживает историю демократии как одного из важнейших понятий европейской политической традиции, обращая внимание на ряд парадоксов, характерных для его западного понимания. А. В. Магун отмечает напряжение между стабильностью либерального демократизма Новейшего времени и революционным, «демоническим» потенциалом, исторически присущим демократии. По мнению рецензентов, книга может послужить отправной точкой для более глубокого анализа бытования демократии как важного концепта российской политической культуры, однако для этого следует перенести центр внимания с западного канона (Аристотель – Дж. Локк – Дж. Роулз) на творчество российских авторов (от А. Н. Радищева до В. И. Ленина), внесших вклад в формирование интеллектуальных парадигм демократии в XIX–XX вв. При этом рецензенты поднимают ряд методологических проблем, связанных с созданием исследования в духе истории понятий.

Ключевые слова: демократия; история понятий; парламентаризм; революция.

Авторство рецензируемой книги принадлежит А. В. Магуну, профессору Европейского университета в Санкт-Петербурге и специалисту в области политической философии, известному благодаря книгам «Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта» (2008) и «Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени» (2011). Тем более интересной представляется его новая работа, посвященная истории и теории демократии, которая к тому же открывает книжную серию Европейского университета под названием «Азбука понятий»[1].

Казалось бы, книга напрямую не адресуется к проблемам российской истории. Однако на деле вопросы, которые затрагивает автор, являются для исследователей отечественной истории едва ли не центральными. И дело даже не в том, что его ранние работы были связаны с осмыслением процесса распада советского политического режима и сложным, противоречивым генезисом демократии. Чрезвычайно важны вопросы о том, как функционирует история понятий на российской почве и каким образом российский опыт включается в обсуждение той или иной глобальной темы. Демократия, конечно, относится именно к таким.

[1] См. работы, вышедшие в этой серии: [Миллер; Вымятнина].

Один из ключевых посылов рассматриваемой книги – это авторское (пере)определение *демократии*. При этом, как заявляет А. В. Магун, определения «не могут быть даны “из головы”, априорно, поскольку определяем мы нечто, имеющее имя и поэтому историю, историю и поэтому имя» (с. 19)[2]. Итак, для определения понятия нужна история, и в первых разделах автор ссылается на соответствующие работы Р. Козеллека и Кв. Скиннера. Однако затем А. В. Магун, в сущности, дезавуирует этот метод, заявив: «Мы предложим свое определение и будем постепенно его разворачивать» (с. 21).

По мнению автора, *современная демократия* – это «конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей, в отсутствие наследственных привилегий и иерархий», для которого характерны пять специфических черт (с. 37–38). Но далее он замечает: «Данное определение не выражает моих политических идеалов, но описывает феномен демократии XX–XXI веков с точки зрения ее собственного идеала и истока» (с. 39). Соответственно, автор еще до начала экскурса в историю понятий дает свое определение, которое превращается в отправную точку для ретроспективных разысканий в прошлом.

Переходя к исторической части в главе «История демократии», автор уже сообщает читателю, что «история [современной] демократии… не сводится к *понятию* демократии, так как нынешние “демократические” институты, как и принципы народовластия, долгое время развивались и вне этой терминологии, не осознавали себя как демократические» (с. 54). Есть «демократические» институты, есть принципы народовластия, и их развитие и оказывается историей демократии. Это приводит к тому, что автор фактически смешивает два исследовательских подхода и ведет речь о демократии то как о *понятии*, то как о *институте*. При этом изучение демократии как истории понятия фактически заменяется ретроспективным поиском элементов, которые затем составят данное А. В. Магуном определение *современной демократии*.

Исторический экскурс автор начинает с Древней Греции, с афинской демократии; впрочем, греки парадоксальным образом не оставили никакой цельной теории демократии. Рим, напротив, являл собой образец *смешанной формы правления* (*res publica*), сочетавшей лу*чшее от демократии, аристократии и монархии;* история кризиса Римской республики одновременно закладывает основы для противопоставления *республики* и *демократии* (с. 81). В Средние века представления о народе как источнике власти были разработаны схоластами и служили обоснованию светской власти. Наиболее радикальным сторонником «народовластия» выступал, согласно А. В. Магуну, Марсилий Падуанский (род. ок. 1270), так как именно он утверждал, что «народное собрание, будучи источником власти, должно постоянно

[2] Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

ее формировать, а именно создавать *законы* и избирать руководителя (короля). Это совершенно новое по сравнению с Античностью понимание народовластия. Во-первых, верховная власть понимается как *законодательная*, а во-вторых – как творчески формирующая» (с. 84).

Показательно, что А. В. Магуна не интересует то, как Марсилий Падуанский использовал собственно понятие *демократия*. Марсилий, опираясь на «Политику» Аристотеля (384–322 до н. э.), писал в трактате «Защитник мира» (1324) о существовании двух видов *форм правления* – правильных и неправильных. Правильными он называл «те из них, в которых правитель руководит для всеобщего блага и в согласии с волей подданных; а неправильными – те, в которых отсутствует этот признак». Правильные *формы правления* делились на *королевскую монархию* (regalem monarchiam), *аристократию* (aristocratiam) и *политию* (politiam), а неправильные – на *королевскую тиранию* (tyrannica monarchiam), *олигархию* (oligarchiam) и *демократию* (democratiam). В *политии* «каждый гражданин участвует в управлении и в совете согласно своему рангу, возможностям и положению в обществе для всеобщего блага, в соответствии с волей и согласием остальных жителей». Напротив, *демократию* Марсилий определял как «правление, в котором простонародье и нищенские массы устанавливают правительство, и управляют только они, без согласия и вопреки воле других граждан, не стремясь к равной пропорции при расчете всеобщего блага» [Марсилий, с. 98, 99].

Подобные представления получат широкое распространение в эпоху Возрождения, став общим местом политической мысли. В этой трехчастной классификации аристотелевское понимание демократии как *неправильной формы правления* (свойственное и для Марсилия) будет вытеснено ее восприятием как формы правильной. В громадной степени это будет связано с рецепцией идей другого античного автора – Полибия (ок. 200 – ок. 120 до н. э.), который противопоставил демократии как правильной форме *охлократию* как форму неправильную [Weston, p. 9–12]. Как бы то ни было, к раннему Новому времени демократия закрепляется в политическом языке как понятие, для которого были характерны вполне положительные коннотации *правильной формы правления*. Однако А. В. Магун не рассматривает эти варианты.

После Марсилия Падуанского автор переходит к эпохе Возрождения, представленной монархомахами – Т. Беза (1519–1605) и Ф. Отманом (1524–1590), авторами «новой теории народовластия». А. В. Магун замечает, что в их сочинениях речь шла «не столько о демократии (монархомахи были вообще-то представителями высшего дворянства[3]), сколько о *праве на революцию*, которое будет так

[3] Говоря о роли представителей высшего дворянства в развитии неэлитаристских теорий и участии в соответствующих политических событиях, стоит вспомнить хотя бы Филиппа Эгалитэ (1847–1793), бывшего герцога Орлеанского, и князя П. А. Кропоткина (1842–1921) – автор почему-то предпочитает о них не вспоминать.

важно для Новой истории, а также о программе конституционализма» (с. 86). Кроме того, в разделе об эпохе Возрождения автор пишет про голландских и английских республиканцев, которые развивали в XVI–XVII вв. схожие с монархомахами теории. Уже в разделе «Новое время» А. В. Магун сообщает читателю, что «ответом на республиканские теории в XVI–XVII веках была идеология репрезентативного государства, главным глашатаем которой стал Томас Гоббс». Вкладом Гоббса (1588–1679) была концепция «монопольного государства, управляемого сверху вниз». При этом у него «впервые в Новое время возникает нейтральная характеристика *демократии* и ее определение как *суверенитета народа*. Но только в том смысле, что демократия – один из трех режимов, трех типов суверенной власти» (с. 90), а сама эта власть, по существу, остается деспотической и вертикальной. Наконец, Б. Спиноза (1632–1677) в своей политической философии явит синтез раннего республиканизма и идей Т. Гоббса, интерпретировав демократию как «систему безличных выборов в Совет, исключающую наследственные привилегии» (с. 91).

Историческая проблематичность такой схемы заключается в том, что автор игнорирует вопрос о смешанной форме правления, частным случаем которой была английская конституция, где демократия была представлена нижней палатой парламента. В связи с этим приведем следующий казус. Сотрудник Посольского приказа Московского царства А. А. Виниус (1641–1717) в 1672–1674 гг. посетил ряд европейских стран с дипломатической миссией. В статейном списке он описывал политический строй современных европейских государств. В разделе «О чине правления королевства Аглинского» Виниус сообщал:

> Правление Аглинского королевства… есть отчасти монархиально, отчасти аристократно, отчасти же демократно. Монархиально есть, потому что имеют агличаня короля, которой имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть, потому [что] во время великих принадлежащих каких дел, вчатия войны или учинения миру или поборов каких денежных, и тогда король съзывает парламент. А тот парламент делится в два дома: единаго имянуют вышным, другаго нижным домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лутчия всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест. И хотя что в вышнем доме и приговорят, однако же без позволения нижнего дома совершити то дело невозможно, потому что всякие денежные принадлежат к меньшему дому. И потому вышней дом может нарещися аристократия, а нижней – демократия (цит. по: [Казакова, с. 359–360]).

Виниус зафиксировал расхожие к тому времени представления, которые – не без влияния идей Полибия – стали распространяться в английской политической мысли со второй половины XVI в. [Weston, p. 15–21] и оказали большое влияние на последующую традицию [Де-Лолм; Бейлин; Krause; Wootton]. Важно, что в Новое время понятие

парламент стало использоваться для обозначения представительных органов, в том числе и в современной демократии (по А. В. Магуну).

Переходя к разговору о XVIII в., А. В. Магун утверждает, что в этот период «демократия упоминалась главным образом как отсылка к Античности, что-то глубоко несвоевременное. Как правило, речь о ней велась в двух противоречащих друг другу контекстах: демократия как режим хаоса и анархии у более консервативных авторов и как недостижимый идеал у либералов и республиканцев» (с. 93–95). За краткой формулировкой скрывается несколько проблем: это и демократия как одна из правильных форм правления, рассуждения о которой присутствовали в трудах авторов, которых невозможно отнести ни к консерваторам, ни к либералам[4], это и элементы демократии в смешанных формах правления. Кроме того, как представляется, автор проходит мимо проблемы трансформации другого понятия, непосредственно связанного с демократией – понятия *народ*, хотя А. В. Магун регулярно пишет и о *народовластии*, и о *власти народа*.

Приведем следующий пример. Н. И. Панин (1718–1783), говоря о политическом строе России в «Рассуждении о непременных государственных законах», приходил к выводу: «На демократию же и походить не может земля, где народ пресмыкаяся во мраке глубочайшаго невежества носит безгласно бремя жестокого рабства». В то же время, говоря о *нации*, он замечал, что ее «корпусом своим» должно представлять *дворянство* [Бугров, с. 258–259]. Логика ясна: отправление власти должно принадлежать людям, которые своим сословным положением и образованием подготовлены к этому, а не непросвещенной черни. Но что, если посмотреть на представителей народа в духе Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) как на обладателей естественной добродетели, которая противостоит развращенным нравам современной цивилизации? Здесь уместно вспомнить то, как А. Н. Радищев (1749–1802), чьи руссоистские симпатии хорошо известны, описывал в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) добродетельных крестьян, противопоставив их развращенному высшему сословию. Другой поклонник Ж.-Ж. Руссо М. Робеспьер (1758–1794) в 1792 г. заявит:

> Нация в своей массе добра и достойна свободы. Ее подлинная воля является всегда оракулом справедливости и выражением общих интересов. <…> Народу чужды изнеженность и честолюбие, эти два наиболее обильных источника наших бед и наших пороков. Он ближе к природе и менее извращен, потому именно, что он не получил при деспотических правлениях того ложного воспитания, которое сводится к урокам фальши [Робеспьер, с. 283–284].

Раз так, кому должна принадлежать власть: развращенному *деспоту*, не менее развращенной знати или же этому самому добродетельному *народу* [Мягкова]?

[4] См., например, описание *демократии* у известного немецкого полицеиста И. Юсти (1717–1771): [Юсти, с. 118–130].

Однако А. В. Магун, пройдя мимо интеллектуальных изменений века Просвещения, напрямую обратился к революционным событиям в США и Франции, породившим «беспрецедентную идею “представительной (репрезентативной) демократии”, то есть соединения идеи прямой власти *народа* с идеей выбора *представителей*» (с. 97). Уже с 1830–1840-х гг., по его мнению, «можно отсчитывать *новую* историю демократии… как сугубо нововременного феномена, предполагающего (1) эгалитарную систему нравов и (2) институты смешанного правления в старом английском духе, но с широкой избирательной базой» (с. 98). С этого времени и начинается настоящая история той самой демократии, которой дал определение А. В. Магун. Ее судьбу автор прослеживает до современности, приходя иногда к парадоксальным заключениям. Так, в разделе «Двадцатый век» он утверждает, что «в результате Версальского мира (1921) рушатся старые монархии, и демократии становятся не только общественной, но и политической нормой, синонимом конституционного парламентаризма» (с. 110–111). Все же к моменту подписания Версальского мирного договора с Германией 28 июня 1919 г. монархия Гогенцоллернов уже рухнула в результате Ноябрьской революции 1918 г.; в России это случилось еще в феврале 1917 г. А уж Октябрьская революция 1917 г. и вовсе оказала мощное влияние на понимание демократии в XX в.

Методы истории понятий предполагают, что вопрос о содержании понятия *демократия* касается любого, кто позиционирует себя в качестве *демократа*. А это не только американский президент В. Вильсон (1856–1924) (с. 110), но, например, и В.И. Ленин (1870–1924): ведь большевики считали настоящей *демократией* советскую власть. В связи с этим более чем показательно, что автор не говорит практически ничего о советском опыте обсуждения демократии.

Обратимся к полемике 1918 г. между В. И. Лениным и лидером германской социал-демократии К. Каутским (1854–1938). К. Каутский упрекал большевиков в создании *диктатуры вместо демократии*. Отвечая на упреки, В. И. Ленин вовсе не отказался от опоры на понятие *демократия*. Напротив, он энергично отстаивал большевистский взгляд на его содержание: «”Чистая демократия” есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. <...> История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной» [Ленин, с. 251, 256].

Ленинская риторика указывает на то измерение понятия *демократия*, которое А. В. Магун предпочел оставить вне фокуса исследования и которое оставалось фундаментальным для советской политической культуры – на связь между экономикой и политикой, принципиально важную для марксистско-ленинской манеры рассуждать о политике вообще и о демократии в частности. Говоря о демократии у К. Маркса (1818–1883), А. В. Магун ограничивается кратким экскурсом во взгляды молодого Маркса и ничего не говорит, например, о Парижской коммуне: «Марксизм, уже силами Ленина и Грамши,

придет позднее к развернутому ответу на этот вызов формально-содержательной двойственности демократии. Ему понадобится вооруженная политическая философия; во главе народа должны стоять авторитет, партия, гегемон» (с. 105). Равным образом автор, говоря о «народной демократии» (с. 116), подчеркивает переход СССР от марксистской «диктатуры пролетариата» к концепции народовластия.

Это, безусловно, важно; но разве менее важно то, что реальная демократия марксизма возможна лишь при изменении производственных отношений, экономического базиса? Альфа и омега советской идеологии, этот центральный аргумент защиты советского социализма от критики представлен, например, в знаменитой «Азбуке коммунизма» (1919) Н. И. Бухарина (1888–1938) и Е. А. Преображенского (1886–1937). Позволим себе длинную цитату:

> Буржуазная демократическая республика опирается на всеобщее голосование и на так называемую «всенародную», «общенациональную», «внеклассовую» волю. <…> В современном обществе класс стоит против класса, буржуазия против пролетариата, пролетариат против буржуазии. Они – на ножах. Какая же может быть у них общая воля, буржуазно-рабочая? Ясно, что буржуазно-рабочих желаний и стремлений быть не может, точно так же, как и волчье-овечьих. Может быть либо воля буржуазии, которая эту свою волю навязывает разными способами угнетенному большинству народа, либо воля пролетариата, который навязывает свою волю буржуазии. <…> Сущность этой пролетарской демократии состоит в том, что она основывается на переходе средств производства в руки трудящихся, то есть на обессилении буржуазии; в ней как раз угнетенные прежде массы и их организации становятся органами управления. <…> [В конечном счете] советская власть осуществляет в тысячу раз более высокую, более народную форму демократии, пролетарскую демократию [Бухарин, Преображенский, с. 132, 144].

Бухарин и Преображенский оспаривают смысл понятия, определяя *демократию* при помощи прилагательных *буржуазная* и *пролетарская* (она же – «более народная»). Большевики, таким образом, отказывались вести речь о *форме правления*: в логике форм правления диктатура, безусловно, противостоит демократии, а в логике классовой борьбы – хорошо уживается с ней. Такая манера речи существует и сегодня, будучи зафиксирована, например, в Конституции КНР: «Китайская Народная Республика есть социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян» [Конституция, с. 27].

Итак, разница между демократиями заключалась не в политической, а в социально-экономической организации. Разумеется, история взглядов на демократию в СССР и, в частности, история сосуществования политических языков марксистской *классовой арифметики* и своеобразного «красного республиканизма» заслужи-

вают глубокого изучения: не случайно ведь «классовая», казалось бы, конституция РСФСР 1918 г. открывалась «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (не пролетариата – *народа*). Как бы то ни было, советский (подчеркнем – не столько институциональный, сколько риторический) опыт оказался за бортом повествования, даже несмотря на то, что функционирование слова *демократия* в современных российских общественных науках до сих пор сохраняет мощный советский заряд: достаточно вспомнить такие выражения, как *революционно-демократический* или *писатель-демократ*, которые и сегодня остаются в ходу.

Впрочем, когда читатель доберется до последней главы, где автор обращается «к объяснению нововременной демократии, к причинам ее появления и далее – к ее смыслу и ценности», он может до некоторой степени разочароваться. Если в предыдущей главе автор все же прослеживал историю понятия, пусть и исходя из ретроспективной логики, то в главе «Объяснение» оказывается, что на самом деле описываемые идейные трансформации практически ничего не дали для собственно развития демократии. Ведь ключевыми оказываются 1) социальные предпосылки – «появление и господство класса *буржуазии*», представители которого «прибегли к демократической идеологии» и которых «в какой-то момент поддержали еще более массовые слои крестьян и городской бедноты» (с. 125, 127), и 2) структурные причины – капитализм (с. 128–131). Демократическая идеология превращается, с одной стороны, в инструмент в руках буржуазии и связанной с ней политической элиты, используемый для контроля над массами, осуществляемого именем народа. С другой стороны, эта идеология содержит в себе мощный революционный потенциал, позволяющий массам как *народу* претендовать на власть помимо выборных процедур, выходя на улицу. В итоге в современной либеральной демократии *власть народа* «остается заигрыванием буржуазного гегемона с опасными классами, а “демос”, который никогда физически не присутствует… действует… как прирученный *демон*, мифический герой наводящей ужас анархии» (с. 135). Итак, понятие *демократия* сохраняет мощный преобразовательный потенциал, способный мобилизовать массы. Именно этому посвящен итоговый раздел «Что делать, и что будет?» (с. 136–151).

На наш взгляд, рассматриваемая работа высвечивает важный набор проблем, с которыми сталкивается исследователь при обращении к *истории понятий*. Во-первых, необходимо различать историю понятия и историю института/сущности. Безусловно, понятие *демократия* и социологически/политологически определяемый институт в своих историях будут иметь точки пересечения и взаимовлияния. Однако история демократии как понятия и как института – это две разных истории, изучение которых требует своих подходов. Во-вторых, отдельное понятие не может функционировать в отрыве от других, во взаимодействии с которыми нередко и определяется его

смысл в конкретном коммуникативном контексте. Изучение истории понятия *демократия* требует экскурсов в смежные темы и введения новых и новых понятий: *демократия* и *форма правления*, *демократия* и *народ*, *демократия* и *Провидение*, *демократия* и *конституция*, *демократия* и *гражданство*, *демократия* и *материализм*, *демократия* и *собственность*. Формат словаря – этакой азбуки концептов – сам по себе порождает трудности: он подразумевает генеалогию понятия, которую на практике невозможно разъяснить, не обращаясь к истории других понятий. Это и ясно: словарь по определению должен давать акцентированные определения, а не погружаться в анализ нюансов проблемы до бесконечности.

В-третьих, установление жесткого определения изучаемого понятия может привести к отсечению не подпадающих под него определений, смыслов и значений, предлагаемых историческими акторами.

Наконец, в-четвертых, нужно упомянуть о специфической российской проблеме, которую мы называем автопериферизацией. Помещать на периферию опыт одной из великих держав Нового времени, включая и оставшийся «за бортом» повествования А. В. Магуна анархизм с такими русскими авторами, как М. А. Бакунин (1814–1876), кн. П. А. Кропоткин (1842–1921) или Н. И. Махно (1888–1934), малопродуктивно. И здесь важно не только желание получить историю понятия *демократия* в России, но и необходимость осмыслить демократию как важную часть российской политической традиции, а не только импортного продукта. Возможно, книга А. В. Магуна более удачна как образец оригинального рассуждения о демократии из России, когда высказывания автора становятся частью современной *полемики о понятии*, а не *истории понятий* как академического направления.

В заключение надо сказать и о формате самой книги – для издания, являющегося частью серии, ставящей амбициозные цели и одновременно ориентированной на широкую аудиторию, это важная характеристика. Издание заслуживает всяческих похвал: изящная верстка, продуманная графическая структура, выделение цитат и удобные сноски, а также замечательные иллюстрации В. Б. Богорада. Все это создает образцовое обрамление для острого провоцирующего повествования.

Список литературы

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М. : Новое изд-во, 2010. 308 с.

Бугров К. Д. Монархия и реформы : Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. 272 с.

Бухарин Н., *Преображенский Е.* Азбука коммунизма : Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб. : Гос. изд-во, 1920. 321 с.

Вымятнина Ю. Деньги, или Золотая антилопа. СПб. .: Изд-во Европ. ун-та, 2016. 156 с.

Де-Лолм Г. Конституция Англии, или Состояние Английскаго Правления, сравненнаго с Республиканскою формою и с другими Европейскими Монархиями : в 2 т. М. : Университет. тип., 1806. Т. 1. 266 с.

Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 39. Л. : Наука, 1985. С. 348–364.

Конституция Китайской Народной Республики // Современное законодательство Китайской Народной Республики : сб. нормативных актов. М. : Зерцало-М, 2004. С. 24–55.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Июль 1918 – март 1919. С. 235–338.

Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis. М. : Дашков и К, 2014. 656 с.

Миллер А. Нация, или Могущество мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2016. 146 с.

Мягкова Е. М. Добродетельный труженик и опасный варвар: образ народа в политической культуре Франции конца XVIII века // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 3–18.

Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Наука, 1965. Т. 1. 378 с.

Юсти И. Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякаго рода законов. М. : Императ. Моск. ун-т, 1770. 384 с.

Krause S. The Spirit of Separate Powers in Montesquieu // The Rev. of Politics. 2000. Vol. 62, № 2. P. 231–265.

Weston C. C. English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1965. 306 p.

Wootton D. Introduction // The Essential Federalist and Anti-Federalist Papers. Indianapolis : Hackett Publ. Comp., 2003. P. 9–38.

Reference

Bailyn, B. (2010). *Ideologicheskie istoki Amerikanskoy revolyutsii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. 308 p. Moscow, Novoe izdatel′stvo.

Bugrov, K. D. (2015). *Monarkhiya i reformy : Politicheskie vzglyady N. I. Panina* [Monarchy and Reforms. Political Views of N. I. Panin]. 272 p. Yekaterinburg, Bank kul′turnoy informatsii.

Bukharin, N. & Preobrazhensky, E. (1920). *Azbuka kommunizma : Populyarnoe ob"yasnenie programmy Rossyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of Communism. A Popular Explanation of the Programme of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. 321 p. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel′stvo.

De-Lolme, G. (1806). *Konstitutsiya Anglii, ili Sostoyanie Angliyskago Pravleniya, sravnennago s Respublikanskoyu formoyu i s drugimi Evropeyskimi Monarkhiyami : v 2 t.* [The Constitution of England, or, An Account of the English Government: in which It Is Compared both with the Republican Form of Government, and the Other Monarchies in Europe]. Vol. 1. 266 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Justi, J. H. G. (1770). *Sushchestvennoe izobrazhenie estestva narodnykh obshchestv i vsyakago roda zakonov* [The Systematic Depiction of the Nature of Societies and Laws of Different Kinds]. 384 p. Moscow, Imperatorsky Moskovsky universitet.

Kazakova, N. A. (1985). *A. A. Vinius i stateynyy spisok ego posol'stva v Angliyu, Frantsiyu i Ispaniyu v 1672–1674 gg.* [A. A. Vinius and His Embassy List to England, France and Spain in 1672–1674]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* Vol. 39, pp. 348–364. Leningrad, Nauka.

Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The Constitution of the People's Republic of China]. (2004). In *Sovremennoe zakonodatel'stvo Kitayskoy Narodnoy Respubliki : sbornik normativnykh aktov* (pp. 24–55). Moscow, Zertsalo-M.

Krause, S. (2000). The Spirit of Separate Powers in Montesquieu. In *The Rev. of Politics, Vol. 62, № 2,* pp. 231–265.

Lenin, V. I. (1969). *Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautsky* [Proletarian Revolution and Renegade Kautsky]. In Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochineny : v 55 t. Vol. 37. Iyul′ 1918 – mart 1919 (pp. 235—338). Moscow, Izdatel′stvo politicheskoy literatury.

Magun, A. (2016). *Demokratiya, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. (Ser. Azbuka ponyaty. Iss. 1.) 154 p. Saint Petersburg, Izdatel′stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Marsily Paduansky (2014). *Zashchitnik mira. Defensor pacis* [Defender of the Peace. Defensor Pacis]. 656 p. Moscow, Dashkov i K.

Miller, A. I. (2016). *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of Myth]. (Ser. Azbuka ponyaty. Iss. 2). 146 p. Saint Petersburg, Izdatel′stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Myagkova, E. M. (2016). *Dobrodetel'nyy truzhenik i opasnyy varvar: obraz naroda v politicheskoy kul'ture Frantsii kontsa XVIII veka veka* [A Virtuous Labourer and a Dangerous Barbarian: The Image of People in the Political Culture of France in the Late 18th Century]. In *Novaya i noveyshaya istoriya, 1,* pp. 3–18.

Robespierre, M. (1965). *Izbrannye proizvedeniya : v 3 t.* [Selected Works: 3 Vols.]. Vol. 1. 378 p. Moscow, Nauka.

Vymyatnina, Yu. V. (2016). *Den'gi, ili Zolotaya antilopa* [Money, of the Golden Antelope]. (Ser. Azbuka ponyatiy. Iss. 3). 156 p. Saint Petersburg, Izdatel′stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Weston, C. C. (1965). *English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832.* 306 p. N. Y., Columbia Univ. Press.

Wootton, D. (2003). *Introduction. In The Essential Federalist and Anti-Federalist Papers* (pp. 9–38). Indianapolis, Hackett Publ. Comp.

The article was submitted on 12.10.2016

ОБ АВТОРАХ
ON THE AUTHORS

Ахметшин Руслан Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов.
ahmad-jin@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; доцент кафедры истории России, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
k.d.bugrov@gmail.com

Быков Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор, литературный критик, департамент филологии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
bykov0947@yandex.ru

Вальтер Харри, профессор, старший научный сотрудник, кафедра славянского языкознания Института славистики, Университет им. Эрнста Морица Арндта.
17487, Германия, Грайфсвальд, Domstraße, 9/10.
walter@uni-greifswald.de

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой риторики и стилистики русского языка, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
irina_vepreva@mail.ru

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, PhD (Монаш, Австралия), заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления; профессор, Новосибирский научно-исследовательский государственный университет; главный редактор журнала «Идеи и идеалы».
630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.
olegdonskikh@yandex.ru

Жук Сергей Иванович, доктор исторических наук, партнер-профессор восточноевропейской и русской истории, Государственный университет Болла, Манси, Индиана, США; приглашенный партнер-профессор истории, кафедра истории, институт имени Гарримана, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США.
Манси, Индиана, 47306, США.
sizhuk@bsu.edu

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; Уральский федеральный университет.
620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
vladimirzemtsov@yandex.ru

Киселёв Михаил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; доцент кафедры истории России, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
mihail.a.kiselev@gmail.com

Липкин Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор, Институт всеобщей истории Российской академии наук; профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), Государственный академический университет гуманитарных наук.
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А.
mli@igh.ru

Мустайоки Арто, доктор философии, профессор, декан гуманитарного факультета, Хельсинкский университет.
P. O. Box 24, FI-00014, Хельсинки, Финляндия.
arto.mustajoki@helsinki.fi

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск); ведущий научный сотрудник, проблемная лаборатория компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
boris.norman@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
annamp@yandex.ru

Попова Надежда Юрьевна, младший научный сотрудник, лаборатория «Международный центр демографических исследований» Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
nadia.russia@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, департамент филологии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет; редактор журнала «Quaestio Rossica».
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Созина Елена Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
elenasozina1@rambler.ru

Торвальдсен Гуннар, PhD, профессор, директор Центра исторической документации Института истории и религиоведения, Университет Тромсё (Норвегия); ведущий научный сотрудник, Международный центр демографических исследований, Уральский федеральный университет.
Hansine Hansens veg 18, 9019, Тромсё, Норвегия;
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Туксаитова Райхан Омерзаковна, профессор кафедры казахского и русского языка, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; Уральский федеральный университет.
010011, Казахстан, г. Астана, пр. Победы, 62А.
raichan-59@mail.ru

Уайт Джеймс, PhD, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
james.white@eui.eu

Франчи Фульвио, профессор литературы, ассистент кафедры славянских литератур, Государственный университет Буэнос-Айреса (Аргентина).
Puán 470, Буэнос Айрес (C. P. 1406), Аргентина.
fulviofranchi@hotmail.com

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, ректор; Кемеровский государственный институт культуры.
650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 17.
alexandr_shunkov@mail.ru

Юртаева Ирина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный университет.
650043, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
irinaiourt@mail.ru

Яковлева Татьяна Геннадьевна, соискатель, отдел исторической антропологии и истории повседневности, Институт всеобщей истории Российской академии наук.
119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.
tyakovleva@eu.spb.ru

Ямадзи Асута, PhD, преподаватель университета Тюкё.
101-2 Yagoto Honmachi, Showa-ku, Нагоя, Япония.
yamajiasuta@hotmail.com

Akhmetshin Ruslan, PhD (Philology), Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.
Leninskye Gory, 1st Humanities Building, 119991, Moscow, Russia.
ahmad-jin@mail.ru

Bugrov Konstantin, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), Ural Federal University, Associate Professor, Senior Research, Fellou, Laboratory for Study of Primary Sources, Ural Federal University.
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
k.d.bugrov@gmail.com

Bykov Leonid, Dr. Hab. (Philology), Professor, literary critic, Department of Philology, Institute of the Humanities and Arts, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
bykov0947@yandex.ru

Donskikh Oleg, Professor, Head of the Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management – "NISE". Dr. Hab. (Philosophy), PhD (Monash, Australia). Editor-in-Chief (Journal "Ideas and Ideals").
56 Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russia
olegdonskikh@yandex.ru

Franchi Fulvio, Professor of the Humanities, Teaching Assistant (Slavic Literatures), State University of Buenos Aires (Argentina).
Puán 470, Buenos Aires (C. P. 1406), Argentina.
fulviofranchi@hotmail.com

Glavatskaya Elena, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Archaeology and Ethnology, Institute of the Humanities and Arts, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Kiselev Mikhail, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), Chairman of the Council of Young Scholars, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch); Associate Professor, Senior Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
mihail.a.kiselev@gmail.com

Lipkin Mikhail, Dr. Hab. (History), Professor of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Affairs (MGIMO University); Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN).
32A Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
mli@igh.ru

Mustajoki Arto, PhD, Professor of Russian Language and Literature, Dean of the Faculty of Arts, Department of Modern Languages, University of Helsinki, Finland.
P. O. Box 24, FI-00014, Helsinki, Finland.
arto.mustajoki@helsinki.fi

Norman Boris, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Belarusian State University, Minsk, Belarus; Leading Researcher, Department of the Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
boris.norman@gmail.com

Plotnikova Anna, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of the Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
annamp@yandex.ru

Popova Nadezhda, MA Student, Department of History, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
nadia.russia@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Philology, Institute of the Humanities and Arts, editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Shunkov Alexander, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Rector, Kemerovo State Institute of Culture.
17 Voroshilova Str., 650056, Kemerovo, Russia.
alexandr_shunkov@mail.ru

Sozina Elena, Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of Russian Literature History, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch).
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
elenasozina1@rambler.ru

Thorvaldsen Gunnar, PhD, Professor of History, Manager of Research, Norwegian Historical Data Centre, Institute for History and Religious Study, University of Tromsø (Norway), Leading Research Fellow, International Center for Demographic Studies, Ural Federal University.
18 Hansine Hansens veg, 9019 Tromsø, Norway;
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Tuksaitova Raikhan, Professor, S. Seifulin Kazakh Agro-technical University; Ural Federal University.
62 a Pobeda Ave., 010011, Astana, Kazakhstan.
raichan-59@mail.ru

Vepreva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Stylistics of Russian Linguistics, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
irina_vepreva@mail.ru

Walter Harry, Professor of Slavic Linguistics, Institute of Slavonic Philology, Greifswald Ernst-Moritz-Arndt-Universität University.
Domstraße 9/10, D—17487, Greifswald, Germany.
walter@uni-greifswald.de

White James, PhD, Senior Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
james.white@eui.eu

Yakovleva Tatiana, Postgraduate Student, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Centre of Historical Anthropology and History of Everyday Life.
32 a Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
tyakovleva@eu.spb.ru

Yamaji Asuta, PhD, Lecturer, Chukyo University.
101-2 Yagoto Honmachi, Showa-ku, Nagoya, Japan.
yamajiasuta@hotmail.com

Yurtaeva Irina, PhD (Philology), Associate Professor, Kemerovo State University.
6 Krasnaya Str., 650043, Kemerovo, Russia.
irinaiourt@mail.ru

Zemtsov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural State Pedagogical University; Ural Federal University.
26 Kosmonavty Ave., 620017, Yekaterinburg, Russia.
vladimirzemtsov@yandex.ru

Zhuk Sergei, Associate Professor, East European and Russian History, Ball State University, Muncie, Indiana, USA; Visiting Associate Professor of History, Department of History, Harriman Institute, Columbia University, New York, USA.
Muncie, Indiana 47306, USA.
sizhuk@bsu.edu

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyy istorichesky muzey

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossysky gosudarstvennyy voenno-istorichesky arkhiv

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
TsIAM – Tsentral′nyy istorichesky arkhiv Moskvy

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
AVP RF – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii

ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
GAAOSO – Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti

ГАКК – Государственный архив Красноярского края
GAKK – Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraya

ККМ – Красноярский краеведческий музей
KKM – Krasnoyarsky krayevedchesky muzey

ЛА – Личный архив
LA – Lichnyy arkhiv

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
RGANI – Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит четыре раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

• зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

• зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;

• включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № Е43166.

• Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (http://urfu.ru/science/proceedings/) и на собственном сайте журнала (http://qr.urfu.ru). Журнал индексируется в *Web of Science и Scopus*.

• При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

• Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

• К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства,* а также исследования компаративистского характера.

• Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

• Страницы рукописи ***нумеруются***.

• Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

• К статье прилагаются таблица со сведениями об авторами и таблица со сведениями о статье.

• Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

• Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

• Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

• **Формат бумаги** – А4 (210 х 279 мм), ориентация книжная.

• **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.

• **Поля** – все по 2 см.

• **Размер шрифта** (кегль) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)

• **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).

• **Межбуквенный интервал** – обычный.

• **Абзацный отступ – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).**

• **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).

• Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).

• Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).

• Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).

• **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д., т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995.* В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*

• **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*

• **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61.*

• **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («…» – внешние, “…” – внутренние).

• **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак1.*

• **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.

• **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём.*

• При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

• Не допускаются пробелы между абзацами.

• Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

• Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).

• Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).

• Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирый курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пу**сть встр**еча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

• Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.

• Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

• Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитирова-

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL: http://www.prognosis.ru (дата обращения: 13.03.2015).

• В список литературы могут быть включены только те издания, ссылки на которые приводятся в тексте статьи.

Примеры оформления списка литературы

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ћосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The Social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01 (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / Organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of the place of employment	
Сфера научных интересов / Sphere of academic interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / Address for the mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора /Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 4, 2016, № 4

Редакторы *Е. Березина*
А. Иванова
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Anastasia Ivanova
Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 449.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru